4805/32.
Г-ксф 98
См. о участии в устройстве школ декабриста Ив. Дм. Якушкина. Тюменская обл. Сибирь

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ

ВЪ Г. ЯЛУТОРОВСКѢ

И

ЯЛУТОРОВСКОМЪ ОКРУГѢ, ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

ЧАСТЬ I.

ИСТОРІЯ ЯЛУТОРОВСКИХЪ ШКОЛЪ.

Паки не малая пакость крестьянамъ чинится и оттого, что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ... Я чаю, не худо бы такъ учинить, чтобы не было и въ малой деревнѣ неграмотнаго человѣка, и положить крѣпкое опредѣленіе, чтобы безотложно дѣтей своихъ отдавали учить грамотѣ.

Посошковъ.

Мы удостовѣрены, что всѣ вѣрноподданные примутъ дѣятельное участіе въ сихъ заведеніяхъ, для пользы общей и каждаго учреждаемыхъ, и тѣмъ самымъ будутъ споспѣшествовать Нашимъ попеченіямъ о семъ предметѣ, толико важномъ и толико сердцу Нашему любезномъ.

(Высочайшій Указъ, данный 24 января 1803 года).

34463

Глава I. До-школьное время.

Лѣта 7167, а по нашему счисленію въ 1659 году, тюменскій воевода Ѳедоръ Веригинъ послалъ тюменскихъ пашенныхъ крестьянъ Петрушку Ульянова и Елеску Гилева разыскивать удобныя мѣста для новыхъ поселеній*). Ниже устья Исети нашли они татарскій городокъ Явлутуръ.

Городокъ этотъ вполнѣ удовлетворялъ тогдашнимъ требованіямъ колонизаціи и представлялъ, по описанію воеводы, вотъ какія удобства. Для поселянина тутъ было все необходимое: подъ скотскій выгонъ ниже городка, подлѣ Тобола—лугъ болѣе, чѣмъ

ПР
ПР 1945 г.

*) Основаніе Ялуторовска прекрасно описано воеводой Веригинымъ въ донесеніи царю, которое напечатано въ Дополненіяхъ къ Актамъ Историч. Спб, 1851, т. IV, № 58. Авторъ.

Из Ежегодника Тобольского Губ. Музея Вып. I
Тобольск. 1893 г.

въ двѣ версты; для пашни и покосовъ мѣста—по направленію къ Тюмени болѣе, чѣмъ на тридцать верстъ; для рыбныхъ ловель—большіе озера и истоки; кругомъ пашенныхъ мѣстъ тянулись темные лѣса и мѣста крѣпкія и болотныя, и зыби непроходимыя. Земля для пашни была хорошая, луга для покосовъ и скотскихъ выпусковъ великіе и травные. Какъ было тогдашнему пахарю не позариться на такое мѣсто? И дѣйствительно, охотниковъ поселиться здѣсь нашлось много: пашенные и оброчные крестьяне и служилые и бѣломѣстные казаки.

Кромѣ этихъ удобствъ для жителей, Веригинъ обратилъ еще вниманіе и на то, что черезъ эти мѣста пролегаютъ дороги изъ Уфы и Казани въ Тобольскъ, что по этимъ дорогамъ ѣздятъ всякіе русскіе люди и татары въ сибирскіе города для торговли всякими товарами, а также и изъ Тобольска съ товарами и промысломъ съ озеръ и хмѣлевыхъ угодій.

Еще большія выгоды представлялъ Явлутуръ въ стратегическомъ отношеніи: съ двухъ сторонъ облегла рѣка Тоболъ, съ третьей лежитъ большое озеро Чать, отъ озера съ четвертой стороны идутъ два рва, глубиною въ три сажени, между рвами земляной валъ до рѣки Тобола; слѣдовательно и въѣздовъ въ городъ имѣлось два: одинъ—черезъ рвы и валъ, а другой, взвозъ отъ Тобола, шелъ черезъ ровъ же.

Итакъ, Явлутуръ являлся завиднымъ мѣстомъ для поселенія: было чѣмъ кормиться піонеру, легко было сбывать произведенія природы и, наконецъ—что было очень и очень нелишне въ тогдашнее неспокойное время—его зарождающееся матеріальное благосостояніе и гражданскій бытъ въ значительной степени ограждены были отъ нападенія неспокойныхъ степняковъ-сосѣдей.

Все устроилось. Царь разрѣшилъ селиться, и казаки служилые и бѣломѣстные и крестьяне пашенные и оброчные, въ томъ числѣ, вѣроятно, и ялуторовскіе колумбы, Елеска Гилевъ*) и Петрушка Ульяновъ, прибыли въ татарскій городокъ Явлутуръ и поселились тутъ, основавъ ялуторовскую слободу.

Ялуторовская слобода не была однакожъ первымъ русскимъ поселеніемъ въ Исетско-Тобольской низменности, занимаемой тогдашнимъ Ялуторовскимъ округомъ. Еще въ 1645 году въ живописной мѣстности на Исети благочестивымъ старцемъ Рафаиломъ былъ основанъ монастырь, названный именемъ основателя, а черезъ пять лѣтъ былъ основанъ Исетскій острогъ, съ которымъ монастырь, въ случаѣ осады, могъ переговариваться знаками, выставляемыми на колокольняхъ. Въ 1668 г. основаны были слободы: Суерская, Терсюкская и Бешкильская (на случай нападенія—съ надолбами и рогатинами), позднѣе—Красногорскій острогъ (1671 г.) и слобода Ингалинская (1676 г.). Военное устройство, приданное мирнымъ крестьянскимъ поселеніямъ, ясно свидѣтельствуетъ, что селиться здѣсь было не совсѣмъ безопасно. Несмотря на это, русскіе выходцы осѣдали здѣсь. „Надобно взглянуть“—говоритъ историкъ Сибири*),—„на пространство, между Турой и Исетью заключающееся, на эту живую трапецію съ плодородною почвою, съ текучими водами, съ красивыми берегами, съ веселыми мѣстоположеніями, которыя смѣняются увалами или наклоненными равнинами; надобно видѣть, чтобы понять, сколь много было побужденій для водвореній (здѣсь русскихъ), которые сперва, какъ говорится, кликъ кликали, а послѣ доброю волею съ запада сбѣгались и приселялись тихомолкомъ. Это пространство, само собой послѣ насаждавшееся людьми, было разсадникомъ для распространенія русской населенности за Енисеемъ“. Но на развалинахъ татарской культуры, даже при самыхъ благопріятствующихъ условіяхъ, эти два элемента, казаки и крестьяне, представляли ли хотя какой-нибудь залогъ умственнаго развитія и гражданскаго преуспѣянія? Казачество, вольное, какъ птица, нравственно разнузданное, не связанное никакими традиціями, обладающее всѣми пороками завоевателя, можно смѣло сказать, не имѣло никакого развивающаго значенія въ зарождающемся ялуторовскомъ обществѣ. Въ немъ было много удали и предпріимчивости (руководимой, впрочемъ, жадностью къ матеріальной наживѣ), которыя сослужили великую службу, какъ новой странѣ, такъ и старой ихъ родинѣ. Своими смѣлыми путешествіями внутрь еще неизвѣданной страны, своими важными открытіями и постепеннымъ завоеваніемъ Сибири записало удалое казачество свое имя на страницы исторіи, но для умственнаго и нравственнаго просвѣщенія завоеванной страны оно ничего не могло дать, ибо, кромѣ безшабашной удали и молодечества, и само ничего не имѣло.

Крестьянство же, слагаясь изъ бѣглецовъ отъ тягостей русской крѣпостной неволи, а впослѣдствіи и рекрутскихъ наборовъ, изъ сосланныхъ за разныя преступленія, а также изъ пересылаемыхъ правительствомъ для заселенія вновь покоренной страны,—всѣхъ, одинаково забитыхъ нуждой и трудомъ,—также не имѣло задатковъ для умственнаго просвѣщенія, ибо сѣмена грамотности,

*) Верстахъ въ пяти-шести находится цѣлая деревня Гилева, фамилію же Ульяновыхъ мы встрѣчаемъ и теперь среди коренныхъ ялуторовцевъ.

Авторъ.

*) П. А. Словцовъ. Историческое обозрѣніе Сибири. Изд. 1886 г. Книга I-я, стр. 23.

щедрой рукой бросаемыя Владиміромъ, Святославомъ (? ред.) и другими князьями древней Руси, были уже заглушены и съ корнемъ вырваны на Руси татарскимъ нашествіемъ. Съ 1685 г. ряды сибирскаго крестьянства сильно пополнились старообрядцами, осужденными православными іерархами въ лицѣ попа Никиты Пустосвята. Большими толпами двинулись они за Уралъ въ надеждѣ подъ сѣнью дремучихъ сибирскихъ лѣсовъ укрыться отъ преслѣдованія властей и найти здѣсь всѣ условія для мирнаго преуспѣянія; впрочемъ, поселились они и въ городахъ, особенно въ Тюмени и Томскѣ, разселились также и по Ялуторовскому округу. Этотъ новый элементъ, полный энергіи, стойкій въ своихъ убѣжденіяхъ, представлялъ наиболѣе данныхъ для умственнаго развитія: у нихъ уже образовалась своя богословская литература, и старообрядческая книга въ тысячахъ экземпляровъ путешествовала, читалась и переписывалась, начиная отъ Рогожскаго кладбища и кончая захудалой сибирской деревней. Къ сожалѣнію, узость ихъ умственныхъ и религіозныхъ воззрѣній, граничащихъ съ самыми грубыми предразсудками и буквоѣдствомъ, а также ихъ замкнутость и нетерпимость явились тормозомъ на этомъ пути, хотя грамотность между ними была значительно распространена.

Единственное сословіе въ тогдашней Сибири, для котораго грамотность была доступна и необходима, было духовенство, но когда оно появилось въ Ялуторовскѣ? Нравственная распущенность нашихъ предковъ, о которой единогласно свидѣтельствуютъ всѣ историки и путешественники, мирно уживалась съ наружнымъ благочестіемъ, и основаніе церквей и часовенъ являлось первою обязанностью сибиряка-христіанина въ сей земной жизни: гдѣ устраивалось зимовье для сбора ясака, тамъ ставился крестъ, а со временемъ и часовня; въ слободѣ обязательно была часовня, а въ поселеніи крѣпостномъ—церковь, въ городахъ же, кромѣ церквей, устраивался часто еще и монастырь. Слобода Ялуторовская вскорѣ, вслѣдствіе опасности, угрожавшей отъ набѣга сосѣдей-степняковъ, превратилась въ острогъ, вскорѣ же появилась здѣсь и церковь христіанская, а съ нею и священнослужитель съ церковникомъ. Имѣло ли вліяніе на развитіе образованія или даже простой грамотности духовенство на первыхъ порахъ своего появленія, мы не знаемъ. Тогдашнее духовенство наше (не только сибирское, но и россійское), за полнымъ почти отсутствіемъ училищъ, не только не обладало образованіемъ, но зачастую было совершенно безграмотно, и церковная служба въ такихъ случаяхъ совершалась наизусть. Въ актахъ даже XVIII вѣка часто вмѣсто подписи священника писалось многозначительное: „онъ, попъ, грамотѣ не умѣетъ“, болѣе же стыдливые просили писать грамотныхъ церковниковъ и приказныхъ: „онъ, попъ, очами скорбенъ“. Но какъ бы ни было малообразованно сибирское духовенство, оно все-таки вносило лучъ свѣта въ темную трудовую жизнь сибирскаго крестьянина. Свѣтъ этотъ заключался въ знаніи церковныхъ идей и въ проведеніи ихъ по мѣрѣ возможности въ жизнь христіанскаго населенія, а также въ уничтоженіи грубыхъ предразсудковъ, остатковъ язычества.

Было, правда, и еще сословіе, отъ котораго мы вправѣ бы ожидать грамотности и возможности распространенія ея черезъ посредство этого сословія: это—сословіе служилое, но, во первыхъ, въ Ялуторовской слободѣ представителей этого сословія не могло быть много, во вторыхъ, сословіе это не отличалось въ Сибири ни образованіемъ, ни особенной грамотностью. „Сословіе статское“, —говоритъ Словцовъ въ своемъ Историческомъ обозрѣніи Сибири*),—„составляло свои длинныя бумаги, какъ безъ порядка логическаго, такъ и грамматическаго склада, особенно при начальникахъ изъ иноземцевъ“, а Шашковъ заявляетъ, что между офиціальными сибирскими документами XVIII вѣка попадаются такіе, что никакъ нельзя добраться до смысла. Само собой разумѣется, что сословіе, сидѣвшее надъ бумагами „безъ смысла логическаго“ и „порядка грамматическаго“, не могло явиться органомъ образованности, и Ялуторовской слободѣ, какъ и другимъ сибирскимъ поселеніямъ, суждено было отстать въ отношеніи умственнаго просвѣщенія не только отъ Европы, но и отъ Россіи.

Около пятидесяти лѣтъ протекло съ основанія Ялуторовской слободы, какъ прибылъ управлять сибирской митрополіей святитель Филофей Лещинскій, ревнитель духовнаго просвѣщенія. При немъ, въ 1703 или 1704 году, возникло при архіерейскомъ домѣ новое для сибирскаго населенія учрежденіе—школа, встрѣченная, впрочемъ, со стороны духовенства съ полнымъ равнодушіемъ, такъ что митрополиту пришлось набирать въ нее учениковъ, „поповскихъ, дьяконскихъ и церковническихъ дѣтей“, „съ понужденіемъ“. Очень можетъ быть, что бывшіе впослѣдствіи священно- и церковно-служители въ Ялуторовскомъ острогѣ выходили изъ этой школы. До этого же времени, при полномъ отсутствіи училищъ, грамотность распространялась среди духовенства семейнымъ образомъ: отцы передавали своимъ дѣтямъ, вѣрнѣе сыновьямъ, умѣнье читать и писать посредствомъ церковной азбуки, уставомъ или полу-уставомъ переписываемой и представляющей собой камень преткновенія для многихъ дѣтскихъ головъ, мо-

*) Томъ I-й, стр. 288, Изд. 1886 г.

жетъ быть, и очень неглупыхъ. Какъ только осиливалась эта первая и самая трудная для дѣтскаго мозга работа, приступали къ чтенію псалтири и другихъ церковныхъ книгъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и къ пѣнію, а нѣкоторые и иконописи. Такимъ же путемъ грамотность переходила, можетъ быть, и въ другія сословія, но въ самыхъ жалкихъ размѣрахъ.

Заботы Петра и его сподвижниковъ не ограничивались введеніемъ духовныхъ школъ. Для обновленной Россіи требовалась теперь масса спеціалистовъ. Съ этою цѣлью Петръ въ 1714 и 1716 годахъ издаетъ строжайшіе указы о необходимости обученія дѣтей подъяческихъ и секретарскихъ ариѳметикѣ и геометріи, въ противномъ случаѣ не позволяетъ имъ жениться и, наконецъ, разсылаетъ по два учителя на губернію изъ математической школы графа Апраксина; но, во первыхъ, новость дѣла, малочисленность учениковъ, а также отсутствіе губернатора и хлопотливое для сибиряковъ гагаринское слѣдствіе и, наконецъ, двойственность обязанностей учителей (кромѣ учительства они должны были составлять ландкарту губерніи),—все это привело къ тому, что посланные учителя не имѣли никакого вліянія на развитіе учебнаго дѣла въ Тобольской губерніи. Геодезическое образованіе вводится лишь между 1758 и 1763 годами: въ это время въ Тобольскѣ открывается геодезическая школа, въ которой преподается ариѳметика, черченіе, геометрія, геодезія и архитектура. Въ царствованіе Петра много полезнаго сдѣлали и плѣнные шведскіе офицеры: они явились здѣсь первыми піонерами европейскаго образованія, обучая дѣтей тоболяковъ живописи, музыкѣ, черченію, танцамъ и нѣмецкому языку, а одинъ изъ нихъ, фонъ-Врехъ, въ 1714 году основалъ въ Тобольскѣ школу религіознаго характера, въ которой, по свидѣтельству г. Астафьева*), въ послѣдній годъ ея существованія (1720 г.) обучалось 139 человѣкъ, въ числѣ которыхъ было много и русскихъ и даже изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ, но были ли ялуторовцы въ числѣ учениковъ какъ этой, такъ и геодезической школы, намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно; во всякомъ случаѣ вліяніе этихъ школъ отрицать нельзя.

*) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1888 г. Октябрь. Стр. 266. Свѣдѣнія объ этой школѣ встрѣчаемъ мы и въ трудѣ Пекарскаго „Наука и жизнь при Петрѣ Великомъ“ (Т. II, стр. 12, 15, 30).

Глава JJ. Заказная духовная школа въ Рафаиловскомъ монастырѣ.

Основанная митрополитомъ Филоѳеемъ школа при Тобольскомъ архіерейскомъ домѣ мало-по-малу, несмотря на недостатокъ средствъ, развивалась и при митрополитѣ Антоніи Нарожницкомъ къ 1742 году превратилась въ духовную семинарію, состоящую изъ слѣдующихъ классовъ: фары, инфимы, грамматики, синтагмы, риторики и философіи. Для полнаго семинарскаго курса не хватало только изученія богословія. Введеніе этого предмета въ курсъ семинарскихъ наукъ выпало на долю митрополита Павла Конюскевича, впослѣдствіи неудачнаго защитника вотчинныхъ церковныхъ и монастырскихъ правъ. Онъ благословилъ ученаго архимандрита Михаила преподавать богословіе и назначилъ его ректоромъ семинаріи. Это былъ первый тобольскій ректоръ. Впослѣдствіи митрополитъ для преподаванія въ семинаріи выписалъ изъ Малороссіи еще двухъ ученыхъ іеромонаховъ.

Одной семинаріи на такую громадную по пространству епархію, какъ сибирская, разумѣется, было мало,—и вотъ, питомецъ кіевской академіи и учитель, митрополитъ задался цѣлію облегчить духовенству путь къ образованію. Прибывъ въ Тобольскъ въ ноябрѣ 1758 года, онъ уже въ слѣдующемъ году основываетъ въ отдаленныхъ заказахъ духовныя латинскія школы, а года черезъ два распространяетъ свое распоряженіе и на другіе заказы епархіи. Для духовенства ялуторовскаго и рафаиловскаго заказовъ основана была въ апрѣлѣ 1761 года латинская школа при Рафаиловскомъ монастырѣ, верстахъ въ 80 отъ Ялуторовска,—первая школа въ Ялуторовскомъ округѣ. Можно, впрочемъ, думать, что до учрежденія этой школы въ монастырѣ Рафаиловскомъ, какъ и во всѣхъ другихъ, жило много послушниковъ, которые здѣсь, приготовляясь къ церковнымъ должностямъ, обучались чтенію церковныхъ книгъ, нотному пѣнію и иконописи, хотя и безъ всякаго оттѣнка школьнаго характера жизни. Протоіерей Сулоцкій за достовѣрное выдаетъ, что въ Тобольскомъ Знаменскомъ и Рафаиловскомъ монастыряхъ иконописи обучались еще въ XVII столѣтіи, можетъ быть, отъ тѣхъ живописцевъ или ихъ потомковъ, которыхъ прислалъ въ распоряженіе тобольскаго архіерея еще царь Михаилъ Ѳеодоровичъ изъ Великаго Устюга и Соли Вычегодской. Иконописи учились многіе и —охотно, какъ ремеслу, которое приносило матеріальныя выгоды, но на грамотность ялуторовское духовенство смотрѣло иначе. Митрополитъ и консисторія неоднократно посылали указы въ за-

казныя правленія о побужденіи священно- и церковно-служителей отдавать дѣтей въ ученіе, но указовъ не слушались; приходилось налагать на виновныхъ денежные штрафы, но и это мало дѣйствовало, и духовныя правленія принуждены были прибѣгать къ болѣе серьезнымъ мѣрамъ: такъ, по приказанію рафаиловскаго духовнаго правленія за упорное непредставленіе дѣтей и родственниковъ въ школу были закованы въ цѣпи попъ Бѣлозерской слободы Митрофанъ Набережныхъ и дьяконъ Утяцкой слободы Петръ Буровъ—на сутки, а пономарь Савва Хнюнинъ—на день. Прекрасно охарактеризовалъ ту среду, для которой трудился изо всѣхъ силъ митрополитъ Павелъ, его преемникъ по каѳедрѣ архіепископъ Варлаамъ I въ донесеніи своемъ Святѣйшему Сѵноду о домашнемъ воспитаніи духовенства. Не говоря уже о томъ, что при тогдашнемъ пространствѣ приходовъ и путяхъ и средствахъ сообщенія, особенно на дальнемъ сѣверѣ и среди инородцевъ, пастырскія обязанности священниковъ отнимали очень много времени и почти всякую возможность заниматься обученіемъ дѣтей, онъ представляетъ и другія причины этого по истинѣ печальнаго явленія. Церкви были бѣдны книгами. „Тѣхъ книгъ“,—пишетъ онъ,—„и въ самомъ Тобольскѣ въ привозѣ мало бываетъ и доставать ихъ неминуемо потребно отъ московской типографской конторы“. Недостатокъ, почти полное отсутствіе, сносныхъ частныхъ учителей, нерасположеніе къ ученію и низкій образовательный уровень духовенства онъ выставляетъ важнѣйшими тормозами въ просвѣтительной работѣ тобольскихъ архипастырей. Достаточно сказать, что даже въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія изъ 188 священно- и церковно-служителей ялуторовскаго заказа только 41 умѣли хорошо читать, писать и пѣть по нотамъ, 121 умѣли только хорошо читать и изъ всѣхъ 188 человѣкъ только 3 знали первую часть ариѳметики! Что могли дать такіе отцы своимъ дѣтямъ? Учитель Рафаиловской школы справедливо жаловался на плохую домашнюю подготовку своихъ питомцевъ. Онъ писалъ, что „священно- и церковно-служители, немалое время въ домахъ своихъ обучая дѣтей, ничего не научили, кромѣ какъ только выростили и испортили, и въ поправленіи домашняго ихъ на память (безъ знанія словъ и рѣченій) неправильнаго затверживанія излишнее сдѣлали здѣсь затрудненіе... Дѣти переучиваемы были съ великимъ трудомъ“.

Въ декабрѣ 1760 г. учителемъ Рафаиловской школы былъ назначенъ дьяконъ Исетскяго острога Ал. Жемчужниковъ, съ производствомъ во священника, но онъ ѣхать въ Рафаилово отказался, такъ какъ въ Исетскомъ острогѣ имѣлъ свой домъ. Благодаря его отказу, открытіе школы затянулось до апрѣля 1761 г.,

когда учителемъ былъ назначенъ дьячекъ Леушинской волости Ив. Перевитскій, который въ то время былъ въ Тобольскѣ „на усмотрѣніи“ консисторіи. Архимандриту Нектарію предписывалось слѣдить за его поведеніемъ, доносить о немъ каждую треть и предоставлено было право дѣлать ему увѣщанія, впрочемъ, „съ пристойнымъ воздержаніемъ“: вѣрно, не очень-то хорошаго поведенія былъ этотъ почтенный педагогъ, первый начинатель великаго дѣла воспитанія юношества въ Рафаиловѣ. Школу помѣстили въ одной изъ монастырскихъ келій. Жалованья учителю было положено 10 р. въ годъ и готовое, вмѣстѣ съ учениками, содержаніе на счетъ священно- и церковно-служителей заказа, исключая одежды. Кромѣ этого, онъ получалъ доходы по должности причетника. Въ школу принимались дѣти духовенства ялуторовскаго и рафаиловскаго заказовъ, да кромѣ того прислано было, вѣроятно, за скудоуміе и великовозрастіе, 7 семинаристовъ изъ низшихъ классовъ. Школа эта, какъ и всѣ латинскія заказныя, состояла изъ 4-хъ классовъ: фары, инфимы, грамматики и синтаксимы. Преподаваніе было, повидимому, концентрическое: въ фарѣ учили читать и писать по-латини, въ инфимѣ преподавались главныя правила латинской грамматики, въ грамматикѣ—всѣ этимологическія правила и главныя синтаксиса, въ синтаксимѣ проходился синтаксисъ. Обучались въ фарѣ по „элементарю“, а въ остальныхъ классахъ по „великому альвару“, латинской грамматикѣ Эммануила Альвара, чрезвычайно трудной для пониманія. Дѣти должны были поступать подготовленными дома въ чтеніи и письмѣ по-русски, неумѣющихъ доучивали въ школѣ. Съ 1763 года митрополитомъ Павломъ введено было обученіе школьниковъ нотному пѣнію. Для насъ кажется непонятнымъ, какимъ образомъ Перевитскій, котораго нельзя было безъ „усмотрѣнія“ оставить, могъ достичь какихъ-либо успѣховъ въ школѣ, раздробленной на 4, а считая подготовлявшихся по русской грамотѣ въ школу, и на 5 классовъ, школѣ, состоящей изъ необузданныхъ, недисциплинированныхъ школьниковъ и буяновъ-семинаристовъ, испытавшихъ всѣ прелести тогдашняго семинарскаго быта! А успѣховъ онъ добился: въ 1767 году изъ его школы въ семинарію поступило 7 мальчиковъ, и рафаиловская школа послѣ далматовской (поступило 20 мальч.) и барнаульской (11 мальч.), наравнѣ съ екатеринбургской заняла третье мѣсто.

Но не прошло еще и десяти лѣтъ, какъ митрополитъ замѣтилъ на зданіи просвѣщенія, имъ воздвигаемомъ, весьма и весьма крупныя прорѣхи*).

*) Оказалось, что многіе учителя сами не знали латинскаго языка или знали плохо, да и такіе не вездѣ отыскивались—такъ мало было мало-мальски образованныхъ людей среди сибирскаго

Это заставило митрополита въ 1767 году сдѣлать распоряженіе о закрытіи латинскихъ школъ и замѣнѣ ихъ славяно-русскими, въ которыя велѣно было принимать дѣтей духовнаго званія отъ 5 до 10 лѣтъ и обучать ихъ славянской и русской грамотѣ, пѣнію по нотамъ, письму и катихизису, „въ твердость“ (т. е. наизусть) непремѣнно, а обучившихся этимъ предметамъ отсылать для поступленія въ семинарію. За ходомъ преподаванія и за своевременностью отдачи дѣтей въ школы поручено было слѣдить заказчикамъ. Это благодѣтельное распоряженіе, сбросившее заказныя шко́лы съ схоластической альварной высоты на почву дѣйствительныхъ потребностей, не вездѣ однако-жъ было примѣнено, и рафайловскій учитель Ив. Перевитскій еще въ теченіе двухъ лѣтъ, до 16 мая 1769 года, продолжалъ упитывать своихъ питомцевъ сѣменами Альваровой мудрости, пока вновь прибывшій архіепископъ Варлаамъ не приказалъ закрыть эти школы, а учителей, не имѣвшихъ церковныхъ мѣстъ, съ учениками и латинскими книгами представить ему на усмотрѣніе. Sic transit gloria mundi!

Архіепископъ Варлаамъ закрылъ школы въ полной увѣренности, что духовенство, какъ передовое сословіе въ тогдашней Сибири, само будетъ заботиться о первоначальномъ обученіи своихъ дѣтей. Ошибка его скоро обнаружилась: дѣти оказывались мало обученными грамотѣ, а иногда и совсѣмъ не умѣли ни читать, ни писать. Въ семинарію поступало мало, священно- и церковно-служительскія мѣста пустовали (въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія вакантныхъ мѣстъ по всей епархіи оказалось 425), и вотъ архіепископъ Варлаамъ прибѣгаетъ вновь къ той мѣрѣ, къ которой приступалъ митрополитъ Павелъ: въ 1779 году онъ приказываетъ открыть школы въ монастыряхъ и заказахъ. Духовенство Ялуторовскаго округа еще въ 1776 году хлопотало объ открытіи такой школы. Въ школахъ этихъ должны были обучать азбукѣ, часослову, псалтири, катихизису, первой части ариѳметики, церковному пѣнію, а съ 1786 года и составленію церковныхъ росписей и извлеченію изъ нихъ краткихъ табелей. Такая школа въ Рафаиловомъ монастырѣ открыта была въ 1779 году.

духовенства. Еще труднѣе было отыскать людей, подходящихъ по нравственнымъ качествамъ. Пьянство было обычнымъ явленіемъ. Тагильскій учитель Никитинъ, напримѣръ, несмотря на часто повторяющіеся выговоры и даже тѣлесное наказаніе, не только самъ безобразничалъ, но и „другихъ на худые, христіанству неприличные поступки вкоренившимся въ немъ безстрашіемъ на соблазнъ всему свѣту поощрялъ и паки фуртыжества частовременныя употреблялъ“. Самаровскій учитель „отъ невоздержанія хмѣльнаго питія въ ученіи учениковъ имѣлъ нераченіе, и ученики, по большей части, находились въ праздности“. Такихъ примѣровъ можно бы привести множество, но зачѣмъ перечислять ихъ? Кромѣ этого, многіе учители-священники не имѣли времени заниматься въ школѣ по своимъ прямымъ обязанностямъ. Недостатокъ учебниковъ и незнаніе латинскаго языка самими заказчиками, обязанными слѣдить за преподаваніемъ, также дурно отзывались на школьномъ дѣлѣ.

Принимались въ эту школу дѣти отъ 7 и болѣе лѣтъ, сюда же присылались и неуспѣвающіе семинаристы. На квартиру, отопленіе, освѣщеніе школы и на покупку письменныхъ принадлежностей для учениковъ собирались деньги со всего заказа. Плата учителю за обученіе азбукѣ полагалась по 30 коп. съ ученика, за обученіе часослову—50 коп., псалтири, письму и первой части ариѳметики—1 руб., нотному пѣнію—2 руб. Первымъ учителемъ этой школы былъ дьяконъ Кальвиновскій, который самъ ѣздилъ по округу собирать дѣтей въ школу.

Учебный день начиная въ 6 ч. утра. Прочитывали всѣ утреннія молитвы, и школьники садились по мѣстамъ; сначала повторяли пройденное, а затѣмъ каждому задавался новый урокъ, который каждый ученикъ тутъ же и училъ. Къ 11 часамъ учитель успѣвалъ спросить всѣхъ учениковъ и до 12 ч. отпускалъ ихъ обѣдать. Послѣ обѣда дѣти вновь являлись въ школу и до 6 часовъ учили заданные „урки“, послѣ чего отпускались ужинать. Послѣ ужина дѣти снова являлись въ школу и занимались до 8 часовъ и затѣмъ только освобождались отъ занятій. По окончаніи недѣли учитель спрашивалъ все пройденное за недѣлю. Современный педагогъ, просматривоя эту таблицу занятій, безъ сомнѣнія, будетъ пораженъ тѣмъ количествомъ труда, какимъ обременены были дѣти и учитель; но если мы примемъ во вниманіе, что, при отсутствіи педагогическихъ методовъ, выработанныхъ путемъ опыта и изученія физической и психической природы человѣка, учитель выбиралъ самый простѣйшій, „отсюда-досюда“, то трудъ учителя упадаетъ до простого спрашиванія учениковъ, а трудъ учащихся—до степени простой долбяжки, которая, хотя и утомительнѣе была благотворной работы мозга, но скорѣе притупляла, чѣмъ развивала умъ учащихся. Гуманность въ прежнемъ воспитаніи тоже не играла особенно выдающейся роли: оскорбительныя прозвища и ругачки, щелчки и щипки, благодѣтельная линейка и пр. считались необходимыми аттрибутами школьной обстановки, и надъ ними возвышалось самое благодѣтельное средство, которое до сихъ поръ еще остается въ памяти стариковъ подъ гастрономическимъ именемъ „березовой каши“. Неизвѣстно, злоупотреблялъ ли дьяконъ Кальвиновскій этимъ всемогущимъ воспитательнымъ средствомъ, но преемникъ его Дм. Капустинъ, повидимому, на розгѣ построилъ всю свою педагогическую систему. Этотъ почтенный педагогъ довелъ одного изъ учениковъ своихъ Як. Жельницкаго, двадцатилѣтняго юношу, до того, что тотъ утопился: онъ сѣкъ Желницкаго въ теченіе 3-хъ дней по 8 разъ въ день. Обвиненный въ кражѣ 6 р. 80 к. Желницкій, подъ вліяніемъ порки, сознался въ своемъ пре-

ступленіи и въ одномъ бѣльѣ, въ сопровожденіи двухъ товарищей-караульныхъ, отправился отыскивать будто бы спрятанныя въ снѣжномъ сугробѣ деньги, но дорогой бѣжалъ: 4 версты гнались за нимъ его преслѣдователи, пока Желницкій, добѣжавъ до рѣки, не бросился въ прорубь. Бѣгство учениковъ изъ школы было, кажется, явленіемъ обыкновеннымъ; одинъ изъ учениковъ убѣжалъ даже къ архіерею и здѣсь жаловался на учителя. Въ 1790 году, наконецъ, Капустина убрали, назначивъ на его мѣсто дьякона Як. Шмотина, а въ помощь ему іеромонаха Іоасафа и дьячка Ив. Кузнецова.

Кромѣ этой школы, съ разрѣшенія архіепископа, съ 1782 года въ виду дальности разстоянія округа отъ Тобольска и трудности доставленія дѣтямъ съѣстныхъ припасовъ, существовала еще и другая школа, латинская, съ ея фарой, инфимой etc. элементаремъ и великимъ альваромъ. Учителемъ этой школы состоялъ казначей монастыря іеромонахъ Троадій. Духовенство за фару платило ему 30 р. въ годъ, за слѣдующіе же классы обѣщало прибавить. Черезъ полгода послѣ открытія школы учениковъ въ ней было уже 25 чел. Ученики обѣихъ школъ жили отчасти въ самомъ монастырѣ, а больше—въ селѣ по квартирамъ. Квартировали и по одному, и группами отъ двухъ до семнадцати человѣкъ, съ платою въ мѣсяцъ отъ 55 до 70 коп.; но не всѣ жили со столомъ: отцы нѣкоторыхъ сами доставляли своимъ дѣтямъ съѣстные припасы и, такимъ образомъ, платили только за квартиру, стирку бѣлья и приготовленіе кушаній по 10—15 коп. въ мѣсяцъ.

Школы эти существовали до 1803 года, когда при Тобольской семинаріи и при монастыряхъ стали устраиваться русскія училища, реформированныя по проекту Арсенія, митрополита Новгородскаго. Онѣ состояли изъ 3-хъ классовъ, съ пятигодичнымъ курсомъ. Въ нихъ преподавалось церковное и гражданское чтеніе, пѣніе обиходное, краткая русская грамматика (1-й одногодичный классъ); краткая священная исторія, краткая всеобщая и русская исторія и географія (2-й двухгодичный классъ); краткая логика и риторика, о должностяхъ человѣка и гражданина, пространный катихизисъ, о должностяхъ пресвитеровъ церковныхъ, руководство къ чтенію священнаго писанія и уставъ духовный съ практикой церковной (3-й двухгодичный классъ). Въ Рафаиловскомъ монастырѣ, однако-жъ, такого училища не открыли, и ялуторовское духовенство обязалось посылать дѣтей своихъ въ семинарское училище, лучшее и многолюднѣйшее во всей епархіи.

(Продолженіе будетъ).

См. об участи и устройстве школ в г. Ялуторовске Декабристки и. Ф. Якушкина. (стр. 15 и далее)

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ
ВЪ Г. ЯЛУТОРОВСКѢ
И
ЯЛУТОРОВСКОМЪ ОКРУГѢ, ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

ЧАСТЬ I.
ИСТОРІЯ ЯЛУТОРОВСКИХЪ ШКОЛЪ.

Паки не малая пакость крестьянамъ чинится и оттого, что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ... Я чаю, не худо бы такъ учинить, чтобы не было и въ малой деревнѣ неграмотнаго человѣка, и положить крѣпкое опредѣленіе, чтобы безотложно дѣтей своихъ отдавали учить грамотѣ.

Посошковъ.

Мы удостовѣрены, что всѣ вѣрноподданные примутъ дѣятельное участіе въ сихъ заведеніяхъ, для пользы общей и каждаго учреждаемыхъ, и тѣмъ самымъ будутъ споспѣшествовать Нашимъ попеченіямъ о семъ предметѣ, толико важномъ и толико сердцу Нашему любезномъ.

(Высочайшій Указъ, данный 24 января 1803 года).

(Продолженіе).

Глава ІІІ. Ялуторовское уѣздное двухклассное училище.

Въ 1782 году Ялуторовскій острогъ былъ преобразованъ въ городъ и поставленъ во главѣ управленія округомъ. Къ этому же времени относится и учрежденіе народныхъ училищъ.

Екатерина Великая глубже своихъ предшественниковъ взглянула на дѣло народнаго образованія, отлично понимая, что образованіе необходимо такъ же и простому народу, какъ и высшимъ классамъ и духовенству. Она видѣла также, что недостаточно цифирныхъ, навигацкихъ и геодезическихъ школъ, осно-

(Из Епархиальн. Тобольского Губ. Музея 1894 г. Вып. II.) Тобольск.

ванныхъ Великимъ Преобразователемъ и уже успѣвшихъ пасть за время управленія императрицъ и герцога-регента. Точно также и въ духовныхъ школахъ того времени съ ихъ схоластической мудростью не могла она видѣть залога для преуспѣянія великаго дѣла просвѣщенія націи, потопающей въ невѣжествѣ: обновить духъ народа она находила возможнымъ лишь образованіемъ общимъ, возвышающимъ душу и очищающимъ нравственныя понятія. Справедливо вполнѣ восклицали поэты ея времени:

Петръ Россамъ далъ тѣла,
Екатерина—душу.

Система задуманныхъ ею училищъ была такова. Въ уѣздныхъ городахъ и большихъ селеніяхъ должны были открыться малыя народныя училища, имѣющія два класса. Въ первомъ классѣ преподавалось чтеніе, письмо, изученіе цифръ арабскихъ, славянскихъ и римскихъ, первоначальныя правила русской грамматики, сокращенный катихизисъ и священная исторія; во второмъ классѣ—пространный катихизисъ, но безъ доказательствъ изъ священнаго писанія, чтеніе „Книги о должностяхъ человѣка и гражданина“, вся ариѳметика, первоначальныя правила русской грамматики, и повторялась священная исторія. Въ губернскихъ и большихъ уѣздныхъ городахъ открывались главныя народныя училища. Въ первыхъ двухъ классахъ этихъ училищъ проходилось то же, что и въ малыхъ, только вмѣсто всей ариѳметики проходилась первая ея часть, а взамѣнъ второй части преподавались языки: латинскій и „сосѣдственный“; въ третьемъ классѣ—пространный катихизисъ съ доказательствами, изъясненіе евангелій, вторая часть ариѳметики, русская грамматика, всеобщая исторія и географія и каллиграфія; въ четвертомъ классѣ предметы эти пополнялись основаніемъ геометріи, механики, физики, естественной исторіи, архитектурой и рисованіемъ. При преподаваніи введена была новая метода, которая вносила живость и наглядность и возбуждала самодѣятельность учащихся. О содержаніи этихъ училищъ должны были заботиться приказы общественнаго призрѣнія и сами города, которымъ Екатериною дарованы были значительныя льготы.

Въ 1789 г. послѣдовало въ Тобольскѣ открытіе главнаго, а въ Тюмени, Туринскѣ и Тарѣ—малыхъ училищъ. Средства Ялуторовска въ это время были крайне скудны: съ 1785-го по 1790 годъ въ приходѣ Ялуторовска не значится ни копейки, и только въ 1790-мъ г. поступило 130 р. 91 к., да въ 1792 г.—93 р. 41 к., но эти деньги въ тѣ же годы и расходовались на общественныя нужды. На такія средства не представлялось никакой возможности содержать училище, и Ялуторовскъ безъ него и остался.

Нельзя однакоже сказать, чтобы дѣти ялуторовцевъ оставались безграмотными: частныхъ учителей было много: дьячекъ, отставной солдатъ, выгнанный со службы приказный, а иногда и женщины,—всѣ находили себѣ кусокъ хлѣба въ этомъ занятіи. Мы имѣемъ много архивныхъ данныхъ о существованіи такихъ учителей, и впослѣдствіи съ ними немало пришлось бороться училищному начальству, яро приверженному къ новымъ методамъ, съ которыми частные учителя не были знакомы*). Въ 1804 году въ Ялуторовскъ прибылъ „ссылочный“ малороссійскій шляхтичъ Игнатій Осиповичъ Ольшевскій, уроженецъ Родомысльскаго уѣзда Кіевской губерніи, и занялся обученіемъ дѣтей чтенію, письму, грамматикѣ, ариѳметикѣ и Закону Божію. Дѣло у него шло прекрасно, такъ какъ по образованію своему онъ былъ головою выше своихъ коллегъ-самоучекъ. Учениковъ было много, и онъ былъ любимъ какъ учениками, такъ и ихъ родителями, и получилъ отъ нихъ много одобрительныхъ свидѣтельствъ. Учебное начальство также съ уваженіемъ относилось къ почтенной дѣятельности пришельца-педагога: директоръ училищъ баронъ Эйбенъ, а впослѣдствіи, уже въ Курганѣ, и его преемникъ Набережнинъ—выдали ему лестные аттестаты; имѣлъ онъ также аттестаты и отъ курганскихъ смотрителя и учителей. Кромѣ похвальныхъ аттестатовъ, данныхъ Ольшевскому за дѣятельность въ Ялуторовскѣ барономъ Эйбеномъ и мѣстнымъ обществомъ горожанъ и чиновничествомъ, мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ другихъ данныхъ о занятіяхъ Ольшевскаго, но зато о курганской его дѣятельности мы нашли кое-какія данныя въ курганскомъ училищномъ архивѣ. Когда открылось курганское уѣздное училище (въ 1817 г.), то, благодаря дѣятельности Ольшевскаго, явилась возможность открыть оба класса, и во второй классъ поступили ученики Ольшевскаго, съ довольно хорошимъ успѣхомъ подготовленные по Закону Божію, грамматикѣ, ариѳметикѣ и правописанію(?). Въ первый же годъ существованія уѣзднаго училища смотритель Сосуновъ пожелалъ удостовѣриться въ справедливости мѣстныхъ объ Ольшевскомъ отзывовъ. Онъ отправился въ квартиру Ольшевскаго и нашелъ его занимающимся съ дѣтьми „высокоблагородными, благородными и прочихъ сословій“, въ томъ числѣ и съ двумя своими дочерьми. Сосуновъ замѣтилъ „исправный методъ“ учителя и примѣрные успѣхи учащихся и, пригласивъ городничаго, чиновниковъ, гражданъ и родителей учениковъ, произвелъ испытаніе, и къ общему удовольствію присутствующихъ дѣти оказали „изрядные“ успѣхи. „Труды Ольшевскаго и нашелъ его занимающимся съ дѣтьми „высокоблагородными, благородными и прочихъ сословій“, въ томъ числѣ и съ двумя своими дочерьми. Сосуновъ замѣтилъ „исправный методъ“ учителя и примѣрные успѣхи учащихся и, пригласивъ городничаго, чиновниковъ, гражданъ и родителей учениковъ, произвелъ испытаніе, и къ общему удовольствію присутствующихъ дѣти оказали „изрядные“ успѣхи. „Труды Ольшевскаго и нашелъ его занимающимся съ дѣтьми „высокоблагородными, благородными и прочихъ сословій“, въ томъ числѣ и съ двумя своими дочерьми. Сосуновъ замѣтилъ „исправный методъ“ учителя и примѣрные успѣхи учащихся и, пригласивъ городничаго, чиновниковъ, гражданъ и родителей учениковъ, произвелъ испытаніе, и къ общему удовольствію присутствующихъ дѣти оказали „изрядные“ успѣхи. „Труды Оль-

*) Подробнѣе о нихъ будетъ сказано въ другомъ моемъ сочиненіи. Авт.

весьма значительныя суммы и, наконецъ, много разъ избирался депутатомъ отъ города по разнымъ дѣламъ,—всѣ эти обязанности онъ исполнялъ съ пользой для города и общества. По образованію своему онъ, безъ сомнѣнія, стоялъ выше купцовъ и мѣщанъ того времени. Въ архивѣ тобольской гимназіи мы нашли бумагу, собственноручно писанную Быковымъ: почеркъ, орѳографія, правильность и отчетливая ясность въ изложеніи мыслей свидѣтельствуютъ объ его начитанности и значительномъ образованіи, котораго онъ достигъ, можетъ-быть, собственными тяжелыми усиліями. За свои пожертвованія онъ награжденъ былъ серебряной медалью на Владимірской лентѣ для ношенія на шеѣ, съ надписью: „за полезное.“

21 октября 1817 года, черезъ полтораста лѣтъ послѣ основанія города, происходило торжественное открытіе уѣзднаго училища. Послѣ обѣдни все городское духовенство, въ сопровожденіи учениковъ съ директоромъ и смотрителемъ во главѣ, дворянъ, чиновниковъ и гражданъ, крестнымъ ходомъ отправилось во вновь устроенное мѣщаниномъ Быковымъ училищное зданіе, и здѣсь былъ отслуженъ молебенъ. При провозглашеніи многолѣтія царствовавшему Императору было сдѣлано 11 пушечныхъ выстрѣловъ. Послѣ молебна смотритель прочелъ данное директору училищъ отъ казанскаго университетскаго совѣта предписаніе объ открытіи училищъ, а директоръ—статьи устава, относящіяся къ уѣзднымъ училищамъ. Затѣмъ говорились привѣтственныя и благодарственныя рѣчи самимъ смотрителемъ и учениками. Между рѣчами производилось ученикамъ, которыхъ собралось 26 чел., преподаваніе разныхъ предметовъ. Торжество закончилось пѣніемъ пѣсни: „Тебе, Бога, хвалимъ“, и всѣ были приглашены на завтракъ къ благотворителю училища Быкову. Между присутствующими открыта была подписка въ пользу приходскаго училища, которая и дала 105 р. Нѣкоторые жертвовали книги, географическія карты, портреты Государя Императора, а смотритель Лепехинъ пожертвовалъ электрическую машину. На первый разъ открылся одинъ первый классъ съ 30 учениками. (Когда открылся приходскій классъ, мы не могли найти въ архивѣ гимназіи. Надо думать,—въ этомъ же году, или въ слѣдующемъ, или ужъ въ крайнемъ случаѣ—въ 1819, такъ какъ при посѣщеніи училища Словцовымъ въ 1820 г. онъ уже существовалъ). Вечеромъ весь училищный домъ былъ иллюминованъ, и передъ окнами были выставлены 3 прозрачныхъ щита изъ разноцвѣтныхъ стеколъ съ вензелевыми иниціалами Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Ялуторовское уѣздное училище открыто было по уставу 1804 года. Измѣненія, совершившіяся въ курсѣ екатерининскихъ

училищъ, были весьма значительны. По уставу 1804 года становилось обязательнымъ имѣть въ каждомъ городѣ хотя одно уѣздное училище, предназначавшееся, какъ видно изъ самаго названія, для цѣлаго уѣзда, въ меньшихъ же единицахъ-приходахъ должны были открываться приготовительныя училища: приходскія (по тому же уставу), церковно-приходскія (съ 1805 г.), волостныя (съ 1830 г.) и удѣльнаго вѣдомства (съ 1832 г.). Всѣ эти училища сливались въ одну довольно стройную систему: приходскія училища, давая болѣе или менѣе законченныя знанія, въ то же время служили и первою ступенью для поступленія въ уѣздныя училища, а окончившіе курсъ въ уѣздномъ могли поступать въ гимназію. Уѣздныя училища попрежнему состояли изъ двухъ классовъ, и преподаваніе было классное, но курсъ былъ значительно увеличенъ, введены были новые предметы, какъ-то: географія и исторія всеобщая и русская, начальныя правила геометріи, физики, естественной исторіи и технологіи, имѣющей отношеніе къ мѣстной промышленности. Преподавателей было два, и одинъ изъ нихъ былъ и смотрителемъ училища. Жалованья смотрителю положено было 400 руб., учителямъ по 300 руб. и, кромѣ того, имъ добавочныхъ за преподаваніе Закона Божія и рисованія по 100 р. Первымъ смотрителемъ училища былъ Лепехинъ, окончившій курсъ въ Тобольской семинаріи и бывшій до того учителемъ тюменскаго малаго народнаго училища, а первымъ учителемъ 1-го класса—Васильевъ, семнадцатилѣтній юноша, только что окончившій тобольскую гимназію. Преподавать Законъ Божій поручено было Васильеву, а рисованіе—Лепехину. Учиться рисованію пожелало 15 человѣкъ.

Преподаваніе по описываемой программѣ происходило лишь до 1819 года. Въ этомъ году изъ курса училищъ были исключены начальныя правила естественной исторіи и технологіи, а также и изученіе „Книги о должностяхъ человѣка и гражданина“ замѣнено чтеніемъ св. писанія. Со вступленіемъ въ должность попечителя казанскаго университетскаго округа, къ которому относилась тогда Сибирь, знаменитаго Магницкаго, послѣдовало множество мѣръ, измѣняющихъ характеръ низшаго образованія. Въ 1819 году предписано за полчаса до начала уроковъ, а въ праздники до обѣдни, прочитывать главу изъ св. Евангелія. Съ 1820 года при чтеніи св. писанія обязывались присутствовать дежурные учителя, а также посѣщать обѣдни; нерадивыхъ въ этомъ отношеніи предписано было заносить въ дежурную книгу и доносить о нихъ директору университета, а при составленіи формулярныхъ списковъ обращать особенное вниманіе на религіозность учителей. При чтеніи св. писанія учителя обязывались ограничи-

ваться прочтеніемъ текста, безъ всякаго объясненія прочитаннаго, а съ 1826 года учителя, при прохожденіи исторіи, обязывались дѣянія и характеры лицъ историческихъ сравнивать съ примѣрами изъ библіи, миней и твореній св. отцевъ. Въ 1823 году предписано передъ началомъ и концомъ ученія служить молебны въ храмахъ съ водоосвященіемъ. Въ 1820 году велѣно дарить ученикамъ въ хорошемъ переплетѣ экземпляръ св. Евангелія и „О подражаніи Христу.“ Въ дѣлѣ преподаванія другихъ предметовъ произошли слѣдующія перемѣны: въ 1821 году предписано усилить преподаваніе математики и физики, а въ 1827 году—обращать особенное вниманіе на преподаваніе славянскаго языка (и въ Ялуторовскомъ уѣздномъ училищѣ въ 1-мъ классѣ введено было преподаваніе славянскаго языка, а во 2-мъ—чтеніе и письмо на латинскомъ языкѣ, всеобщая исторія[?] и геометрія[?]). Старые учебники были замѣнены новыми: вмѣсто катихизиса Платона введенъ катихизисъ Филарета и начатки христіанскаго ученія, введена грамматика Востокова (въ 1831 г.), ариѳметика и геометрія Буссе и курсъ линейнаго рисованія Франкера, исторія же преподавалась, вѣроятно, по Кайданову, а географія—по Арсеньеву.

Для сужденія о результатахъ ученія за этотъ періодъ мы не имѣемъ другихъ данныхъ, кромѣ отзывовъ ревизоровъ и оцѣнки ученическихъ познаній на публичныхъ испытаніяхъ, производившихся всѣмъ ялуторовскимъ обществомъ. Первыя пять лѣтъ дѣло обученія шло, повидимому, довольно плохо. Учитель 1-го класса Васильевъ, какъ уже выше было сказано, семнадцатилѣтній юноша, только что сошедшій съ гимназической скамьи, не могъ, по своей молодости, имѣть воспитательнаго авторитета среди учениковъ, изъ которыхъ нѣкоторые были, можетъ-быть, и старше его. Кромѣ этого препятствія, было и другое: въ первый годъ существованія училища ему пришлось обучать нѣкоторыхъ учениковъ первоначальной грамотѣ (съ хорошей подготовкой тогда могли поступить немногіе), и такимъ образомъ проходилось два курса: приготовительный и 1-го класса. Немало способствовало плохой постановкѣ дѣла и слабое здоровье учителя,—Васильевъ 6 сентября 1821 года умеръ. Подъ руководствомъ его плохо шло также и преподаваніе Закона Божія. Ученики, плохо подготовленные за 1-й классъ, не могли, разумѣется, успѣвать и во второмъ, хотя бы и при столь опытномъ учителѣ, какимъ былъ Лепехинъ. Директоръ гимназіи Протопоповъ, посѣтившій училище въ 1820 году, нашелъ успѣхи учениковъ 1-го класса, а также и все училище, въ Законѣ Божіемъ слабыми, а успѣхи учениковъ 2-го класса—посредственными. П. А. Словцовъ, визитаторъ сибирскихъ училищъ, извѣстный сибирскій

историкъ, болѣе подробно говоритъ о состояніи училищъ: ученики приходскаго класса, по его свидѣтельству, не выговариваютъ должнымъ образомъ буквъ, ученики 1-го класса дурно читаютъ и не могутъ выговаривать большихъ чиселъ, во 2-мъ же классѣ совсѣмъ не проходятъ грамматику. Въ слѣдующіе годы замѣтно повышеніе успѣшности, и отзывы публики на экзаменахъ: „успѣхи довольно удовлетворительны“ смѣняются болѣе теплыми, въ родѣ слѣдующаго: „успѣхи учениковъ вызвали горячее одобреніе публики.“ Словцовъ въ 1822 году снова ревизовалъ училище и нашелъ во 2-мъ классѣ успѣхи въ русской грамматикѣ, ариѳметикѣ, математической и всеобщей географіи—полные; въ русской исторіи и географіи, а также и физикѣ—совершенные; рисунки и прописи не у всѣхъ хорошіе, но зато въ 1-мъ классѣ (а въ Законѣ Божіемъ и во 2-мъ кл.),—попрежнему малые. Причиною этого, какъ намъ кажется, могла служить и постоянная смѣна учителей 1-го класса: по смерти Васильева свящ. Емельяновъ пробылъ учителемъ лишь годъ, послѣ него Тихоновъ прослужилъ тоже годъ, далѣе Дьяконовъ, старшій ученикъ 2-го класса того же училища,—2 года, и лишь Тюменцовъ и Лукинъ служили болѣе продолжительное время. Отдѣльные законоучители стали назначаться съ 1820 года и также служили по 2—3 года. Къ концу своего двадцатилѣтняго почти существованія училище стало, повидимому, на болѣе прочную почву, и успѣшность учениковъ достигла, кажется, болѣе приличныхъ размѣровъ,—по крайней мѣрѣ отзывы ревизоровъ измѣнились къ лучшему. Въ 1832 году директоръ высказалъ свое одобреніе училищу, въ 1834 году посѣтилъ училище Мусинъ-Пушкинъ и училищемъ остался доволенъ. Генералъ-губернаторы Сулима (въ 1835 г.) и князь Горчаковъ (въ 1836 г.) разсматривали опыты учениковъ въ рисованіи и письмѣ и благодарили какъ учителей, такъ и учениковъ за успѣхи. Приготовительный классъ за все свое существованіе не отличался особенной успѣшностью, скажемъ болѣе: учебное дѣло шло въ немъ плохо. Причина этого заключалась въ самой организаціи класса. Учителю по штату не полагалось никакого жалованья, и классъ содержался на доброхотныя жертвы гражданъ, а жертвы эти—на перечетъ: 800 рублей, пожертвованные Быковымъ, и 105 руб., собранные при открытіи училища, больше пожертвованій на приходскій классъ не было. Отпускалъ ли городъ хотя бы ничтожную, но постоянную сумму, мы не знаемъ, извѣстно только, что Аргольду онъ отказалъ въ пособіи. Очень можетъ быть, что въ тогдашнее неприхотливое время учитель жилъ исключительно на подарки учениковъ, да смотритель училищъ могъ давать на пособіе изъ училищныхъ сбереженій. Неизвѣстно даже,

*

кто до 30-го года состоялъ учителемъ этого класса: были ли то мѣстные церковники или учителя 1-го класса. Къ послѣднему предположенію приводитъ насъ то обстоятельство, что послѣдній учитель 1-го класса П. А. Лукинъ былъ въ то же время и учителемъ приготовительнаго класса. Если это такъ, то преподаваніе въ приходскомъ и 1-мъ классѣ и не могло итти хорошо: при постоянныхъ перемѣнахъ учителей заниматься съ двумя классами было почти невозможно.

О внутренней жизни училища за этотъ періодъ мы нашли у К. М. Голодникова*), бывшаго съ 1839 г. учителемъ Ялуторовскаго уѣзднаго училища, нѣсколько строкъ въ его рукописи „Сорокъ лѣтъ назадъ.“ „Въ училищѣ не было опредѣленнаго для занятій времени: смотритель и учителя приходили въ училище, когда имъ вздумается, и иногда въ столь нетрезвомъ видѣ, что едва держались на ногахъ. Отъ такихъ менторовъ ученикамъ, разумѣется, порядочно доставалось: розги и оплеухи раздавались ими щедрой рукой. Примѣръ такой неурядицы свыше отражался и на училищной прислугѣ: классный сторожъ нерѣдко, втершись въ толпу учениковъ съ намѣреніемъ будто бы остановить ихъ отъ шалостей, давалъ кому щелчекъ, кому подзатыльникъ. Бѣдные и скромные ученики, конечно, молчали, но дѣти богатыхъ и вліятельныхъ личностей толпой въ свою очередь нападали на него, щипали, кусали, а одинъ разъ, говорятъ, даже высѣкли его свѣжей крапивой. Разумѣется, у сторожа достало бы силы разбросать десятокъ-другой ребятишекъ, но онъ имѣлъ свои разсчеты позволить имъ иногда потѣшаться надъ собою. Какъ скоро оканчивалась подобная операція, онъ приказывалъ бѣднѣйшему и непринимавшему участія въ схваткѣ ученику записать фамиліи буяновъ. Мальчики, боясь за ослушаніе сторожа учительскаго наказанія, составляли списокъ. Когда приходилъ учитель, списокъ этотъ подавался ему, и начиналась порка. Впрочемъ, иногда перепуганные ребята съ мольбой просили у сторожа мира, и тотъ иногда милостиво соглашался, разумѣется, на выгодныхъ для себя условіяхъ.“ Таковы были условія жизни училища, при дореформенномъ его существованіи.

Но если о чемъ слѣдуетъ съ любовью вспомянуть изъ этихъ тяжелыхъ временъ, такъ это о публичныхъ испытаніяхъ и актахъ,—прекрасномъ обычаѣ того времени. На этихъ актахъ собиралось городское общество и родители учащихся, интересующіеся

*) Онъ разсказываетъ со словъ своихъ сослуживцевъ, въ 1836 году пріѣхавшихъ на службу и заставшихъ свѣжіе слѣды прежнихъ дореформенныхъ порядковъ.

успѣхами своихъ дѣтей. Посредствомъ публичныхъ испытаній общество имѣло возможность слѣдить за успѣхами школы, и здѣсь завязывалась та благодѣтельная связь между обществомъ и школой, безъ которой едва ли возможно ея прочное вліяніе. Эти акты сослужили еще и другую службу: собравшіеся граждане устраивали въ пользу школы подписку, которая являлась хорошей поддержкой при скудныхъ средствахъ училища, и эти частныя пожертвованія достигали иногда почтенныхъ размѣровъ. При открытіи училища было пожертвовано на приходское училище 105 р., на нужды уѣзднаго училища въ слѣдующемъ году — 46 р., въ 1820 году—102 р. Въ 1822 году принесено въ даръ училищу почетнымъ смотрителемъ Васильевымъ 150 р. и имъ же пожертвовано на 115 рублей книгъ для раздачи учащимся; въ 1824 году собрано при испытаніяхъ 85 р., въ 1825—50 р., въ 1827 г.—27 р., въ 1828 г.—102 р., въ 1829 г.—66 руб., въ 1830 г.—89 р. и въ 1832 г.—46 рублей. Кромѣ денегъ, на публичныхъ испытаніяхъ жертвовались книги, географическія карты, глобусы, картины, портреты, и такимъ образомъ созидались библіотека и отдѣлъ учебныхъ пособій. Въ день открытія училища генералъ-лейтенантъ Богдановъ пожертвовалъ портретъ Государя Императора, коллежскій совѣтникъ Боровскій—3 книги, смотритель училища Лепехинъ—карту Россійской Имперіи и электрическую машину; въ 1818 году книгами было пожертвовано 30 экземпляровъ, въ 1822 году почетный смотритель Васильевъ пожертвовалъ картину, изображающую всѣхъ государей Россіи; въ 1823 году было пожертвовано 24 книги, а въ 1824 г.—3. Въ 1829 году мѣщанинъ Теленниковъ пожертвовалъ коллекцію камней, заключающую въ себѣ 55 экземпляровъ горныхъ породъ. Съ этого же года начинается выписка книгъ и на средства училища. Вотъ каковъ былъ первый выборъ книгъ: „Курсъ теоретико-практическій языка французскаго, соч. Краузе“, „Торжество открытія общества любителей отечественной словесности въ Казани“ и „Казанскій Вѣстникъ“. Слѣдующія за этимъ пріобрѣтенія заключались въ выпискѣ книгъ отъ 2 до 7 экз. Столь слабое развитіе библіотеки, помимо недостатка средствъ, зависѣло и отъ самаго способа выписки. Распространеніемъ книгъ былъ занятъ магазинъ при департаментѣ министерства народнаго просвѣщенія; онъ имѣлъ свои отдѣленія въ университетскихъ городахъ, а эти въ свою очередь въ нѣкоторыхъ губернскихъ:—такое отдѣленіе было и при тобольской гимназіи. Благодаря такому порядку, департаментскія и университетскія изданія, по рекомендаціи начальства, продавались быстрѣе въ ущербъ умственнымъ интересамъ училища, и такимъ образомъ сочиненія Ломоносова, Державина, Фон-

визина, Крылова, Хемницера, Хераскова, Богдановича и др. трудно было отыскать въ училищныхъ библіотекахъ, но зато на ихъ полкахъ красовался „Казанскій Вѣстникъ“. Кромѣ того, выписываемыя книги, путешествуя по этимъ торговымъ инстанціямъ, значительно повышались и въ цѣнѣ. Этотъ порядокъ продолжался, впрочемъ, лишь до 1832 года. Съ этого времени на каждое училище на выписку книгъ стали отпускать по 200 руб. въ годъ, и книги, выписывались уже самостоятельно. Ко дню преобразованія училища въ фундаментальной библіотекѣ училища состояло книгъ въ 306 переплетахъ на сумму 882 руб. Продажная библіотека временами достигала значительныхъ оборотовъ, такъ въ 1828 году, напримѣръ, она состояла изъ 284 экзем., присланныхъ для распродажи тобольской гимназіей.

Въ первый годъ своего существованія училище насчитывало 30 учениковъ, и это обѣщало, повидимому, въ будущемъ значительную численность, но, къ сожалѣнію, это не оправдалось, и число учениковъ до 1822 года осталось почти то же или если и повышалось, то незначительно. Наиболѣе людным училище было между 1822 (89 уч.) и 1826 годами, когда, по приказанію губернатора, въ училищѣ обучалось много крестьянскихъ дѣтей на счетъ своихъ сельскихъ обществъ, съ цѣлію приготовить ихъ къ писарскимъ должностямъ; при этомъ достаточно будетъ упомянуть, что однихъ поступившихъ въ 1822 году было 77 человѣкъ. Съ отмѣною этого распоряженія въ 1829 г. и число учащихся упало сначала до 50 уч., а затѣмъ и меньше, хотя къ концу существованія училища, въ 1833 и 1834 годахъ, число учащихся снова достигло до 50, а въ 1835 году ихъ было 43. Но, несмотря на это обиліе учащихся, число окончившихъ курсъ было ничтожно и не превышало семи, и только въ 1825 г. ихъ было 17 челов. Во всѣ эти вычисленія входятъ, вѣроятно, и учащіеся приготовительнаго класса, такъ какъ отдѣльныхъ свѣдѣній о нихъ мы не могли отыскать въ архивѣ.

Глава IV. Училища съ 1836 по 1862 годъ.

16-го августа 1836 года ялуторовское уѣздное училище было преобразовано по уставу 1828 года. Этимъ уставомъ уѣздныя училища снова подверглись весьма значительнымъ преобразованіямъ. Вмѣсто 2-хъ классовъ было открыто 3, и классная система преподаванія была замѣнена предметной. Вмѣсто двухъ учителей было назначено пять: одинъ преподавалъ русскій языкъ, другой—ариѳметику и геометрію, третій—исторію и географію, четвертый—чистописаніе, черченіе и рисованіе; кромѣ того, полагался отдѣльный законоучитель-священникъ и штатный смотритель, обыкновенно назначаемый изъ лучшихъ и опытныхъ учителей. Кромѣ предметовъ, поименованныхъ выше, дозволено было преподавать по вечерамъ окончившимъ курсъ формы дѣлопроизводства, относящіяся къ торговлѣ, основанія коммерческихъ наукъ, механики, технологіи, важнѣйшія правила архитектуры и, наконецъ, сельское хозяйство, но въ ялуторовскомъ уѣздномъ училищѣ ни одинъ изъ этихъ дополнительныхъ предметовъ не преподавался. Уроки, попрежнему, остались полутора-часовые, и потому занятія были утреннія и вечернія. Публичныя испытанія замѣняются съ этого времени торжественными актами, испытанія же производятся самими учителями. Хозяйственное управленіе сосредоточено въ рукахъ смотрителя, но подъ контролемъ учителей, до введенія въ 1865 г. единства кассы; въ его же рукахъ хранились и училищныя суммы. Учителямъ увеличено жалованье. Всѣ эти измѣненія въ Россіи послѣдовали сейчасъ же послѣ изданія Высочайше утвержденнаго устава 8 декабря 1828 года, но ялуторовское училище, какъ и всѣ другія сибирскія, преобразовано было лишь въ 1836 году. Причиною тому было, какъ объяснялъ министръ народнаго просвѣщенія, состояніе государственныхъ доходовъ.

Учителями были назначены только что окончившіе курсъ воспитанники тобольской гимназіи: Михалевъ—русскаго языка, А. Л. Жилинъ—ариѳметики и геометріи, Ф. Е. Кирьяновъ—исторіи, географіи и искусствъ. Законоучителемъ въ это время состоялъ молодой протоіерей Ст. Богородицкій, окончившій московскую духовную академію; вскорѣ, черезъ годъ, его замѣнилъ тоже молодой протоіерей Ст. Знаменскій, глубоко сочувствующій дѣлу народнаго образованія. Всѣ эти молодыя силы не по-казенному, безъ сомнѣнія, взглянули на свое высокое призваніе и хотя, плохо обезпеченные матеріально, часто нуждались въ самомъ необходимомъ, но тѣмъ не менѣе не только дѣлали свое дѣло съ тѣмъ рвеніемъ, какого оно заслуживало, но много сдѣлали для своего самообразованія, а нѣкоторые занимались и литературой. Въ 1839-мъ году въ Ялуторовскъ присланы были декабристы: Муравьевъ-Апостолъ, Оболенскій, Якушкинъ, Ентальцевы, Пущинъ, Басаргинъ и Тизенгаузенъ. Учителя уѣзднаго училища посѣщали ихъ и, безъ сомнѣнія, многимъ были имъ обязаны: такъ Жилинъ изучилъ здѣсь высшую математику, Голодниковъ—новые языки, а въ 1843 году, подъ руководствомъ Муравьева-Апостола, составилъ историко-статистич. обозрѣніе Ялуторовскаго округа.

Приготовительный классъ, какъ мы видѣли изъ предыдущей главы, влачилъ жалкое существованіе, съ преобразованіемъ же

уѣзднаго училища въ трехклассное его постигла новая бѣда: оно должно было искать себѣ отдѣльное помѣщеніе. Вотъ какъ описываетъ это помѣщеніе Голодниковъ: „Училище поселилось въ деревянномъ амбарѣ мѣщанина Кунгурцева. Для необходимаго храму наукъ свѣта въ амбарѣ этомъ было прорублено два окна, въ которыхъ вставлено было нѣчто въ родѣ стеколъ, принявшихъ отъ времени всевозможные цвѣта, поэтому въ единственной камерѣ училища безъ сѣней и передней свѣта было очень мало. Полы, состоящіе изъ деревянныхъ барочныхъ плахъ были хоть и не больно красивы, зато, по крайней мѣрѣ, безопасны, чего никакъ нельзя было сказать о потолкѣ, середина котораго обнаруживала сильнѣйшее тяготѣніе къ земной поверхности. Губернаторъ Ладыженскій осматривалъ въ 1840 году это училище и поспѣшилъ удалиться тотчасъ же по прибытіи, замѣтивъ смотрителю, что для безопасности не мѣшало бы подставить стойки. Смотритель принужденъ былъ спросить: а изъ какихъ суммъ прикажите, ваше превосходительство?“ Дѣйствительно, отъ правительства на содержаніе училища не отпускалось ничего, отъ городского же общества ассигновался лишь дневной свѣтъ, да и то въ самомъ скудномъ размѣрѣ. Несчастное училище существовало одними частными пожертвованіями, едва удовлетворявшими самыя насущныя потребности: наемъ квартиры, ея отопленіе etc. „Губернскія полицейскія будки,—говоритъ Голодниковъ,—были не въ примѣръ счастливѣе училища въ этомъ отношеніи“.

Съ переходомъ училища въ новое помѣщеніе, былъ назначенъ и отдѣльный учитель. Первымъ приходскимъ учителемъ былъ Маршаловъ. Учителю не полагалось жалованья. „Нынѣ невѣроятнымъ кажется,“—пишетъ Голодниковъ,—„какъ этотъ молодой человѣкъ, не имѣвшій ни родителей, ни родственниковъ, словомъ никакой поддержки, могъ существовать безъ жалованья, безъ наградъ, при томъ еще прилично держаться въ обществѣ. Добрый сослуживецъ нашъ самъ выучился шить себѣ бѣлье, платье; деньги же, необходимыя для удовлетворенія главнѣйшихъ потребностей, онъ пріобрѣталъ такимъ образомъ: купитъ карандашей на полтинникъ да бумаги на рубль и продаетъ ихъ ученикамъ по нѣсколько повышенной цѣнѣ и такимъ образомъ пріобрѣтетъ себѣ около четвертака на рубль; не гнушался онъ также частными уроками въ 3—4 руб. въ мѣсяцъ (ассигнаціями, разумѣется)“. Учитель дѣлалъ все, что было въ его силахъ, но что же мы можемъ отъ него требовать? Вѣдь послѣ своихъ тяжелыхъ занятій онъ долженъ былъ шить себѣ бѣлье, платье, бѣгать по грошевымъ урокамъ! Въ такомъ безотрадномъ положеніи училище находилось до 1842 года.

Какъ бы ни былъ хорошъ учитель, отсутствіе заботливости со стороны мѣстнаго городского общества, неопредѣленность существованія училища на частныя пожертвованія, безъ сомнѣнія, должны были зародить въ лучшихъ людяхъ того времени мысль поставить дѣло начальнаго образованія на болѣе прочную почву. Дѣйствительно, былъ человѣкъ, который очень много думалъ объ этомъ. Это былъ Ив. Дм. Якушкинъ, человѣкъ большого серьезнаго ума и учености, но безъ правъ на преподаваніе,—декабристъ. Якушкинъ жилъ въ Ялуторовскѣ одиноко. Его маленькая квартира, служившая ему научной лабораторіей, всегда видѣла своего хозяина въ своихъ стѣнахъ, за исключеніемъ только его ботаническихъ экскурсій. Въ Ялуторовскѣ онъ первый занялся метеорологическими наблюденіями, и изобрѣтенный имъ вѣтромѣръ, помѣщавшійся на высокомъ столбѣ, немало смущалъ простыя души ялуторовскихъ обывателей, но еще болѣе смущали ихъ его лѣтнія экскурсіи. „Травы собираетъ! колдунъ!“ Во время этихъ прогулокъ онъ часто встрѣчалъ деревенскихъ и городскихъ мальчиковъ и бесѣдовалъ съ ними. Вѣроятно, здѣсь онъ познакомился съ душевными качествами сибирскаго ребенка: его смышленностью, бойкостью и... грубѣйшимъ невѣжествомъ. Эти встрѣчи, безъ сомнѣнія, были однимъ изъ главнѣйшихъ импульсовъ къ практическому осуществленію его воспитательныхъ теорій и той душевной привязанности къ дѣтямъ, о которой они, теперь уже старики, вспоминаютъ съ такой теплой любовью. Начни онъ самъ ходатайствовать объ открытіи училища, дѣло могло бы быть проиграннымъ, но и среди сибиряковъ были уже люди, понимавшіе пользу ученія, готовые оказать какъ матеріальныя жертвы, такъ и нравственную поддержку, и между ними выдающимся лицомъ былъ протоіерей Ст. Як. Знаменскій. Какъ священникъ, онъ взялся устроить при соборѣ церковно-приходскую школу. Нашелся и благотворитель, купецъ Мясниковъ, который пожертвовалъ домъ и взялся поставить его на мѣсто въ соборную ограду, гдѣ онъ и находился до 1861 года. Домъ этотъ, имѣвшій въ длину 9 саж. и въ ширину 4 саж., состоялъ изъ трехъ комнатъ: прихожей, „сборной“ и „учебной“. Самая большая и удобная комната была „учебная“. Въ длину она имѣла 4 сажени, а въ ширину около 3-хъ. Остальную половину занимали „сборная“ (по-теперешнему рекреаціонная) и прихожая. Всѣ три комнаты освѣщались 14-ю окнами и, слѣдовательно, въ свѣтовомъ отношеніи были удовлетворительны. Школа эта, послѣ многихъ препятствій со стороны городничаго и смотрителя, была, наконецъ, 6-го августа 1842 г. открыта. Преподаваніе началось, подъ непосредственнымъ руководствомъ Якушкина, по ланкастерскому способу и очень удач-

но. Новая метода съ ея занимательностью и отсутствіемъ тѣлесныхъ наказаній, теплое отношеніе учащихъ къ своимъ питомцамъ, а также и удобство помѣщенія,—все это привлекало учащихся, и число ихъ росло быстрыми шагами: въ первое время поступило 44 человѣка, но къ концу 1843 года ихъ было уже 93, къ концу 1844 г.—135, къ концу 1845 г.—184, а къ маю 1846 года число это выросло до 200. Поступали не только городскіе мальчики, но пріѣзжали и изъ округа и изъ другихъ городовъ. Можно думать, что многіе мальчики содержались на счетъ декабристовъ. Школой заинтересовалась и губернская администрація, въ томъ числѣ и директоръ училищъ Кочуринъ, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ директоровъ. Онъ посѣтилъ школу въ 1842 году и нашелъ ее образцовой не только въ своей дирекціи, но и во всей Сибири, и при дальнѣйшей своей поѣздкѣ просилъ смотрителей устраивать по ея образцу приготовительные классы. Нѣкоторые смотрителя сами посѣтили ялуторовскую школу и, убѣдившись въ успѣшности ея, посылали своихъ приходскихъ учителей для изученія, какъ теоріи ланкастерской методы, такъ и приложенія ея на практикѣ. Пріѣзжіе учителя встрѣтили со стороны благородныхъ иниціаторовъ самый радушный пріемъ, и время, проведенное ими въ Ялуторовскѣ, не пропало даромъ: они возвращались домой хорошими учителями. Такимъ образомъ Якушкинская школа явилась и первой учительской семинаріей въ Сибири. До конца 1843 г. въ школѣ преподавалось чтеніе церковной и гражданской печати, письмо на аспидныхъ доскахъ и на бумагѣ и 1-я часть ариѳметики, а съ этого времени прибавилась 2-я часть ариѳметики, 1 и 2-я часть русской грамматики, 1-я часть латинской и греческой грамматики, краткая священная исторія, 1-я часть пространнаго катихизиса, черченіе и географія, и школа стала именоваться Срѣтенскимъ *духовнымъ* училищемъ, хотя доступъ былъ попрежнему открытъ для дѣтей всѣхъ сословій. Изъ Срѣтенскаго духовнаго училища дѣти поступали въ Тобольское духовное и Ялуторовское уѣздное училище, съ которымъ по программѣ своей оно могло свободно конкуррировать.

Быстрыми шагами двигаясь по пути своего развитія, училище не имѣло однакожъ никакихъ матеріальныхъ средствъ. Въ 1846 г. протоіерей Знаменскій ходатайствовалъ, чтобы разрѣшено было отпускать на содержаніе училища по денежкѣ съ рубля отъ сборовъ съ оцѣночной суммы, и С. М. Семеновъ, совѣтникъ губернскаго правленія, тоже изъ декабристовъ, много способствовалъ этому дѣлу. Ходатайство было отправлено министру внутреннихъ дѣлъ, который благодаря особенному ходатайству губернатора,

въ 1848 году опредѣлилъ производить на содержаніе училища изъ городскихъ суммъ ежегодный расходъ въ 200 рублей, „такъ какъ оно вполнѣ замѣняетъ приходское училище и обучаться въ немъ могутъ дѣти всѣхъ сословій“. Къ этому же времени присоединилось пожертвованіе ишимскаго купца Черняковскаго въ 300 руб. Такимъ образомъ существованіе училища на будущее время было матеріально обезпечено.

Въ 1846 году Якушкинъ потерялъ жену. Тяжела была эта потеря для изгнанника, но онъ и ее ознаменовалъ добрымъ дѣломъ, основавъ школу для дѣвочекъ. Это была первая женская народная школа въ Сибири! Руководителями этой школы явились тѣ же Якушкинъ и протоіерей Знаменскій. Училище было открыто 1-го іюля 1846 года въ наемномъ домѣ. Предстояли значительныя затраты: необходима была мебель, всѣ принадлежности рукодѣльнаго класса, кромѣ того, самую квартиру требовалось приспособить для классныхъ занятій и нанять кружевницу. Всѣ эти затраты на первый разъ простирались до 300 руб., и устроители школы вынуждены были назначить за ученіе плату, но плату эту вносили только дѣти зажиточныхъ родителей, а за остальныхъ вносили декабристы и ихъ родственники; учитель школы, дьячекъ Евг. Сѣдачевъ, также отказался въ пользу ученицъ отъ своего жалованья. Найти удобную квартиру было очень трудно, а число ученицъ между тѣмъ росло да росло и достигло слишкомъ 50 человѣкъ; кромѣ того, заниматься рукодѣліемъ въ нижнемъ этажѣ оказалось невозможнымъ. Купецъ Балакшинъ, наиболѣе сочувствовавшій просвѣтительнымъ стремленіямъ декабристовъ, пустилъ училище безплатно въ болѣе удобный домъ Снигиревыхъ. Здѣсь школа оставалась до 2-го декабря 1850 г., пока на средства Ан. Вас. Мясниковой, жены строителя мужского приходскаго училища, не былъ выстроенъ домъ очень удобный и помѣстительный.

34463

Постройка этого училища также сопряжена была съ большими препятствіями. Во время отсутствія протоіерея, который въ это время находился въ Тобольскѣ, о. Ал. Пудовиковъ не только не позволилъ строить домъ въ церковной оградѣ, какъ это предполагалось, но запретилъ даже складывать туда лѣсъ, и, хотя преосвященный разрѣшилъ эту постройку, но Балакшинъ и Якушкинъ не осмѣлились безпокоить почтеннаго старца, и строить домъ пришлось въ Вознесенскомъ приходѣ, во 2-мъ кварталѣ, гдѣ теперь помѣщается общественное собраніе.

Зданіе женскаго училища было гораздо лучше и помѣстительнѣе мужского. Снаружи оно было обито тесомъ, выкрашеннымъ черною(?) краскою, и покрыто красною тесовою крышею.

На улицу оно выходило пятью своими окнами и парадным крыльцомъ. Оно состояло изъ трехъ большихъ комнатъ: „грамотнаго“ и рукодѣльнаго классовъ и такъ называемой „сборной“ комнаты. „Сборная“ комната отъ „грамотнаго“ класса отдѣлялась коридоромъ, который съ одной стороны велъ въ квартиру надзирательницы, а съ другой—въ другой холодный коридоръ, ведущій въ ретирадъ. Рядомъ съ комнатой надзирательницы находилась сторожка. Всѣ комнаты, занятыя училищемъ, были очень высоки и удобны и давали достаточно воздуха. Въ свѣтовомъ отношеніи лучшимъ классомъ былъ рукодѣльный: пять большихъ оконъ должны были давать очень много свѣта, по величинѣ онъ былъ также больше другихъ комнатъ, въ томъ числѣ и „грамотнаго“ класса,—доказательство, что въ женскомъ образованіи въ прежнее время обращалось больше всего вниманіе на рукодѣліе. Полы и двери вездѣ были крашены; стѣны оклеены бумагой, а потолокъ холстомъ и выкрашенъ клеевою краской. Отоплялось зданіе 4 голландскими печами и освѣщалось 29-ю окнами.

Обстановка училища была такова. Вы входите въ „сборную.“ Около стѣнъ ея тянется четыре лавки. Въ углу помѣщается крашеная лѣстница, ведущая на вышку. Въ этой комнатѣ ученицы раздѣвались и проводили рекреаціонное время. Изъ сборной комнаты черезъ коридоръ вы проходите въ „грамотный“ классъ. Въ переднемъ углу виситъ образъ Божіей Матери. По срединѣ комнаты возвышается каѳедра и на ней конторка (запираемая на замокъ) и стулъ для учителя, а далѣе тянутся ученическія скамейки и столы „съ телеграфами“. По стѣнамъ развѣшены разныя картины, по которымъ велось преподаваніе всѣхъ предметовъ: краткаго катихизиса, 50 таблицъ 1-й части и 42—2-й части русской грамматики, 47 таблицъ географическихъ, 57—историческихъ, карты Европы, Россіи и Сибири, письменныя таблицы всѣхъ русскихъ князей, тутъ же, на полочкѣ, пріютился и глобусъ въ черномъ коленкоровомъ чехлѣ. Передъ таблицами около стѣнъ находилось 8 желѣзныхъ „полукружіевъ“. Въ рукодѣльной комнатѣ находилось нѣсколько пялецъ, а также два большихъ стола со шкафами и ящиками, въ которыхъ хранились ученическія рукодѣльныя работы.

Когда училище переходило въ новое зданіе, ученицъ было 60. Преподаваніе велось по ланкастерскому методу. Училище было раздѣлено на 8 отдѣленій: въ первыхъ 7 отдѣленіяхъ обучались чтенію русскому и церковно-славянскому, начаткамъ христіанскаго ученія, 1-й части ариѳметики и письму—сначала на пескѣ, а затѣмъ уже на аспидныхъ доскахъ и на бумагѣ, а въ

8-мъ отдѣленіи оканчивали катихизисъ и священную исторію, 1-ю часть ариѳметики и о дробяхъ, всю русскую грамматику, русскую исторію и географію, учили стихи, писали подъ диктовку, занимались разборомъ словъ и предложеній и рисовали цвѣты. Кромѣ того, преподавалось и рукодѣліе, которому обучали А. П. Созоновичъ, воспитанница Муравьева-Апостола и Ан. Н. Балакшина. Въ такомъ видѣ училище существовало до преобразованія его въ училище 2-го разряда. Въ 1853 году протоіерей Знаменскій былъ переведенъ въ городъ Омскъ, гдѣ съ женою коменданта крѣпости А. А. де-Граве открылъ первую въ городѣ женскую школу. Въ 1854 году и Якушкинъ покинулъ Ялуторовскъ, переселившись въ Иркутскъ. На чьемъ попеченіи остались основанныя ими школы, намъ неизвѣстно, но сѣмя, брошенное ими, не заглохло. Якушкинъ, посѣтившій Ялуторовскъ въ 1856 году, нашелъ, что все въ училищахъ идетъ довольно порядочно и считается около 50 учениковъ. „Семенъ Петровичъ (учитель мужской школы) заходилъ ко мнѣ“,—пишетъ Якушкинъ,—„и сказывалъ, что все идетъ попрежнему; онъ, несмотря на свое плохое здоровье, трудится усердно“. 4-го февраля 1858 года оба приходскія училища съ домами и со всѣмъ имуществомъ перешли въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія; около этого же времени въ Москвѣ скончался и ихъ основатель И. Д. Якушкинъ. Вотъ какъ разсказываетъ о его жизни на родинѣ и кончинѣ Н. Д. Фонвизина въ своемъ письмѣ къ протоіерею Знаменскому*). „Онъ скончался очень тихо и долго былъ боленъ, долго страдалъ и тѣломъ, и душею, когда его выслали изъ Московской губерніи и онъ, возвращенный въ семейство свое, принужденъ былъ жить у чужихъ, именно у графа Толстого въ деревнѣ одинъ-одинехонекъ, въ сыромъ болотистомъ мѣстѣ, гдѣ здоровье его окончательно разстроилось. Его тамъ иногда навѣщали знакомые, часто ѣздили къ нему и сыновья; но этимъ самымъ онъ сильно тревожился, зная, что сыновьямъ при ихъ ограниченныхъ средствахъ частыя еженедѣльныя поѣздки къ нему по желѣзной дорогѣ были убыточны. Онъ желалъ ихъ видѣть и сердился, когда они пріѣзжали къ нему, и особенно, когда что-нибудь привозили ему. Вы знаете, какъ онъ умѣлъ почти во всѣхъ удобствахъ жизни себѣ отказывать. Наконецъ, выхлопотали ему позволеніе жить въ Москвѣ, но привезли его въ ужасномъ состояніи—желудокъ почти уже ничего не переваривалъ. Но душею онъ оживился: бывало, по цѣлымъ днямъ лежитъ въ постели, ничего ни ѣстъ, вдругъ

*) Сибирскій Сборникъ, кн. III, 1886 г. Стр. 105. Ст. Знаменскаго „И. Д. Якушкинъ“.

какъ будто пріободрится и куда-нибудь выѣдетъ. Я навѣщала его, лежащаго въ постели, до того ослабѣвшаго, что онъ съ трудомъ подымалъ голову, но видѣла его въ то же время спокойнаго, даже подчасъ веселаго и говорливаго, а въ послѣдній разъ встрѣтила его у Бибиковыхъ за картами. Это былъ послѣдній его выѣздъ. Онъ обѣщалъ посѣтить насъ въ Марьинѣ, но ужъ не вставалъ. Странно, что онъ какъ бы не чувствовалъ своей опасности, сбирался къ намъ въ Покровское и даже въ Орелъ и говорилъ, что поѣздки принесутъ ему пользу. Иногда говорилъ о своей смерти, но какъ о событіи довольно отдаленномъ. Сказалъ однажды, что, когда умретъ, не желаетъ, чтобы ставили на его могилѣ памятникъ, а проситъ посадить на ней два вяза и ясень. Онъ всегда любилъ деревья и любовался красивыми. Нѣсколько дней тому назадъ... я проѣхала на Пятницкое кладбище на могилку Ивана Дмитріевича. Съ грустью помолилась о немъ и поклонилась его праху. Деревца посажены у могилки, но худо принялись...“ Но зато, прибавимъ мы отъ себя, росли и крѣпли другія, высшія деревца, это—дѣтскія души, для которыхъ онъ открылъ свѣтъ и тепло мысли и нравственнаго долга. Эти маленькія существа не забыли своего благодѣтеля: узнавъ о его смерти, они въ зданіи училища молились объ упокоеніи его души.

Но возвратимся къ уѣздному училищу.

Уроки въ училищѣ были утренніе и вечерніе. Утренніе начинались въ 8 часовъ и продолжались до 11, а вечерніе—съ 2 до 5 часовъ. По средамъ и субботамъ не было вечернихъ уроковъ, и учителя занимались съ оканчивающими курсъ нѣмецкимъ и французскимъ языками, чтобы облегчить имъ доступъ въ гимназію. Занятія эти однакожъ не были особенно сложны, научали учениковъ только читать и писать. Розга, несмотря на дозволеніе ея уставомъ 1828 года, въ первый десятокъ лѣтъ послѣ преобразованія училища имѣла мало примѣненія: молодые учителя прибѣгали къ ней въ рѣдкихъ случаяхъ.

Наибольшее число учениковъ было между 1836 и 1842 годами, до основанія Якушкинымъ своей школы, отъ 64 до 69 человѣкъ. Съ этого же времени число учениковъ падаетъ: въ 1843 году было всего 33 ученика, въ 1844 году—29 чел., а въ слѣдующіе за этимъ года до 1857, т. е. до принятія Якушкинскаго училища въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, оно не превышало 50 человѣкъ. Мы видѣли, что программа духовнаго училища была такова, что ученикамъ, прошедшимъ тамъ курсъ, нечего было дѣлать въ уѣздномъ училищѣ не только въ первомъ, но и во второмъ классѣ. Смотрителя, видя, что благодаря этому ихъ училище пустѣетъ, косо смотрѣли на новую школу, но дѣло

часто улаживалось дружелюбно. Намекъ на это мы встрѣчаемъ въ письмѣ Якушкина, отъ 8 іюля 1850 г.*): „при переводѣ мальчиковъ въ уѣздное училище, онъ (смотритель Абрамовъ) довольствовался такимъ числомъ, какое мы назначимъ, но просилъ, если можно, переписать ему *для счета* человѣкъ 20, на что я охотно согласился. Часть переведенныхъ учениковъ останется у насъ еще на годъ, и они будутъ только считаться въ уѣздномъ училищѣ, въ томъ числѣ и Балакшинъ, и Загибаловъ, и мой крестникъ“. Такимъ образомъ, можно смѣло сказать, что первый классъ между 1842 и 1858 гг. пустовалъ и нѣкоторые ученики лишь считались. Истинное же число учениковъ во всемъ училищѣ никогда не превышало 35—40 чел. Въ 1858 году число учениковъ сразу возросло до 68 человѣкъ, а въ 1863 году снова упало до 38.

Объ успѣшности или неуспѣшности школьнаго дѣла мы можемъ судить лишь по отзывамъ ревизоровъ, такъ какъ другихъ свѣдѣній въ архивѣ нѣтъ. Въ 1837 г. директоръ училищъ Кочуринъ отозвался объ училищѣ „не весьма лестно“, во второй же разъ, въ 1840 году, нашелъ успѣхи учениковъ достаточными. Кромѣ директора, посѣщали училище генералъ-губернаторы, губернаторы, какъ попечители училища, архіереи, а также и заѣзжіе высшіе чины, какъ напримѣръ находившійся въ свитѣ ген.-адъют. Анненкова камеръ-юнкеръ, вскорѣ тобольскій губернаторъ, Арцимовичъ. Въ 1841 году губернаторъ Ладыженскій остался училищными порядками доволенъ, обративъ лишь вниманіе на тѣсноту помѣщенія. Въ 1843 году онъ, при своемъ посѣщеніи училища, предоставилъ учителямъ давать въ его присутствіи уроки и остался какъ преподаваніемъ, такъ и понятливостью мальчиковъ, доволенъ, помѣщеніе же училища снова нашелъ тѣснымъ. Въ 1845 и 1849 гг. училище посѣтилъ губернаторъ Энгельке и, осматривая работы по чистописанію, черченію и рисованію и спрашивая учениковъ по предметамъ, остался доволенъ. Архіепископъ Георгій остался въ 1848 году доволенъ познаніями учениковъ въ священной исторіи и катихизисѣ. Его преемникъ, архіепископъ Евлампій, въ 1853 году испытывалъ учениковъ въ Законѣ Божіемъ, разсматривалъ ученическія работы по чистописанію, черченію и рисованію и объявилъ: „у васъ все прекрасно“; въ 1855 году онъ заставилъ учениковъ декламировать стихотворенія и басни, разсматривалъ опыты учениковъ въ чистописаніи и рисованіи и остался доволенъ. Генералъ-губернаторъ Гасфортъ предлагалъ ученикамъ различные вопросы и за отличное рѣшеніе

*) Сибир. Сбор. книга III, 1886 г. Стр. 98. Статья М. С. Знаменскаго: „И. Д. Якушкинъ“.

ариѳметической задачи подарилъ ученикамъ 50 копеекъ, а въ 1859 г. онъ посѣтилъ женское училище, осматривалъ рукодѣльныя работы и остался постановкою этого дѣла весьма доволенъ. Въ 1851 году камеръ-юнкеръ Арцимовичъ отозвался объ успѣхахъ учениковъ весьма благосклонно. Нѣсколько разъ посѣщалъ училище и директоръ Чигиринцевъ и также успѣхами учениковъ оставался доволенъ.

Разсматривая эти отзывы ревизоровъ, мы въ правѣ притти къ тому заключенію, что училище достигало довольно порядочныхъ результатовъ. Но можно ли сказать, что дѣло преподаванія и воспитанія стояло на надлежащей почвѣ? Едва ли. Отъ старожиловъ, бывшихъ учениковъ, объ одномъ учителѣ мы слышали, что онъ часто не являлся на уроки, оставляя за себя авдиторовъ, предпочитая училищу рюмочку и часто даже совсѣмъ уѣзжая изъ города въ округъ, гдѣ и проводилъ время въ кутежахъ, игрѣ въ карты и тому подобныхъ удовольствіяхъ. Пріѣзжая съ попоекъ, онъ принимался за учениковъ, придирался, спрашивалъ и авдиторовъ, и бѣда была имъ, особенно послѣднимъ, если въ отвѣтахъ учениковъ замѣчались пробѣлы: розга переходила съ одного на другого. Впрочемъ, на фонѣ школьной жизни встрѣчаются и свѣтлыя личности. Съ особенной любовью вспоминаютъ ученики Карла Карловича Шмита, учителя искусствъ, пріѣхавшаго въ Ялуторовскъ изъ Архангельска и здѣсь умершаго, который выдавался и знаніемъ своего дѣла, и любовью, и теплымъ отношеніемъ къ своимъ питомцамъ, а также смотрителя Н. А. Абрамова (извѣстнаго писателя)*), который пробылъ здѣсь недолго, но также оста-

*) Здѣсь нелишнимъ будетъ упомянуть о литературной дѣятельности Абрамова, этого неутомимаго труженика на поприщѣ изслѣдованія Сибири: исторія церковная и общественная, географія, археологія, этнографія,—все интересовало этого замѣчательнаго человѣка, и онъ, въ продолженіе своей многолѣтней дѣятельности, путешествуя по городамъ и весямъ Сибири—отъ Березова до Семипалатинска—по своимъ служебнымъ дѣламъ, вездѣ извлекалъ матеріалы для своихъ работъ, начиная съ провинціальныхъ архивовъ и какой-нибудь покрытой пылью церковной библіотеки и кончая памятникомъ доисторической жизни—курганомъ. Въ Березовѣ онъ пишетъ „Описаніе Березовскаго края“, въ Тюмени, Курганѣ, Ялуторовскѣ, Усть-Каменогорскѣ, Копалѣ, Семипалатинскѣ и Вѣрномъ —описываетъ эти города, а также рѣки: Тоболъ, Чу, Или, Лепсу, Аягузъ, Шилку и Аргунь; на ряду съ этимъ описываетъ курганы и городища въ Тюменскомъ, Ялуторовскомъ и Курганскомъ округахъ, намогильные памятники киргизовъ, а также старинные желѣзные и оружейные заводы. Но всего болѣе потрудился Абрамовъ въ области сибирской исторіи, особенно церковной: его біографіи сибирскихъ и тобольскихъ владыкъ, начиная съ перваго сибирскаго архіепископа Кипріана и кончая преосвященнымъ Евлампіемъ, захватившія два слишкомъ вѣка церковно-іерархической исторіи, его „Христіанство въ Сибири до учрежденія тамъ епархіи въ 1621 г.“, „Матеріалы для исторіи христіанскаго просвѣщенія Сибири“, „О введеніи христіанства у березовскихъ остяковъ“, „Проповѣдь евангелія сибирскимъ вогуламъ“, а также историческія описанія монастырей Абалакскаго, Тюменскаго и Кондинскаго и жизнеописанія сибирскихъ святыхъ: Симеона Верхотурскаго, Василія Мангазейскаго и Тихона Туруханскаго—составляютъ богатый историческій матеріалъ. По исторіи строительства Сибири и общественной имъ написаны статьи объ Ермакѣ, кн. Гагаринѣ, Чичеринѣ, Соимоновѣ, ген. Кутькинѣ, Словцовѣ и знаменитыхъ сибирскихъ ссыльныхъ: Меншиковѣ, Долгорукихъ и Остерманѣ, изслѣдованія о пожарахъ тобольскихъ и о сибирскихъ боярскихъ дѣтяхъ и дворянахъ. Нельзя не пожалѣть, что всѣ эти труды, разбросанные по разнымъ журналамъ, теперь уже мало доступнымъ, теряются для интересующагося исторіей родины сибиряка, также впрочемъ какъ и труды другихъ сибиряковъ: прот. Сулоцкаго, Гр. Варлакова, В. Гурьева и другихъ, современному поколѣнію почти неизвѣстныхъ, но весьма почтенныхъ вкладчиковъ въ историческую литературу Сибири.

Кромѣ того, Абрамовъ велъ метеорологическія (и барометрическія) наблюденія. Ученыя экспедиціи въ Сибирь всегда пользовались услугами Абрамова: такъ онъ помогалъ Гофману, Кастрену и Кавальскому.—Интересующіеся біографіей Абрамова могутъ найти ее въ №№ 39–45 и 50 „Тоб. Губ. Вѣд.“ 70 г., въ №№ 8—20 „Ирк. Еп. Вѣд.“ 1874 г., въ „Странникѣ“ 1870 г. за августъ и „Народной школѣ“ 1870 г. за декабрь. Авт.

вилъ по себѣ хорошую память, отчасти—потому, что никогда не прибѣгалъ въ дѣлѣ воспитанія къ насильственнымъ мѣрамъ, отчасти—потому, что сдерживалъ учителей въ ихъ воинственныхъ подвигахъ. Все сказанное выше относится лишь ко второй половинѣ описываемаго періода.

Перейдемъ теперь къ обзору развитія фундаментальной библіотеки. Собственно говоря, болѣе или менѣе прочное основаніе фундаментальной библіотекѣ было положено въ 1832 году, когда съ этою цѣлью стала отпускаться ежегодно особая, хотя и небольшая, сумма. Съ этого времени выписка книгъ стала совершаться ежегодно. Ко дню преобразованія училища книгъ состояло 306 переплетовъ. Выборъ книгъ, какъ мы уже видѣли, отличался случайнымъ характеромъ, и большинство книгъ было пожертвовано. Въ описываемый нами періодъ самая большая сумма употреблена была на выписку книгъ въ 1859 году, а именно 88 руб., самая меньшая—въ 1844 году въ 7 руб. 27 коп., обыкновенно же выписывалось книгъ рублей на 40 слишкомъ. Изъ пожертвованій наиболѣе замѣчательны, сдѣланныя декабристами въ 1859 году на 96 руб. и въ 1861 г. на 120 руб. Къ 1862 г.

въ библіотекѣ состояло 470 названій въ 1633 томахъ. Учебныхъ пособій было всего 55 экземпляровъ. Съ 1836 по 1859 годъ на училище отпускалось изъ казны 5400 р. ассигнаціями, въ томъ числѣ на пополненіе библіотеки, награды ученикамъ, содержаніе дома и разъѣзды смотрителю 1400 р. ас. (на серебро 400 руб.), но училище нуждалось въ самомъ необходимомъ, потому что только часть этихъ денегъ шла на предназначенныя нужды, часть же обращалась въ билеты сохранной казны, лежала неприкосновенной и предназначалась для постройки со временемъ новаго зданія для училища, которое въ 1850 году и было выстроено, но просуществовало недолго: въ 1862 году его уничтожилъ пожаръ вмѣстѣ съ библіотекой, архивомъ и всѣмъ училищнымъ имуществомъ. Отъ библіотеки осталось лишь 17 книгъ, а изъ пособій 19 экземпл. Причиною пожара, по словамъ офиціальнаго сообщенія, была неисправность печей, обыватели же объясняютъ пожаръ неосторожнымъ обращеніемъ съ куреніемъ со стороны сторожа архива, который помѣщался въ подвальномъ этажѣ училища.

Въ одинъ годъ съ пожаромъ училище постигла и другая бѣда. Смотритель училища Голицинскій, не пробывшій въ должности и одного года, растратилъ изъ училищныхъ и безъ того скудныхъ суммъ 614 р., за что и былъ уволенъ отъ должности.

Изъ мѣръ, предпринятыхъ для улучшенія дѣла народнаго образованія, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія. 21 марта 1849 г. сдѣлано распоряженіе о замѣнѣ полутора-часовыхъ уроковъ уроками въ 1¼ часъ. Этотъ порядокъ продолжался до 1866 г., когда установлены часовые уроки, четверть же часа употреблялась на перемѣну. Въ 1855 году предписано считать днями свободными отъ занятій: 9-е мая, 29-е іюня, 29-е августа, 14 и 26-е сентября, 1 и 22-е октября, 21-е ноября. 21-го декабря 1861 г. Высочайше повелѣно учредить въ Сибири, за неимѣніемъ дворянства, должности почетныхъ блюстителей вмѣсто почетныхъ смотрителей. Въ 1857 году рекомендуется взимать, гдѣ то найдутъ возможнымъ, за ученіе небольшую плату. Въ 1841 году предписано приглашать на экзаменъ Закона Божія депутата отъ духовенства, а 16-го іюня того же года училищное начальство обязывалось доносить епархіальному о пропускахъ законоучителями уроковъ.

Касательно преподаванія также были сдѣланы нѣкоторыя распоряженія.

Въ 1857 году предписано сообщать ученикамъ 1-го класса кромѣ священной исторіи ветхаго завѣта и свѣдѣнія о новозавѣтныхъ праздникахъ. Въ 1861 году учителямъ русскаго языка предписано, чтобы они въ 1-мъ классѣ занимались объяснительнымъ чтеніемъ статей, доступныхъ дѣтскому пониманію, разъясняя содержаніе, малопонятныя слова и ихъ производство, знакомя съ грамматическими формами, а также занимались бы письмомъ подъ диктовку. Въ 3-мъ классѣ предписано заниматься чтеніемъ образцовыхъ писателей (въ отрывкахъ) съ объясненіемъ синтаксическихъ правилъ и упражнять дѣтей въ собственныхъ сочиненіяхъ, которыя должны быть выправляемы учителемъ. Въ 1854 году преподаваніе рисованія признано безполезнымъ и исключено изъ программы; преподаваніе чистописанія поручено учителю русскаго языка, а черченіе—учителю математики.

Въ это же время совершились двѣ важныя реформы: введена была новая должность главнаго инспектора училищъ Западной Сибири и утверждены новые штаты (въ 1859 г.), по которымъ смотрителю училищъ положено было 450 р. жалованья и 60 руб. разъѣздныхъ, учителямъ наукъ по 350 р. жалованья, а законоучителю и учителю искусствъ по 200 р., на награды учениковъ 15 р., на содержаніе библіотеки 80 руб. и на содержаніе дома и канцеляріи 400 руб.

Къ описываемому періоду относится возникновеніе школъ и въ селахъ Ялуторовскаго округа. Еще въ 1832 году состоялось распоряженіе объ открытіи церковно-приходскихъ школъ, но духовенство ялуторовскаго округа отнеслось къ этому дѣлу совершенно безучастно, и первая школа открылась лишь въ 1855 г. въ селѣ Терсюкскомъ, до 1857 года была единственной школой во всемъ округѣ и находилась притомъ въ самомъ плачевномъ положеніи. Съ 1857 года мало-по-малу и въ другихъ селахъ начали появляться школы, и къ концу описываемаго періода, къ 1862 году, ихъ прибавилось три: Суерская (1857 г.), Новоуковская (1858 г.) и Мокроусовская (1859 г.). Но что это были за школы? Всѣ онѣ помѣщались или въ квартирахъ священниковъ, или въ церковныхъ сторожкахъ, или въ частныхъ квартирахъ, очень мало удобныхъ. Преподаваніемъ занимался или безграмотный дьячекъ, или выгнанный со службы, спившійся съ круга чиновникъ, или еще хуже—поселенецъ, хотя офиціально учителями и числились священники. Преподаваніе велось самыми рутинными пріемами: такъ читать учили посредствомъ буки-азъ—ба, вѣди-азъ—ва и т. д., преподаваніе ариѳметики заключалось въ механическомъ переписываніи съ доски задачъ, дѣлаемыхъ самимъ учителемъ. Письму учились черезъ переписываніе прописей, написанныхъ учителемъ. Молитвы заучивались въ долбежку безъ всякаго разъясненія не только внутренняго смысла молитвы, но даже безъ объясенія непонятныхъ словъ и выраженій. Псалтирь и часословъ были почти единственными пособіями этихъ учи-

лищъ. Понятно, какихъ результатовъ достигала такая школа. Читали ученики чуть не по складамъ, не понимая прочитаннаго, ариѳметическія познанія были равны нулю: ученики часто не въ состояніи были произнесть трехзначное число; что же касается правописанія, то о немъ не было и рѣчи, потому что сами учителя не отличались грамотностью. Умственнаго развитія школа совсѣмъ не давала. Въ 1862 году число этихъ школъ сразу возросло до 19, но большинство ихъ было такъ малолюдно, что едва ли правильно называть ихъ школами. Вотъ, напримѣръ, таблица школъ, существовавшихъ въ 1862 году.

НАЗВАНІЯ ШКОЛЪ.	Число учащихъ.	Число учащихся.		
		Всего.	Мальч.	Дѣвоч.
Духовныя: Зимовье-Вагайская	1	1	—	1
Архангельская	3	3	3	—
Мостовская	1	3	3	—
Новоуковская (или Новозаимская)	2	3	2	1
Боровинская	1	3	3	—
Шороховская	1	3	3	—
Заводоуковская	2	4	3	1
Рафаиловская	2	4	4	—
Ингалинская	1	5	5	—
Терсюкская	1	7	6	1
Юргинская	1	7	7	—
Красногорская	1	8	8	—
Кизакская	1	9	9	—
Камышевская	4	10	10	—
Кодская	3	13	13	—
Мокроусовская	1	14	12	2
Исетская	1	15	15	—
Омутинская	2	18	11	7
М. Г. И.: Суерская	1	30	30	—
	30	160	147	13

Всѣ эти школы существовали не долго: черезъ годъ, по отчету смотрителя, ихъ было уже всего 11 съ 116 учащимися. Въ 1864 году духовныхъ школъ въ смотрительскомъ отчетѣ отмѣчено уже всего 3. Причиною столь быстраго паденія этихъ школъ, намъ кажется, является отчасти педагогическая неподготовленность сельскаго духовенства, сложность священническихъ обязанностей, а также недостатокъ средствъ на содержаніе школъ. Какъ бы то ни было въ 1868 году была закрыта послѣдняя духовная школа, и на развалинахъ этой неосуществившейся попытки возникало уже новое сельское учрежденіе—сельская свѣтская школа.

Глава У. Положеніе народнаго образованія въ шестидесятыхъ годахъ.

О шестидесятыхъ годахъ было писано много, и они оцѣнены по достоинству. Всеобщій подъемъ общественнаго духа, призваніе общества къ рѣшенію коренныхъ государственныхъ вопросовъ, послѣдовавшія затѣмъ реформы: крестьянская, земская, судебная; всеобщее увлеченіе, рядъ умственныхъ запросовъ,—все это, безъ сомнѣнія, не могло не отразиться на столь важной сторонѣ народной жизни, какъ образованіе; духъ времени отразился и на постановкѣ низшихъ учебныхъ заведеній.

Мы уже видѣли, что наканунѣ шестидесятыхъ годовъ въ уѣздныхъ училищахъ введены были новые штаты. Во истину безотрадна была до этого времени доля уѣзднаго учителя. Получая 214 руб. въ годъ, а учитель искусствъ 71 руб., они обречены были бороться почти съ нищетой. А что ожидалось впереди? Смотрительство съ 280 рублями годоваго жалованья, которымъ и заканчивалось обыкновенно ихъ „тяжелое учебное поприще“. Такъ обрисовалъ положеніе учителя тогдашній министръ народнаго просвѣщенія. А умственныя занятія, необходимость слѣдить за педагогической литературой, требующія и книгъ (а слѣдовательно и денегъ) и времени? Справедливо находилъ министръ, что, при такой матеріальной обстановкѣ учителя, въ учебныхъ заведеніяхъ невозможны ни учебныя, ни нравственныя улучшенія. Новые штаты дѣйствительно улучшили положеніе учителя, но далеко не подняли его до той желательной степени благосостоянія, когда свободный умственный трудъ становится возможнымъ и легкимъ и, слѣдовательно, наиболѣе плодотворнымъ. Несмотря на то, что во всѣхъ вѣдомствахъ идетъ увеличеніе жалованья, учитель уѣзднаго училища до сихъ поръ остается въ этомъ отношеніи отверженцемъ, поэтому нѣтъ ничего страннаго въ томъ печальномъ явленіи, что лучшіе учителя, несмотря на свою привязанность къ дѣлу, бросаютъ учебное поприще и ищутъ мѣстъ въ другихъ вѣдомствахъ.

Другой въ высшей степени важною мѣрою было учрежденіе новой должности главнаго инспектора училищъ Западной Сибири. Съ 1828 года главнымъ начальникомъ сибирскихъ учебныхъ заведеній былъ генералъ-губернаторъ, а за нимъ мѣстный губернаторъ. Въ рукахъ генералъ-губернатора и губернаторовъ находилась весьма сложная судебная и административная машина, которая и поглощала у этихъ начальниковъ все время и всѣ труды; начальникъ же края, кромѣ этого, былъ еще и командую-

щимъ войсками округа. Слѣдить за ходомъ учебнаго дѣла имъ было некогда, да и дѣло это требовало спеціальныхъ познаній и подготовки и сопряжено съ необходимостью слѣдить за ходомъ педагогической литературы. Единственнымъ лицомъ, спеціально посвященнымъ этому дѣлу, являлся директоръ училищъ, который въ то же время былъ и директоромъ гимназіи и потому не могъ всецѣло предаться надзору за низшими учебными заведеніями губерніи и, главное, не имѣлъ возможности обозрѣвать училища въ самое интересное время—во время экзаменовъ, когда результаты преподавательскихъ трудовъ выступаютъ съ наибольшей рельефностью. Къ этому нужно прибавить, что директорами училищъ не всегда назначались лица, прошедшія учительскую службу; я говорю здѣсь не о тѣхъ отддаленныхъ временахъ начала учебнаго дѣла въ Россіи, когда директорами назначались лица, постороннія школьному дѣлу, занимающія должности гражданской службы, а уже о позднѣйшихъ, наканунѣ введенія новой должности главнаго инспектора училищъ. Вотъ, напримѣръ, какую карьеру прошелъ П. М. Чигиринцевъ, служившій директоромъ училищъ тобольской губерніи съ 1849 по 1856 годъ. По окончаніи въ 1829 году университетскаго курса, онъ въ 1833 году поступилъ въ Екатеринославскую контору иностранныхъ поселенцевъ, затѣмъ было протоколистомъ въ Екатеринославскомъ депутатскомъ собраніи, затѣмъ тутъ же столоначальникомъ и членомъ комиссіи о раздробительной продажѣ горячихъ напитковъ, послѣ—письмоводителемъ канцеляріи Екатеринославскаго губернскаго предводителя дворянства и неоднократно исполнялъ „съ самою удовлетворительною отчетливостью“ должность секретаря депутатскаго собранія; съ 1846 года служилъ въ Сибири сначала совѣтникомъ пограничнаго управленія сибирскими киргизами, а съ 1849 года директоромъ тобольской гимназіи и училищъ. Итакъ, въ теченіе 20 лѣтъ иностранные поселенцы, киргизы, горячіе напитки, столоначальничество, письмоводительство, писаніе протоколовъ, а затѣмъ руководительство учебнымъ дѣломъ одной изъ громаднѣйшихъ губерній Россіи, наиболѣе нуждающейся въ свѣтѣ истиннаго образованія! При полномъ отсутствіи спеціальной инспекціи, при слабомъ надзорѣ ближайшихъ и невозможности надзора со стороны высшихъ начальниковъ, мѣстныя училища были предоставлены сами себѣ. Уѣздная жизнь съ ея грубымъ, неразвитымъ обществомъ и грубыми удовольствіями сразу налагала свою тяжелую руку на педагоговъ, еще неоперившихся обыкновенно юнцевъ, только что сошедшихъ съ гимназической скамьи, безпощадно стирая лоскъ образованія и увлекая въ омутъ уѣздныхъ дрязгъ, пьянства и

сплетенъ. Учебное дѣло не было уже для нихъ благородной задачею жизни и назойливо становилось чѣмъ-то побочнымъ, дающимъ лишь скудныя средства къ незатѣйливому существованію. При такомъ положеніи дѣла учрежденіе должности главнаго инспектора было истиннымъ благодѣяніемъ для сибирскихъ училищъ.

Насколько духъ новаго времени отразился на ялуторовскихъ педагогахъ, мы скажемъ впереди, теперь же не можемъ не отмѣтить одного замѣчательнаго факта, характернаго для того времени,—это обращенія министра народнаго просвѣщенія ко всѣмъ педагогамъ страны—начиная съ приходскаго учителя съ грошевымъ жалованьемъ и образованіемъ не выше уѣзднаго училища и кончая многоученымъ профессоромъ—съ просьбою высказать свое мнѣніе по поводу новаго положенія объ училищахъ Имперіи, „о системѣ образованія, о степени пользы, какую могутъ принести высшія училища, и если система, выработанная проэктомъ, не удовлетворяетъ *обсужденнымъ* потребностямъ, то изъяснить, какая лучшая система могла бы быть введена вмѣсто нея, ... можно ли ожидать благотворныхъ результатовъ отъ дополнительныхъ курсовъ и публичныхъ лекцій, какіе именно курсы и гдѣ полезно бы учредить“ и пр. „Разборъ проекта“,—говорится въ этомъ приглашеніи,—„долженъ происходить совершенно свободно, безъ всякаго стѣсненія съ чьей бы то ни было стороны и касаться не однѣхъ только частностей, но и цѣлой системы народнаго образованія, изложенной въ проэктѣ, съ принятіемъ при этомъ въ соображеніе и мнѣній, высказанныхъ въ печати... Отъ благонамѣреннаго и просвѣщеннаго ихъ содѣйствія (учителей) зависитъ успѣхъ всякаго дѣла общественнаго образованія въ Россіи и трудъ ихъ будетъ принятъ съ особеннымъ вниманіемъ и благодарностью“. Это былъ, конечно, самый свѣтлый день въ жизни начальнаго учителя, когда высшій руководитель отечественнаго образованія протянулъ руку ему, забитому нуждой и борьбой за каждый жизненный свой шагъ, и сказалъ: „помоги мнѣ, товарищъ, устроить наше общее дѣло“. Въ этотъ день, можетъ быть, въ первый и единственный разъ въ своей жизни бѣднякъ-учитель гордо поднялъ голову и сказалъ: „да, бѣденъ я, но полезенъ“. Къ сожалѣнію, мы не нашли въ архивѣ училища, что сказали ялуторовскіе учителя по этому важному запросу.

Шестидесятые годы, кромѣ главнаго инспектора училищъ, дали тобольской губерніи новаго директора въ лицѣ Ф. В. Рудакова, съ замѣчательной горячностью относившагося къ порученному ему дѣлу*).

*) Мы не приводимъ здѣсь біографическихъ свѣдѣній объ этомъ замѣча-

Хотя столичные административные органы и принимали рядъ мѣръ къ упорядоченію дѣла народнаго образованія, мѣстные дѣятели въ провинціи, непосредственные люди дѣла, оставались тѣ же, а съ ними оставались и старые порядки. Мы уже видѣли, что начало шестидесятыхъ годовъ ознаменовалось пожаромъ и растратой училищной суммы и потерей такихъ дѣятелей, какъ протоіерей Знаменскій и Якушкинъ, съ отъѣздомъ которыхъ основанныя ими школы потеряли, если можно такъ выразиться, свою душу. Преподаваніе шло по прежнему: ученики поступали въ изрядномъ количествѣ, учителя аккуратно ходили на уроки, но уже не было того духа, который воодушевлялъ ихъ. Уѣздному училищу съ потерей дома, библіотеки, пособій, классныхъ принадлежностей, предстояло много заботъ, и первою ихъ нихъ, конечно, была забота о пріобрѣтеніи мебели, пособій, затѣмъ объ устройствѣ библіотеки и, наконецъ, о заведеніи новаго зданія, такъ какъ домъ, выстроенный Быковымъ, теперь уже не удовлетворялъ школьно-гигіеническимъ требованіямъ. Потеря училищныхъ суммъ значительно отдаляла выполненіе этихъ задачъ, особенно послѣдней.

Внутренняя жизнь училища за это время не отличалась особенной порядочностью. Многіе учителя того времени, къ сожалѣнію, вели себя, крайне плохо: дѣлали долги, которые приходилось взыскивать съ нихъ не иначе, какъ посредствомъ вычетовъ, зачастую отказывались отъ нихъ, подрывая къ себѣ всякое довѣріе; пьянствовали такъ, что превосходили въ этомъ отношеніи даже мѣстныхъ обывателей. Пьянство это выражалось иногда въ столь непривлекательныхъ формахъ, что нарушало даже общественное спокойствіе. Учитель приходскаго училища Л—новъ въ пьяномъ видѣ такъ истязалъ свою жену, что бѣдная женщина голосила на весь городъ и убѣжала, наконецъ, къ своей подругѣ, надѣясь найти здѣсь защиту, но герой не унывалъ: онъ прибѣжалъ и сюда и бушевалъ не меньше, чѣмъ дома, пока прибывшій сюда городничій К—евъ не засадилъ его въ кутузку. Той же участи подвергался и учитель русскаго языка А—мовъ. Подобные личности среди ялуторовскаго учительскаго персонала появлялись и позднѣе: въ 1876 году, напримѣръ, учитель Ч—говъ былъ уволенъ отъ должности за пьянство и нанесеніе побоевъ своему сослуживцу, но въ шестидесятыхъ годахъ такое поведеніе педагоговъ представляло мало исключеній. Само собой, что все это отражалось и на учебно-воспитательномъ дѣлѣ. Тѣлесныя наказанія хотя и были отмѣнены, но на практикѣ существовали, правда, не въ формѣ узаконенныхъ розогъ, но въ едва ли не худшей формѣ оплеухъ, зуботычинъ и волосянокъ. Ставленіе на колѣни, иногда и на горохъ, пользовалось полнымъ правомъ гражданства. Бывали даже случаи серьезнаго членовредительства, и ученики въ такихъ случаяхъ лежали сутокъ по трое въ постели, какъ напр. Гельманъ, Устиновъ.

Ф. В. Рудаковъ, посѣтившій въ 1866 году училище, нашелъ, что „состояніе училища *во многихъ частяхъ* не можетъ быть признано удовлетворительнымъ, и требуется усиленная работа со стороны г. смотрителя и преподавателей для поднятія (училища) *въ общественномъ мнѣніи и вообще*“. Это было 20 марта, а 10, 11 и 12 сентября того же года директоръ вновь пріѣзжаетъ на ревизію, вѣроятно, удостовѣриться, сдѣлано ли что-нибудь для улучшенія дѣла, или, можетъ быть, вызвали его новые безпорядки. Главный инспекторъ училищъ Западной Сибири на первыхъ порахъ своей службы такъ изобразилъ состояніе учебнаго дѣла въ краѣ: „вообще педагогическая часть въ учебныхъ заведеніяхъ Западной Сибири находится въ очень неудовлетворительномъ состояніи: вездѣ придерживаются старой рутины преподаванія, всюду господствуетъ одна мертвая буква и почти нигдѣ не слышится живого слова, понятнаго учащимся“. Главный инспекторъ видитъ въ этомъ „слѣдствіе устарѣлости ихъ (учителей) взглядовъ на педагогическія требованія“. Это было высказано въ 1860 г. Въ 1861 году главный инспекторъ обращаетъ вниманіе на плохую постановку преподаванія русскаго языка и предлагаетъ рядъ мѣръ (о нихъ мы говорили въ предыдущей главѣ) къ улучшенію преподаванія. Причина плохого состоянія преподаванія русскаго языка заключалась отчасти въ самой трудности преподаванія этого предмета и неопредѣленности программы уѣзднаго училища, отчасти же въ частой смѣнѣ учителей этого предмета: въ теченіе семи лѣтъ (1863—1870) перемѣнилось 4 учителя, т. е. каждый среднимъ числомъ служилъ $1^3/_4$ года. Архіепископъ сибирскій и тобольскій Варлаамъ въ 1871 году объявляетъ законоучителю, что „хотя онъ и рекомендуется по жизни, но жаль, что въ образованіи недалекъ, хотя и перворазрядный“ и внушаетъ ему, „яко законоучителю, преспѣяніе и немалое“. Въ томъ же году академія художествъ пригласила училище принять участіе въ конкурсѣ ученическихъ рисовальныхъ работъ, учителя же—изложить методъ преподаванія, и училище не нашло ни одной работы, достойной представленія въ академію, учитель опи-

---

тельномъ дѣятелѣ, потому что онѣ уже отчасти появились въ Исторической запискѣ Тобольской гимназіи, составленной гг. Замахаевымъ и Цвѣтаевымъ (стр. 215—219) и, кромѣ того, появилась отдѣльная біографія его, сост. г. Гашинскимъ. Авторъ.

санія своего метода тоже не представилъ. Тѣмъ же училище отвѣтило и обществу естествознанія, антропологіи и этнографіи, приглашавшему училище участвовать въ московской политехнической выставкѣ. Въ 1872 г. главный инспекторъ замѣтилъ, что ученики пишутъ кудреватымъ почеркомъ, по чертенію же рекомендовалъ обратить большее вниманіе на изученіе перспективы и давать на весь классъ одинъ чертежъ, предварительно вычерченный на доскѣ самимъ преподавателемъ,—вообще вести урокъ въ бесѣдахъ и разъясненіяхъ, а *не въ простомъ механическомъ счерчиваніи съ доски*. Въ томъ же году главный инспекторъ училищъ рекомендуетъ осторожнѣе относиться къ освобожденію учениковъ отъ платы за право ученія: онъ предписываетъ освобождать только исправныхъ учениковъ, имѣющихъ по всѣмъ предметамъ не менѣе 3, при этомъ констатируетъ фактъ, что училища, освобождающія наибольшее число учениковъ, отличаются наименьшею успѣшностью: въ одномъ изъ такихъ училищъ въ 1-мъ классѣ ученики съ трудомъ умѣли читать. Какое мѣсто занимало ялуторовское училище во мнѣніи руководителя учебнаго дѣла въ Западной Сибири, неизвѣстно, только изъ числа 67 учениковъ освобожденныхъ въ немъ было болѣе половины, а именно 37. „Слѣдуетъ заботиться“, продолжаетъ онъ: „не о числѣ учениковъ, а о достоинствѣ училища: такое училище, которое ведетъ своихъ воспитанниковъ и выпускаетъ ихъ съ дѣйствительными знаніями, всегда заслужитъ свою репутацію и всегда будетъ имѣть учениковъ. Къ сожалѣнію, этого нельзя сказать о большей части нашихъ уѣздныхъ училищъ“. Случайность выбора книгъ въ училищныя фундаментальныя библіотеки также обратила на себя вниманіе главнаго инспектора, и онъ въ 1870 году, вмѣсто газетъ и журналовъ, имѣющихъ лишь временный интересъ, рекомендуетъ выписывать книги научнаго содержанія, а изъ журналовъ лишь педагогическіе. Въ томъ же году смотритель училищъ П. П. Фоняковъ проситъ преподавателей аккуратнѣе относиться къ своимъ дежурствамъ: слѣдить за поведеніемъ учениковъ во время перемѣнъ и заниматься съ оставшимися за малоуспѣшность. Изъ этого ряда распоряженій ясно видно, въ какомъ положеніи находилось учебное дѣло вообще въ уѣздныхъ училищахъ и въ ялуторовскомъ въ частности. Но вотъ еще фактъ, характеризующій отношеніе учителей къ вопросамъ науки и къ дѣлу изученія своей родины: когда въ Омскѣ открылось въ 1870 году общество изслѣдователей Сибири и пригласило участвовать въ своихъ трудахъ учителей, то желающихъ вступить въ число членовъ этого общества изъ ялуторовскихъ педагоговъ не нашлось.

На сѣренькомъ фонѣ училищной жизни прорывались однакожъ

иногда и свѣтлыя явленія. Къ такимъ отраднымъ фактамъ принадлежатъ нѣкоторыя распоряженія педагогическаго совѣта. 17-го ноября 1865 года училищный врачъ Надежинскій открылъ при училищѣ курсъ гигіены: въ своихъ лекціяхъ онъ объяснялъ ученикамъ пользу прививанія оспы, причины заразныхъ болѣзней, значеніе жилищъ, одежды и воздуха и необходимость ихъ чистоты для здоровья человѣка. Въ 1865 году было прочтено двѣ лекціи: 17-го ноября и 8-го декабря. Ф. В. Рудаковъ, посѣтившій эти лекціи, нашелъ ихъ очень полезными. Въ ноябрѣ 1867 года учителя уѣзднаго училища ввели по средамъ и субботамъ преподаваніе французскаго, нѣмецкаго и латинскаго языковъ и естественной исторіи, раздѣливъ этотъ трудъ между собою. Преподаваніе это продолжалось до 1870 года. Но самыя существенныя услуги, которыя оказали учителя уѣзднаго училища, заключаются въ устройствѣ при училищѣ публичной библіотеки и въ помощи, которую они принесли женскому образованію въ Ялуторовскѣ.

Вопросъ объ устройствѣ библіотеки былъ возбужденъ директоромъ еще въ 1860 г., и проэктъ устава библіотеки былъ составленъ тогда же, но, путешествуя по разнымъ инстанціямъ (онъ доходилъ до генералъ-губернатора), онъ возвратился уже послѣ училищнаго пожара, когда отъ училищной библіотеки имѣлись лишь жалкіе остатки; вѣроятно, это-то обстоятельство и затормозило дѣло, и открытіе библіотеки послѣдовало лишь 1-го іюля 1864 года. Для мѣстнаго общества, однако же, книга, какъ видно, не составляла тогда потребности, ибо подписчиковъ набралось всего 8 чел., отъ которыхъ (да еще отъ одного жертвователя) въ пользу библіотеки и поступило 50 р.; изъ этихъ денегъ 35 р. употреблено было на выписку журналовъ. Въ слѣдующемъ году подписчиковъ прибыло 12 чел., и они внесли па выписку книгъ 35 р. Въ этомъ же году въ пользу библіотеки данъ былъ „благородный“ спектакль, который и далъ 42 р. Въ 1866 году подписчиковъ увеличилось еще на 4 чел., и собранные съ нихъ 44 р. также пошли на выписку журналовъ. Въ 1867 году подписчиковъ сразу уменьшилось вдвое, вдвое же уменьшился и доходъ, а книгъ въ этотъ годъ было выписано лишь на 6 руб. 5 коп.! Въ 1868 году библіотечныя пріобрѣтенія равнялись 39 руб.,—слѣдовательно подписчиковъ было человѣкъ 15. 16-го августа 1868 года это дѣтище шестидесятыхъ годовъ было закрыто, не оставивши ни малѣйшихъ слѣдовъ своего существованія. Въ чемъ заключалась причина неуспѣха этого благороднаго предпріятія, при всемъ сочувствіи къ нему начальства? Въ грубости ли тогдашняго общества и отсутствіи въ немъ умственныхъ за-

просовъ? Въ неаккуратномъ ли отношеніи къ этому дѣлу библіотечныхъ управителей? Въ неумѣлости ли выбора книгъ?*) Какъ бы то ни было, книжное дѣло на ялуторовской почвѣ не принялось и заглохло до 1885 года, когда, благодаря иниціативѣ исправника В. Ѳ. Филимонова (а ранѣе того благодаря любви къ этому дѣлу молодого учителя П., устроившаго въ 1885 году спектакль съ этою цѣлію), было положено основаніе библіотекѣ при собраніи, имѣвшей съ самаго начала своего существованія значительный успѣхъ.

Самымъ важнымъ явленіемъ въ области народнаго образованія, имѣвшимъ безспорно сильное вліяніе на улучшеніе дѣла, былъ съѣздъ учителей въ Тобольскѣ и при немъ педагогическая выставка, устроенные благодаря стараніямъ Ф. В. Рудакова.

Съ переходомъ въ 1858 г. училищъ, основанныхъ Якушкинымъ и протоіереемъ Знаменскимъ, въ вѣдѣніе министерства они значительно измѣнили свою программу: латинскій и греческій языки, 2-я часть ариѳметики, грамматика и географія, а также и катихизисъ, были исключены, и училища приблизились къ типу нынѣ существующихъ приходскихъ училищъ. Въ 1860 году женское училище должно было преобразоваться въ женское училище 2-го разряда, но преобразованіе это совершилось лишь въ ноябрѣ 1861 года. Вновь избранный попечительный совѣтъ, вслѣдствіе личной непріязни смотрителя къ бывшимъ надзирательницамъ Ярцевой и Балакшиной, замѣнилъ ихъ вдовой учителя Бреховой. Это было очень тяжело для не оцѣненныхъ труженицъ, и Ярцева много лѣтъ добивалась удовлетворенія; губернаторъ обратилъ вниманіе на ея жалобы, но отмѣнить постановленія совѣта не могъ. При сдачѣ училища оказалось 131 р. 75 к. наличной рукодѣльной и пожертвованной суммы, нѣсколько начатыхъ работъ, матерія, нитки, бумага и др. рукодѣльныя принадлежности, 37 платьевъ, 42 фартука и 41 пелеринка. (Не указываетъ ли это на то, что дѣвочекъ одѣвало само училище?) Книжныя богатства заключались въ 36 книгахъ журналовъ: Ласточка, Звѣздочка и Лучъ. Подъ сдаточной вѣдомостью объ руководительницы въ Ялуторовскѣ женскаго образованія приложили свои руки**): „посей ведомости принела начальница училище Л. Брехова“, „посей Вѣдомости сдала Алекса Ярцева“. Новооткрытое училище, какъ болѣе обширное по своимъ задачамъ, требовало и больше средствъ, но мы уже видѣли, сколько ихъ было.

*) Въ 1868 году выписывались Всемірный Трудъ, Русскій Вѣстникъ, Собраніе иностранныхъ романовъ, Воскресный Досугъ и Развлеченіе. Авт.

**) Подписи приводятся съ соблюденіемъ орѳографіи авторовъ. Авт

Вотъ какъ описываетъ матеріальное положеніе новаго училища смотритель училищъ. „Матеріальное обезпеченіе училища“,—пишетъ онъ,—„находится въ настоящее время въ довольно плохомъ состояніи, такъ что дальнѣйшее его существованіе становится почти невозможнымъ, непремѣнные же члены совѣта, хотя и обязаны изыскивать средства къ улучшенію училища, но ихъ служебныя обязанности не позволяютъ имъ имѣть исключительнаго и постояннаго занятія въ этомъ дѣлѣ, но какъ училище почти исключительно содержится пожертвованіями, для пріобрѣтенія которыхъ, по малочисленности и бѣдности здѣшняго общества, необходимы постоянныя и даже усиленныя занятія, которыя для нихъ затруднительны“. Здѣсь есть доля неправды. Дѣло пріобрѣтенія пожертвованій не требуетъ ни постоянныхъ, ни усиленныхъ занятій, и служебное положеніе членовъ совѣта не только не могло служить препятствіемъ, но скорѣе способствовало пріобрѣтенію пожертвованій. Корень зла заключался въ дурномъ началѣ: общество раздвоилось, и часть его, можетъ быть, большая, несочувственно отнеслась къ столь безцеремонному попранію трудовъ прежнихъ дѣятелей. Этотъ расколъ общества въ зародышѣ уничтожилъ бы училище, если бы на выручку не явились учителя уѣзднаго училища, изъявивъ желаніе заниматься въ училищѣ безплатно, благодаря чему открытъ былъ 1-й классъ. Это большая заслуга тогдашнихъ педагоговъ: смѣло можно сказать, что безъ нихъ дѣло женскаго образованія въ Ялуторовскѣ захирѣло бы, если бы совсѣмъ не заглохло. Первое время они, насколько позволяли ихъ прямыя обязанности, относились къ дѣлу народнаго образованія вполнѣ добросовѣстно, даже съ нѣкоторымъ рвеніемъ, но вскорѣ охладѣли. Причинъ этому было много: высокомѣрное отношеніе членовъ совѣта, которые считали себя начальниками заведенія, неумѣстное и неделикатное вмѣшательство ихъ въ педагогическое дѣло и, наконецъ, бѣдность, почти полное отсутствіе пособій—были главнѣйшими изъ нихъ. „Преподаваніе въ здѣшней школѣ“,—пишетъ откровенно учитель Лукіановъ въ 1866 году,—„едва ли можетъ итти сколько-нибудь успѣшнѣе, несмотря на все усердіе и стараніе со стороны учителя, во-первыхъ, потому, что школа не имѣетъ не только историческихъ и географическихъ картъ, но даже и глобуса, и во-вторыхъ, потому, что, занимаясь съ начала основанія школы, преподаватели не были удостоены со стороны совѣта никакого поощренія, что имѣетъ, конечно, не малое вліяніе на усиленіе дѣятельности“. Въ заключеніе онъ проситъ выписать къ началу года глобусъ, 10 или 15 экз. „Уроковъ географіи“ Семенова и 5 экз. „Исторіи Россіи“ Иловайскаго. Вознагражденіе учителямъ стали

давать лишь съ 1868 года: учителямъ наукъ по 50 к. за урокъ (за день)*), а учителямъ искусствъ по 35 к.

Здѣсь кстати привести расписаніе доходовъ и расходовъ школы на 1869 годъ.

Приходъ.

1) Изъ доходовъ городового хозяйственнаго управленія	100 р.
2) Пожертвованія купцовъ и торгующихъ при пріобрѣтеніи свидѣтельствъ	102 р.
3) Пожертвованія разныхъ лицъ	533 р.
4) Сборъ со спектакля	42 р.
5) %% съ 3-хъ пятипроцентныхъ билетовъ	15 р.
6) %% съ 4-хъ пятипроцентныхъ билетовъ	20 р.
Итого . .	812 р.

Расходъ.

1) Жалованье учительницѣ приготовительнаго класса	150 р.
2) Жалованье надзирательницѣ	120 р.
3) „ „ 4-мъ учителямъ	150 р.
4) „ „ служителю	48 р.
5) „ „ учителю пѣнія	20 р.
6) „ „ учит. башмачнаго ремесла	20 р.
7) Хозяйственные расходы и покупка билетовъ . .	355 р.
8) Ремонтъ, отопленіе, освѣщеніе зданія и др. расходы	272 р.
Итого . .	1035 р.

Постоянными источниками содержанія училища, какъ мы видимъ, были пособіе изъ городского хозяйственнаго управленія, пожертвованія со стороны торгующихъ, такъ какъ, при взятіи ими свидѣтельствъ на право торговли, съ нихъ обязательно взыскивалась извѣстная сумма, и, наконецъ, %% съ билетовъ. Случайными источниками были пожертвованія частныхъ лицъ, сборы со спектаклей и, кромѣ того, лотерейные розыгрыши вещей, сдѣланныхъ дѣвочками и пожертвованныхъ частными лицами, которые приносили иногда далеко за 100 р. Матеріальное положеніе училища къ концу шестидесятыхъ годовъ значительно, какъ мы видимъ, улучшилось; къ сожалѣнію, этого сказать нельзя по отношенію къ нравственной и учебной сторонѣ дѣла. Раздоры членовъ совѣта между собою и по отношенію къ учительскому персоналу разъѣдали все дѣло. Въ 1865 году послѣ спектакля, бывшаго въ училищѣ, члены пожелали играть въ карты. Начальница убѣждала членовъ не играть, такъ какъ находила это неудобнымъ для учебнаго заведенія, но попечительница разрѣшила игру, и противъ начальницы начались козни. Дѣло дошло до губернатора. „Какъ этотъ случай“,—писалъ начальникъ губерніи,— „такъ и бывшій въ засѣданіи попечительнаго совѣта показываетъ, что между членами не существуетъ того взаимнаго согласія, которое такъ необходимо для управленія заведеніемъ и безъ котораго никакія правительственныя мѣры не могутъ имѣть успѣха“. Въ 1867 году въ совѣтѣ вновь возникаютъ интриги, на этотъ разъ направленныя противъ смотрителя Аристова. Аристовъ, вернувшись изъ округа и узнавъ, что многія изъ ученицъ не были на молебнѣ по случаю избавленія драгоцѣнной жизни покойнаго Царя-Освободителя отъ вторичнаго покушенія, рѣшился отслужить молебенъ въ зданіи училища. Молебенъ былъ отслуженъ. Члены попечительнаго совѣта до глубины души возмутились этимъ поступкомъ. „Какъ отслужить молебенъ и безъ нашего позволенія и безъ нашего присутствія!“ И въ совѣтъ посыпались заявленія, при чемъ первой подала примѣръ попечительница Шишко. Совѣтъ, разбирая эти заявленія, дошелъ до того, что сталъ обсуждать служебную дѣятельность смотрителя и какую-то прощальную смотрительскую рѣчь, произнесенную на торжественномъ актѣ, и нашелъ, что она не была представлена на цензуру городничаго, и весь этотъ ворохъ домашнихъ нечистоплотностей рѣшили представить на разсмотрѣніе губернатору. Управлявшій губерніей предсѣдатель губернскаго правленія Курбановскій со скорбію могъ только отвѣтить, что все это дѣло носитъ характеръ личныхъ раздоровъ, что никакое порядочное дѣло не можетъ итти съ тѣмъ успѣхомъ, какого заслуживаетъ, при такихъ взаимныхъ отношеніяхъ и, наконецъ, что очень сожалѣетъ, что они къ своимъ отношеніямъ и препирательствамъ примѣшали даже священную Особу Монарха, драгоцѣнная жизнь котораго находилась въ такой опасности“. Въ томъ же 1867 году, не успѣла улечься грустная исторія со смотрителемъ, какъ возникла новая: начальница или надзирательница училища Л. Брехова не угодила чѣмъ-то попечительницѣ Шишко, и она подаетъ въ совѣтъ заявленіе, что надзирательницу необходимо уволить отъ должности. Члены отъ дворянъ Игумновъ и Шалобановъ согласились съ попечительницей, а смотритель училищъ Фоняковъ и городовой староста Мясниковъ нашли ходатайство объ увольненіи не выдерживающимъ критики, такъ какъ Брехова ежегодно

*) При разсмотрѣніи дѣлъ я убѣдился, что выраженіе „за урокъ“ равносильно было выраженію „за день“. Авт.

была представляема къ наградамъ, слѣдовательно служба ея считалась полезной; кромѣ того, увольненіе отъ должности практикуется лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, и обыкновенно ему предшествуютъ замѣчанія, выговоры и т. п. Лишь благодаря этому заступничеству Брехова осталась при своей должности. Къ 1870-мъ годамъ учебное дѣло въ женской школѣ пало на самую низкую ступень. „Училище“,—пишетъ попечительница школы Губанова,—„состоитъ изъ одного класса, тогда какъ оно должно состоять изъ трехъ, да и этотъ единственный классъ весьма слабъ по успѣхамъ... учителя уѣзднаго училища приняли на себя трудъ занятій въ женскомъ училищѣ каждый по своей спеціальности, но посѣщаютъ училище нерадиво, хотя и получаютъ за учебный день по 50 копеекъ, а даютъ 2—3 урока въ мѣсяцъ“*). Въ устраненіе этого порядка она предложила совѣтъ имѣть двухъ учительницъ: одну для приготовительнаго и рукодѣльнаго класса, а другую—для перваго, а затѣмъ по мѣрѣ открытія классовъ прибавлять число учительницъ. Въ учительницы приготовительнаго класса она рекомендовала пригласить Брехову. Въ іюлѣ 1870 года проектъ ея осуществился, и учительницами были назначены двѣ молодыя дѣвушки, только что окончившія курсъ въ Тобольской Маріинской женской школѣ: Ѳедорова и Зданевичъ, Брехова же была совсѣмъ уволена, какъ не имѣвшая правъ на преподаваніе. Мы уже видѣли, въ какомъ печальномъ положеніи находилось училище до этого времени, съ 1870-го же года учебная часть значительно улучшилась: молодыя учительницы работали старательно и успѣшно и заслужили общественное уваженіе, особенно Ѳедорова. Классная система преподаванія практиковалась до 1874 г., т. е. до преобразованія училища въ прогимназію. Въ заключеніе отмѣтимъ тотъ отрадный фактъ, что декабристы не забывали наши школы и на родинѣ: такъ, въ 1861 г. въ пользу приходскаго училища отъ неизвѣстнаго лица изъ Москвы поступило 142 р., а жена коллежскаго регистратора Ол. Ив. Басаргина послѣ своей смерти отказала въ пользу училища 500 руб.

Число учащихся въ уѣздномъ училищѣ за это время не поднималось выше 70 и не падало ниже 26 человѣкъ. Самый богатый учащимися годъ былъ 1872 (70 ч.), а самый бѣдный 1873 (26 ч.). Обычнымъ числомъ въ шестидесятые годы было 43, 44, 45 человѣкъ, а въ семидесятыхъ годахъ 60 ч. (исключая 1871 года, когда было 50 учениковъ).

*) Это едва ли не преувеличеніе: смотритель училищъ, по крайней мѣрѣ, доносилъ, что учителя даютъ по 2—3 урока (т. е. дня) въ недѣлю, а не въ мѣсяцъ. Авторъ.

Въ женскомъ училищѣ наибольшаго предѣла число учащихся достигло въ 1873 году, т. е. въ годъ закрытія училища (54 ч.). Въ теченіе 1864, 1865, 1866 гг. обучалось всего 15—16 дѣвочекъ. Обычнымъ числомъ учащихся можно считать 37—38 ч.

Въ приходскомъ училищѣ въ 1861, 1862, 1863 годахъ обучалось всего по 42—43 ч., въ 1865 и 1867 гг. число это увеличилось до 47; самымъ богатымъ учащимися годомъ былъ 1869, въ продолженіе котораго обучалось 70 челов., и 1871 г. съ 62 учащимися.

Послѣ пожара уѣздному училищу пришлось устраивать свою библіотеку съ основанія. На первыхъ порахъ много помогъ тит. сов. П. С. Наутовъ, пожертвовавшій, въ благодарность за полученное имъ въ этомъ училищѣ образованіе, свою библіотеку въ 95 книгъ, а затѣмъ библіотека пополнялась уже исключительно выпиской. Въ 1863 году было выписано 36 назв. въ 120 томахъ, на сумму 67 руб., въ 1864 г.—16 назв. въ 29 томахъ, на сумму 63 рублей. Въ 1865, 1868, 1870, 1872 и 1873 гг. было выписано книгъ болѣе, чѣмъ на 100 рублей; обыкновенно же расходовалось на выписку книгъ ежегодно слишкомъ 60 рублей. 1866 годъ былъ въ этомъ отношеніи выдающимся: въ теченіе его было пріобрѣтено книгъ на 238 р. (108 назв. 258 т.). Къ концу описываемаго періода библіотека достигла 377 назв. въ 1050 томахъ. На ряду съ фундаментальной библіотекой созидалась и ученическая, и пополнялся отдѣлъ учебныхъ пособій. Когда была основана ученическая библіотека, мы не могли найти въ архивѣ,—во всякомъ случаѣ не ранѣе 1867 г., пополняться же болѣе или менѣе регулярно стала съ 1870 г. (было израсходовано на нее 15 руб.), но пополнялась очень слабо, ибо расходовалось на нее ежегодно не болѣе 3 руб. Содержалась она, повидимому, очень неряшливо: книги были ветхи, и до 1871 года она не имѣла даже инвентаря. Съ 1876 года ее стали приводить въ порядокъ. Къ 1874 году ея богатства заключались въ 36 назв. въ 109 томахъ.

Въ женскомъ училищѣ до 1872 года библіотеки, можно сказать, не существовало. Наслѣдство, оставленное приходскимъ училищемъ въ видѣ трехъ почтенныхъ журналовъ: Луча, Ласточки и Звѣздочки, временами пополнялось пожертвованіями частныхъ лицъ, состоявшими изъ разрозненныхъ и разбитыхъ книжекъ тогдашнихъ журналовъ, въ томъ числѣ и Revue de deux mondes, который до послѣдняго времени обрѣтался неприкосновеннымъ. Въ 1872 г. была единственная выписка книгъ на 18 р. (22 назв. 31 т.). Учебныя пособія также мало пополнялись: въ 1869 году было выписано 17 пособій, въ томъ числѣ два атласа, которые до 1872 года и числились неизмѣнно.

Библіотека приходскаго училища основалась въ 1864 году, когда въ нее поступило книгъ 5 названій въ 8 томахъ. Въ 1866 году въ ней числилось 33 названія въ 35 томахъ. Въ 1867 году, несмотря на то, что было прибавлено книгъ на 3 руб., число это уменьшилось до 24 назв. въ 34 т. Кромѣ этихъ, было еще три выписки: въ 1869 году на 22 р., въ 1870 г. на 1 руб. и въ 1872 г. на 22 р. Къ 1874 году въ библіотекѣ состояло 85 назв. въ 151 томѣ. Также слабо развивался и отдѣлъ учебныхъ пособій.

Вотъ въ какомъ положеніи находились городскія школы.

Мы уже разсмотрѣли рядъ мѣръ, направленныхъ къ подъему учебнаго дѣла въ городскихъ училищахъ, но не менѣе ихъ было предпринято и по отношенію къ сельскимъ школамъ округа. Мы уже видѣли, что вліяніе этихъ школъ какъ въ количественномъ такъ и въ качественномъ отношеніи было ничтожно. Необходимо было поднять уровень этихъ школъ, и директоръ училищъ Ф. В. Рудаковъ въ 1864-мъ году обратился къ смотрителямъ съ просьбой обозрѣть всѣ училища округа и откровенно описать ихъ во всѣхъ отношеніяхъ, дабы вѣрнѣе можно было судить о нихъ и знать, что въ нихъ требуетъ поправокъ. Смотритель училищъ Аристовъ вотъ какъ описалъ ихъ.

Всѣхъ школъ въ ялуторовскомъ округѣ оказалось шесть, и изъ никъ половина находилась въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ, а другая подчинена была епархіальному начальству. Въ общественномъ домѣ помѣщалась всего лишь одна школа, а всѣ остальныя въ церковныхъ сторожкахъ (3) и въ частныхъ наемныхъ квартирахъ (2). Преподавателями вездѣ считались священники, которые получали въ школахъ минист. государственныхъ имуществъ 85 р. годового жалованья изъ волостныхъ суммъ, а въ церковныхъ школахъ занимались безплатно. Занимались сами лишь немногіе, большинство же поручали дѣло обученія наемнымъ людямъ, которымъ давали и часть жалованья: такъ, въ с. Новозаимскомъ занимался поселенецъ Кочетовъ, человѣкъ по свидѣтельству смотрителя достаточно гратотный; въ с. Омутинскомъ губ. сек. Черновскій, окончившій курсъ въ Камышловскомъ уѣздномъ училищѣ, но не имѣвшій учительскаго званія и отказавшійся держать экзаменъ по „слабости познанія“; въ с. Исетскомъ занимался поселенецъ Бурлинъ. Постоянные разъѣзды по приходу для исполненія церковныхъ требъ страшно тормозили учебное дѣло, и священникъ volens-nolens долженъ былъ поручать это дѣло дьячку, человѣку въ большинствѣ случаевъ малограмотному, или за неимѣніемъ годнаго дьячка какому-нибудь другому деревенскому грамотею; грамотеевъ же изъ мѣстныхъ крестьянъ было мало: да и что за охота человѣку мѣнять свое хозяйство на заработокъ—въ лучшемъ случаѣ 5 руб. въ мѣсяцъ? Поневолѣ приходилось поручать дѣло ссыльнымъ, которые въ сущности и при существованіи школы занимались обученіемъ крестьянскихъ ребятишекъ; даже впослѣдствіи, когда школа была взята въ вѣдѣніе министерства государственныхъ имуществъ, ссыльные являлись важными конкурентами зарождающейся школы тѣмъ болѣе, что волостныя власти и общества сочувственно относились къ такимъ домашнимъ учителямъ.

Учитель Архангельскаго училища Нестеровъ въ 1875 году просилъ смотрителя „объ уничтоженіи частныхъ учителей“, особенно поселенца Бобкова, который „сдѣлалъ развращеніе между родителями учащихся“. Въ с. Агаракскомъ, Плетневской волости, занимался частнымъ обученіемъ изгнанный изъ духовнаго званія дьячекъ Мизерантовъ; въ поношеніе учителя онъ распространилъ слухъ, что онъ, Мизерантовъ, лучше можетъ учить, чѣмъ въ училищѣ, и притомъ по церковнымъ книгамъ. У него обучалось 9 человѣкъ. Когда смотритель училищъ запретилъ ему преподаваніе, то агаракское общество выступило за него съ горячей защитой. Сами священники занимались лишь въ селахъ Суерскомъ, Терсюкскомъ и Юргинскомъ, т. е. въ министерскихъ школахъ, но они вели дѣло не лучше наемныхъ учителей, а одинъ изъ нихъ негоденъ былъ даже физически: по своей дряхлости, онъ плохо и слышалъ и говорилъ. Другіе священники, хотя были моложе и бодрѣе, но не болѣе удовлетворяли педагогическимъ требованіямъ: безъ всякой педагогической подготовки, они не могли поставить школу на ту высоту, какая была необходима для ея успѣховъ. Учителя-наемщики получали за каждаго ученика по 50 коп. и по 1 руб. въ мѣсяцъ и жили поочередно по недѣлѣ у родителей учениковъ. Въ прошлой главѣ мы уже описывали преподаваніе въ дореформенныхъ школахъ и результаты этого преподаванія. Здѣсь же мы коснемся нѣкоторыхъ частностей. Въ Суерскомъ училищѣ 6 мальчиковъ, спрошенные изъ священной исторіи, не разсказывали о событіяхъ, а безостановочно читали съ закрытыми глазами, не измѣняя голоса, и совершенно не понимали вызубреннаго. Нѣкоторые читали хорошо, но ни одинъ не былъ въ состояніи разсказать прочитаннаго и объяснить непонятныя слова. Изъ ариѳметики 4 ученика могли сдѣлать первыя три дѣйствія съ простыми числами. Писали 10 человѣкъ сносно. Дѣвочки обучались пока только чтенію. Во всѣхъ остальныхъ школахъ успѣхи были еще ниже. Въ Новозаимской школѣ читать порядочно могли 4 мальчика и 1 дѣвочка, но разсказать прочитаннаго не могъ никто. Изъ краткаго катихизиса, оказалось, зазубривался текстъ, и ученики не могли объяснить ни одного

слова Символа вѣры и молитвы Господней. Что касается ариѳметики, то результаты ея преподаванія оказались болѣе чѣмъ ничтожны: ученики не въ состояніи были отличить 15 отъ 105. Въ Юргинскомъ училищѣ могли писать числа до 1000. Вотъ въ какихъ микроскопическихъ размѣрахъ распространялось образованіе въ округѣ, но оно покажется намъ еще болѣе мизернымъ, если мы примемъ во вниманіе, что описываемыя нами школы имѣли самое ничтожное количество учащихся: такъ, въ Терсюкской было всего 5 учениковъ, въ Омутинской 9, въ Новозаимской 10 (7 мал. и 3 дѣв.), въ Юргинской 14, и только въ Исетской и Суерской достигало 25 уч. Такимъ образомъ, весь итогъ просвѣтительной дѣятельности сельскихъ школъ Ялуторовскаго округа заключался въ томъ, что 80 мальчиковъ научались читать и писать, но ни понимать мысли и чувства, выраженныя на бумагѣ, ни выражать ихъ—они, увы! не научались.

Первыми, неотложными потребностями школы были признаны замѣна учителей-священниковъ свѣтскими учителями и ихъ обезпеченіе. Съ этою цѣлію всѣ церковно-приходскія школы постепенно переведены были въ вѣдѣніе министерства государственныхъ имуществъ. Переходъ этотъ совершился довольно скоро. Мы ранѣе видѣли, что въ 1864 г. было уже 4 школы: Суерская, Терсюкская, Юргинская и Исетская, въ 1865 году къ нимъ прибавились Верхсуерская, Соловьевская и Кизакская. Завѣдываніе школами возложено было на казенную палату, отъ которой зависѣло открытіе новыхъ школъ въ округѣ*), назначеніе и увольненіе учителей, а также, совмѣстно съ директоромъ училищъ, и высшее руководительство учебнымъ дѣломъ въ этихъ школахъ. За приготовленіе учителей взялись уѣздныя и женскія училища, и до основанія учительской семинаріи въ Омскѣ контингентъ учителей пополнялся главнымъ образомъ окончившими курсъ въ уѣздныхъ и женскихъ училищахъ, изъ священниковъ же остались лишь очень немногіе: такъ, въ 1869 году изъ 10 учителей священниковъ было всего два. Жалованья учителямъ было 85 р. въ годъ, и расходъ этотъ былъ отнесенъ къ числу земскихъ волостныхъ повинностей. Снабжать училища учебниками и учебными пособіями также взялось уѣздное училище: оно выписывало книги и пособія изъ столицъ и затѣмъ за умѣренную плату разсылало по училищамъ. Заведеніе школьныхъ зданій, наемъ, отопленіе и освѣщеніе училищныхъ помѣщеній возложены были на волостныя общества. Общества однакожъ неохотно брались за это дѣло, и

*) Первое время, впрочемъ, школы открывались съ разрѣшенія главнаго управленія Западной Сибири. Авторъ.

въ этомъ отношеніи еще многаго приходится желать и въ наше время, тогда же школьныя помѣщенія были ниже всякой критики. Вотъ каково было помѣщеніе Заводоуковской школы, въ 22 верстахъ отъ города. Въ стѣнахъ и на потолкѣ классной комнаты были щели, сквозь которыя вѣтеръ, проникая съ улицы, поселялъ такой холодъ въ комнатѣ, что, по разсказамъ учителей и бывшихъ учениковъ, заниматься приходилось въ шубахъ, шапкахъ и рукавицахъ, и при этомъ необходимо было постоянно грѣться у печи, а иногда, въ особенно сильные морозы, заниматься вмѣстѣ съ учительницей на печи. Не лучше была и учительская комната, въ которой сквозь крышу и потолокъ проникалъ дождь, и, безъ сомнѣнія, скоплялся бы въ большія лужи, если бы на полу, сверхъ обыкновенныхъ, положенныхъ по штату щелей, не было вершковыхъ и двухвершковыхъ дыръ, въ которыя вода и стекала подъ полъ. Эти дыры, представляя столь значительное удобство, служили и другую службу, уже не такъ пріятную для учительскаго организма, а именно: безпрепятственно пропускали вѣтеръ, который и дулъ въ нихъ, какъ въ трубу, щедро надѣляя учителей ревматизмомъ и другими подобными прелестями. Этому, впрочемъ, много способствовали и окна, въ которыхъ цѣлыхъ стеколъ имѣлось очень мало, такъ какъ поломанныя никогда не вставлялись, а заклеивались просто-на-просто бумагой. Отапливать приходилось комнаты сырыми дровами и валежникомъ, доставляемыми по подряду крестьяниномъ Лушниковымъ, который по своимъ дѣламъ часто уѣзжалъ изъ завода и училище оставалось безъ дровъ, такъ что: „мнѣ самому“,—пишетъ учитель Карпинскій,—„за неимѣніемъ дровъ, приходилось топить печь щепами“. Трудно вѣрить въ возможность подобной обстановки, но пусть невѣрующіе Ѳомы обратятся къ дѣламъ училища за 1875 годъ за №№ 237, 259, 305, 343 и за 1876 годъ за №№ 110 и 250-мъ. Въ селѣ Шороховскомъ училище помѣщалось въ общественномъ домѣ, крайне тѣсномъ, имѣющемъ мало свѣта и угарномъ. Помѣщенія для учительской квартиры въ этомъ зданіи совсѣмъ не было. На неудобство училищнаго помѣщенія жаловались и шатровскіе законоучитель и учительница и просили припудить волостное начальство озаботиться устройствомъ лучшаго помѣщенія.

При устройствѣ училищной обстановки въ народной бѣдности и невѣжествѣ были встрѣчены еще большія препятствія. Такъ, при Терсюкскомъ училищѣ библіотека была очень бѣдна, и всѣ почти учебники пришли отъ времени въ ветхость. Не было при училищѣ также и часовъ. Спасская учительница Звѣздина пишетъ, что ей недостаетъ самыхъ необходимыхъ учебныхъ

принадлежностей: перьевъ, ручекъ, линеекъ, аспидныхъ досокъ, карандашей, грифелей и даже мѣлу. Но народное невѣжество было сильнѣе бѣдности, и школьное дѣло тормозилось имъ еще чувствительнѣе. „При всемъ желаніи наставниковъ,“—пишетъ учитель Карпинскій—„развить грамотность, къ сожалѣнію, въ родителяхъ учениковъ упорно коренится пренебреженіе и полное равнодушіе къ грамотѣ, тогда какъ во всѣхъ почти дѣтяхъ-ученикахъ жажда грамотности и къ чтенію книгъ очевидна, что доказывается желаніемъ многихъ пріобрѣсти собственныя книги, которыя ими покупаются на ярмаркахъ или у бродящихъ по селамъ такъ называемыхъ коробейниковъ. Родители же безпрестанно отвлекаютъ учениковъ отъ занятій, отпрашивая ихъ на день на два и задерживая дома недѣлю и болѣе, такъ что иногда въ теченіе мѣсяца не ходитъ болѣе 1/3 числа учениковъ. Изъ числа 5 старшихъ учениковъ были приготовлены еще въ прошломъ году къ окончанію курса 3, но по волѣ родителей они взяты изъ училища“.

Но не среди крестьянъ только не встрѣтила сочувствія новая школа,—мѣстные священники также относились къ ней индиферентно. Почти ни одинъ священникъ не являлся преподавать Законъ Божій въ этихъ школахъ. Въ с. Суерскомъ оба священника отказались заниматься за неимѣніемъ времени. Въ с. Омутинскомъ оба священника также отказались отъ преподаванія: одинъ—по должности благочиннаго, другой—за старостью. Учитель Ингалинскаго училища писалъ, что мѣстный священникъ отказался заниматься въ школѣ, такъ какъ ему нѣтъ объ этомъ предписанія отъ консисторіи. Юргинскій священникъ соглашался заниматься съ тѣмъ, чтобы учитель отдалъ ему треть своего жалованья. Тѣ же священники, которые взялись за преподаваніе, относились къ этому дѣлу крайне небрежно. Терсюкскій священникъ посылалъ иногда за себя заниматься оспенника, который у него проживалъ. Когда явился новый учитель Черноговъ, то священникъ прогналъ его изъ училища, и хотя тотъ предъявилъ ему бланкъ, выданный губернаторомъ, но тотъ не вѣрилъ ему и называлъ учителя бродягой. Ингалинскій священникъ, по случаю обрядовъ вѣнчанія и гостей въ его домѣ, не сталъ ходить въ школу, а потому не было и выпуска. Въ февралѣ 1876 года такое отношеніе священниковъ къ школѣ было остановлено указомъ консисторіи, которая предписала священникамъ со всѣмъ усердіемъ заниматься Закономъ Божіимъ въ сельскихъ школахъ, отнюдь не допуская при этомъ какой-нибудь небрежности, ибо учить народъ правиламъ вѣры и нравственности—прямая обязанность священниковъ. „Небрежно относящіеся къ этому дѣлу“,—въ

заключеніе прибавляетъ консисторія,—„будутъ переводиться въ худшіе приходы“.

Въ самомъ выборѣ селеній для училищъ иногда дѣлались ошибки, и оттого успѣшность школы шла слишкомъ медленнымъ шагомъ, и нѣкоторыя школы приходилось закрывать или переводить въ другія мѣста. Закрыты были школы Поляковская, Соловьевская, Мининская и Томиловская. Вотъ, что писалъ, напримѣръ, кизакскій священникъ о. К. Беллюсовъ о своей школѣ послѣ двадцатилѣтняго ея существованія. Слобода Кизакская, по его мнѣнію, на дѣлѣ вовсе не оправдывала заботъ и стараній начальства по устройству въ ней школы, такъ какъ учащихся въ школѣ всегда было мало, а въ 1884 г., когда онъ писалъ, было всего семь человѣкъ. Населеніе Кизака малочисленно, крестьянскихъ домовъ православнаго вѣроисповѣданія было не болѣе пятнадцати, а остальное населеніе составляли раскольники, вообще косо смотрящіе на школы. Жители деревень, принадлежащихъ къ Кизакскому приходу, не отдавали дѣтей своихъ въ школу частію по ея отдаленности, а главное потому, что крестьянинъ, отдавъ своего ребенка въ школу, долженъ былъ платить за квартиру и столъ. О. Беллюсовъ проситъ училищное начальство перевести школу изъ Кизака въ деревню Журавлеву (Курскій выселокъ), съ которой рядомъ находятся выселки Щигровскій и и Фатежскій и деревня Погодаева, составляющіе одно общество. „Если училище будетъ перемѣщено въ выселокъ Курскій“,—пишетъ онъ,—„то учащихся будетъ не семь, а семьдесятъ. Для учителя, нечего говорить, найдется приличная квартира, а законоучителю не будетъ обременительно два-три раза въ недѣлю съѣздить въ училище за 6 верстъ, лишь была бы польза“.

Несмотря на всѣ неудобства, новая школа пришлась населенію болѣе по вкусу, чѣмъ прежняя духовная. Среднее число учащихся въ церковной школѣ простиралось въ разные годы до 9 чел. (только въ 1861—18 чел.), новая же школа на первыхъ порахъ, въ 1864 и 65 годахъ, имѣла уже 13—14 уч., въ слѣдующіе же годы число учащихся на каждую школу среднимъ числомъ приходилось 28. Общее число учащихся въ духовныхъ школахъ никогда не превышало 160 чел. (это было въ 1862 г., когда школъ было 19), между тѣмъ какъ въ 1873 году въ новыхъ 17 школахъ учащихся было болѣе, чѣмъ въ два раза, а именно 386 чел. Когда въ 1871 году исправникъ предложилъ заводоуковскимъ крестьянамъ пригласить въ учителя мѣстнаго священника, то они заявили, что предпочитаютъ свѣтскаго учителя.

Обученіе грамотѣ въ сельскихъ училищахъ производилось по Золотову, ариѳметика преподавалась по Грубе. Это былъ уже

значительный шагъ впередъ въ сравненіи съ преподаваніемъ въ церковныхъ школахъ. Мало доступныя формулы „буки-азъ—ба, вѣди-азъ—ва“ были уже выброшены изъ обращенія, и время, растрачиваемое на изученіе „складовъ“, было употребляемо съ большею пользою на объяснительное чтеніе.

Число окончившихъ курсъ было однакожъ не велико. Въ 1871 году оно превышало 20, но уже въ слѣдующемъ 1872 г. во всѣхъ училищахъ округа ихъ было всего 2 ученика! Причиною печальнаго явленія была, безъ сомнѣнія, безправность окончившихъ курсъ. Съ введеніемъ всеобщей воинской повинности, когда окончившимъ курсъ въ начальныхъ училищахъ были предоставлены нѣкоторыя права, увеличилось и число оканчивающихъ курсъ.

Фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ до 1871 г. при сельскихъ училищахъ не существовало, пособій, кромѣ учебниковъ, не имѣлось,—въ одномъ только Омутинскомъ училищѣ смотритель училищъ встрѣтилъ 54 картины изъ священной исторіи. Были такіе училища, въ которыхъ изъ учебниковъ имѣлись лишь буквари да азбуки, какъ въ Архангельскомъ, а нѣкоторые не имѣли и этого, напр., Исетское женское, которое всѣмъ заимствовалось изъ мужского. Выписка книгъ и пособій для училищъ началась съ 1871 г., когда для всѣхъ 11 училищъ выписано было книгъ на 155 р. (151 назв. въ 700 том.). Въ слѣдующіе за тѣмъ года выписка продолжалась, но въ самыхъ микроскопическихъ размѣрахъ: въ 1872 г.—на 27 р., а въ 1873 г.—на 18 р. Выписывались, какъ видно, какія-то маленькія книжонки: на 27 руб. выписано 100 назв. въ 412 т., а на 18 руб.—116 назв. въ 316 томахъ!

То состояніе, котораго достигла сельская школа къ концу описываемаго періода, нельзя назвать блестящимъ: училищныя помѣщенія были бѣдны, библіотеки только что начали основываться и развивались слабо, учебныхъ пособій не было, оканчивающихъ курсъ было мало, учителя не имѣли достаточной педагогической подготовки и всего добивались опытомъ. Но, какъ ни печальна была обстановка этой школы, важно было уже то, что первый шагъ столь важнаго дѣла, какъ сельское образованіе, былъ сдѣланъ.

Глава VI. Народное образованіе съ 1873 по 1890 годъ.

Начало семидесятыхъ годовъ займетъ не одну страницу въ исторіи народнаго образованія въ Россіи. Преобразованіе гимназій,

реальныхъ и уѣздныхъ училищъ, измѣненіе программъ начальныхъ народныхъ училищъ, учрежденіе учительскихъ институтовъ и семинарій,—все это совершено было въ первую половину семидесятыхъ годовъ. Въ Западной Сибири это реформаціонное движеніе выразилось въ открытіи женскихъ гимназій и прогимназій и учрежденіемъ въ г. Омскѣ учительской семинаріи, которая до настоящаго времени остается единственнымъ разсадникомъ начальныхъ учителей, а въ Ялуторовскѣ, въ частности,—преобразованіемъ женской школы, рядъ неустройствъ который мы описали, въ трехклассную прогимназію съ приготовительнымъ классомъ; уѣздное же училище осталось въ своемъ прежнемъ видѣ.

Пріобрѣтеніе новаго дома для уѣзднаго училища было съ шестидесятыхъ годовъ одной изъ первыхъ заботъ училищаго начальства, но оно осуществилось лишь въ 1873 году, когда главный инспекторъ училищъ разрѣшилъ пріобрѣсть для училища домъ протоіерея Як. Кор. Словцова. Осенью 1873 г. домъ этотъ былъ пріобрѣтенъ, а къ началу 1874 года училище уже помѣщалось въ немъ. Домъ находится почти въ центрѣ города и состоялъ ранѣе изъ 5 комнатъ: трехъ большихъ—для классовъ, и двухъ поменьше: одной для учительской комнаты и другой для ремесленнаго класса. Всѣ эти комнаты были расположены по обѣ стороны коридора и имѣли изъ него каждая отдѣльный входъ. Для рекреацій отдѣльной залы не было. Классныя комнаты при достаточной высотѣ давали достаточно воздуха и были для классовъ удобны, чувствовался развѣ только недостатокъ свѣта. Съ пріобрѣтеніемъ зданія, войдя въ свою обычную колею, училище предпринимаетъ рядъ мѣръ для улучшенія своего внутренняго быта. Съ 1874 года вводится преподаваніе пѣнія, для церковнаго же пѣнія составляется изъ учениковъ хоръ. Въ 1877 году главный инспекторъ, вслѣдствіе проекта кол. сов. Павлова-Сильванскаго, командированнаго министромъ финансовъ для изученія сибирской промышленности и торговли, рекомендуетъ ввести въ уѣздныхъ училищахъ преподаваніе бухгалтеріи и коммерческихъ наукъ, а также устраивать ремесленные классы. Не имѣя своихъ средствъ, училище обратилось въ городскую управу, не согласится ли она оказать въ этомъ дѣлѣ матеріальное пособіе. Ялуторовская городская дума сочувственно отнеслась къ этому и ассигновала на устройство при училищѣ курсовъ бухгалтеріи и коммерческихъ наукъ и ремесленнаго класса на первый годъ 300 рублей, а затѣмъ ежегодно по 220 руб. Съ начала $187^{7}/_{8}$ года началось преподаваніе сапожнаго ремесла, а съ октября 1879 г. это ремесло замѣнено было столярнымъ и переплетнымъ. Кто преподавалъ бухгалтерію и коммерческія науки и какъ велось

преподаваніе этихъ предметовъ, мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ данныхъ. Можно только предполагать, что кто-нибудь изъ преподавателей, вѣрнѣе учитель ариѳметики, взялъ на себя преподаваніе этихъ предметовъ, и преподаваніе это велось не совсѣмъ успѣшно. Это обстоятельство, вѣроятно, и заставило думу въ январѣ 1883 года прекратить субсидію отъ города, но того же 25 января дума ассигновала 120 руб. въ пособіе училищу на содержаніе ремесленнаго (сапожнаго и башмачнаго) класса, который и существовалъ до января 1890 года, когда пособіе это было прекращено. Интересно было бы опредѣлить причину неудачи столь прекраснаго начинанія. Намъ кажется, что причина эта отчасти заключалась въ отсутствіи хорошихъ ремесленниковъ, способныхъ къ преподаванію. Безъ сомнѣнія, хорошіе ремесленники въ Ялуторовскѣ были, но они или запивали и слѣдовательно въ воспитательномъ отношеніи дѣйствовали бы вредно, или были негодны, какъ ссыльные; приходилось выбирать такихъ, которые, „хоть и дерутъ, зато ужъ въ ротъ хмѣльного не берутъ“. Съ другой стороны и само училищное начальство недостаточно опредѣлило роль ремесла въ общей системѣ преподаваемыхъ предметовъ. Неизвѣстно, было ли цѣлію создать хорошихъ сапожниковъ, или ремесло, какъ физическій трудъ, должно было носить воспитательный характеръ. Первая цѣль никоимъ образомъ не могла быть достигнута. Всѣ ученики раздѣлены были на три группы, но не по возрасту и степени ихъ познаній въ ремеслѣ, а такъ—просто бралось по нѣсколько человѣкъ изъ каждаго класса. Преподаваніе происходило по средамъ и субботамъ, т. е. два раза въ недѣлю. Если считать въ году сорокъ учебныхъ недѣль, то, принимая во вниманіе, что по средамъ и субботамъ приходились и праздники, каждому ученику (или вѣрнѣе каждой группѣ) въ теченіе трехлѣтняго курса приходилось взять не болѣе 80 уроковъ. Едва ли можно изучить ремесло въ 80 часовъ въ сообществѣ 15-ти товарищей! Не достигалась и вторая цѣль: простой ремесленникъ, незнакомый съ педагогическими взглядами, не могъ хорошо служить воспитательному дѣлу и почему-то лишь являлся мишенью для разныхъ ученическихъ выходокъ и насмѣшекъ, такъ что занятія эти въ воспитательномъ отношеніи были по меньшей мѣрѣ безполезны. Была и еще причина охлажденія города къ покровительствуемому имъ классу. Городская дума давала деньги на содержаніе, но ей не только не было предоставлено права слѣдить за преподаваніемъ, но даже не посылалось отчетовъ по расходованію денегъ. Такимъ образомъ, ремесленный классъ, испытавъ различныя преобразованія, послѣ своего шестнадцатилѣтняго существованія, былъ закрытъ. Классъ пѣнія существуетъ и до сихъ поръ, какъ существуетъ и ученическій хоръ.

Съ 1881 года введено преподаваніе гимнастики, а съ 1889 года введено преподаваніе военной гимнастики подъ руководствомъ унтеръ-офицера мѣстной команды. Изъ постановленій совѣта обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія. 12-го марта 1877 г. совѣтъ ввелъ въ приходскомъ училищѣ преподаваніе чистописанія по тактамъ. 16-го октября 1881 года совѣтъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи учителю исторіи и географіи знакомить учениковъ 1-го класса съ важнѣйшими физическими явленіями природы, а учениковъ 2-го и 3-го класса съ элементарной физикой, тогда же совѣтъ ходатайствовалъ и о введеніи гимнастики, а въ 1885 году—о раздѣленіи приходскаго училища на три отдѣленія вмѣсто двухъ. Тѣлесныя наказанія только съ семидесятыхъ годовъ потеряли свою силу. Съ этого времени и до послѣдняго они встрѣчались развѣ только въ видѣ самаго рѣдкаго исключенія.

Въ остальномъ жизнь училища измѣнилась очень мало. Вотъ какъ описываетъ жизнь уѣздныхъ училищъ П. И. Пановъ, директоръ училищъ, въ своемъ циркулярѣ, изданномъ по поводу обозрѣнія училищъ въ 1879 году. Главнымъ образомъ П. И. Пановъ обратилъ вниманіе на плохую постановку письменныхъ упражненій, а по нѣкоторымъ предметамъ и на полное отсутствіе ихъ. „Не всѣ преподаватели своевременно и аккуратно просматриваютъ ученическія упражненія по русскому языку и ариѳметикѣ, да и въ прочитанныхъ и оцѣненныхъ извѣстнымъ балломъ, сколько я лично могъ убѣдиться, встрѣчается очень много грубыхъ ошибокъ, что, само собой разумѣется, говоритъ о бѣгломъ и мало внимательномъ чтеніи преподавателей... Преподаватели не придаютъ этимъ работамъ фактическаго значенія, доказательствомъ чему можетъ служить то, что они отмѣтокъ за эти работы не заносятъ въ классный журналъ. При самой оцѣнкѣ такихъ работъ нѣкоторые преподаватели ограничиваются постановкой какихъ-то іероглифическихъ знаковъ, смыслъ употребленія которыхъ понятенъ только имъ одиимъ; иные, напротивъ, позволяютъ себѣ дѣлать слишкомъ грубыя рецензіи, оскорбительныя для самолюбія мальчиковъ. Большая часть преподавателей географіи не обращаетъ должнаго вниманія на черченіе картъ: изъ тѣхъ ‚ученическихъ работъ, какія мнѣ привелось видѣть, очень мало удовлетворительныхъ, большею же частію черченіе невѣрно и неряшливо“. П. И. Пановъ обратилъ также виманіе и на неправильныя отношенія штатныхъ смотрителей къ членамъ педагогическихъ совѣтовъ и на веденіе этихъ совѣтовъ. „Не предрѣшая того или другого вопроса и только руководя дѣломъ совѣщанія“,—пишетъ онъ въ томъ же циркулярѣ,—„смотритель не-

премѣнно долженъ принимать во вниманіе мнѣніе каждаго члена и вообще съ уваженіемъ относиться къ мнѣнію другого, хотя бы оно и было противоположно мнѣнію другихъ или предсѣдателя".

Не въ лучшемъ состояніи нашелъ П. И. Пановъ учебное дѣло и въ свою ревизію въ 1885 году. „Члены педагогическихъ совѣтовъ, какъ видно изъ протоколовъ педагогическихъ засѣданій,—пишетъ онъ,*)—ограничиваются въ своихъ собраніяхъ предметами чисто формальнаго свойства, напр., въ большинствѣ случаевъ разсуждаютъ о выдачѣ свидѣтельствъ на званіе сельскихъ учительницъ окончившимъ курсъ въ женскихъ прогимназіяхъ и пробывшимъ помощницами учительницъ приготовительнаго класса и приходскихъ учителей болѣе 6 мѣсяцевъ, о выпискѣ періодическихъ изданій и книгъ для библіотекъ училищъ, объ освобожденіи отъ платы за право ученія бѣдныхъ, но достойныхъ учениковъ, о выдачѣ свидѣтельствъ окончившимъ курсъ въ приходскихъ сельскихъ училищахъ и т. п.; вопросовъ же, касающихся внутренняго строя того или другого училища, болѣе лучшей постановки учебнаго дѣла въ заведеніи и другихъ сторонъ чисто воспитательнаго и учебнаго характера, я не встрѣтилъ ни въ одномъ училищѣ, тогда какъ немало подобныхъ вопросовъ и разныхъ мѣръ могло быть возбуждаемо и принимаемо по обстоятельствамъ, хотя бы, напр., о подъемѣ того или другого класса, сравнительно худшаго по сознанію всѣхъ преподавателей училища. Гг. преподаватели русскаго языка и ариѳметики, насколько я могъ убѣдиться изъ представленнаго по моему требованію матеріала, сравнительно даютъ мало письменныхъ работъ, какъ напримѣръ, въ одномъ училищѣ ученики II-го класса сначала учебнаго года до марта мѣсяца по ариѳметикѣ написали maximum 8 домашнихъ работъ; ученикамъ же III-го класса на домъ почти не давалось работъ. Представляемыя ученическія работы просматриваются преподавателями бѣгло и поверхностно, отчего является множество грубыхъ грамматическихъ ошибокъ, оставленныхъ неисправленными, не разъ повторяющимися въ послѣдующихъ работахъ. Оставляя ошибки неисправленными, нѣкоторые изъ гг. преподавателей не обращаютъ вниманія и на внѣшнюю сторону ученическихъ работъ, отчего послѣднія представляются въ формѣ несшитой, испачканной, а иногда и изорванной тетради, что служитъ доказательствомъ неряшливаго и небрежнаго отношенія ученика къ своей работѣ. Нисколько не обращается вниманія на то, что ученики часто пропускаютъ уроки безъ уважительныхъ причинъ, какъ напр., въ одномъ училищѣ за 1½ года я не встрѣтилъ ни одного учебнаго дня, чтобы всѣ ученики были въ классѣ при своихъ занятіяхъ, и число отсутствующихъ достигаетъ иногда очень почтенной цифры, отъ 25 до 30 человѣкъ, и это прискорбное явленіе не есть единичное въ ряду ученическихъ манкировокъ, какъ можно видѣть изъ дневнаго журнала дежурныхъ преподавателей по училищу. Смотря слишкомъ слабо и, какъ говорится, сквозь пальцы на подобныя манкировки учениковъ, и сами гг. преподаватели не всегда свободны отъ того, чтобы не выразить и имъ замѣчанія относительно исправнаго и аккуратнаго посѣщенія лекцій. Въ одномъ училищѣ, напр., двое преподавателей не считаютъ своею нравственною обязанностью извѣщать смотрителя о причинѣ неявки въ классъ, а иногда уходятъ изъ класса послѣ 2-го или 3-го урока, не сказавши ни слова смотрителю о томъ, что по болѣзни или по особо уважительнымъ причинамъ они не могутъ продолжать уроки". Ялуторовское училище, какъ въ первую, такъ и во вторую ревизію не могло явиться исключеніемъ, особенно незавидно шло преподаваніе русскаго языка. Въ декабрѣ 1879 года П. И. Пановъ нашелъ преподаваніе русскаго языка неудовлетворительнымъ и поставилъ это на видъ преподавателю. Въ октябрѣ 1880 года назначенъ былъ новый преподаватель (в. и. д.) ученикъ VIII-го класса Тобольской гимназіи С. М. Аркановъ, но онъ пробылъ лишь до мая, когда уѣхалъ въ Тобольскъ для выдержанія экзамена на аттестатъ зрѣлости. Въ августѣ 1881 г. в. и. д. учителя русскаго языка былъ назначенъ М. Ѳ. Удольскій, не прослужившій и года, а въ 1882 году былъ присланъ для дослуженія до пенсіи бывшій каинскій смотритель Н. В. Поповъ, который, по прослуженіи трехъ лѣтъ, также былъ уволенъ отъ службы. Плохо было поставлено и преподаваніе исторіи и географіи и искусствъ. Въ предпослѣднюю свою ревизію П. И. Пановъ замѣтилъ, что пособія по исторіи, географіи и рисованію никуда негодны и приказалъ выписать новыя.

*) См. Циркуляръ по Западно-Сибирскому учебному округу 1886 г., № 4, стр. 155—160.

Нельзя при этомъ не отмѣтить пріятнаго факта, замѣчаемаго въ послѣднее десятилѣтіе—это стремленія къ дальнѣйшему образованію. Большинство изъ окончившихъ курсъ поступаетъ въ Омскую учительскую семинарію и оттуда выходятъ сельскими и городскими приходскими учителями, другіе ѣдутъ въ техническое училище, откуда поступаютъ на фабрики, заводы и пароходы механиками и машинистами, и меньшинство, болѣе обезпеченное, —въ Тюменское реальное и въ Ишимское и Тобольское духовныя училища.

Въ послѣднее пятилѣтіе возникла мысль выстроить для училища новое зданіе. Тобольскій губернаторъ т. с. Лысогорскій,

посѣтивъ училище въ мартѣ 1884 года, выразилъ желаніе, чтобы улучшена была гигіеническая обстановка училища и обѣщалъ переговорить объ этомъ съ почетнымъ блюстителемъ Иг. Ив. Колосовымъ, который и выразилъ желаніе построить для училища новое каменное зданіе. Въ апрѣлѣ 1887 года строительная комиссія утвердила планъ новаго зданія, 10-го октября того же года происходила закладка, а 22-го октября 1890 года открытіе этого зданія*). Прекрасное зданіе, выстроенное Иг. Ив. Колосовымъ, состоитъ изъ 5 большихъ комнатъ, вполнѣ удовлетворительныхъ въ гигіеническомъ отношеніи. Всѣ эти комнаты расположены по сторонамъ большой рекреаціонной залы, устроенной въ видѣ коридора. Зданіе это стоило около 25,000 руб., но эта столь важная жертва на пользу народнаго образованія въ Ялуторовскомъ округѣ не была первой: еще въ 1880 году онъ на мѣстѣ своей родины въ с. Кодскомъ пріобрѣлъ для мѣстнаго училища прекрасное зданіе, а теперь, какъ мы слышали, озабоченъ устройствомъ въ с. Кодскомъ ремесленнаго класса. При открытіи зданія уѣзднаго училища онъ пожертвовалъ 150 р. на улучшеніе училищной обстановки.

Изъ другихъ пожертвованій замѣчательны слѣдующія два. Въ 1887 году бывшій ученикъ Ялуторовскаго уѣзднаго училища купецъ В. Беклемишевъ прислалъ 200 р. на пополненіе ученическихъ библіотекъ городскихъ училищъ. Въ 1887 году мѣстный купецъ М. М. Ильныхъ, также, кажется, бывшій ученикъ Ялуторовскаго училища, отказалъ по своему духовному завѣщанію два билета въ 200 р. приходскому и уѣздному училищамъ. Проценты съ этихъ билетовъ должны поступать въ пособіе бѣднѣйшимъ ученикамъ православнаго вѣроисповѣданія.

Число учащихся въ Ялуторовскомъ уѣздномъ училищѣ до 1886 года ежегодно достигало слишкомъ 50-ти человѣкъ. Самое большее количество учениковъ было въ 1873, 1874 и 1875 гг., достигавшее до 60 чел., а самое меньшее въ 1887 году (39) и въ 1889 г. (36 ч.).

Фундаментальная библіотека къ концу 1889 года достигла 503 назв. въ 1898 томахъ и въ описываемый періодъ пополнялась ежегодно. До 1886 года на фундаментальную и ученическую библіотеки издерживалось ежегодно 70—80 рублей, и только въ 1877 году было затрачено 110 р. да въ 1878 и 1885 годахъ 87 рублей. Съ 1887 года библіотека пополняется слабѣе: въ 1887 году было выписано на 62 р., а въ 1888 г.—лишь на 36 р., а

*) Открытіе это описано св. Машановымъ въ № 34-мъ „Тобольск. Губерн. Вѣдом.“ 1890 г.

въ 1889 г.—на 38 р. Наибольшее число томовъ было выписано въ 1876 г. (37 назв. 93 т.), наименьшее въ 1887 г. (1 назв. 1 т.). Ученическая библіотека росла также медленно, только въ 1887 году въ нее поступило, благодаря крупному пожертвованію Беклемишева, 63 назв. въ 76 томахъ. Ежегодныя затраты на пополненіе ученической библіотеки не превышали 20 руб., исключая 1887 г. (60 р.). Въ 1875 году было выписано всего на 17 руб.; были годы, когда въ ученическую библіотеку не выписывалось ни одной книги; эти печальные годы слѣдующіе: 1880, 1884, 1885 и 1888!! Въ 1883 г. выписано было книгъ лишь на 86 коп. Отдѣлъ учебныхъ пособій пополнялся также медленно. Капитальныя пополненія сдѣланы были лишь въ 1878 году, когда были выписаны новыя географическія карты на 76 р., и въ 1890 году, когда по приказанію г. директора училищъ старые рисунки и карты были замѣнены новыми.

Мы уже видѣли, какъ печально было существованіе женскаго училища. 1-го января 1874 года училище было преобразовано въ трехклассную прогимназію съ приготовительнымъ и рукодѣльнымъ классами. Къ сожалѣнію, появленіе новаго учебнаго заведенія ознаменовалось большими затрудненіями. Совѣтъ бывшаго женскаго училища тормозилъ сдачу суммъ и дѣлъ, пока объ этомъ не дошло до генералъ-губернатора Западной Сибири, который и предписалъ немедленно сдать дѣла и суммы. Сдача происходила лишь 12-го іюля 1874 года, при чемъ членъ-казначей бывшаго совѣта позволилъ себѣ по адресу новаго совѣта и въ особенности смотрителя училищъ „дерзкія выраженія“. Въ матеріальномъ отношеніи прогимназія возникла при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ: женское училище оставило ей въ наслѣдство домъ и 1062 р. наличными деньгами, процентными бумагами и пр., кромѣ того, отъ казны было отпущено 740 руб. на первое обзаведеніе и при взятіи торговыхъ свидѣтельствъ собрано 174 рубля. Первымъ шагомъ попечительнаго совѣта прогимназіи было пріобрѣтеніе новаго болѣе удобнаго дома для заведенія, имѣющаго 4 класса. За 460 рублей былъ купленъ двухъэтажный деревянный домъ у наслѣдниковъ генерала Богданова, а старый былъ разыгранъ въ лотерею. Была создана и новая обстановка: столы, классныя доски, чертежные (для доски) приборы, чернильницы, библіотечные шкафы. Выписаны были глобусы, рельефныя и плоскія карты, типы народовъ, картины по священной исторіи, рисунки и чертежи и пр. Библіотека, благодаря пособію отъ казны, создана была, можно сказать, въ одинъ день. Богословскихъ книгъ было выписано 16 названій. Отдѣлъ словесности пополнился полными собраніями сочиненій Хемницера, Фонвизина, Державина,

Крылова, Карамзина, Жуковскаго, Гоголя, Пушкина, Лермонтова, князя Одоевскаго, Марлинскаго, Кольцова, Островскаго, Тургенева, Писемскаго, Ершова („Конекъ Горбунокъ“). Изъ иностранныхъ писателей выписаны были сочиненія Шекспира, Майнъ-Рида. По отдѣлу исторіи и географіи выписано 26 названій, въ томъ числѣ исторія Соловьева, Вебера, „Космосъ“ Гумбольдта, всѣ переведенныя на русскій языкъ сочиненія Гартвига и много путешествій. Математическій отдѣлъ пополнился 12-ю названіями, педагогическій—13 назв. Ученическая библіотека въ основаніе свое получила 27 названій. Пришли на помощь и частныя лица, напр., Ю. Ф. Штейнманъ пожертвовала 42 книги на сумму 32 рубля.

Но если такъ хорошо на первыхъ порахъ была обставлена прогимназія матеріально, то этого отнюдь нельзя сказать относительно дѣятельности одного изъ членовъ по учебной части. Положеніе о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Высочайше было утверждено 24 мая 1870 года, открытіе ихъ въ Сибири началось съ этого же времени, въ Ялуторовскѣ же прогимназія открыта была лишь въ январѣ 1874 года, хотя бумаги уже въ декабрѣ 1873 года писались на имя прогимназіи. Такъ какъ смотритель не озаботился пріисканіемъ учительницъ, то преподаваніе попрежнему шло лишь въ приготовительномъ и первомъ классахъ, а во 2-мъ преподавался лишь одинъ Законъ Божій. Учительницы исторіи и географіи не было до 1876 года. За крайнюю бездѣятельность по должности предсѣдателя педагогическаго совѣта прогимназіи генералъ-губернаторъ объявилъ смотрителю Пѣшехонову строгій выговоръ и перевелъ его въ Туринскъ. Ѳ. М. Ѳедорова, довольно опытная въ педагогическомъ дѣлѣ, назначенная первой начальницей прогимназіи, сумѣла сразу хорошо поставить прогимназію и управляла ею до 1880 года. Хорошо поставленная первою начальницею, прогимназія во все время своего существованія, можно смѣло сказать, съ честью служила великому дѣлу женскаго образованія и стояла выше всѣхъ другихъ учебныхъ заведеній Ялуторовска и его округа. Примѣрное во всѣхъ отношеніяхъ поведеніе преподавательницъ, добросовѣстное исполненіе ими своихъ высокихъ обязанностей,—вотъ характеристика учебнаго персонала прогимназіи. Здѣсь нельзя пропустить и того пріятнаго явленія, что преподавательницы, принимая всегда горячее участіе въ судьбахъ учебныхъ заведеній, много способствовали улучшенію матеріальныхъ ихъ средствъ своимъ участіемъ въ любительскихъ спектакляхъ; смѣло можно сказать, что безъ ихъ участія не обошелся ни одинъ любительскій благотворительный спектакль. Впрочемъ, относительно участія въ спектакляхъ

то же можно сказать и объ учительскомъ персоналѣ другихъ городскихъ училищъ.

Въ 1881 году среди членовъ попечительнаго совѣта возникла мысль устроить для прогимназіи новое зданіе, болѣе помѣстительное и удобное въ гигіеническомъ отношеніи, и съ этой цѣлію совѣтъ открылъ подписку. Главными жертвователями явились д. с. с. А. Ѳ. Поклевскій-Козеллъ (изъ Талицы), подписавшій 300 руб., н. с. Н. И. Давыдовскій (изъ Тюмени)—100 руб., купецъ Д. И. Смолинъ (изъ Кургана)—100 руб. и ялуторовскіе купцы бр. Колмаковы—100 руб., остальныя пожертвованія были не такъ значительны, но тѣмъ не менѣе на эти пожертвованія было выстроено прекрасное, вполнѣ приспособленное для школы, деревянное на каменномъ фундаментѣ зданіе, и съ 1-го октября 1882 года прогимназія уже помѣщалась въ немъ.

Число учащихся до 1888 года было весьма значительно и доходило отъ 60 до 78 ученицъ. Самое меньшее число ученицъ за эти годы было въ 1880 году, а именно 60 ученицъ. Съ 1888 года число ихъ значительно уменьшилось: въ 1888 году ихъ было всего 49, а въ 1889—56 ч.

Мы уже видѣли, сколь значительныя затраты сдѣланы были на устройство фундаментальной библіотеки прогимназіи при ея основаніи. Въ слѣдующемъ 1875 году эта затрата также была весьма значительна, а именно: на фундаментальную библіотеку было употреблено 75 р. и на ученическую 122 р. Затѣмъ до 1885 года выписка книгъ была весьма незначительна и не превышала 20 руб.; въ этомъ же году на фундаментальную библіотеку было употреблено 110 р. и на ученическую—6 руб. Въ 1887 году поступили въ библіотеку пожертвованныя Беклемишевымъ книги: въ фундаментальную—на 19 руб. и въ ученическую—на 20 руб. Въ 1888 году было выписано на 50 р. Отдѣлъ учебныхъ пособій, послѣ капитальныхъ затратъ при открытіи прогимназіи, пополнялся довольно слабо.

Приходское училище до восьмидесятыхъ годовъ находилось въ томъ же печальномъ положеніи, въ какомъ мы застали его въ предшествующемъ періодѣ, несмотря на то, что съ 1882 г. оно было раздѣлено на 2 отдѣленія, изъ которыхъ въ каждое былъ назначенъ особый учитель. Учителями первое время назначались окончившіе курсъ въ уѣздныхъ училищахъ,—люди, можетъ быть, кое-что и знающіе, но безъ всякой педагогической подготовки. Немудрено, что они слѣпо слѣдовали примѣру своихъ предшественниковъ и учителей, также не особенно искусныхъ въ педагогическомъ дѣлѣ. Съ 1875 года стали назначаться окончившіе курсъ въ военной прогимназіи. Время учительства этихъ господъ

было самымъ печальнымъ въ существованіи училища. Преподаваніе шло плохо и основано было главнымъ образомъ на линейкѣ, которая быстро путешествовала по рукамъ нерадивыхъ учениковъ. Учителя же вели себя крайне нехорошо, и иногда дѣло доходило до рукопашныхъ схватокъ ихъ между собою, такъ: одинъ изъ нихъ былъ уволенъ за оскорбленіе словами и дѣйствіемъ своего сослуживца, а иные просто за пьянство. Училище начинаетъ улучшаться лишь съ восьмидесятыхъ годовъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Омская учительская семинарія стала давать своихъ питомцевъ. Учителя-семинаристы поставили училище на лучшую ногу: стали вводиться новые пріемы обученія, болѣе гуманное обращеніе съ учениками, появились заботы и объ улучшеніи гигіеническихъ условій и съ этою цѣлію—объ устройствѣ новаго зданія. Городская дума приняла во вниманіе заявленіе объ этомъ училища и въ 1887 году выстроила прекрасное деревянное зданіе, въ которомъ оно теперь и помѣщается. Число учениковъ простиралось ежегодно отъ 55 до 68 человѣкъ, и только въ 1873 году оно пало до 49 чел. Самое большее число учениковъ было въ 1878 и 1879 годахъ, а именно 68 ч.

Библіотека училища за это время значительно пополнилась: въ 1874 г. въ ней имѣлось книгъ всего 85 назв. въ 151 томѣ, а въ 1889 году книгъ, исключая учебниковъ, уже числилось до 750 томовъ, хотя значительныхъ пополненій за это время и не было, только въ 1889 году было выписано на 81 руб., въ остальные же годы выписка рѣдко превышала 25 руб., въ большинствѣ случаевъ достигая лишь 15 руб.

Въ восьмидесятыхъ годахъ въ Ялуторовскѣ возникло еще двѣ школы: церковно-приходская, при Вознесенской церкви, и тюремная. Церковная школа была основана по иниціативѣ священника о. Ал. Тихова. Первое время преподавалъ самъ священникъ и псаломщикъ Добронравовъ, а съ 1889 года, за отказомъ священника, преподаютъ о. дьяконъ Низковскій и тотъ же псаломщикъ. Число учащихся достигаетъ 12 ч. Какъ идетъ дѣло обученія въ этой школѣ, мы, къ сожалѣнію, не знаемъ.

Тюремная школа обязана своимъ возрожденіемъ въ 1883 году иниціативѣ бывшаго исправника В. Ѳ. Филимонова. Собственно говоря, она существовала и раньше, но была въ большомъ упадкѣ, такъ что о существованіи ея едва ли кто зналъ изъ лицъ, даже близко стоявшихъ къ тюремному управленію. Обученіемъ занимался мѣстный псаломщикъ. Исправникъ Филимоновъ, выхлопотавъ учителю жалованье, въ 1883 году пригласилъ учителя приходскаго училища Е. Н. Маджи заниматься съ арестантами. Школа была раздѣлена на два отдѣленія: мужское и женское.

Въ обоихъ отдѣленіяхъ обучались, какъ взрослые арестанты, такъ и дѣти. При открытіи школы къ 1-му марта 1883 года поступило 13 человѣкъ, къ 10-му мая ихъ было уже 20. Въ $188^{6}/_{7}$ учебномъ году число учащихся достигло весьма крупной цифры: 78 мужчинъ и 17 женщинъ, въ томъ числѣ 8 дѣтей. Въ теченіе этого года поступило 47 человѣкъ вовсе или почти безграмотныхъ и 37 малограмотныхъ. Въ концѣ года школа выпустила 49 ч. достаточно грамотныхъ и 37 малограмотныхъ. Изъ 17 женщинъ, поступившихъ почти совсѣмъ неграмотными, 11 достигли полной грамотности, а 6 вышли малограмотными. Число учившихся составляло 18% всего тюремнаго населенія. Въ такомъ же ли состояніи и теперь находится эта школа, мы, къ сожалѣнію, ничего не можемъ сказать, за неимѣніемъ свѣдѣній.

Восьмидесятые годы дали Ялуторовску еще одно образовательное учрежденіе—безплатную библіотеку при мѣстномъ клубѣ. До 1883 года клубъ не выписывалъ ни одного журнала и газеты и не имѣлъ ни одной книги. Въ этомъ году имъ были выписаны „Отечественныя Записки“, „Природа и Охота“ и, если не измѣняетъ память, „Новое Время“. Нельзя сказать, чтобъ подобныя книжныя богатства могли удовлетворить публику, даже и неизбалованную чтеніемъ. Въ 1884 г. учитель П., задаваясь мыслью объ устройствѣ библіотеки въ г. Ялуторовскѣ, поставилъ спектакль въ надеждѣ устроить ихъ въ будущемъ нѣсколько и такимъ образомъ положить основаніе библіотекѣ. Спектакль далъ чистаго дохода 60 р., на которые и были выписаны сочиненія Гоголя и Достоевскаго. Начало не было блестяще, но интересъ къ библіотекѣ былъ уже возбужденъ, и въ нее стали поступать пожертвованія; кромѣ того, и клубъ сталъ ежегодно отпускать около 100 р. на выписку журналовъ. Въ 1886 г. В. Ѳ. Филимоновымъ былъ возбужденъ вопросъ объ устройствѣ библіотеки на болѣе прочныхъ основаніяхъ и съ этою цѣлію была открыта подписка, которая и дала слишкомъ 400 руб. Откликнулись А. Ѳ. Поклевскій-Козеллъ, Н. И. Давыдовскій, а также, кажется, и Д. И. Смолинъ, а извѣстный покровитель всѣхъ возникающихъ библіотекъ Ин. М. Сибиряковъ прислалъ цѣлый ящикъ книгъ. Учителю П. поручено было составить примѣрный каталогъ основывающейся библіотеки и на него же возложена выписка книгъ. На первый разъ были выписаны сочиненія Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова, Бѣлинскаго, Жуковскаго, Тургенева, Гончарова, Щедрина, Писемскаго, Печерскаго („Въ лѣсахъ“ и „На горахъ“), Потѣхина, Некрасова, Островскаго, гр. Толстыхъ, Льва и Ал., Гл. Успенскаго, Рѣшетникова, Помяловскаго, Добролюбова, Омулевскаго, Ершова („Конекъ Горбунокъ“), Ядринцева, Словцова и др. Изъ иностранныхъ писате-

лей пріобрѣтены были Шекспиръ, Байронъ, Шиллеръ, Гете, Гейне, Гюго, Диккенсъ и Теккерей. Другіе отдѣлы не были такъ полны, но все болѣе или менѣе выдающееся было выписано. Счастливое начало—половина дѣла. Интересъ къ библіотекѣ не ослабѣвалъ съ этого времени. Вошло въ обыкновеніе, что клубъ ежегодно сталъ отпускать свыше 100 руб. на выписку журналовъ и газетъ, а для пополненія библіотеки книгами почти ежегодно стали устраиваться спектакли. Въ 1888 г. устроенъ былъ спектакль врачемъ И. Л. Биржишко, въ 1889 г. врачемъ Т. Я. Погребецкимъ, а въ 1890 году врачемъ А. П. Глѣбовскимъ-Гулькевичемъ. На эти деньги выписаны были сочиненія новѣйшихъ писателей и менѣе замѣчательныхъ старыхъ, а также были пополнены и другіе отдѣлы, хотя далеко еще нельзя сказать, чтобы библіотека удовлетворяла вкусы всѣхъ читающихъ, коихъ ежегодно бываетъ человѣкъ 50.

1886 годъ въ школьномъ дѣлѣ ознаменовался и другимъ важнымъ фактомъ. Ялуторовское городское общество, а также мѣстное духовенство и чиновники, отнесясь сочувственно какъ къ матеріальнымъ нуждамъ учащихся, такъ и къ умственнымъ запросамъ вообще грамотнаго городского люда, вошло съ ходатайствомъ объ учрежденіи въ г. Ялуторовскѣ „Общества попеченія объ учащихся въ ялуторовскихъ училищахъ“. Задачею этого общества была поставлена матеріальная помощь учащимся черезъ заведеніе обуви, одежды, учебниковъ, а также, въ случаѣ остатка суммъ, въ устройствѣ библіотеки для грамотнаго люда, состоящаго главнымъ образомъ изъ учившихся въ училищахъ. Въ маѣ 1886 года уставъ и петиція общества были представлены высшему начальству, а въ ноябрѣ 1892 года получено было разрѣшеніе открыть это общество.Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1892 года по приглашенію смотрителя училищъ состоялось первое засѣданіе для организаціи общества и выбора предсѣдателя и совѣта*). Въ настоящее время въ обществѣ состоитъ около 140 членовъ, изъ нихъ 13 почетныхъ, пожертвовавшихъ по 25 руб. Изъ поступившихъ до сего времени суммъ, согласно устава, отчислено въ запасный капиталъ 325 руб., а остальные въ расходный. Главнѣйшее вниманіе общества на первыхъ порахъ обращено было на теплую одежду и бѣлье учащихся. Кто знаетъ хотя поверхностно бытъ учащихся, въ особенности въ приходскихъ училищахъ, тотъ

*) Въ настоящее время совѣтъ состоитъ изъ слѣдующихъ членовъ: Палопеженцева (предсѣдатель), о. К. Машанова (товарищъ), К. Д. Потемкина (казначей), С. В. Дмитріевой, Т. Я. Погребецкаго, П. П. Зубовскаго и др. лицъ (согласно устава, по должности).

знаетъ, что большинство изъ нихъ въ зимній холодъ принуждено бѣгать въ дырявыхъ сапогахъ и зипунахъ и въ грязномъ оборванномъ бѣльѣ, вслѣдствіе чего простудныя болѣзни, а также болѣзни отъ нечистоплотности, являются самыми обыкновенными среди такихъ учащихся; другой не менѣе важной нуждой является почти полная невозможность бѣднѣйшихъ учащихся завести себѣ учебники и учебныя принадлежности, и многіе, благодаря этому, не имѣютъ возможности учиться, переходя же въ уѣздное училище, не въ состояніи вносить плату за ученіе; при всѣхъ этихъ условіяхъ ученики городскихъ училищъ все же имѣютъ возможность учиться, но этого нельзя сказать объ окончившихъ курсъ въ сельскихъ училищахъ, такъ какъ, они, часто при блестящихъ способностяхъ, должны ограничиваться тѣми знаніями, которыя получили въ сельской школѣ. Устраненіе этихъ нуждъ и взяло на себя обще ство: оно заводило ученикамъ теплую обувь, бѣлье (по 1-е сентября 1893 года израсходовано 43 рубля 49 копеекъ), вносило плату за ученіе (12 рублей), выдавало учебники (25 рублей) и, наконецъ, взяло одного способнаго ученика изъ Верхотурскаго училища для обученія въ уѣздное училище на свой счетъ. Кромѣ этого прямого способа вспомоществованія учащимся, общество задалось цѣлію облегчить учащимся, а также и постороннимъ лицамъ, пріобрѣтеніе учебниковъ, книгъ для чтенія, учебныхъ пособій и принадлежностей, посредствомъ удешевленія ихъ, и съ этою цѣлію, съ разрѣшенія господина начальника губерніи, открываетъ складъ книжный и учебныхъ и письменныхъ принадлежностей. Дѣятельность общества пока въ зародышѣ, а дальнѣйшее развитіе будетъ зависѣть отъ сочувствія общества.

Въ прошлой главѣ мы описали, въ какомъ положеніи находилось образованіе сельскаго населенія округа. Отмѣтивъ рядъ заботъ высшей администраціи о постановкѣ этого дѣла, мы изобразили и тѣ препятствія, которыя на первыхъ порахъ выставило народное невѣжество и бѣдность, а также и неразвитость сельскаго духовенства. Съ 1874 года правительственныя заботы выразились весьма существенно въ улучшеніи матеріальнаго положенія сельскаго учителя. Въ 1875 году жалованье сельскимъ учителямъ было увеличено съ 85 р. до 120 р., но уже въ 1877 году для поощренія лицъ, окончившихъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и учительскихъ семинаріяхъ, жалованье этимъ лицамъ увеличено до 200 р., а въ 1881 году въ этомъ отношеніи сравнены были и учителя съ низшимъ образованіемъ. Едва ли нужно говорить о благодѣтельности этихъ мѣръ. Мы уже видѣли, въ какомъ положеніи находился матеріальный бытъ учи-

теля: часто въ самыхъ существенныхъ потребностяхъ онъ не находилъ себѣ удовлетворенія. Одинокому человѣку еще можно было существовать, но, если мы примемъ во вниманіе, что въ учителя шли всегда люди небогатые, часто обремененные семьей, то положеніе учителя представится намъ во всей его тяжелой неприглядности. Вотъ, напримѣръ, какъ описываетъ свое положеніе одна сельская учительница: „У насъ 30-го іюля умеръ отецъ, и остались его мать старушка, моя мать и, кромѣ меня, 6 человѣкъ маленькихъ дѣтей: самому старшему 13 лѣтъ, а за нимъ все меньше и меньше лѣтами и самому младшему 2 мѣсяца. Остались безъ всякаго состоянія и видовъ на будущее, кромѣ моихъ трудовъ, т. е. должности, но у меня теперь жалованья не хватаетъ“. Это лишь одна печальная страничка изъ жизни учительницы. Почти каждая учительница и учитель имѣютъ на рукахъ семью: престарѣлаго отца, мать, дѣтей, а иногда воспитываютъ и своихъ младшихъ братьевъ и сестеръ. А сколько нравственныхъ страданій выпадаетъ на долю этихъ труженицъ и тружениковъ! Не имѣя возможности стать съ мѣстной quasi-интеллигенціей въ равныя отношенія, эти люди принуждены испытывать всѣ невзгоды матеріальной необезпеченности, и бѣдная учительница является или предметомъ озлобленія дикой, неотесанной натуры мѣстныхъ воротилъ, или предметомъ плотскихъ вожделѣній ихъ. Тяжело читать іереміады этихъ несчастныхъ дѣвушекъ, посвятившихъ себя служенію общественному благу. Многія, подъ вліяніемъ этой тяжелой обстановки, не будучи въ состояніи выдержать нравственную борьбу, сворачиваютъ съ прямого пути, и тогда опять бѣда: находятся благопріятели, которые забрасываютъ начальство доносами, анонимными письмами, безцеремонно величая бѣдную дѣвушку безнравственной, распутной и тому подобными эпитетами.

Такое положеніе учительскаго персонала, бѣдность училищной обстановки, а также отсутствіе педагогическихъ съѣздовъ и библіотекъ, были причиною того, что сельскія училища не сдѣлали еще въ своемъ развитіи большихъ шаговъ. Жалобы на законоучителей не прекращаются до послѣдняго времени, и казенная палата въ 1882 году вынуждена была сдѣлать распоряженіе о взысканіи съ неисправныхъ законоучителей штрафовъ, въ формѣ вычетовъ изъ жалованья. Манкировки законоучителей и ихъ, зачастую, враждебное отношеніе къ учительскому персоналу также тормозили развитіе школьнаго дѣла. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти отношенія доходили до nec plus ultra и сдѣлались извѣстными губернской администраціи. Въ февралѣ 1887 года г. директоръ училищъ пишетъ: „будучи въ пьяномъ видѣ и прійдя въ училище, священникъ Зв. бранилъ заочно учительницу нехорошими словами, въ другое время конфузилъ ее въ церковной сторожкѣ, въ церкви во время службы кричалъ на учениковъ и приказывалъ имъ стоять у порога“. Оскорбленная учительница такъ изображаетъ свое положеніе: „въ церкви, дома, въ обществѣ крестьянъ, передъ высшимъ начальствомъ,—вездѣ старается онъ очернить меня и моихъ учениковъ, и потому старанія возвысить насколько возможно училище остаются, благодаря св. Зв., совершенно безполезными“. Священникъ Зв. нынѣ уволенъ отъ должности законоучителя. Лыбаевская учительница также жалуется на законоучителя, который распускалъ о ней дурные слухи и подговаривалъ крестьянъ составить приговоръ о ея непригодности. Законоучитель Верхсуерскаго училища Ел. П., нынѣ уволенный за штатъ, дошелъ даже до того, что сказалъ за литургіей проповѣдь противъ учительницы Щ., при чемъ не пощадилъ чести и ея родителей, а когда пріѣхалъ на мѣсто Щ—ой учитель, то постоянно ссорился и съ нимъ. Но если таково было отношеніе законоучителей къ школѣ, то справедливость требуетъ сказать, что и другіе учителя и учительницы не всегда относились къ своимъ обязанностямъ съ подобающею честностью и умѣньемъ. Мокроусовская учительница Шахова, напримѣръ, мало занималась своимъ дѣломъ и своимъ сварливымъ характеромъ вооружила противъ себя все общество, съ учениками обращалась жестоко: била ихъ, передразнивала и т. п. Боровинская учительница Б. довела свою школу до такого состоянія, что крестьяне стали нанимать домашнихъ учителей, а также посылать своихъ дѣтей въ Юргинское училище. Плетневскій учитель Я. также халатно относился къ школѣ и лишилъ ее учениковъ. Къ счастью, эти печальныя явленія единичны.

Но если личное поведеніе учащихъ отражалось такъ на школьномъ дѣлѣ, то едва ли не больше имѣло вліянія на устройство школъ отсутствіе хорошихъ школьныхъ попечителей. До послѣдняго времени въ школьные попечители избирались люди мало пригодные, наравнѣ съ десятскими, пастухами, церковными сторожами и пр., безъ всякихъ умственныхъ и нравственныхъ достоинствъ. Люди эти совершенно индифферентно относились къ школѣ, а иногда вмѣшивались и приносили только вредъ. Во многихъ же училищахъ попечителей и совсѣмъ не было. Въ 1883 году казенная палата циркулярно предписала избирать школьныхъ попечителей изъ лицъ матеріально обезпеченныхъ и пользующихся среди своего общества уваженіемъ, при чемъ разъяснила, что мѣстные попечители могутъ сноситься о нуждахъ школы не только съ мѣстными волостными правленіями, но мо-

гутъ докладывать о нуждахъ школы и прямо губернскому учрежденію. Не знаемъ, какъ привилась эта мѣра и къ какимъ привела результатамъ, но о дѣятельности нѣкоторыхъ попечителей мы не можемъ здѣсь не упомянуть. Попечитель Кодской школы Иг. Ив. Колосовъ пріобрѣлъ для училища прекрасный удобный домъ и принесъ въ даръ училищу капиталъ, проценты съ котораго должны итти на пополненіе средствъ училища. Попечитель Шатровскаго училища Ядрышниковъ подарилъ училищу землю, устроилъ садъ, огородъ и вообще заботится объ удовлетвореніи нуждъ учащихся. Два эти примѣра, кажется, пока единичны, но нѣтъ сомнѣнія, что если на ихъ дѣятельность обращено будетъ вниманіе, то найдутся и подражатели.

Нельзя также не упомянуть, что и педагогическія качества учащихъ сравнительно повысились. Большинство сельскихъ учителей теперь состоитъ изъ семинаристовъ и питомицъ Тобольской Маріинской школы. Учителя же изъ военной прогимназіи и уѣздныхъ училищъ становятся рѣдкостью.

Въ количественномъ отношеніи въ школьномъ дѣлѣ за это время замѣтенъ значительный прогрессъ. Въ 1874 г. было всего 18 школъ, въ 1880 году число ихъ достигло 29, а въ настоящее время ихъ уже 34 (не считая церковно-приходскихъ школъ, грамотности, а также и школъ при мечетяхъ), т. е. число ихъ удвоилось. Возросло также и число учащихся и окончившихъ курсъ. Въ 1874 году число учащихся было 315 ч., а окончившихъ курсъ 8 ч. Къ 1880 году число учащихся достигло 648 ч., т. е. удвоилось, а окончившихъ курсъ—увеличилось въ $5\frac{1}{2}$ разъ, достигнувъ 43 человѣкъ. Въ 1889 году число учащихся достигло тысячи человѣкъ, т. е. противъ 1879 г. почти удвоилось, а число окончившихъ курсъ почти достигло 100 человѣкъ, т. е. увеличилось въ $2\frac{1}{2}$ раза.

Тотъ же прогрессъ замѣчаемъ мы во введеніи новыхъ пріемовъ преподаванія и учебныхъ руководствъ, въ увеличеніи числа учебныхъ пособій и въ ростѣ училищныхъ библіотекъ. При 18 школахъ въ 1874 году состояло 721 названіе книгъ въ 2405 томахъ, т. е. на каждую школу приходилось 40 названій (134 тома). Въ 1879 г. въ 28 школахъ имѣлось книгъ 2080 назв. въ 6953 т., т. е. на каждую проходилось 74 назв. въ 249 т. Въ настоящее же время однихъ учебныхъ пособій считается болѣе 8500, книгъ для чтенія болѣе 3000, моделей, глобусовъ и картъ болѣе 1500 и руководствъ болѣе 1100, т. е. на каждую школу приходится болѣ 250 пособій, 90 книгъ для чтенія, 45 моделей, глобусовъ и картъ и 40 руководствъ.

Въ 1891 году состоялось постановленіе губернскаго совѣта

объ упорядоченіи сельскихъ школьныхъ библіотекъ, коимъ выборъ и выписка книгъ возложена на смотрителей училищъ. Для того, чтобы оцѣнить значеніе этой мѣры, мы должны сдѣлать краткій обзоръ прежнихъ порядковъ. Во время завѣдыванія училищами казенной палатой деньги, ассигнованныя на этотъ предметъ, разсылались по волостнымъ правленіямъ, которыя и выписывали книги. Само собой разумѣется, что выборъ не могъ быть удачнымъ. Впослѣдствіи выписка книгъ возложена была на исправниковъ, которые, по сложности своихъ обязанностей и незнакомству съ этимъ дѣломъ, также не могли выполнять эту обязанность, какъ слѣдуетъ. Въ результатѣ получался неудачный выборъ книгъ и еще болѣе неудачное распредѣленіе ихъ по училищамъ. Съ передачей этого дѣла смотрителямъ училищъ можно ожидать, что, при любви ихъ къ дѣлу, оно подвинется впередъ и школьныя библіотеки года черезъ два-три въ состояніи будутъ удовлетворять спросу деревенскихъ читателей.

Въ какомъ положеніи находится грамотность въ округѣ и въ какой мѣрѣ развивалась въ послѣднее время, мы не имѣемъ возможности судить и приведемъ лишь данныя, добытыя нами въ архивѣ присутствія по воинской повинности и свидѣтельствующія о прогрессѣ среди молодыхъ людей, призываемыхъ къ воинской службѣ. Въ 1874 году во всѣхъ участкахъ округа призывалось въ военную службу 1397 молодыхъ людей, и изъ нихъ грамотныхъ оказалось 127 человѣкъ, т. е. $9{,}09$ % всей призываемой молодежи. Въ 1879 году призывалось 1668 челов., и изъ нихъ было 141 грамотныхъ, т. е. $8{,}49$ %. Въ 1884 году призывалось 1686 челов. и изъ нихъ было 233 грамотныхъ ($16{,}11$ %), т. е. процентное отношеніе грамотныхъ къ общему числу призываемыхъ почти удвоилось.

Какъ бы ни былъ малъ ростъ грамотности, онъ все-таки замѣтенъ. Вмѣстѣ съ грамотностью ростетъ и уваженіе къ знанію, и все болѣе и болѣе сознается народомъ его полезность. Благодаря же устройству школьныхъ библіотекъ, надо надѣяться, число рецидивовъ безграмотности уменьшится, и грамотность водворится болѣе прочно.

Конецъ 1-й части.

Историческая часть нашей работы кончена, но, приступая (во 2-й части) къ обозрѣнію современнаго состоянія школьнаго дѣла въ Ялуторовскѣ и его округѣ, мы не можемъ не бросить ретроспективнаго взгляда на прошлое нашихъ школъ.

Возникая впервые по иниціативѣ тобольскаго владыки, на

почвѣ интересовъ мѣстнаго духовенства, школа была далека отъ жизненныхъ требованій и страдала схоластикой.

Недостатокъ *народныхъ* школъ восполнялся трудами частныхъ учителей, зачастую малограмотныхъ, но, при отсутствіи школъ, приносящихъ большую пользу уже и своими небольшими познаніями. Впрочемъ, среди этихъ учителей встрѣчались и люди образованные, какъ „несчастный“ малороссійскій шляхтичъ Иг. Ос. Ольшевскій.

Только съ 1817 года школу можно считать вполнѣ народной и удовлетворяющей требованіямъ жизни, поэтому, можетъ быть, она и встрѣтила сочувствіе мѣстнаго общества и въ частности А. Д. Быкова, который и выстроилъ для уѣзднаго училища каменный домъ.

Въ послѣдующій періодъ школа приносила свою долю пользы, хотя педагогическіе пріемы и требовали самыхъ серьезныхъ улучшеній.

Нельзя пройти молчаніемъ сороковые и пятидесятые годы, лучшіе въ Ялуторовскѣ, когда заботливость объ образованіи дѣтей, уже не однихъ мальчиковъ, но и дѣвочекъ, была поставлена небольшой группой лицъ на первый планъ. Имена протоіерея Знаменскаго, декабриста Якушкина, супруговъ Мясниковыхъ, купца Балакшина, а также имена первыхъ учителей-дьячковъ Сѣдачева, Иваницкаго и Кожевникова и надзирательницъ Балакшиныхъ и Созоновичъ должны быть долго памятны ялуторовцамъ, дорожащимъ просвѣщеніемъ населенія.

Въ шестидесятыхъ годахъ школа проникаетъ и въ село, сначала несмѣлыми шагами попытки, а затѣмъ, къ нашему времени, въ видѣ широкаго дѣла, обѣщающаго дальнѣйшее развитіе.

Но что всего отраднѣе, это—завоеваніе школою симпатій со стороны общества, въ которомъ пробудилась серьезная и искренняя заботливость о нуждахъ этого великаго дѣла, заботливость, выражающаяся не въ единичныхъ подачкахъ, а въ устройствѣ учрежденій, обезпечивающихъ въ будущемъ плоды школьнаго обученія,—мы говоримъ объ устройствѣ общества попеченія о начальномъ образованіи и устройствѣ библіотекъ. Заботливость объ улучшеніи школьныхъ зданій мы также должны отмѣтить, какъ выдающуюся черту восьмидесятыхъ годовъ, и при этомъ съ особенной благодарностью должны вспомянуть имена Иг. Ив. Колосова, А. Ѳ. Поклевскаго-Козеллъ, Н. И. Давыдовскаго, Д. И. Смолина и бр. Колмаковыхъ.

Николай Палопеженцевъ.

Іюнь 1894 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. СОСТАВЪ АДМИНИСТРАЦІИ И УЧИТЕЛЬСКАГО ПЕРСОНАЛА.

Уѣздное училище.

A. Двухклассное (съ 1817—1836 годъ).

Почетный смотритель училища.

Васильевъ, Ил. Вас. (1822 г. † 1826 г.)—отставной подпоручикъ.

Штатные смотрителя училища (они же учителя 2-го класса).

Лепехинъ, К. Г. (1817—1827)
Поповъ, Ив. (1827—1828)
Куртуковъ Ст., (1828—1836)
} —всѣ трое окончили курсъ въ Тобольской дух. семинаріи.

Учителя 1-го класса.

Васильевъ, П. Ос. (1817 † 1821)—окончилъ курсъ въ Тоб. гим.
Емельяновъ, Ив., св. (1821—1822)—окончилъ курсъ въ Тобольск. духовной семинаріи.
Тихоновъ, Ал. Ив. (1822—1823)—домашняго образованія (свидѣтельство имѣлъ отъ гимназіи).
Дьяконовъ, М. В. (1823—1825)—старшій ученикъ 2-го класса Ялуторовскаго училища.
Тюменцовъ, Ил. Ив. (1825—1830)—студентъ Моск. дух. академіи.
Лукинъ, Пет. Ал. (1830—1836)—окончилъ курсъ въ Тоб. гим.

B. Трехклассное (съ 1836 года).

Почетный смотритель и блюститель училища.

Поповъ, Н. П., надв. совѣтникъ (1862—1870)—изъ Казан. горнаго кадетскаго корпуса.
Колосовъ, Иг. Ив., купецъ (съ 1882 года)—домашн. образованія.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ

ВЪ Г. ЯЛУТОРОВСКѢ

И

ЯЛУТОРОВСКОМЪ ОКРУГѢ, ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

ЧАСТЬ II.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

Господь! твори добро народу!
. . . . . .
Чтобы благія начинанья
Могли свободно возрасти,
Разлей въ народѣ жажду знанья
И къ знанью укажи пути!
НЕКРАСОВЪ.

Во многихъ губерніяхъ Европейской Россіи земствами предпринятъ былъ рядъ статистическихъ работъ, въ который, между прочимъ, вошли и работы по народному образованію. Что касается Сибири, то такихъ работъ по народному образованію, на сколько мнѣ извѣстно, предпринимаемо не было, не смотря на всю ихъ несомнѣнную пользу.

Предлагаемая мною работа, къ сожалѣнію, не могла быть исполнена путемъ личнаго опроса, какъ это дѣлалось во многихъ губерніяхъ Европейской Россіи, а потому пришлось обратиться къ учителямъ сельскихъ школъ, которые и доставили мнѣ болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія, каждый по своей школѣ. Къ сожалѣнію, отъ учителей церковно-приходскихъ школъ получились свѣдѣнія лишь отъ немногихъ, а именно: Зимовье-Вагайской, Денисовской, Курской, Мининской, Манайской, Камышевской, Кутькинской, отъ школъ же грамотности этихъ свѣдѣній мы не получили совсѣмъ, за исключеніемъ Чуваринской и Портнягинской. Въ силу этого, по необходимости, пришлось ограничиться лишь

официальными отчетами мѣстнаго отдѣленія епархіальнаго училищнаго совѣта за $18^{93}/_{94}$ г.

Долгомъ считаю принести мою искреннюю признательность о. протоіерею Лапину, который былъ такъ обязателенъ, что доставилъ мнѣ возможность пользоваться отчетомъ епархіальнаго отдѣленія, а также учителямъ уѣзднаго училища Маджи и приходскаго Мишурину, и всѣмъ учителямъ и учительницамъ сельскихъ министерскихъ, церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты: первымъ двумъ—за черченіе нѣкоторыхъ плановъ училищъ, а послѣднимъ—за доставку болѣе или менѣе подробныхъ свѣдѣній о своихъ школахъ.

Глава I. Народное образованіе и школьное дѣло въ городѣ Ялуторовскѣ.

По однодневной переписи 7 февраля 1888 года*) всего населенія въ Ялуторовскѣ числилось 3169 ч., изъ нихъ—1484 мужчины и 1685 женщинъ. Изъ этого населенія грамотныхъ, включая сюда и умѣющихъ только читать (32 м. и 54 ж., всего 86), оказалось 1058 человѣкъ (33,02%), при чемъ мужчинъ 688 и женщинъ 370, т. е. населеніе мужское выдѣлило изъ себя грамотныхъ 46,2%, а женское 22%; если же исключить дѣтей до-школьнаго возраста, то оказывается, что взрослое грамотное мужское населеніе составляетъ 54,55%, а женское 25,73%, иначе говоря: почти половина мужского и $^3/_4$ женскаго населенія не умѣютъ читать и писать!

Разсматривая развитіе грамотности въ г. Ялуторовскѣ по сословіямъ, мы замѣчаемъ, что грамотность болѣе всего развита въ сословіяхъ привилегированныхъ: духовенство, представителей котораго насчиталось 59 ч., выдѣлило изъ своей среды грамотныхъ 50 ч., т. е. 85 ч. на сто; почетные граждане**) изъ 98 ч. выдѣлили 74 грамотныхъ, т. е. 76 ч. на сто; дворянство изъ 149 ч. выдѣлило грамотныхъ 111 ч., т. е. 73%, и купечество изъ 65 ч. выдѣлило 47 грам., т. е. 72%; въ общемъ привилегированныя сословія, имѣющія 371 представителей обоего пола, имѣютъ въ своей средѣ 282 грамотныхъ, т. е. 76% или немного болѣе $^3/_4$.

Среди податныхъ сословій процентъ грамотныхъ падаетъ до $^1/_3$, и только среди разночинцевъ (куда включены телеграфисты, почтальоны, штатные писцы и т. п., т. е. лица, по профессіи своей и жизненной обстановкѣ стоящія между привилегированными и податными сословіями), насчиталось изъ 13 ч. 5 грамотныхъ, т. е. 38%; далѣе, процентъ грамотныхъ среди городскихъ сословій больше, чѣмъ среди сельскихъ: такъ, мѣщанъ всего было насчитано 798, изъ нихъ 262 грамотныхъ, т. е. 33% или $^1/_3$ всего мѣщанскаго сословія; за ними слѣдуютъ отставные нижніе чины, общее число которыхъ было 532, изъ нихъ грамотныхъ—149, или 28%; изъ 818 же лицъ крестьянскаго сословія грамотныхъ оказалось 183 ч., т. е. 26% или $^1/_4$; ссыльныхъ всего въ Ялуторовскѣ насчитано 622 ч., изъ нихъ грамотныхъ 165, т. е. 25%.

По вѣроисповѣднымъ группамъ степень грамотности распредѣляется такъ: еврейское населеніе выдѣлило 46,15% (изъ 130 ч. 60 грамотныхъ), католики—36,45% (изъ 107 ч. 39 грамотныхъ), и, наконецъ, православные—32,12% (изъ 2859 ч. 922 грамотныхъ).

Разсматривая далѣе вопросъ о развитіи грамотности среди ялуторовскаго населенія по возрастнымъ группамъ, мы приходимъ къ убѣжденію, что, чѣмъ младше возрастъ, тѣмъ процентъ грамотности растетъ больше и больше съ замѣчательной правильностью (среди стариковъ, имѣющихъ болѣе 70 лѣтъ (всего 54, грам. 4), насчитывается лишь 7,4%) и, постепенно повышаясь, среди дѣтей отъ 10 до 15 лѣтъ онъ достигаетъ 40% (всего 167, грам.). Исключеніе въ этомъ случаѣ представляютъ лишь шестидесятилѣтніе старики, среди которыхъ грамотныхъ насчиталось болѣе, чѣмъ среди пятидесятилѣтнихъ, и лица въ возрастѣ отъ 25 до 30 лѣтъ, среди которыхъ грамотныхъ на 1% больше, чѣмъ среди лицъ въ возрастѣ отъ 20 до 25 лѣтъ. Постепенное паденіе процента грамотности съ увеличеніемъ возраста, какъ намъ кажется, исключительно объясняется развитіемъ и лучшей постановкой за послѣднее время дѣла народнаго образованія какъ въ Россіи, такъ и въ Сибири. Подробности можно видѣть изъ прилагаемой здѣсь таблицы.

Возрасты:	На 100 мужчинъ приходится грамотныхъ:	Лѣта рожденія:
Свыше 70 лѣтъ	7,41	До 1818 года.
Отъ 60 до 70 лѣтъ	16,13	Съ 1828 по 1819 годъ.

*) Эта перепись произведена подъ непосредственнымъ и ближайшимъ руководствомъ автора настоящей статьи, и данныя переписи разработаны имъ же въ особомъ трудѣ, который хотя и былъ представленъ авторомъ въ губерн. статистическій комитетъ, но остался не опубликованнымъ.

Примѣч. редакціи.

**) Въ рубрику почетныхъ гражданъ вошли всѣ чиновники до IX класса не изъ дворянъ.

Авт.

Возрасты:	На 100 мужчинъ приходится грамотныхъ:	Лѣта рожденія:
Отъ 50 до 60 лѣтъ	10,14	Съ 1838 по 1829 годъ.
— 40 — 50 —	19,3	— 1848 — 1839 —
— 35 — 40 —	22,32	— 1852 — 1849 —
— 30 — 35 —	28,23	— 1858 — 1853 —
— 25 — 30 —	32,89	— 1862 — 1859 —
— 20 — 25 —	31,93	— 1868 — 1863 —
— 15 — 20 —	37,5	— 1872 — 1869 —
— 10 — 15 —	40,12	— 1878 — 1873 —

Всего получившихъ *высшее* образованіе переписью насчитано 17 человѣкъ, или 1,61% всего грамотнаго населенія, изъ нихъ сибирскихъ уроженцевъ—3 или 17,65%. Изъ ялуторовскихъ же уроженцевъ лицъ съ высшимъ образованіемъ не оказалось ни одного.

Лицъ со *среднимъ* образованіемъ насчитано 100 человѣкъ, или 9,45% всего грамотнаго населенія, изъ нихъ уроженцевъ сибирскихъ губерній оказалось 47 человѣкъ, или 47%.

Лицъ, получившихъ *низшее* образованіе, насчитано было 420, или 39,8% всего грамотнаго населенія Ялуторовска. Наибольшій процентъ лицъ этой категоріи падаетъ на представителей сибирскихъ губерній, которыхъ насчитывается 315 ч., или 75% общаго числа грамотныхъ.

Лицъ, получившихъ *начальное* образованіе, т. е. окончившихъ въ городскихъ и сельскихъ приходскихъ училищахъ, насчитано было 100 человѣкъ, или 9,4% всего грамотнаго населенія, изъ нихъ 65 человѣкъ, т. е. 65%, сибиряковъ.

Всего лицъ, получившихъ *домашнее* образованіе, насчитано 421 чел., или 39,8% всего грамотнаго населенія, изъ нихъ большая часть, а имено 57,72% (243 ч.), сибиряки.

Для большей наглядности представляемъ слѣдующую ниже таблицу.

СТЕПЕНЬ ОБРАЗОВАНІЯ	УРОЖЕНЦЫ		Процентное отношеніе къ общему числу грамотныхъ.		
	Сибирскихъ губерній.	Остальныхъ губ.	УРОЖЕНЦЕВЪ		
			Сибири.	Остальныхъ губ.	Всѣхъ.
Лицъ, получившихъ высшее образованіе	3	14	0,28	1,33	1,61

СТЕПЕНЬ ОБРАЗОВАНІЯ	УРОЖЕНЦЫ		Процентное отношеніе къ общему числу грамотныхъ.		
	Сибирскихъ губерній.	Остальныхъ губ.	УРОЖЕНЦЕВЪ		
			Сибири.	Остальныхъ губ.	Всѣхъ.
Лицъ, получившихъ среднее образованіе	47	53	4,44	5,01	9,45
Лицъ, получившихъ низшее образованіе	315	105	29,77	10,03	39,8
Лицъ, получившихъ начальное образованіе	65	35	6,14	3,26	9,4
Лицъ, получившихъ домашнее образованіе	243	178	22,97	16,83	39,8

Въ виду важной роли, которая выпадаетъ на долю женщины въ воспитательномъ дѣлѣ (такъ какъ она является въ семьѣ и воспитательницей и первой учительницей своего ребенка), мы подробнѣе разсмотримъ, въ какой степени грамотность и образованіе развито среди ялуторовскихъ женщинъ. Мы уже видѣли, что всѣхъ грамотныхъ женщинъ въ Ялуторовскѣ было 370; по степени же образованія онѣ раздѣлялись слѣдующимъ образомъ: женщинъ съ высшимъ образованіемъ было всего 2, получившихъ среднее образованіе—32, т. е. 8,65%, низшее—166, т. е. 44,9%, начальное—12, т. е. 3,24%, и домашнее 158 чел., или 42,7%. Разсматривая далѣе степень распространенія грамотности по сословіямъ, мы снова наталкиваемся на тотъ фактъ, что среди женщинъ привилегированныхъ сословій грамотность развита сильнѣе, чѣмъ среди податныхъ. Такъ, женщинъ среди духовенства насчитано всего 39 и грамотныхъ въ числѣ ихъ 30, что составляетъ 77%; въ семьяхъ почетныхъ гражданъ насчитано 49 ж. и въ числѣ ихъ грамотныхъ 37, что составляетъ 76% общаго числа женщинъ этого сословія; въ купечествѣ грамотныхъ женщинъ 24 изъ 34, что составляетъ 71%, и, наконецъ, среди дворянъ потомственныхъ и личныхъ—88 женщинъ, и изъ нихъ грамотныхъ 60, или 68%. Изъ податныхъ сословій городское и въ этомъ отношеніи идетъ впереди передъ сельскими: мѣщанскихъ женщинъ насчитано всего 434 ч. и изъ нихъ грамотныхъ 87, что составляетъ 20%, т. е. 1/5 ч.; изъ 465 крестьянскихъ женщинъ грамотныхъ насчитывается 57, т. е. 12%; среди ссыльныхъ изъ 284 женщинъ грамотныхъ 38, или 13%; въ семействахъ нижнихъ чи-

новъ 273 жен., грамотныхъ 31, что составляетъ 11%. Среди разночинцевъ женщина по отношенію къ грамотности находится въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ податныхъ сословіяхъ, а именно: всего женщинъ 8, изъ нихъ грамотныхъ 1, что составляетъ 12,5%.

Наиболѣе грамотною изъ ялуторовскихъ женщинъ является еврейская (всего 70, изъ нихъ 29 грамотныхъ)—41%, далѣе слѣдуютъ раскольницы (всего 41, грамот. 15)—37%, далѣе католички (всего 56, грамот. 14)—25%, и, наконецъ, православныя (1518 всего, 311 грамот.)—20%.

Теперь разсмотримъ, въ какихъ размѣрахъ распространена грамотность среди другой меньшей части населенія г. Ялуторовска, *недѣятельной*, какъ мы назвали въ своей работѣ: „Матеріалы по исторіи и статистикѣ г. Ялуторовска“, т. е. поставленной въ особыя жизненныя условія: это—населеніе казармъ, тюрьмы, каталажной камеры, больницы, богадѣльни и ночлежнаго дома. Населеніе это составляли 547 человѣкъ: 517 мужчинъ и 30 женщинъ, при чемъ ни одной женщины грамотной не оказалось.

На излѣченіи въ больницѣ находилось всего 12 ч., изъ нихъ 6 мужчинъ; грамотныхъ мужчинъ было 4, что составляетъ 67%, и всѣ они получили низшее образованіе.

Въ богадѣльнѣ находилось всего 8 ч., изъ 4 нихъ мужчины; грамотный мужчина былъ всего одинъ, получившій образованіе въ среднемъ учебномъ заведніи.

Въ казармахъ проживало 329 ч., изъ нихъ 325 мужчинъ; грамотныхъ солдатъ было 30: 3—съ цензомъ уѣздныхъ училищъ, а 27 научились читать дома.

Въ каталажной камерѣ было 10 человѣкъ, всѣ—мужчины; грамотныхъ изъ нихъ оказалось 2: одинъ съ цензомъ уѣзднаго училища, и одинъ учился дома.

Въ ночлежномъ домѣ проживало 14 человѣкъ, всѣ—мужчины; грамотныхъ изъ нихъ оказалось 11 ч.: 1 съ среднимъ образованіемъ, 6 съ низшимъ и 4 съ домашнимъ.

Въ тюрьмѣ заключено было 172 ч., изъ нихъ 156 муж.; грамотныхъ мужчинъ было 38: съ низшимъ образованіемъ—18 и съ домашнимъ—20.

Переходимъ далѣе къ вопросу о томъ, какими путями и средствами распространяется грамотность среди населенія г. Ялуторовска и его округа.

По свѣдѣніямъ „Календаря“ Тобольской губерніи на 1893 г. г. Ялуторовскъ имѣетъ населенія 4695 ч.: 2709 м. и 1986 ж.

На все это населеніе имѣется два мужскихъ училища: уѣздное съ 33 учащимися и приходское съ 82, и одно женское учебное заведеніе—трехклассная прогимназія съ приготовительнымъ классомъ, имѣющая 69 учениць, изъ которыхъ 45 обучается въ приготовительномъ классѣ. Такимъ образомъ, учащихся въ г. Ялуторовскѣ насчитывается 115 м. и 69 д., всего 184 человѣка, т. е. одинъ учащійся приходится на 25 жителей: одинъ учащійся мальчикъ на 24 мужчины и одна учащаяся дѣвочка на 29 женщинъ. Приблизительное вычисленіе показываетъ, что изъ 100 мальчиковъ учится въ школахъ 25. а изъ 100 дѣвочекъ только 20.

Почти всѣ учащіеся принадлежатъ къ семьямъ, проживающимъ въ г. Ялуторовскѣ, изъ округа же обучалось въ $18^{92}/_{93}$ г. въ приходскомъ училищѣ 3 мальчика, въ уѣздномъ уч. 4 мальч. и 4 дѣвочки въ прогимназіи.

По вѣроисповѣданіямъ учащіеся распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Названіе учебныхъ заведеній.	Православныхъ.		Католиковъ.		Іудеевъ.		Всего.		
	м.	д.	м.	д.	м.	д.	м.	д.	об. п.
Уѣздное училище	30 *)	,,	2	,,	1	,,	35	,,	33
Приходское учил.	77	,,	2	,,	3	,,	82	,,	82
Женская прогимн.	,,	60	,,	,,	,,	9	,,	69	69
Всего .	107	60	4	,,	4	9	115	69	184

Такимъ образомъ, преобладаетъ среди учащихся элементъ православный, затѣмъ слѣдуютъ евреи и, наконецъ, католики; православные составляютъ 91% общаго числа учащихся, евреи—7% и католики—1%.

По сословіямъ учащіеся распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Названіе учебныхъ заведеній.	Дворянъ и чиновн.		Духовенства.		Почетныхъ гражданъ и купцовъ 1-й гильдіи.		Купцовъ 2-й гильдіи, мѣщанъ и ремесленниковъ.		Крестьянъ.		Казачьяго сословія.		Инородцевъ.	
	м.	д.	м.	д.	м.	д.	м.	д.	м.	д.	м.	д.	м.	д.
Уѣздное училище	2	,,	1	,,	,,	,,	17	,,	13	,,	,,	,,	,,	,,
Приходское учил.	3	,,	1	,,	,,	,,	46	,,	32	,,	,,	,,	,,	,,
Прогимназія . .	,,	10	,,	3	,,	,,	,,	37	,,	19	,,	,,	,,	,,
Всего .	5	10	2	3	,,	,,	63	37	45	19	,,	,,	,,	,,

*) 1 раскольникъ.

Среди учащихся г. Ялуторовска преобладаютъ дѣти мѣщанъ и купцовъ: ихъ учится 54% общаго числа учащихся, за ними слѣдуютъ дѣти крестьянъ, составляющія 35%.

По классамъ учащіеся распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Названіе учебныхъ заведеній.	Приготовительн. классъ.		I		II		III	
	м.	д.	м.	д.	м.	д.	м.	д.
Уѣздное училище . .	,,	,,	13	,,	13	,,	7	,,
Приходское училище .	82	,,	,,	,,	,,	,,	,,	,,
Женская прогимназія .	,,	45	,,	10	,,	7	,,	7
Всего .	82	45	13	10	13	7	7	7

Движеніе количества учащихся въ теченіе года можно видѣть изъ нижеслѣдующей таблицы:

Названіе учебныхъ заведеній.	Состояло къ 1 января 1892 года.		Поступило.		Выбыло до окончанія курса.		Окончило курсъ.		Состоитъ.		
	м.	д.	м.	д.	м.	д.	м.	д.	м.	д.	об. и.
Уѣздное училище . . .	44	,,	6	,,	11	,,	6	,,	33	,,	33
Приходское училище . .	72	,,	26	,,	8	,,	8	,,	82	,,	82
Женская прогимназія . .	,,	65	,,	21	,,	13	,,	4	,,	69	69
Всего . .	116	65	32	21	19	13	14	4	115	69	184

Понятіе объ успѣхахъ въ учебныхъ заведеніяхъ г. Ялуторовска можно получить изъ сравненія вышеприведенной таблицы о распредѣленіи учащихся по классамъ съ данными нижеслѣдующей таблицы:

Названіе учебныхъ заведеній.	Переведено.				Окончило курсъ.			
	изъ I кл.		изъ II кл.		Въ приход. и приготовит. кл.		Въ III кл.	
	м.	д.	м.	д.	м.	д.	м.	д.
Уѣздное училище . .	8	,,	6	,,	,,	,,	6	,,
Приходское училище .	,,	,,	,,	,,	8	,,	,,	,,
Женская прогимназія .	,,	5	,,	4	,,	8	,,	4
Всего .	8	5	6	4	8	8	6	4

Педагогическій персоналъ городскихъ учебныхъ заведеній состоялъ изъ смотрителя училищъ, законоучителя (одинъ во всѣхъ училищахъ), изъ учителей уѣзднаго училища (наукъ—3 и искусствъ —1), 2 учителей приходскаго училища и 4 учительницъ (изъ нихъ одна состоитъ начальницей прогимназіи), всего изъ 10 лицъ.

Всѣ учащіе поступили на учительскую службу по окончаніи ими курса въ учебныхъ заведеніяхъ и продолжаютъ ее:

Лѣтъ.	Смотрит. училищъ.	Законоучитель.	Учителя уѣзднаго училища.	Учителя приходск. училища.	Учительницы прогимназіи.	Всѣ служащіе при заведеніяхъ.
1	,,	,,	,,	1	,,	1
5	,,	,,	1	,,	,,	1
6	,,	,,	1	1	,,	2
8	,,	,,	,,	,,	1	1
9	,,	,,	1	,,	,,	1
10	1	,,	,,	,,	,,	1
12	,,	1	,,	,,	2	3
14	,,	,,	1	,,	,,	1
18	,,	,,	,,	,,	1	1
Среднее число лѣтъ	10	12	8,5	3	12,5	9,4

Такимъ образомъ, средняя продолжительность учительской службы даннаго персонала учащихъ равняется 9,4 года; наибольшею продолжительностью службы отличаются учительницы прогимназіи (12,5), законоучитель (12 л.) и учителя уѣзднаго училища (8,5 лѣтъ) и, наконецъ, учителя приходскаго училища (3 года). Почти въ томъ же порядкѣ идетъ и продолжительность службы учителей на послѣднихъ мѣстахъ ихъ служенія, что можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

Лѣтъ.	Смотритель училищъ.	Законоучитель.	Учителя уѣзднаго училища.	Учителя приходскаго училища.	Учительницы прогимназіи.	Всѣ служащіе при учебныхъ заведеніяхъ.
1	,,	,,	,,	2	,,	2
2	1	,,	1	,,	,,	2
4	,,	,,	2	,,	,,	2
7	,,	,,	1	,,	1	2
8	,,	,,	,,	,,	1	1
12	,,	1	,,	,,	1	2
18	,,	,,	,,	,,	1	1
Среднее число лѣтъ	2	12	4	1	11,25	6

Отсюда видно, что учительницы служатъ 11,25 лѣтъ, учителя уѣзднаго училища—1 годъ, и только законоучитель служитъ болѣе на послѣднемъ мѣстѣ, чѣмъ учительницы. Общая продолжительность службы ялуторовскихъ учителей равна 6 годамъ.

По семейному положенію учащіе распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

	Смотрит. училищъ.	Законоучитель.	Учителя уѣзднаго училища.	Учителя приходск. училища.	Учитель-ницы прогимназіи.	Всѣ служащіе при заведеніяхъ.
Холостыхъ	„	„	„	2	„	2
Дѣвицъ .	„	„	„	„	3	3
Женатыхъ	1	1	3	„	„	5
Замужнихъ	„	„	„	„	1	1
Вдовыхъ .	„	„	1	„	„	1

Такимъ образомъ, изъ 12 ч. учительскаго персонала семейныхъ оказывается половина, т. е. 7 чел. (50%), другую половину составляютъ несемейные: 2 холостяка, 3 дѣвицы и 1 вдовецъ.

По возрасту учительскій персоналъ распредѣляется такъ:

	имѣющіе лѣтъ.								
	21	26	27	28	29	33	36	50	Средній возрастъ.
Смотритель училищъ	„	„	„	1	1	„	„	„	28,5
Законоучитель	„	„	„	„	„	„	1	„	36
Учителя уѣзднаго училища . .	„	2	1	„	„	1	„	„	28,7
Учителя приходскаго училища .	1	1	„	„	„	„	„	„	23,5
Учительницы прогимназіи . . .	„	„	„	1	1	1	„	1	35
Всего служащихъ . .	1	3	1	2	2	2	1	1	30,15

Такимъ образомъ, средній возрастъ учителя городскихъ учебныхъ заведеній равняется 30,15 лѣтамъ, т. е. ялуторовскій учитель находится въ самой порѣ возмужалости.

По образовательному цензу учащіе раздѣляются слѣдующимъ образомъ: изъ 12 лицъ 10 получили среднее образованіе и 2 лица—низшее. Изъ получившихъ среднее образованіе 2 учительницы имѣютъ спеціально-педагогическое, т. е. окончили гимназію съ педагогическимъ классомъ, а 4 учителя окончили учительскую семинарію; изъ нихъ же 5 человѣкъ имѣютъ званіе уѣзднаго

учителя, 3—домашней учительницы, 2—начальнаго учителя и 1—начальной учительницы.

Разсматривая условія, въ какихъ находятся учебныя заведенія въ отношеніи библіотекъ и учебныхъ пособій, мы видимъ, что самой богатой изъ училищныхъ библіотекъ оказывается библіотека уѣзднаго училища, которая имѣетъ 500 назв. въ 1866 томахъ, т. е. болѣе прогимназической по числу названій въ 2,7 раза и приходскаго училища почти въ 3 раза. Что же касается ученическихъ библіотекъ, то библіотека уѣзднаго училища оказывается средней: она, по количеству названій, въ $1^1/_2$ раза больше библіотеки прогимназической и въ $2^1/_3$ раза меньше библіотеки приходскаго училища. Если въ дѣлѣ воспитанія и развитія душевныхъ качествъ ребенка имѣетъ важное значеніе хорошая книга, то въ дѣлѣ усвоенія преподаваемыхъ знаній не менѣе важное значеніе имѣютъ наглядныя пособія. Пособіями также оказывается богаче всѣхъ уѣздное училище: ихъ больше въ 1,2 раза, чѣмъ въ прогимназіи, и въ $2^1/_2$ раза, чѣмъ въ приходскомъ училищѣ.

Всѣ ялуторовскія учебныя заведенія помѣщаются въ собственныхъ домахъ: уѣздное училище въ каменномъ, а приходское и женская прогимназія въ деревянныхъ, при чемъ зданіе прогимназіи на каменномъ фундаментѣ.

Санитарныя условія, въ какія поставлены учащіеся въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ, таковы*), что сравнивая эти условія съ нормальными требованіями, предъявляемыми врачами и педагогами-гигіенистами, не можемъ не прійти къ заключенію, что классныя комнаты городскихъ учебныхъ заведеній довольно удовлетворительны. Разсматривая условія классныхъ комнатъ отдѣльно, мы находимъ неудовлетворительнымъ лишь приготовительный классъ прогимназіи, гдѣ площади пола приходится на 1 ученицу 1,95 кв. арш., вмѣсто 2, т. е. меньше на $^1/_2$ квадр. арш. нормальнаго minimum'а.

Для освѣженія воздуха во всѣхъ классахъ уѣзднаго училища имѣется по 2 вентилятора, а въ приходскомъ училищѣ и прогимназіи по 1, за исключеніемъ приготовительнаго класса, въ которомъ 2 вентилятора.

Для болѣе полной характеристики санитарныхъ условій городскихъ учебныхъ заведеній мы приводимъ въ приложеніяхъ, въ особой таблицѣ (таб. II), свѣдѣнія относительно свѣта и вентиляціи.

Большинствомъ гигіенистовъ отношеніе поверхности пола

*) См. Приложенія, таблицу I.

къ поверхности стеклянной требуется отъ 15 до 20%. Сравнивая нормальныя требованія съ условіями ялуторовскихъ школъ, мы находимъ, что отношеніе это вполнѣ удовлетворительно въ прогимназіи, въ приходскомъ училищѣ и въ первыхъ классахъ уѣзднаго училища, во второмъ же и третьемъ классѣ его удовлетворительнымъ признать нельзя (во II кл.—11%, въ III—10,4%).

Что касается того, въ какой мѣрѣ обезпечены учителя и учительницы въ матеріальномъ отношеніи, то оказывается, что смотритель училищъ округа получаетъ 690 руб. при казенной квартирѣ, законоучитель 404 руб., всѣ же остальные учителя и учительницы получаютъ ежегодно 2858 руб., т. е. въ среднемъ по 285 руб. 80 коп. въ годъ, или по 23 руб. 82 коп. въ мѣсяцъ. Если сравнить съ жалованіемъ служащихъ по другимъ вѣдомствамъ, то оказывается, что учитель, по получаемому жалованью, ставится наравнѣ съ хорошимъ писцомъ мѣстныхъ учрежденій и получаетъ чуть не вдвое меньше помощниковъ бухгалтера казначейства и меньше столоначальника окружнаго суда и телеграфиста. Разсматривая далѣе этотъ вопросъ по учебнымъ заведеніямъ, мы видимъ, что учитель уѣзднаго училища получаетъ 312,5 р. въ годъ, или 26,04 р. въ мѣсяцъ, учитель приходскаго училища 234 р. въ годъ, т. е. 19,5 р. въ мѣсяцъ, и учительница прогимназіи 285 р. въ годъ, т. е. 23,8 р. въ мѣсяцъ, иначе говоря, учитель приходскаго училища—лицо, обыкновенно, окончившее курсъ въ учительской семинаріи,—по получаемому содержанію поставленъ ниже хорошаго писца и даже почтальона! Если при этомъ принять во вниманіе то образованіе, которое требуется отъ учителя или учительницы, и всю тяжесть учительскаго труда, то такое вознагражденіе нельзя никоимъ образомъ признать нормальнымъ.

Содержаніе самихъ школъ и средства для этого таковы. Дороже другихъ учебныхъ заведеній обходится содержаніе уѣзднаго училища (3013 р.), далѣе слѣдуетъ прогимназія (1740 р. 29 к.), и, наконецъ, приходское училище (763 р.).

Содержаніе всѣхъ учебныхъ заведеній Ялуторовска въ теченіе 1892 года стоило 5530,29 р. Наибольшій отпускъ суммъ на этотъ предметъ сдѣланъ былъ государственнымъ казначействомъ, а именно 3695,75 р., т. е. 67%, далѣе слѣдуетъ городское общество, которое отпускало на учебныя заведенія 1213 р., т. е. 22%, далѣе слѣдуетъ сумма, даваемая платою за ученіе—320,58 р., т. е. 6%, и, наконецъ, 183,42 р., т. е. 3%, добровольныхъ приношеній. Въ частности, по уѣздному училищу наибольшій процентъ

отпущенныхъ суммъ падаетъ также на государственное казначейство, а именно 2695,75 р., т. е. 89%, остальные 11% падаютъ на спеціальныя средства училища: сумму сбора за ученіе и пожертвованія почетнаго блюстителя; прогимназія, главнымъ образомъ, содержится также на суммы, отпускаемыя государственнымъ казначействомъ (1000 р., т. е. 57%), на городскія средства (450 р., т. е. 25%) и собственныя средства: сумму сбора за ученіе и проценты съ пожертвованныхъ капиталовъ (186,5 р., т. е. 11%); приходское училище содержится почти исключительно на городскія средства.

Наибольшій процентъ *расходовъ* падаетъ на содержаніе личнаго состава служащихъ (75,3%), далѣе на содержаніе домовъ (16,89%), затѣмъ на библіотеки и учебныя пособія (2,27%), стипендіи и вспоможенія учащимся (1,04%), и, наконецъ, на другія потребности (4,74%).

Для улучшенія матеріальной обстановки учащихся въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Ялуторовска въ 1892 году основано было особое общество, для характеристики дѣятельности котораго мы приведемъ здѣсь извлеченіе изъ отчета за первый годъ его существованія, напечатанное въ № 12 „Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ за 1894 годъ.

„Общество попеченія объ учащихся въ уѣздномъ и приходскомъ училищахъ г. Ялуторовска открыто въ концѣ 1892 года. Уставъ общества утвержденъ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ 18 сентября того же года.

„1 декабря 1892 года состоялось первое засѣданіе учредителей общества, на которомъ, для управленія дѣлами его, избраны были совѣтъ и ревизіонная комиссія. Въ составъ совѣта избраны: предсѣдателемъ Н. И. Палопеженцевъ, товарищемъ его священникъ К. П. Машановъ, казначеемъ К. Д. Потемкинъ, секретаремъ А. Н. Кузнецовъ и членами: Н. Н. Кыштымовъ, С. В. Дмитріева, Н. И. Москвинскій, Т. Я. Погребецкій и И. Ф. Рудаковъ; впослѣдствіи же на мѣсто выбывшихъ Н. Н. Кыштымова и И. Ф. Рудакова вступили П. П. Зубовскій и М. Ѳ. Брюховскій. Въ составъ ревизіонной комиссіи избраны были священники А. Тиховъ и А. Деминъ и провизоръ С. М. Айзенштадтъ.

„Въ началѣ дѣятельности первою задачею совѣта общества было привлеченіе лицъ, сочувствующихъ цѣли общества, въ члены его, что и достигнуто было на первыхъ же порахъ довольно успѣшно: въ число членовъ вступило всего 154 человѣка, изъ числа которыхъ 14 человѣкъ, а именно: Беклемишевъ В. Н., Бо-

товъ А. Ѳ., Давыдовскій Н. И., Каплунъ Я. Я., Колмаковъ А. С., Колмаковъ В. В., Колмакова Е. Ѳ., Колмаковъ К. С., Колосовъ И. И., Поклевскій-Козелло И. А., Семеновъ И. Е., Серебренниковъ В. Н., Смолинъ Д. И. и Ядришниковъ М. И.,—внесли по 25 руб. и были на основаніи § 4 устава зачислены въ число почетныхъ членовъ общества. Всего членскихъ взносовъ поступило 587 р.

„За отчетное время главнѣйшею задачею общества было снабженіе нуждающихся учащихся по возможности теплой одеждой и обувью (на что израсходовано 56 р. 49 к.) и необходимыми учебниками, бѣднымъ же учащимся выдавалась бумага для тетрадей (израсходовано всего 33 р. 93 к.). За то же время обществомъ внесена была плата за право ученія 12-ти чел. бѣдныхъ учениковъ (27 р.), а въ теченіе второго полугодія общество, кромѣ того, содержало въ уѣздномъ училищѣ ученика Зырянова, окончившаго ранѣе курсъ въ Верхсуерскомъ сельскомъ училищѣ (израсходовано 28 р.). Всего на нужды учащихся израсходовано 145 р. 42 к. Почтовые расходы по обществу составляютъ 12 р. 79 к., а канцелярскіе 56 р. 71 к. Послѣдніе составили значительный процентъ расходовъ (28,06%), что было неизбѣжно, такъ какъ эти расходы избавили общество отъ пріобрѣтенія бланковъ для книгъ, билетовъ на званіе членовъ, бумаги и др. принадлежностей уже на нѣсколько лѣтъ.

„Дабы облегчить по возможности учащимся покупку книгъ за возможно дешевую цѣну, а также и вообще книгъ, общество въ отчетномъ году возбудило ходатайство объ открытіи въ г. Ялуторовскѣ книжнаго склада, на что и послѣдовало 31 августа 1893 года разрѣшеніе г. тобольскаго губернатора. Для осуществленія означеннаго предпріятія, общество вошло въ переписку съ бумажными фабриками Успенской и бр. Ятесъ, съ г. Поклевскимъ-Козелло, съ курганскимъ книжнымъ складомъ, редакціей „Русскаго Начальнаго Учителя“ и нѣкоторыми книжными торговыми фирмами, такъ что скоро можно ожидать и осуществленія этого склада.

„Въ частности обороты суммъ по обществу за отчетное время сопровождались слѣдующими цифрами. Поступило: а) неприкосновеннаго капитала: взносовъ отъ почетныхъ членовъ 350 р. и б) расходнаго капитала: взносовъ отъ дѣйствительныхъ членовъ 237 р., сбора по подписнымъ листамъ 60 р. 30 к., отъ продажи уставовъ общества 2 р. 80 к. и %% съ неприкосновеннаго и расходнаго капиталовъ 11 р. 42 к., а всего 661 р. 52 к.; израсходовано: а) для бѣдныхъ учениковъ на обувь 33 р. 75 к., платье 22 р. 74 к., учебныя пособія 33 р. 93 к., плату за право ученія 27 р. и содержаніе ученика Зырянова 28 р. и б) на почт. перес. и канцеляр. нужды 56 р. 71 к., а всего 202 р. 13 к. Осталось къ 1894 году 459 р. 39 к., въ томъ числѣ капитала неприкосновеннаго 380 р. 1 к. и расходнаго 79 р. 38 к.

„Общественное сочувствіе, выразившееся въ столь значительныхъ для скромнаго Ялуторовска пожертвованіяхъ, даетъ смѣлость обществу надѣяться, что при каждой нуждѣ, оно встрѣтитъ въ жителяхъ города теплое участіе. Быть можетъ, близка и та пора, когда среди мѣстныхъ школяровъ не встрѣтится ни одного босого, нищенски одѣтаго, не имѣющаго учебника или же исключеннаго за невзносъ платы, и когда общество на свои средства будетъ воспитывать не одного, а нѣсколько своихъ стипендіатовъ изъ селъ и, такимъ образомъ, въ темную сельскую массу броситъ хотя скромный лучъ научныхъ познаній“.

Кромѣ учебныхъ заведеній, въ г. Ялуторовскѣ имѣется еще одно образовательное учрежденіе: это—общественная библіотека при мѣстномъ клубѣ.*)

Въ настоящее время въ клубной библіотекѣ насчитывается 619 №№, въ томъ числѣ на отдѣлъ изящной словесности падаетъ 423, на историческій 25, философіи и соціальныхъ наукъ 19, географіи и статистики 5 и дѣтскій 13 №№.**)

Наибольшей полнотой отличается, какъ видно, отдѣлъ изящной словесности, онъ же пользуется и наибольшими симпатіями читающей публики: можно смѣло сказать, что ни одинъ изъ отечественныхъ классическихъ писателей не остался непрочитаннымъ молодымъ поколѣніемъ интеллигентнаго круга, и это одна изъ важнѣйшихъ заслугъ клубной библіотеки. Остальные отдѣлы, какъ видимъ, очень бѣдны, причиною тому—малый спросъ на серьезную научную книгу. Будемъ надѣяться, что время возьметъ свое и изъ молодежи, которая теперь воспитывается на лучшихъ твореніяхъ нашей литературы, въ будущемъ выработается и типъ серьезнаго читателя, который возьмется за книги и научнаго содержанія.

Кромѣ этой библіотеки, обществу попеченія объ учащихся г. начальникомъ губерніи разрѣшено 5 сентября 1894 г. открыть безплатную народную библіотеку, въ основу которой войдутъ книги, пожертвованныя студентомъ-медикомъ И. М. Гордѣевымъ и

*) См. мои статьи: „Библіотечное дѣло въ Сибири“ („Вост. Об.“ 1885 г., № 46) и „Библіотеки въ селахъ и городахъ Сибири“ („Вост. Об.“ 1888 г., № 15), а также первую часть настоящей работы во 2-мъ выпускѣ „Ежегодника“, стр. 57 и 58.

**) См. „Итоги просвѣщенія въ г. Ялуторовскѣ“ П. Головачева въ „Тоб. Губ. Вѣд.“ за 1894 г., № 28.

тюменскимъ статистическимъ отрядомъ, въ количествѣ 300 экземпл.

Глава II. Хозяйственная и санитарная обстановка сельскихъ училищъ.

Ялуторовскій округъ занимаетъ пространства 19,044 кв. вер. и имѣетъ населенія 184,994 ч. (91,935 м. и 93,059 ж.), при чемъ на 1 квадратную версту приходится 9,48 ч. Населенныхъ мѣстъ въ округѣ считается 356 русскихъ и 15 татарскихъ.*)

Во всемъ округѣ имѣется 34 училища министерства государственныхъ имуществъ съ 1159 м. и 327 д., всего—1486 учащимися, 13 церковно-приходскихъ школъ съ 292 м. и 156 д., всего—448 учащимися, 22 школы грамотности съ 304 м. и 46 д., всего—350 учащимися; въ инородческихъ же волостяхъ: Авазбакеевской и Сингульской при мѣстныхъ муллахъ имѣется 15 татарскихъ школъ, изъ нихъ въ Сингульской 7 школъ съ 176 м. и 149 д., всего—326 учащимися. Кромѣ этихъ официальныхъ школъ, во многихъ деревняхъ есть еще вольные учителя, о которыхъ нами сказано будетъ дальше.

На все русское населеніе округа (85,362 м. и 86,404 ж., всего—171,766 ч.) приходится учащихся 1755 м. и 529 д. ,всего—2284 ч., т. е. одинъ учащійся мальчикъ на 49 мужч. и одна дѣвочка на 162 женщины. Приблизительное вычисленіе показываетъ, что изъ 100 мальчиковъ школьнаго возраста не учится 88, изъ 100 дѣвочекъ 97.

По волостямъ министерскія школы распредѣляются слѣдующимъ образомъ. По 2 школы имѣютъ 7 волостей: Томиловская, Заводоуковская, Слободобешкильская, Архангельская, Красногорская, Исетская и Юргинская; остальныя волости имѣютъ по одной школѣ, за исключеніемъ Ивановской, которая совсѣмъ не имѣетъ школы.**) Церковноприходскія школы имѣются въ волостяхъ: Архангельской, Емуртлинской, Заводоуковской, Исетской, Кизакской (двѣ: Нижнеманайская и Курская), Красногорской, Омутинской, Плетневской, Суерской, Терсюкской, Томиловской, Мокроусовской и Юргинской. Школъ грамотности въ Суерской волости 10, Заводоуковской 2, Плетневской 2, Мостовской 2, Исетской 1, Томиловской 1, Лыбаевской 1 и Верхсуерской 1. Вообще всѣ школы по волостямъ распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

*) См. „Статистика Россійской Имперіи. Волости и населенныя мѣста 1893 года. Вып. 10. Тобольская губернія.“ Изд. Центр. Ком. 1894 г.

**) Въ настоящее время Томиловская волость имѣетъ 3, Коркинская 2 и Ивановская 1 школу.

НАЗВАНІЕ ВОЛОСТЕЙ.	Министер. школъ.	Церковно-приходск. школъ.	Школъ грамотности.	ВСЕГО.
Суерская	1	1	10	12
Заводоуковская	2	1	2	5
Томиловская	2	1	1	4
Исетская	2	1	1	4
Плетневская	1	1	2	4
Архангельская	2	1	„	3
Красногорская	2	1	„	3
Юргинская	2	1	„	3
Мостовская	1	„	2	3
Терсюкская	1	1	1	3
Кизакская	1	2	„	3
Верхсуерская	1	„	1	2
Емуртлинская	1	1	„	2
Лыбаевская	1	„	1	2
Омутинская	1	1	„	2
Мокроусовская	1	„	1	2
Слободобешкильская	2	„	„	2
Бобылевская	1	„	„	1
Верхнебешкильская	1	„	„	1
Ингалинская	1	„	„	1
Кодская	1	„	„	1
Коркинская	1	„	„	1
Новозаимская	1	„	„	1
Пятковская	1	„	„	1
Шатровская	1	„	„	1
Шороховская	1	„	„	1
Саламатовская	1	„	„	1

Всѣ зданія, въ которыхъ помѣщаются министерскія школы, деревянныя, большею частью одноэтажныя, за исключеніемъ Кодскаго, Скородумскаго и Шатровскаго. Самое лучшее классное помѣщеніе имѣетъ Кодское училище, состоящее изъ 4 классныхъ комнатъ, соединенныхъ арками. По двѣ классныхъ комнаты имѣютъ училища: Романовское, Исетское, Бердюгинское, Мокроусовское, Новозаимское, Терсюкское, Мостовское, Ингалинское и Пятковское; остальныя имѣютъ по одной клас. комнатѣ. Романовское, Бердюгинское, Ингалинское и Пятковское училища помѣщаются въ ча-

стныхъ квартирахъ, изъ нихъ послѣднее помѣщается въ квартирѣ, для школы нисколько не приспособленной. Изъ плановъ, приложенныхъ въ концѣ настоящей работы, можно видѣть внутреннее расположеніе комнатъ и можно судить о тѣхъ удобствахъ и неудобствахъ, которыя приходится испытывать школѣ. Тамъ же въ особой таблицѣ мы группируемъ болѣе или менѣе подробныя данныя, характеризующія гигіеническія условія, въ которыя поставлена министерская школа Ялуторовскаго округа (Таб. III).

Изъ таблицы этой видно, что длина средней классной комнаты въ школахъ Ялуторовскаго округа—10,7 арш., ширина—7 арш., высота—3,5 арш., куб. вмѣстимость воздуха—262,15 куб. арш. (3324 к. ф.) и поверхность пола—74,9 кв. арш. (406,7 кв. фут.), при чемъ на одного учащагося приходится площади пола 1,8 кв. арш. (9,6 кв. ф.) и воздуха 6,24 куб. арш. (79 куб. ф.).

Для наглядности сравненія школы Ялуторовскаго округа съ типомъ нормальной школы, выработаннымъ врачами и педагогами-гигіенистами, мы приводимъ ниже таблицу, изъ которой можно видѣть, на сколько школа Ялуторовскаго округа стоитъ ниже нормальной.*)

	Докторъ Эрисманъ.	Врачъ Романовъ.	Вятская школьная комиссія.	Баронъ Корфъ.	3-й съѣздъ земскихъ врачей.	Ялуторовская минист. школа.			Ялуторовская церковно-прих. школа.		
						Лучшая	Средняя	Худшая	Лучшая	Средняя	Худшая
Площадь пола -	3	4,68	3,4	2	2	3,2	1,8	1	2,3	1,52	1
Высота - - -	6,3	7	6	3,5-4,6	4	4	3,5	2,5	4,13	3,25	2,25
Кубическая вмѣстимость -	18,5	32,2	20,3	8	8	12,6	6,24	3,5	5,6	4,3	2,6
Отношеніе свѣтовой поверхности къ площади пола - - - -	0,18	0,24	0,17	0,15—0,20	„	0,17	„	„	„	„	„

Слѣдовательно, средняя классная комната при высотѣ, меньшей

*) Не лишнимъ будетъ дополнить эту таблицу указаніемъ на кубическую вмѣстимость иностранныхъ школъ, гдѣ приходится: во Франціи—21, въ Пруссіи—35 (по Кремеру 19,4), въ Баваріи—28, въ Австріи—7 и въ Бельгіи—6,3 арш.

нормальной въ 1,14 раза, даетъ на каждаго учащагося поверхности пола меньше, чѣмъ нормальная классная комната, въ 1,11 раза и воздуха—въ 1,28 раза. Если мы сравнимъ отдѣльныя классныя комнаты съ типомъ, выработаннымъ бар. Корфомъ, самымъ скромнымъ изъ гигіенистовъ по требовательности относительно школьно-санитарныхъ условій, то неудовлетворительное состояніе школы выступитъ еще рѣзче; такъ, по высотѣ удовлетворительныхъ училищъ мы найдемъ только пять: Верхнебешкильское, Емуртлинское, Кизакское, Кодское и Суерское. Пять школъ на 34! Квадратную поверхность пола, равную или большую нормальной, мы встрѣчаемъ лишь въ восьми училищахъ: Бердюгинскомъ, Верхсуерскомъ, Кодскомъ, Лыбаевскомъ, Мостовскомъ, Рафайловскомъ, Суерскомъ и Юргинскомъ,—и кубическую вмѣстимость воздуха, нормальную или выше нормальной, лишь въ 5 училищахъ: Верхсуерскомъ, Кодскомъ, Романовскомъ, Суерскомъ и Юргинскомъ. Такимъ образомъ, если придерживаться требованій барона Корфа, то оказываются удовлетворительныхъ школъ только двѣ: Кодская и Суерская. Въ большинствѣ же школъ учащіеся принуждены довольствоваться 3,5—7 куб. арш. воздуха, т. е. 43,8—87,5% нормальной вмѣстимости. Кромѣ того, въ одной изъ школъ, а именно: въ Коркинской, въ классную комнату врѣзывается прямоугольникомъ комната учительницы, длиною арш. въ 4 и шириною арш. въ 3, т. е. отнимающая около 12 кв. арш., или $^1/_6$ квадратной поверхности пола. Но если классныя помѣщенія малы и потому даютъ въ большинствѣ случаевъ мало воздуха, то, можетъ-быть, употреблены всѣ усилія для того, чтобы воздухъ этотъ былъ чистый и здоровый, и введена болѣе или менѣе усовершенствованная система вентиляціи и отопленія? Свѣдѣнія объ этомъ мы сгруппировали въ приложеніяхъ, въ таблицѣ IV.

Изъ таблицы этой видно, что четыре училища совсѣмъ не снабжены вентиляціей. Надо замѣтить при этомъ, что въ большинствѣ школъ устроены простыя форточки и только въ нѣкоторыхъ форточки Шерингэма.

Не менѣе важенъ въ отношеніи вентиляціи и способъ отопленія. Почти всѣ училища Ялуторовскаго округа отопляются посредствомъ голландскихъ печей и нѣкоторыя посредствомъ желѣзныхъ; наиболѣе рекомендуемыхъ для школъ печей, способствующихъ вентиляціи воздуха, какъ-то: колориферныхъ, Собольщикова и Дугласъ-Гальтона, не устроено ни въ одномъ училищѣ—такъ же, какъ ни въ одномъ училищѣ не устроено правильной системы вентиляцій, напр., д-ра Дикмана, Бертье-Делагарда и др.

Въ свѣтовомъ отношеніи министерская школа Ялуторовскаго

округа поставлена въ слѣдующія условія: каждая средняя классная комната имѣетъ 7 оконъ, длиною каждое въ 1,57 (т. е. приблизительно въ 1 арш. 9 вер.) и шириною въ 1,12 арш. (около 1 арш. 2 вер.), такъ что на каждый квадратный аршинъ пола приходится 43,5 кв. вершковъ, т. е. свѣтовая поверхность составляетъ 17% поверхности пола. Докладъ съѣзда Воронежскихъ земскихъ врачей говоритъ: „желательно, чтобы стеклянной поверхности оконъ было 15—20% площади пола, а этому въ проектируемой нами классной комнатѣ будетъ соотвѣтствовать 5 оконъ въ 2 арш. вышины и 1½ арш. ширины каждое", т. е. на 1 кв. арш. пола должно приходиться отъ 38 до 51 кв. вершка свѣтовой поверхности. Въ нашей типической школѣ оконъ больше на 2, но за то самыя окна меньше, какъ въ длину (на 7 вер.), такъ и въ ширину (на 6 вер.), такъ что отношеніе стеклянной поверхности къ площади пола получается средне-нормальное, но если мы посмотримъ на отдѣльныя школы, то многія изъ нихъ окажутся далеко ниже нормы. Наименѣе удовлетворительными въ свѣтовомъ отношеніи можно считать училища: Омутинское, Бобылевское, Емуртлинское, Красногорское, Юргинское, Рафайловское, Верхсуерское, Коркинское, Слободобешкильское, Онуфріевское, Суерское и Лыбаевское.

Не менѣе неудовлетворительна въ гигіеническомъ отношеніи и классная мебель: во всѣхъ училищахъ классные столы (обыкновенно не отдѣляющіеся отъ скамеекъ)—старинной конструкціи, длинные, человѣкъ на 6, при чемъ какъ крышка стола, такъ и спинка скамейки неподвижны, вслѣдствіе чего ученикъ, спрошенный съ мѣста, не можетъ стоять свободно: сидѣнье скамейки давитъ ему подколѣнки, а крышка стола или грудную клѣтку или животъ, смотря по росту ученика. Ученикъ не можетъ сидѣть свободно и во время урока, такъ какъ его стѣсняетъ крышка стола, которая не можетъ ни отодвигаться, ни подыматься, ни спускаться. Вслѣдствіе же того, что сидитъ по 5—6 чел. на каждой скамейкѣ, при каждомъ вызовѣ ученика, въ силу необходимости, подымается вся скамья для того, чтобы пропустить вызваннаго, и нарушается постоянно необходимый для школы порядокъ.

Но едва ли не главнѣйшимъ неудобствомъ является отсутствіе при училищахъ отдѣльныхъ прихожихъ, почему учащіеся зимою принуждены бываютъ оставлять свои шубы (по большей части дубленыя, съ острымъ запахомъ) въ классной комнатѣ, чѣмъ и заражаютъ и безъ того крайне плохой воздухъ этихъ комнатъ. Отдѣльныя прихожія имѣются при 18 училищахъ: Кодскомъ, Мокроусовскомъ, Кизакскомъ, Терсюкскомъ, Суерскомъ, Заводоуковскомъ, Спасскомъ, Бигилинскомъ, Плетневскомъ, Мостовскомъ, Емуртлинскомъ, Лыбаевскомъ, Верхнебешкильскомъ, Ингалинскомъ, Созоновскомъ (холодная), Рафайловскомъ, Рамановскомъ; въ остальныхъ училищахъ (16) нѣтъ совсѣмъ прихожихъ, но въ Бердюгинскомъ, Бобылевскомъ, Верхсуерскомъ, Денисовскомъ, Исетскомъ, Новозаимскомъ, Омутинскомъ, Онуфріевскомъ и Слободобешкильскомъ училищахъ для храненія верхняго платья приспособлены кухни учительскихъ квартиръ, а остальныя семь училищъ не имѣютъ и этого ничтожнаго удобства. То же слѣдуетъ сказать и объ устройствѣ ретирадныхъ мѣстъ, къ которому, по видимому, относятся въ высшей степени небрежно и не придаютъ ему никакого значенія. Благодаря такому взгляду только при 5 училищахъ имѣются рет. мѣста, устроенныя при самомъ зданіи, а именно: при Исетскомъ, Рафайловскомъ, Кодскомъ, Терсюкскомъ и Шатровскомъ; въ большинствѣ училищъ для этой цѣли устроены отдѣльныя будки, иногда на концѣ двора. Такія будки устроены при училищахъ: Архангельскомъ, Боровинскомъ, Верхнебешкильскомъ, Емуртлинскомъ, Заводоуковскомъ, Кизакскомъ, Коркинскомъ, Мокроусовскомъ, Новозаимскомъ, Омутинскомъ, Онуфріевскомъ, Романовскомъ, Слободобешкильскомъ, Спасскомъ, Суерскомъ и Юргинскомъ; въ большинствѣ случаевъ эти будки ветхія, полуразвалившіяся, а иногда безъ дверей и крышъ, т. е. представляютъ изъ себя просто мѣсто, кругомъ огороженное досками; въ нѣкоторыхъ школахъ рет. мѣста замѣняютъ стайки, напр., въ Верхсуерскомъ, Ингалинскомъ, Красногорскомъ, Лыбаевскомъ, Пятковскомъ, Бобылевскомъ, Денисовскомъ; въ другихъ, какъ напр., въ Мостовскомъ и Онуфріевскомъ подобныя мѣста огорожены просто плетнемъ, и, наконецъ, есть такія училища, при которыхъ совсѣмъ нѣтъ этихъ мѣстъ, и учащіеся для отправленія своихъ естественныхъ надобностей, въ силу необходимости, избираютъ любое мѣсто двора, отчего почва двора засаривается и, пропитавшись испраженіями, становится вредной для здоровья. Если къ этому прибавить, что нѣкоторыя училища не имѣютъ дворовъ или просто огорожены жердями, то картина хозяйственнаго неблагоустройства будетъ полная. При такой хозяйственной обстановкѣ далека мысль объ устройствѣ училищныхъ садовъ, и, дѣйствительно, сады имѣются лишь при училищахъ: Бобылевскомъ, Боровинскомъ, Верхнебешкильскомъ, Кодскомъ, Суерскомъ и Терсюкскомъ.

Вообще нельзя не пожалѣть, что на санитарную обстановку училищъ не обращается должнаго вниманія, хотя нѣтъ, кажется, интеллигентнаго человѣка, который бы не сознавалъ вреда испорченнаго и необходимости чистаго и свѣжаго воздуха. Для крестьянскаго ребенка воздухъ этотъ необходимъ еще и по-

тому, что домашняя жизнь его проходитъ въ атмосферѣ, положительно отвратительной, и если мы желаемъ внести въ крестьянскую жизнь болѣе здравыя понятія о значеніи воздуха, то должны это дѣлать не нравоученіями или умными народными книжками, а на живомъ примѣрѣ показать крестьянину съ дѣтства (когда еще вѣковые предразсудки о „русскомъ духѣ“ не въѣлись въ его плоть и кровь) различіе между хорошимъ и дурнымъ. „Тутъ надо дѣтямъ дать дышать чистымъ воздухомъ,—говоритъ Бертье-Делагардъ,—не только для того, чтобы не вредить ихъ здоровью, но также и для того, чтобы привить имъ эту потребность, развить способность чувствовать себя нехорошо въ нечистомъ воздухѣ“. А заботимся ли мы, интеллигентные люди, объ этомъ?

Надолго памятная холерная эпидемія, кажется, достаточно доказала, сколько пало жертвъ, благодаря предразсудкамъ, невѣжеству и нашему самодовольно-насмѣшливому отношенію къ гигіеническимъ и санитарнымъ условіямъ, выработаннымъ наукой. Здѣсь я не могу воздержаться, чтобы не привести въ высшей степени яркаго примѣра, сколь безплодными являются, благодаря народному невѣжеству, самыя чистыя и высокія попытки внести въ жизнь крестьянина лучшія гигіеническія условія. „Чудакъ-помѣщикъ Всеволожскій,—разсказываетъ извѣстный писатель Н. С. Лѣсковъ,—ввелъ ересь: онъ сталъ заботиться, чтобы его крестьянамъ въ с. Райскомъ было лучше жить, чѣмъ они жили въ Орловской губ., откуда ихъ вывели. Всеволожскій приготовилъ къ ихъ приходу на новое мѣсто цѣлую „каменную деревню.“ О такихъ чистыхъ и удобныхъ помѣщеніяхъ и помышлять не могли орловскіе крестьяне, всегда живущіе въ безтрубныхъ избахъ. Всѣ дома, приготовленные для крестьянъ въ новой деревнѣ, были одинаковой величины и сложены изъ хорошаго прожженнаго кирпича, съ печами, трубами и полами, подъ высокими черепичными крышами. Выведенъ былъ этотъ порядокъ въ линію на горномъ берегу быстраго ручья, за которымъ шелъ дремучій боръ съ заповѣдными и „клейменными“ въ петровское время „мачтовыми“ деревьями изумительной чистоты, прямизны и роста. Въ этомъ бору было такое множество дичи и звѣрья и такое изобиліе всякой ягоды и бѣлыхъ грибовъ, что казалось будто всего этого вѣкъ ѣсть и не переѣсть. Но орловскіе крестьяне, пришедшіе въ это раздолье изъ своей тѣсноты, гдѣ „курицу и тае выпустить некуда“, какъ увидали каменную деревню, такъ и уперлись, чтобы не жить въ ней.

— Это, молъ, что за выдумка! И дѣды наши не жили въ камени, и мы не станемъ.

Забраковали новые дома и тотчасъ же придумали, какъ имъ устроиться въ новомъ вкусѣ.

Благодаря чрезвычайной дешевизнѣ строевого лѣса, здѣсь платили тогда за избянной срубъ отъ 5 до 10 руб. „Переведенцы“ сейчасъ же „изъ послѣднихъ силъ“ купили себѣ самые дешевенькіе срубцы, приткнули ихъ, гдѣ попало, „на задахъ“, за каменными жильями, и стали въ нихъ жить безъ трубъ, въ тѣснотѣ и конотѣ, а свои просторные каменные дома опредѣлили „ходить до вѣтру“, что и исполнили. Не прошло и одного мѣсяца, какъ всѣ домики прекрасной постройки были загажены, и новая деревня воняла такъ, что по ней нельзя было проѣхать безъ крайняго отвращенія. Во всѣхъ окнахъ стекла были повыбиты, и оттуда валилъ смрадъ.

По учрежденіи такого порядка, на всѣхъ подторжьяхъ и ярмаркахъ люди сообщали другъ другу съ радостью, что „райскіе мужики своему барину каменную деревню всю занакостили.“ Всѣ отвѣчали: „Такъ ему и надо!—Шутъ этакой, что выдумалъ!—Вали, вали ему на голову, вали!“ За что они на него злобствовали, этого, я думаю, они и сами себѣ объяснить не могли; но только они какъ ощетинились, такъ и не приняли себѣ ни одного благодѣянія. Онъ, напримѣръ, построилъ имъ въ селѣ общую баню, въ которую всѣмъ можно было ходить мыться, и завелъ школу, въ которой хотѣлъ обучать грамотѣ мальчиковъ и дѣвочекъ, но крестьяне въ баню не стали ходить, находя, что въ ней будто „ноги стынутъ“, а о школѣ шумѣли: зачѣмъ нашимъ дѣтямъ умнѣе отцовъ быть?“ („Разсказы кстати.“ Книжка „Недѣли“, ноябрь 1893 г., стр., 110, 111 и 112).

Этотъ возмущающій душу фактъ безплодности въ высшей степени добраго и полезнаго дѣла, съ одной стороны, и грубѣйшей неблагодарности и даже издѣвательства, со стороны благодѣтельствуемыхъ, имѣлъ мѣсто не въ дикихъ какихъ-либо странахъ, а въ одной изъ центральныхъ губерній Россіи, и не во времена удѣльныхъ князей и татарскаго владычества, а наканунѣ великихъ реформъ. Чѣмъ же можно объяснить такой фактъ? По моему крайнему разумѣнію его можно объяснить только глубочайшимъ невѣжествомъ и привычкой къ своему грязному и вонючему углу. Вотъ противъ этой то привычки, во имя началъ, выработанныхъ наукой, и должна вооружиться народная школа и должна создать такую обстановку въ санитарномъ отношеніи, чтобы ребенокъ, придя домой изъ школы, чувствовалъ разницу между здоровой и зараженной разными выдѣленіями атмосферой.

Церковно-приходскія школы всѣ, за исключеніемъ Агаракской, имѣютъ собственныя помѣщенія, частію устроенныя на средства епархіальнаго училищнаго совѣта, напр.: Камышевская, Нижнеманайская, Горюновская, Мининская и Курская, частію—въ церковныхъ домахъ: Юргинская, Суерская, Денисовская; Надунская же школа помѣщается въ домѣ, пожертвованномъ г. Поклевскимъ-Козелло, а Зимовье-Вагайская—въ церковной сторожкѣ.

Къ сожалѣнію, свѣдѣнія, имѣющіяся у меня подъ руками, о помѣщеніяхъ церковно-приходскихъ школъ не отличаются полнотой; такъ, напр., о размѣрахъ классныхъ комнатъ изъ 13 школъ свѣдѣнія имѣются лишь о семи.

Размѣры классныхъ комнатъ выражаются въ слѣдующемъ видѣ:

Названіе школъ.	Число классныхъ комнатъ.	Размѣры классныхъ комнатъ въ аршинахъ.			Кубическая вмѣстимость классныхъ комнатъ.	На 1 ученика приходится воздуха.	Площадь пола въ квадр. арш.	На одного ученика приходится площади пола.
		Длина.	Ширина.	Высота.				
Камышевская .	2	5,5 5,75	5,25	2,25	133	2,6	59	1,2
Нижнеманайская .	1	12	6	?	—	—	72	1,5
Зимовье-Вагайская	1	8	7	3,5	196	8	56	2,3
Кутькинская . .	1	8,5	4	4,13	140,25	4,5	34	1
Мининская . .	1	6,75	6,75	3,75	169	4,7	45,5	1,3
Курская . . .	1	7	7,5	3,5	190	5,6	54,3	1,6
Денисовская . .	1	9	7	2,5	157,5	5,2	63	2,1
Средняя .	1	9	6,2	3,25	164,3	4,3	55	1,5

Такимъ образомъ, средняя классная комната церковно-приходской школы имѣетъ въ длину 9 аршинъ, въ ширину 6,2 аршина и въ вышину 3,25 арш., съ 164 куб. арш. воздуха и съ площадью пола въ 55 кв. арш., при чемъ на каждаго ученика приходится воздуха 4,3 куб. арш. и 1,5 квадратныхъ аршинъ площади пола. Сравнивая съ типомъ нормальной школы, выработаннымъ барономъ Корфомъ, мы находимъ, что площади пола, вмѣсто 2 кв. арш., въ средней церковно-приходской школѣ приходится лишь 1,5 арш., а въ худшей всего 1 кв. арш.; воздуха на одного учащагося, вмѣсто 8 куб. арш., только 4,3 куб. арш., а въ худшей только 2,6 куб. аршина! Высота комнаты также неудовлетворяетъ санитарнымъ требованіямъ: вмѣсто 4 арш. средняя комната имѣетъ 3,25 арш., а худшая только 2,12 арш. Сравнивая гигіеническія условія церковно-приходской школы съ министерской, мы приходимъ къ тому выводу, что министерская школа въ этомъ

отношеніи стоитъ выше: такъ, кубическая вмѣстимость средней министерской школы равна 262 куб. аршинамъ, а церковно-приходской 164 куб. арш., и на одного учащагося въ министерской школѣ приходится 5,6 куб. аршинъ воздуха, а въ церковно-приходской 4,1 куб. арш.; поверхности пола средняя министерская классная комната имѣетъ 74,9 кв. арш., а церковно-приходская 55, и на одного учащагося въ министерской школѣ приходится 1,8, а въ церковноприходской 1,5 кв. аршина.

Большая часть школъ грамоты помѣщается въ частныхъ домахъ, т. е. въ простыхъ деревенскихъ избахъ, а потому всякій можетъ представить себѣ ихъ санитарныя условія. Въ домахъ, устроенныхъ епархіальнымъ училищнымъ совѣтомъ, помѣщается три школы: Упоровская, Уваровская и Волковская; Духовская помѣщается въ домѣ, пожертвованномъ обществомъ; Уковская въ квартирѣ, отведенной обществомъ, и Суерская въ домѣ священника.

Что касается татарскихъ школъ, то мы можемъ только сказать, что въ Авазбакеевской волости учебныя занятія происходятъ въ частныхъ домахъ, а въ Сингульской—въ домахъ, устроенныхъ на средства сельскихъ обществъ. Кто знаетъ устройство татарскихъ домовъ, тотъ не можетъ сказать, чтобы дома эти были удобны для школъ и обладали достаточнымъ количествомъ воздуха и свѣта. Классной мебели въ этихъ училищахъ нѣтъ, и учебныя занятія происходятъ на „нарахъ.“

Всѣ сельскія училища вѣдомства государственныхъ имуществъ содержатся на счетъ частныхъ волостныхъ повинностей, при чемъ на содержаніе каждаго училища отпускается 310 руб., изъ которыхъ 200 руб. идетъ на жалованье учителю, 60 руб.—законоучителю, 25 руб. на училищную библіотеку, отъ 5—10 р. расходуется на учебныя руководства и остальныя 15—20 руб. на учебныя принадлежности: ремонтъ же зданія и мебели, мелкія подѣлки по училищу, наемъ помѣщенія, содержаніе сторожа, отопленіе и освѣщеніе училища относятся на счетъ самихъ сельскихъ обществъ. Опредѣлить точной цифрой эти расходы невозможно, такъ какъ всѣ они производятся, въ большинствѣ случаевъ, натурой: такъ, напр., обязанность сторожа отправляется натурой въ училищахъ: Боровинскомъ, Верхсуерскомъ, Верхнебешкильскомъ, Денисовскомъ, Емуртлинскомъ, Красногорскомъ, Омутинскомъ, Онуфріевскомъ и Плетневскомъ; точно также и отопленіе и освѣщеніе отпускается волостными правленіями натурой.

На наемъ зданій въ 1892 году расходовалось Бердюгинскимъ обществомъ 38 руб., Пятковскимъ 72 р., Рафайловскимъ 61 р., Романовскимъ 32 р. и Суерскимъ 30 р., всего 233 р.; на отопленіе училища и сторожа—Заводоуковскимъ 55 р., Исетскимъ 48 р., Кизакскимъ 38 р. 70 к., Кодскимъ 57 р. 40 к., Коркинскимъ 32 р., Мокроусовскимъ 80 р., Мостовскимъ 24 р. 80 к., Слободобешкильскимъ 18 р., Спасскимъ 27 р., Шороховскимъ 40 р. и Юргинскимъ 37 р., а всего 457 р. 90 к. На ремонтъ училищъ израсходовано Боровинскимъ обществомъ 15 р., Денисовскимъ 2 р., Омутинскимъ 6 р., Пятковскимъ 15 р., Терсюкскимъ 43 р. (?), Шороховскимъ 37 р. (?), Юргинскимъ 6 р. 70 к., всего 124 р. 70 к. На освѣщеніе училища выдавалось въ Мостовскомъ обществѣ 12 р 75 к., Верхнебешкильскомъ 9 р., въ Денисовскомъ, Спасскомъ, Терсюкскомъ, Шатровскомъ и Шороховскомъ по 6 р. и въ Емуртлинскомъ 5 р. 60 к., всего 57 р. 35 к.

Кромѣ того, при нѣкоторыхъ училищахъ имѣются капиталы, пожертвованные разными частными лицами на нужды школъ (такихъ капиталовъ три): при Терсюкскомъ сельскомъ училищѣ—коллежскимъ совѣтникомъ Рѣзановымъ (800 р. въ билетахъ и процентныхъ денегъ 38 р., всего 838 р.), при Кодскомъ училищѣ—купцомъ И. И. Колосовымъ (4600 р. въ билетахъ и наличными 38 р. 71 к., всего 4638 р. 71 к.) и при Омутинскомъ училищѣ—коллежскимъ ассесоромъ Парышевымъ (1000 р. въ билетахъ). Проценты съ перваго капитала предназначаются въ пособіе учащимъ и учащимся Терсюкскаго училища, со второго—на содержаніе классовъ ручного труда при Кодскомъ училищѣ и съ третьяго—на библіотеку при Омутинскомъ училищѣ.

Такимъ образомъ, на народное образованіе въ Ялуторовскомъ округѣ расходуется въ годъ изъ волостныхъ частныхъ повинностей по 310 р. на каждое училище, т. е. 10,540 р., мѣстными сельскими обществами 866 р. 95 к. (приблизительно) и процентныхъ денегъ съ пожертвованныхъ капиталовъ 320 р., всего 11,728 р. 95 к., т. е. одна школа обходится въ 345 р. и одинъ учащійся въ 8,2 р.

Опредѣлить стоимость церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты невозможно, такъ какъ въ отчетахъ отдѣленій проставляются лишь суммы, расходуемыя на жалованье служащимъ, но не имѣется свѣдѣній ни о томъ, сколько расходуется на наемъ квартиръ, на ремонтъ школьныхъ помѣщеній и т. п., ни о стоимости учебныхъ принадлежностей. На содержаніе учителей и учительницъ церковно-приходскихъ школъ, какъ то видно изъ отчета отдѣленія за $18^{93}/_{94}$ учебный годъ, было израсходовано 1456 р.

и—школъ грамоты 831 р.: кромѣ того, выслано было учебныхъ пособій на средства святѣйшаго синода во всѣ школы округа на 208 р. Такимъ образомъ, за исключеніемъ расходовъ на наемъ и ремонтъ помѣщеній и пріобрѣтеніе учебныхъ принадлежностей, церковно-приходскія школы и школы грамоты въ $18^{93}/_{94}$ учебномъ году обошлись въ 2495 р., т. е. одна школа обошлась въ 77 р. и одинъ учащійся въ 3 рубля.

Глава III. Учебныя пособія и школьныя библіотеки.

Изъ предыдущей главы мы видѣли, насколько удовлетворительна сельская школа въ санитарномъ отношеніи. Весьма интересно бы, безъ сомнѣнія, опредѣлить, какими болѣзнями и органическими ненормальностями награждаетъ школа своихъ питомцевъ взамѣнъ тѣхъ знаній, какія она имъ даетъ, но при настоящемъ состояніи сельско-медицинскаго дѣла въ Сибири это невозможно сдѣлать. Теперь посмотримъ, какой духовной пищей питаетъ школа своихъ питомцевъ. Знанія, даваемыя сельскою школою вѣдомства государственныхъ имуществъ, строго опредѣлены программами, выработанными министерствомъ народнаго просвѣщенія и утвержденными имъ 31 мая 1869 года, и программой преподаванія Закона Божія, одобренной святѣйшимъ синодомъ 24 сентября 1869 года, а для школъ церковно-приходскихъ программами, утвержденными святѣйшимъ синодомъ въ 1886 году. Мы не будемъ здѣсь касаться этихъ, такъ сказать, официальныхъ знаній, а также преимуществъ той или другой программы, разсмотримъ лишь, какими вспомогательными средствами располагаетъ народная школа Ялуторовскаго округа для достиженія этихъ знаній и для дальнѣйшаго развитія ихъ среди учащагося поколѣнія. Съ этою цѣлью прежде всего обратимся къ учебникамъ, по которымъ преподаются предметы, положенные по программамъ сельскихъ школъ.

Законъ Божій преподается во всѣхъ училищахъ по учебникамъ протоіерея Д. Соколова: „Молитвы, заповѣди и символъ вѣры“ и „Начальное наставленіе въ православной вѣрѣ“; но въ нѣкоторыхъ изъ училищъ законоучителя стараются пополнять знанія учащихся свѣдѣніями изъ другихъ учебниковъ: такъ, законоучитель Архангельскаго училища пользуется „Священной исторіей ветхаго и новаго завѣта“ того же автора, „Краткимъ ученіемъ о богослуженіи“ и „Сокращеннымъ катихизисомъ“, Денисовскаго—„Курсомъ Закона Божія“ Свирѣлина и „Объясненіемъ литургіи“ Недемева, Верхсуерскаго, Исетскаго, Плетневскаго, Пятковскаго, Омутинскаго,

Онуфріевскаго и Суерскаго—„Священной исторіей ветхаго и новаго завѣта“ Соколова и „Начатками православнаго ученія“. Обученіе *русской грамотѣ* преимущественно ведется по „Родному Слову“ (годъ I) Ушинскаго, и только въ Терсюкскомъ, Шатровскомъ, Онуфріевскомъ, Рафайловскомъ, Исетскомъ, Бобылевскомъ и Боровинскомъ—по „Азбукѣ“ и „Книжкѣ-первинкѣ“ Бунакова, въ Романовскомъ по „Нашему Родному“ Баранова. Въ среднемъ отдѣленіи читаютъ преимущественно по „Родному Слову“ (г. II) Ушинскаго, въ старшемъ же отдѣленіи въ 22 училищахъ читаютъ по „Дѣтскому Міру“ Ушинскаго, въ училищахъ же Скородумскомъ, Красногорскомъ, Коркинскомъ, Онуфріевскомъ, Пятковскомъ и Архангельскомъ—по „Книгѣ для чтенія“ Паульсона, въ Спасскомъ—„Въ школѣ и домѣ“ Бунакова, въ Кодскомъ—по „Книгѣ для класснаго чтенія“ Баранова, въ Романовскомъ—по „Нашему Родному“ его же, въ Слободобешкильскомъ—по „Нашему Другу“ Корфа и въ Новозаимскомъ—по „Родинѣ“ Радонежскаго. Рукописное чтеніе преподается преимущественно по сборникамъ Золотова, Андреяшева и Подобы. *Церковно-славянская* грамота преподается въ Суерскомъ—по „Родному Слову“ Ушинскаго, въ Терсюкскомъ—по Бунакову, въ Шатровскомъ и Боровинскомъ—по „Обученію церковно-славянской грамотѣ“ Ильминскаго, въ Денисовскомъ—по той же книгѣ и „Первой учебной книгѣ ц.-с. языка“ Грушевскаго и въ Бобылевскомъ—по „Книгѣ для церковно-славянскаго чтенія“ Тихомирова; по достиженіи же умѣнія читать по церковно-славянски читаютъ и переводятъ на русскій языкъ св. Евангеліе, Псалтирь и Учебный Часословъ. *Ариѳметика* преподается почти во всѣхъ училищахъ по методѣ Евтушевскаго при помощи его задачника; изъ задачниковъ употребляются также Леве, Воленса, Минина и Арбузова, Житкова, Попова, Гольденберга, Лубенца и др. Въ нынѣшнемъ году по распоряженію смотрителя училищъ въ видѣ опыта введено въ нѣсколькихъ училищахъ преподаваніе по методу Вишневскаго, и опытъ этотъ подаетъ надежду, что методъ Вишневскаго привьется въ школахъ Ялуторовскаго округа. *Диктанты* ведутся по „Азбукѣ правописанія“ Тихомирова, „Урокамъ русскаго правописанія“ Пуцыковича, „Курсамъ систематическаго диктанта“ Смирновскаго, „Задачамъ русскаго правописанія“ Красногорскаго и по „Курсу русскаго правописанія“ Ислентьева, которые имѣются во всѣхъ училищахъ Ялуторовскаго округа. *Письмо* преподается во всѣхъ училищахъ по методѣ Гербача.

Кромѣ учебниковъ и руководствъ, по которымъ ведется преподаваніе, при каждомъ сельскомъ училищѣ имѣются наглядныя пособія и ученическая (для внѣкласснаго чтенія) библіотека.

Для наглядnаго преподаванія Закона Божія наиболѣе пригодными пособіями считаются 50 картинъ для наглядnаго преподаванія священной исторіи ветхаго и новаго завѣта, изд. Ракочія, Сидорскаго и К°, 35 картинъ для начальнаго курса Закона Божія, изд. А. Ильинымъ и Н. Фену и К°, дванадесятые праздники и Воскресеніе Христово (13 картинъ), изд. И. Ситинымъ, такое же изданіе А. Бахметьевой, рисунки и картины, изображающіе въ послѣдовательномъ порядкѣ богослуженіе православной церкви, на двухъ листахъ, П. Ансерова, карта палестины и стѣнныя таблицы, съ напечатанными на нихъ по-славянски молитвами; по русскому языку—10 картинъ изъ русской природы и жизни, изд. Фену и К°, и подобныя же картины Семенова; по ариѳметикѣ—шведскіе и русскіе счеты, ариѳметическій ящикъ, образцы мѣръ; для преподаванія исторіи—„Отечественная исторія въ картинахъ“ С. Рождественскаго (32 к.); при преподаваніи географіи—глобусъ, карты, атласы; при преподаваніи естествовѣдѣнія—20 стѣнныхъ естественно-историческихъ таблицъ, изд. Императорскимъ вольно-экономическимъ обществомъ; по чистописанію—прописи, преимущественно, Гербача.

Если въ дѣлѣ закрѣпленія знаній наглядныя пособія играютъ неоцѣненную роль, то въ дѣлѣ дальнѣйшаго развитія учащихся едва ли не большую роль играетъ книга. Чего не можетъ сдѣлать хорошая книга съ человѣкомъ, особенно съ впечатлительною душою ребенка? Возмемъ книги духовно-нравственнаго содержанія, напр., „Житія Святыхъ“. Слѣдя за жизненными подвигами святыхъ, за страданіями, мученіями и даже самою смертью, перенесенными ими за истину, за человѣколюбіемъ и твердостью характера однихъ, самоотверженіемъ, кротостью и безпримѣрною добротою другихъ, проявленіями высокаго ума и краснорѣчія во имя Христово третьихъ, —не запечатлѣетъ-ли юная душа ребенка эти подвиги христіанской добродѣтели? А отечественная исторія? Сколько поучительнаго, великаго, могучаго можетъ дать она уму ребенка! Колоссальныя фигуры историческихъ лицъ, строительство единой Руси съ удѣльной борьбой, наша борьба съ татарами, шведами и поляками, царствованіе Петра Великаго, Екатерины II, Александра Благословеннаго, отечественная война 1812 года, эпоха Александра Освободителя и наше вступленіе въ семью европейскихъ народовъ —все это не можетъ, конечно, остаться безъ дѣйствія на душу ребенка, и посѣетъ и возроститъ истинный патріотизмъ. Не менѣе важны и книги географическія, въ особенности по отечественной географіи: описаніе знаменитыхъ городовъ, торговли, промышленности, могучихъ рѣкъ, природы, климата и народ-

ностей внесетъ богатый вкладъ въ умъ ребенка. Ознакомленіе по отрывкамъ и отдѣльнымъ произведеніямъ съ лучшими писателями отечественными и иностранными также необходимо: они заронятъ не одну свѣтлую мысль, разбудятъ не одно доброе чувство. Книги практическаго содержанія, какъ-то: популярно-медицинскія, сельско-хозяйственныя и др., должны занимать не менѣе почетное мѣсто въ школьной библіотекѣ: въ такихъ книгахъ и взрослый крестьянинъ найдетъ много поучительнаго, что послужитъ связью между школой и семьей и будетъ способствовать разрушенію той отчужденности, которая между ними теперь существуетъ. „Трудно себѣ представить“,—говоритъ Ушинскій,—„какой переворотъ въ идеяхъ и душѣ человѣка, заключеннаго гдѣ-нибудь въ глуши уѣзднаго города, можетъ сдѣлать попавшая въ его руки хорошая книга!“ Такъ въ глуши уѣзднаго города. Но городъ, какой бы онъ ни былъ, все-таки городъ: въ немъ все-таки хоть какая-нибудь интеллигенція да есть,—хоть маленькая,—умственныя запросы существуютъ, разумныя удовольствія, хоть худенько, да устраиваютъ, хоть и не все хорошія книги, да почитываютъ... А деревня?... И при одномъ этомъ имени представляется безпросвѣтный мракъ. Пусть разовьетъ школа среди своихъ питомцевъ любовь къ чтенію, пусть дастъ она разумный, чистый матеріалъ для умственнаго развитія и наслажденія, и она сдѣлаетъ великое дѣло: избавитъ мужика отъ многихъ ошибокъ, паденія и, можетъ-быть, преступленій, а главное, что несомнѣнно, хоть на нѣсколько часовъ въ день удержитъ отъ растлѣвающаго вліянія кабака. Въ какомъ состояніи находятся ученическія библіотеки министерскихъ школъ, можно видѣть изъ таблицы V-й въ приложеніяхъ.

Нельзя сказать, чтобы ученическія библіотеки были особенно богаты, но не слѣдуетъ забывать, что болѣе или менѣе систематическая выписка книгъ стала производиться лишьсъ 1891 г., когда библіотечная часть передана была смотрителямъ училищъ. Первое мѣсто въ такихъ библіотекахъ занимаютъ книги литературнаго и религіозно-нравственнаго содержанія, за ними слѣдуютъ книги историческія, отдѣлы же географическій, естественно-историческій, популярно-медицинскій и сельско-хозяйственный мы должны признать безусловно бѣдными. Разсматривая далѣе состояніе библіотекъ отдѣльныхъ школъ, мы находимъ, что библіотеки школъ Заводоуковской, Скородумско-Созоновской и, въ особенности, Суерской*) совсѣмъ неудовлетворительны.

*) Вслѣдствіе пожара, который уничтожилъ въ 1891 году и зданіе училища и библіотеку.

Но если такъ важно значеніе библіотекъ для учениковъ и взрослыхъ крестьянъ, то не менѣе важно значеніе учительскихъ библіотекъ. Только что окончивъ курсъ, пріѣзжаетъ учительница въ деревню, несмѣлыми шагами вступаетъ она въ порученную ей школу. Начинается первый урокъ. Зорко слѣдятъ ребятишки за новой личностью, стараясь подмѣтить въ ней и слабыя и сильныя стороны, а учительницу между тѣмъ поражаетъ все: и недисциплинированные деревенскіе школьники, и ихъ неряшливость, и невѣжество, и „русскій духъ“, и бѣдность школы, и какія-то уродливыя парты, и грязь; а тутъ еще пришла какая-то баба, стала у притолоки дверей и, подпершись подбородокъ руками, зорко смотритъ на новую „учителку“; какой-то мужикъ съ запахомъ бродней и тулупа, со знакомъ на груди, ввалился въ классъ и разсѣлся на стулѣ. Какъ все это непохоже на ту „образцовую“ городскую школу, гдѣ она давала свои пробные уроки! Бѣдная „учителка“ блѣднѣетъ, краснѣетъ, ее и сердитъ все это, и стыдно ей! Все это замѣчаютъ; она еще болѣе упала въ глазахъ окружающихъ, и съ этого времени начинается разладъ. Ребятишки начинаютъ не слушаться.... Къ кому же обратиться за совѣтомъ? Къ смотрителю училищъ? Но онъ живетъ за 50—100 верстъ. Къ батюшкѣ? Но она слышала, какъ одинъ батюшка сказалъ однажды: „Какія тамъ педагогіи! Давно я учился—и безъ педагогій всякихъ выучили насъ вонъ-какъ. Въ наше время линейка да горохъ подъ колѣни—вотъ какая была педагогія!“ Не сходить-ли къ писарю? Но онъ вчера съ кѣмъ-то „гулялъ“, да и супруга у него ревнивая... И возмущается юная душа и „линейкой и горохомъ“ батюшки, и „гуляньемъ“ писаря, и ревностью его супруги, и неуспѣшностью учениковъ, и своей неумѣлостью. Какъ все это не гармонируетъ съ тѣми гуманно-воспитательными теоріями, которыми ее начиняли! Вотъ здѣсь-то и нужна библіотека: въ ней начинающая учительница должна встрѣтить опытныхъ педагоговъ, которые дадутъ ей совѣты, объяснятъ ей, почему нужно поступать такъ-то и такъ-то; здѣсь встрѣтитъ она людей съ теплой душой, которые бросятъ хоть одинъ лучъ въ удрученную молодую душу. Разумная дѣвушка, конечно, путемъ опыта дойдетъ до правильной постановки дѣла; но сколько труда должна она будетъ затратить, сколько ошибокъ сдѣлать, сколько безплоднаго, напраснаго труда взвалить на своихъ учениковъ! Учительница или учитель съ менѣе сильнымъ характеромъ можетъ пасть духомъ, махнуть рукой на свое дѣло по казенному, безъ души..... Но это еще „полъ-бѣды“, а то... и компанія веселая можетъ привлечь и вырвать съ корнемъ то, что такъ заботливо внушали въ школѣ.

Таково, по нашему мнѣнію, значеніе учительскихъ библіотекъ. Изъ таблицы V-ой въ приложеніяхъ можно видѣть, въ какомъ онѣ находятся состояніи.

Въ церковно-приходскихъ школахъ при преподаваніи Закона Божія предпочитаются „Начатки христіанскаго чтенія;“ въ нѣкоторыхъ, напр., Чуваринской они замѣняются „Наставленіемъ въ Законѣ Божіемъ“ Смирнова; кромѣ того, въ нѣсколькихъ школахъ преподается еще священная исторія по Смирнову и Крылову. Церковно-славянское чтеніе преподается во всѣхъ школахъ по Евангелію, Часослову и Псалтири, и только въ Зимовье-Вагайской сначала обученіе ведется по „Обученію церковно-славянской грамотѣ“ Ильминскаго, а потомъ уже переходятъ къ чтенію Часослова и Псалтири. Русская грамота преподается по „Азбукѣ“ Столпянскаго (Кутькинская), „Букварю“ Лубенца (Мининская, Манайская), а дальнѣйшее чтеніе по „Нашему Родному“ Баранова, „Приходской школѣ“ Ермина и Волотовскаго, „Книгѣ для чтенія“ Попова, „Солнышку“ и „Родинѣ“ Радонежскаго. Диктанты ведутся въ нѣсколькихъ школахъ по „Азбукѣ правописанія“ Тихомирова, въ другихъ—по грамматикѣ Матвѣевой (въ Портнягинской, Манайской), по грамматикѣ Тихомировой и „Урокамъ правописанія“ Пуцыковича. Ариѳметика преподается по „Повторительному курсу ариѳметики“ Арефьева и Соколова и задачнику Лубенца, по Евтушевскому же ведется только въ Камышевской школѣ, да и тамъ учебникъ Евтушевскаго имѣется лишь въ 1 экз. Письмо преподается по прописямъ Гербача и Тихомирова.

Наглядными учебными пособіями, какъ церковно-приходскія школы, такъ и школы грамотности крайне бѣдны: наиболѣе богатая въ этомъ отношеніи школа Мининская имѣетъ только семь таблицъ для обученія Закону Божію, географическія карты, русскіе счеты и прописи: за ней слѣдуютъ Зимовье-Вагайская школа, имѣющая картины по исторіи ветхаго и новаго завѣта и таблицы славянскихъ молитвъ. Кутькинская, имѣющая русскіе счеты и географическія карты, Суерская—стоячіе русскіе счеты, Курская—прописи Гербача: въ остальныхъ школахъ, доставившихъ свѣдѣнія, наглядныхъ пособій нѣтъ, въ Камышевской же школѣ нѣтъ даже часовъ.

Библіотеки, какъ учительскія, такъ и ученическія, настолько бѣдны, что можно считать ихъ совсѣмъ несуществующими: это можно видѣть изъ слѣдующихъ перечисленій книгъ, имѣющихся при различныхъ школахъ.

Въ *Вагайской* школѣ—„Училище благочестія“ (3 экз.), „Чтеніе изъ ист. ветхаго зав.“(4 экз.), „Крат. ист. жизни Іисуса Христа“(4 экз.).

Въ *Портнягинской*—„Училище благочестія“ (4 экз.), „Избранныя житія святыхъ православной церкви“ Корюкова и „Избранныя житія изъ книгъ ветхаго завѣта“.

Въ *Кутькинской*—сочиненія противъ раскола архимандрита Павла (2 т.), „Житія святыхъ“ Григорія, митрополита Новгородскаго, выписки Озерскаго, книга о холерѣ (?).

Въ *Манайской*—„Училище благочестія“ (8 экз.), „Приходская школа“, журналъ за 1888, 89, 90 и 91 гг.

Въ *Мининской*—5 книгъ религіозно-нравственныхъ.

Въ *Курской*—„Училище благочестія“ (8 экз.).

Въ *Денисовской*—для учащихъ: 6 назв. книгъ въ 7 том. (1 р. 37 к.) педагогич. содерж., для учащихся: 40 назв. въ 93 т. (на 44 р. 28 к.); изъ нихъ религ.-нравств. 80 экз., истор. 10 и географ. 3 (?).

Въ *Камышевской*—книгъ религ.-нравственныхъ 61 (?), истор. 5.

Какъ видно изъ этого перечисленія, только въ Денисовской и Камышевской имѣется порядочно книгъ, но мы думаемъ, что сюда вошли и учебники, т. е., иначе говоря, означенныя числа показываютъ, сколько всего книгъ имѣется при этихъ школахъ.

Въ остальныхъ школахъ книгъ почти совсѣмъ не имѣется.

Глава IV. Школьные дѣятели.

Главнымъ школьнымъ дѣятелемъ, такъ сказать, душою школы является учитель: отъ его умственнаго развитія, нравственныхъ качествъ, его отношенія къ дѣлу и опытности зависитъ та или иная постановка школы, а потому весьма важно опредѣлить, изъ какихъ элементовъ составляется учительскій персоналъ.

При самомъ основаніи сельскихъ школъ, весьма впрочемъ немногихъ, ряды учителей пополнялись больше лицами духовнаго званія: священниками, дьяконами и псаломщиками, но, какъ мы видѣли въ I части нашей работы, лица эти сами не вели учебныхъ занятій и поручали ихъ людямъ постороннимъ, менѣе всего пригоднымъ для этого дѣла, а именно: грамотнымъ поселенцамъ, выгнаннымъ со службы чиновникамъ, отставнымъ грамотнымъ солдатамъ и т. п. Такой порядокъ продолжался почти до половины семидесятыхъ годовъ. Съ этого времени, когда возникли жалобы на плохое исполненіе причтами учительскихъ обязанностей, казенная палата стала опредѣлять учителями окончившихъ курсъ въ уѣздныхъ училищахъ, въ женскихъ прогимназіяхъ, а также въ Маріинской женской школѣ, а нѣсколько времени спустя, съ открытіемъ учительской семинаріи въ Омскѣ, явились учителя-семинаристы, въ рядахъ же учительницъ стали появляться и окон-

чившія курсъ гимназистки. Въ настоящее время преобладающая роль въ педагогическомъ трудѣ въ сельской школѣ принадлежитъ женщинѣ: изъ 34 учащихъ насчитывается 24 женщины и только 10 мужчинъ, т. е. женщины составляютъ 70%, а мужчины 30%. Всѣ учащіе поступили на учительскую службу прямо по окончаніи курса въ учебныхъ заведеніяхъ и послѣ установленной педагогической практики при этихъ заведеніяхъ, за исключеніемъ двухъ учителей, изъ которыхъ одинъ поступилъ изъ волостныхъ писарей, а другой по окончаніи срока военной службы.

Женщина вообще привязывается къ педагогическому труду гораздо сильнѣе, чѣмъ мужчина. Такъ, изъ учителей около половины можно считать новичками, т. е. служащими не болѣе 5 л., другая половина служитъ отъ 5 до 10 лѣтъ, и только одинъ служитъ 23 года, между тѣмъ какъ женщины (немного менѣе половины наличнаго состава) служатъ отъ 10 до 20 лѣтъ, три (12%) —отъ 5—10, и только 10 учительницъ можно отнести къ новичкамъ, т. е. служащимъ не болѣе 4 лѣтъ. Средняя продолжительность службы для учителей 6 1/2 лѣтъ, а для учительницъ 9 лѣтъ.

Средняя продолжительность службы учительницъ на мѣстахъ послѣдняго ихъ служенія является также выше службы учителей, а именно: учительница служитъ 5 лѣтъ, а учитель 3 года. Тяжелый учительскій трудъ, болѣе чѣмъ скромное, матеріальное обезпеченіе, забота объ обезпеченіи семьи въ случаѣ болѣзни или другого какого-нибудь несчастія—вотъ причины, по которымъ учителя, даже съ спеціальнымъ педагогическимъ образованіемъ, спѣшатъ при первомъ удобномъ случаѣ перейти на другую службу, которая хоть сколько-нибудь обезпечила бы ихъ старость и семью. Другое дѣло—учительница: отчасти, по естественной любви къ дѣтямъ и склонности къ воспитанію ихъ, отчасти оттого, что почти всѣ области интеллигентнаго труда для женщины закрыты, она волей-неволей, въ силу соціальныхъ условій, привязывается къ школѣ и дѣтямъ.

По сословіямъ учителя и учительницы раздѣляются такъ:

НАИМЕНОВАНІЕ СОСЛОВІЙ.	Учителей.	Учительницъ.	Учащихъ об. пола.	%
Дворянъ и поч. гражданъ (чиновниковъ)	4	10	14	41,3
Мѣщанъ	2	8	10	30
Солдатскихъ дѣтей и казаковъ . . .	3	1	4	12,7
Духовныхъ	1	2	3	8,8
Крестьянъ	„	3	3	8,8

По возрастамъ учащіе распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

	До 20	Отъ 20 до 25 л.	Отъ 25 до 30 л.	Отъ 30 до 40 л.	свыше 40 л.
Учителей	„	4	4	1	1
Учительн.	2	8	6	7	1
Всего	2	12	10	8	2

По семейному положенію учащіе раздѣляются слѣдующимъ образомъ: изъ учителей—4 женатыхъ и 6 холостыхъ, изъ учительницъ—20 дѣвицъ, 2 замужнихъ женщины и 2 вдовы.

Теперь разсмотримъ условія духовнаго развитія учителей и учительницъ, заброшенныхъ въ глушь сибирской деревни.

Изъ 10 учителей ялуторовскихъ школъ семь человѣкъ кончили курсъ въ учительской семинаріи, одинъ—кончилъ военную прогимназію, одинъ—4 класса гимназіи и одинъ—уѣздное училище.

Изъ 24 учительницъ 17 кончили курсъ въ женской прогимназіи, четыре—въ маріинск. женск. школѣ, одна—въ первомъ отдѣл. этой школы, одна—въ инст. благород. дѣвицъ и одна имѣетъ домашнее образованіе. Всѣ учителя и учительницы имѣютъ званіе начальныхъ или домашнихъ учителей.

Всѣ эти учителя и учительницы получаютъ, при готовой квартирѣ, 200 руб. въ годъ, т. е. 16 р. 66 к. въ мѣсяцъ. Само собою разумѣется, что подобное вознагражденіе, въ особенности для человѣка семейнаго, не можетъ считаться удовлетворительнымъ. Правда, большинство изъ нихъ имѣетъ при училищѣ квартиру, но это нельзя считать большимъ подспорьемъ въ ихъ незатѣйливомъ хозяйствѣ, потому что квартиры въ деревнѣ цѣнятся дешево, да при томъ большинство учащихъ, по семейному положенію, принуждено имѣть столъ у кого-либо изъ мѣстныхъ жителей.

Въ силу такого матеріальнаго вознагражденія жизнь учителя съ этой стороны можно считать обезпеченной лишь въ самыхъ насущныхъ потребностяхъ: онъ не останется голоденъ, хватитъ ему, пожалуй, на платье и обувь, на чай и сахаръ, и—только. Помимо однакожъ всего этого, у учителя, какъ человѣка мало-мальски образованнаго, не можетъ не явиться духовныхъ потребностей и умственныхъ запросовъ, тѣмъ болѣе, что и самый трудъ учительства связанъ тѣсно съ умственнымъ саморазвитіемъ; однообразіе деревенской жизни, усталость отъ учебныхъ занятій требуютъ отдыха, и отдыхъ этотъ всего ближе могъ бы заключаться

въ хорошемъ журналѣ или книжкѣ. Но откуда взять ихъ? Мы уже видѣли, въ какомъ состояніи находятся почти всѣ библіотеки при школахъ: онѣ могутъ удовлетворить развѣ только спеціально-педагогическимъ отдѣломъ, и то не вездѣ, другихъ же книгъ въ деревнѣ, съ увѣренностію можно сказать, почти не достанешь, и это отсутствіе умственной пищи самымъ пагубнымъ образомъ дѣйствуетъ на умственный строй молодежи, посвятившей свои лучшіе годы на трудъ учительства. Улучшеніе матеріальнаго положенія поэтому является однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ школы.

Другой разрядъ учительскаго персонала составляютъ законоучителя.

Всего законоучителей въ $18^{93}/_{94}$ г. въ округѣ было 31, при чемъ въ училищахъ Спасскомъ и Боровинскомъ преподавали Законъ Божій отдѣльные учителя, а въ Слободобешкильскомъ и Скородумско-Созоновскомъ законоучитель былъ общій. Во всѣхъ училищахъ, за исключеніемъ Спасскаго и Боровинскаго, законоучителями состоятъ мѣстные приходскіе священники.

Законоучителя имѣютъ по 2 недѣльныхъ урока въ каждомъ отдѣленіи, т. е. даютъ въ недѣлю 4 часа (а въ теченіе всего года должны дать 120 уроковъ), и за каждый часъ получаютъ по 50 к., т. е. 60 р. въ годъ.

На сколько аккуратно относятся законоучителя къ тому высокому дѣлу, которое имъ поручено вести, можно видѣть изъ таблицы VI въ приложеніяхъ.

Изъ таблицы этой видно, что законоучителя должны были дать 3720 уроковъ, дали же 2035 уроковъ и пропустили 1691 ур., т. е. каждый законоучитель вмѣсто положенныхъ 120 ур. далъ только 67 ур. и пропустилъ 53, т. е. 45%! Если мы всмотримся въ занятія отдѣльныхъ законоучителей, то явленіе это представится въ еще болѣе яркомъ видѣ: такъ, законоучитель Романовскаго училища далъ только 14 уроковъ, Плетневскаго—18, Лыбаевскаго и Ингалинскаго—по 30, Рафайловскаго—35, Онуфріевскаго—34, и только Заводоуковскій и Верхнебешкильскій дали полное число уроковъ.

Такое въ высшей степени прискорбное явленіе на первый разъ можетъ поразить всякаго, не знающаго условій сибирскихъ приходовъ, и оно, дѣйствительно, многихъ поражало. Такъ, войсковой наказный атаманъ сибирскаго казачьяго войска въ отношеніи, отъ 29 ноября 1884 года за № 8658, между прочимъ, говоритъ: „многіе священники не только не занимаются преподаваніемъ Закона Божія въ станичныхъ и поселковыхъ школахъ, но и не наблюдаютъ за преподаваніемъ онаго учителями и учительницами“ (Е. В. № 9—10, стр. 104, 1885 г.). Тобольская казенная палата (завѣдывавшая въ то время сельскими училищами губерніи) въ отношеніи своемъ, отъ 19 февраля 1885 г. за № 2817, говоритъ: „по недостатку лицъ, могущихъ быть учителями въ такихъ школахъ (министерства государственныхъ имуществъ), палата почти до половины семидесятыхъ годовъ приглашала тѣхъ же мѣстныхъ священниковъ и причетниковъ быть учителями въ этихъ школахъ за отпускавшееся волостнымъ правленіемъ жалованье—сначала 85 р., а потомъ 120 р. въ годъ. Но впослѣдствіи, когда возникли жалобы на плохое исполненіе причтами обязанностей преподавателей въ училищахъ, а также вслѣдствіе заявленій нѣкоторыхъ волостныхъ обществъ съ преобладающимъ раскольничьимъ населеніемъ, что они не могутъ, по своимъ убѣжденіямъ, посылать своихъ дѣтей въ такія школы, которыми завѣдываютъ духовныя лица, казенная палата, съ разрѣшенія высшаго начальства, вынуждена была назначать въ сельскія школы учителей свѣтскаго званія“ (Е. В. 1885 г., № 13, стр. 139). Г. Тобольскій губернаторъ В. А. Тройницкій „безпрестанно относился къ преосвященному Іустину, замѣчая недостатки законоучителей, съ требованіемъ замѣнить законоучителей другими или учительницами“ (циркулярное распоряженіе преосвященнаго Іустина). Упреки по адресу духовенства однакожъ не всегда справедливы, потому что пастырскія обязанности священниковъ занимаютъ слишкомъ много времени, благодаря большому пространству приходовъ. Изъ таблицы VII въ приложеніяхъ можно объ этомъ составить хотя приблизительное понятіе.

Средній приходъ въ Ялуторовскомъ округѣ состоитъ изъ 8 населенныхъ пунктовъ, съ разстояніемъ ихъ отъ приходскаго села около 30 вер. и съ населеніемъ въ 5356 душъ. При болѣе подробномъ разсмотрѣніи таблицы, мы встрѣчаемъ приходы съ разстояніемъ отъ приходскаго села до деревень въ 89, 80, 70 и 65 верстъ, съ 23, 18, 15 селеніями и съ населеніемъ въ 10,379 и около 10,000 душъ! При этомъ не слѣдуетъ забывать, что разстояніе приходскаго села отъ населенныхъ мѣстъ прихода должно быть увеличено вдвое, такъ какъ священнику приходится ѣхать впередъ и обратно. Итакъ, есть приходы, въ которыхъ священнику, чтобы объѣхать одинъ разъ приходъ, нужно сдѣлать 178, 160 и 130 верстъ, а кто же не знаетъ, что священнику ѣздить по требамъ прихода приходится чуть не ежедневно въ то или другое селеніе, не разбирая ни погоды, ни состоянія дороги, и почти всегда на измученной крестьянской лошаденкѣ. Поэтому и важно опредѣлить, какъ велико число требъ въ сибирскомъ приходѣ.

Оказывается (см. таб. VII), что каждому священнику средняго прихода приходится совершить 160 крещеній, 22 брака и 236 отпѣваній, всего 418 требоисполненій.

Но не слѣдуетъ забывать, что въ данномъ перечнѣ перечислены только тѣ требоисполненія, которыя вносятся въ метрическія книги. Помимо ихъ, совершаются церковныя службы, крестные ходы, молебны, соборованіе, приведеніе къ присягѣ при слѣдственныхъ разбирательствахъ, исповѣдь и причащеніе больныхъ и въ посты и прочтеніе молитвъ роженицамъ и т. п. Предпослѣднія настолько бываютъ многочисленны, что въ великій постъ, напр., священники пріобщаютъ по два дня еженедѣльно, т. е. въ субботу и воскресенье. Кромѣ того, слѣдуетъ принять во вниманіе епархіальныя порученія, какъ-то: завѣдываніе благочиніемъ или другимъ приходомъ, производство слѣдствій по духовнымъ дѣламъ и т. п.

Но перечисляя всѣ исполненія таинствъ и требъ, мы не упомянули здѣсь объ одной изъ важнѣйшихъ обязанностей священника, особенно сибирскаго, а именно: о борьбѣ съ расколомъ. Для того, чтобы бороться болѣе или менѣе успѣшно съ расколомъ, нужно очень много читать и постоянно слѣдить не только за противо-раскольничьей, но и раскольничьей литаратурой, а на это также требуется время, не говоря уже о разъѣздахъ съ этою цѣлью по приходамъ.

Такая масса обязанностей, лежащихъ на священникѣ, понятно, лишаетъ его возможности не только вести дѣло законоучителя, какъ слѣдуетъ, но даже исполнять свои прямыя обязанности. И, дѣйствительно, преосвященный Авраамій въ первую свою ревизію нашелъ слѣдующія неисправности по приходамъ своей епархіи. „Церковное проповѣдничество—эта важнѣйшая обязанность пастыря—въ большемъ упадкѣ“ (Т. Е. В. № 2, стр. 16); требоисполненія также найдены неисправными: „неоднократно повторялись случаи несвоевременнаго отказа со стороны священниковъ въ вѣнчаніи лицъ, изъявившихъ намѣреніе вступить въ бракъ, вслѣдствіе чего“,—пишетъ преосвященный,—„бываютъ значительныя напрасныя денежныя затраты на приготовленіе къ свадебному торжеству“ (ib., стр. 16): „священники, завѣдывающіе разными приходами (явленіе слишкомъ обыкновенное въ сибирскихъ епархіяхъ), изъ-за неприсылки лошадей, вовсе не бываютъ въ этихъ приходахъ, на что неоднократно жаловался народъ во время моей ревизіи“ (ib., стр. 17). Консисторія, по запросу преосвященнаго, послѣднее явленіе объясняетъ вліяніемъ поселенцевъ, тайной пропогандой раскола, недостаткомъ школъ, разбросанностью приходовъ и отдаленностью деревень, весьма рѣдкимъ посѣщеніемъ пастырями деревень, и то только для требоисполненій, и „недостаточнымъ контингентомъ образованныхъ священниковъ, отчего въ епархіи много праздныхъ священническихъ вакансій, замѣщаемыхъ по необходимости такими лицами, кои могутъ быть лишь требоисполнителями, но никакъ учителями своихъ пасомыхъ“ (ib., стр. 17). „Значительная часть низшаго клира, какъ оказалось при обозрѣніи епархіи владыкою, весьма склонна къ нетрезвости, почему преосвященный нашелъ вынужденнымъ предупредить, что виновные будутъ отрѣшаемы отъ должностей и ссылаемы въ монастыри на черныя работы“ (Епарх. Вѣд. 1886 г. № 1, стр. 4). Въ предложеніи преосвященнаго, заслушанномъ консисторіею 11 января 1886 г., констатируется фактъ „крайняго недостатка способныхъ и хорошо подготовленныхъ кандидатовъ для замѣщенія священническихъ и псаломщическихъ мѣстъ въ инородческомъ краѣ“ (Епарх. Вѣд. № 6 за 1886 г., стр. 61). Упадокъ проповѣдничества, неисправность въ требоисполненіяхъ, недостатокъ образованныхъ священниковъ, наклонность къ нетрезвости среди псаломщиковъ, съ одной стороны, и развитіе раскола, вредное нравственное вліяніе поселенцевъ, съ другой—вотъ каково было, по словамъ владыки и консисторіи, состояніе духовенства.

Само собой разумѣется, что при такой массѣ церковныхъ службъ и требъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ, напр., исповѣдь больныхъ и крещеніе слабыхъ младенцевъ немедленно должно исполнять, правильный ходъ учебныхъ занятій постоянно нарушается во вредъ учебно-воспитательному дѣлу. Поэтому немудрено, что въ нѣкоторыхъ училищахъ округа преподаваніе Закона Божія дало слѣдующіе результаты: при смотрительской ревизіи въ февралѣ и мартѣ мѣсяцахъ въ трехъ-четырехъ училищахъ встрѣчено было такое печальное явленіе, что изъ учениковъ младшаго и средняго отдѣленій лишь одинъ, много два-три, могли сказать, что Богъ одинъ, два-три ученика отвѣтили, что бога три, остальное же большинство отвѣчало, что боговъ много, при чемъ причисляло къ богамъ „Миколу Святителя“, „Егорья Храбраго“, „Симеона Верхотурскаго“ и др. На просьбу прочесть молитву Пресвятой Троицѣ, учащіеся читаютъ молитву „Пресвятая Богородице“ и считаютъ Богоматерь богомъ; святаго угодника, имя котораго носитъ учащійся, считаютъ ангеломъ хранителемъ; молитвы знаютъ плохо и не въ состояніи не только объяснять ихъ, но и прочесть правильно; не въ состояніи объяснить значеніе крестнаго знаменія, а въ старшемъ отдѣленіи не могутъ прочесть отдѣльно заповѣдей и членовъ Символа вѣры. Въ нѣсколькихъ дру-

гихъ училищахъ учащіеся только тогда отвѣчаютъ на заданные вопросы, когда отвѣтъ начнетъ самъ законоучитель, и если ученикъ остановится въ срединѣ отвѣта, то законоучителю приходится начинать самому. Нельзя приэтомъ не отмѣтить, что нѣкоторые изъ законоучителей употребляютъ не соотвѣтствующія воспитательнымъ цѣлямъ наказанія; такъ, одинъ изъ нихъ не только ставитъ учащихся на колѣни, что строго возбраняется существующими распоряженіями, но даже заставляетъ провинившихся воспитанниковъ держать по цѣлымъ часамъ въ рукахъ парты.

Теперь разсмотримъ подробно, изъ какихъ элементовъ слагается составъ законоучителей.

По образованію законоучителя распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: окончившихъ полный курсъ семинаріи 16 ч., т. е. ½ общаго числа законоучителей, другую половину составляютъ вышедшіе изъ богословскаго отдѣленія (2, или 6,45%) и философскаго отдѣленія (4, или 12,9%), а 9 человѣкъ, т. е. болѣе четверти общаго числа законоучителей, получили образованіе лишь въ духовныхъ училищахъ, при чемъ 3 изъ нихъ не окончили этихъ учебныхъ заведеній.

Большинство законоучителей (14 ч., почти ½ общаго числа) начало службу псаломщиками, 3 (9,68%)—дьяконами, 11 (35,48%)—священниками, 2 (6,45%)—учителями и 1—пѣвчимъ и послушникомъ при архіерейскомъ домѣ.

По возрасту законоучителя распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: большинство находится въ возрастѣ отъ 40 до 50 лѣтъ (9 лицъ, или 27,1%), далѣе въ 30—40 лѣтъ (8 л. или 25,81%), за ними въ 60—70 лѣтъ (6 л., или 19,35%), далѣе въ 50—60 лѣтъ (5 л., или 16,14%) и, наконецъ, отъ 25 до 30 л. (3 л., или 9,68%).

Средняя продолжительность законоучительской службы такова: болѣе 20-ти (до 26) лѣтъ служитъ 8 человѣкъ, отъ 10 до 20 лѣтъ служитъ 9 человѣкъ, и отъ одного года до 10 лѣтъ служатъ 14 человѣкъ, т. е. въ среднемъ служба сельскаго учителя доходитъ до 13 лѣтъ, а на послѣднемъ мѣстѣ въ данной школѣ до 9-ти.

Кромѣ законоучителя и учителя, при каждой почти школѣ имѣются попечители, которые, по смыслу 14 ст. Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ 1874 года, „завѣдывая дѣлами ввѣренныхъ имъ учебныхъ заведеній, входятъ въ сношенія по онымъ съ инспекторомъ народныхъ училищъ и вполнѣ отвѣтствуютъ за порядокъ въ сихъ заведеніяхъ.“

Всѣхъ попечителей въ 1892 году считалось 31 лицо, изъ нихъ было 2 купца и 29 крестьянъ. По занятіямъ они распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: 5 торговцевъ, 1 содержатель поч-

товой станціи, 19 хлѣбопашцевъ, 1 заводчикъ и 5 лицъ неизвѣстныхъ профессій, и въ томъ числѣ нѣсколько занимающихся нищенствомъ. По образованію попечители распредѣлялись такъ: одинъ получилъ начальное образованіе, 12—домашнее, а 18 было неграмотныхъ.

Уже изъ этихъ скудныхъ свѣдѣній можно видѣть, что попечители училищъ не могутъ удовлетворять тѣмъ требованіямъ, которыя къ нимъ предъявляетъ законъ и жизнь; и дѣйствительно, оказывается, что нѣкоторые попечители не только не помогаютъ изъ своихъ средствъ, но даже и общественными деньгами предоставляютъ распоряжаться волостнымъ и сельскимъ властямъ, а сами въ школу и разу въ годъ не заглянутъ,—такихъ попечителей насчитывается 15 чел.; попечителей, которые принимаютъ хотя какое-нибудь участіе и распоряжаются общественными суммами—9 чел.; попечителей же, помогающихъ школѣ своими средствами, всего было 7 чел., и изъ нихъ наиболѣе замѣчательны: И. И. Колосовъ, попечитель Кодскаго училища, построившій новый домъ для училища и пожертвовавшій капиталъ на содержаніе ремесленнаго класса, Сутягинъ, попечитель Мокроусовскаго училища, Минаевъ—Кизакскаго, Рякишевъ—Емуртлинскаго и М. И. Ядришниковъ—Шатровскаго. Причиною столь малаго участія, какое принимаютъ попечители въ судьбѣ опекаемыхъ ими школъ, служитъ то обстоятельство, что въ попечители училищъ крестьянское общество выбираетъ обыкновенно лицъ бѣдныхъ, въ обществѣ невліятельныхъ, наравнѣ съ общественными пастухами, воротниками и трапезниками. Подобное отношеніе и породило то, что среди попечителей встрѣчаются лица, занимающіяся сборомъ милостины, что мнѣ лично пришлось убѣдиться въ двухъ-трехъ училищахъ.

Учительскій персоналъ церковно-приходскихъ школъ состоитъ изъ 2 учителей и 11 учительницъ. Изъ нихъ:

		Учителей.	Учитель-ницъ.	Всего.
Окончившихъ	II-е отд. Маріинской школы	„	3	3
„	епархіальное женское учил.	„	7	7
„	женскую прогимназію . . .	„	1	1
„	учительскую семинарію . .	1	„	1
„	духовное училище	1	„	1
	Итого . .	2	11	13

Продолжительность службы учителей и учительницъ церково-приходскихъ школъ можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

Число лѣтъ.	Всего въ учительской службѣ.		Въ послѣдней школѣ.	
	Учителей.	Учительницъ.	Учителей.	Учительницъ.
Служащихъ 4 года . . .	„	„	„	„
„ 3 — . . .	2	3	1	3
„ 2 — . . .	„	„	„	„
„ 1 — . . .	„	2	„	2
Средняя продолжительность	3	2,2	3	2,2

Такимъ образомъ, средняя продолжительность службы учителя церковно-приходской школы равняется 3 годамъ, а учительницы 2,2 года. Средняя продолжительность службы въ послѣдней школѣ равняется также 3 гг., а для учительницъ 2,2 г., т. е. учителя и учительницы церковно-приходской школы все новички.

Учительскій персоналъ школъ грамотности по образованію состоитъ изъ лицъ:

Обучавшихся	Кончившихъ полный курсъ.	Прошедшихъ неполный курсъ.	Внѣ школы.	Итого.
Въ епарх. женск. училищѣ	1	1	„	2
„ женск. прогимназіи . .	1	1	„	2
„ уѣздномъ училищѣ . .	„	1	„	1
„ сельскомъ приход. учил.	8	„	„	8
„ церковно-приход. школѣ	4	„	„	4
Дома	„	„	2	2
Неизвѣстно гдѣ	„	„	2	2
Итого .	14	3	4	21

Главный контингентъ учащаго персонала въ этихъ школахъ составляютъ лица, получившія образованіе въ нач. училищахъ мин. гос. им. и церк.-приход. школахъ (57,14%), за ними слѣдуютъ лица съ домашнимъ образованіемъ (9,52%), кончившихъ же курсъ въ епархіальномъ училищѣ и женской прогимназіи только двое.

При татарскихъ школахъ Сингульской волости учителями

состоятъ мѣстные муллы, получившіе образованіе въ мѣстныхъ школахъ и преимущественно при магометанской школѣ въ юртахъ Енбаевскихъ, содержимой на средства купца Карамшакова; среди же муллъ Авазбакеевской волости встрѣчаются и такіе, которые обучались въ Казанской и Троицкой магометанскихъ школахъ; русскую грамоту знаютъ изъ нихъ весьма немногіе и то плохо.

Кромѣ офиціальныхъ школъ, дѣломъ обученія занимаются еще и вольные учителя. Контингентъ вольныхъ учителей пополняется, главнымъ образомъ, неудачниками: ссыльный, выгнанный изъ службы чиновникъ, недоучившійся семинаристъ, отставной солдатъ—вотъ лица, которыя пополняютъ ряды вольнаго учительства. Въ большинствѣ случаевъ это люди малограмотные, выучившіеся грамотѣ или дома или въ ротной школѣ, въ рѣдкомъ случаѣ въ уѣздномъ училищѣ. Выбитые изъ жизненной колеи, они бросаются въ учительство, чтобы заработать себѣ хоть скудный кусокъ хлѣба, чтобы ночевать, хоть и подъ чужимъ, да кровомъ, а не на улицѣ подъ заборомъ. Въ большинствѣ случаевъ это люди, у которыхъ скудный заработокъ остается въ первомъ попавшемся кабакѣ. Большинство изъ нихъ не заживаются подолгу въ деревняхъ и постоянно перекочевываютъ изъ одной волости въ другую и даже изъ округа въ округъ, а на смѣну имъ являются новые. Таковы учителя у православнаго населенія. Другое дѣло у людей „древняго благочестія“: здѣсь учитель—начетчикъ или начетчица—въ большей или меньшей мѣрѣ знатоки священнаго писанія и апокрифовъ и заклятые враги православія. Гордые своими знаніями, хитрые и пронырливые, эти „наставники“ и „столпы древняго благочестія“ явно набиваютъ юные умы догматами старообрядчества и сердце враждою къ православнымъ, а тайно—свои кубышки презрѣннымъ металломъ. Тотъ методъ обученія, который практиковался у насъ десятки лѣтъ назадъ („азъ, андель, андельскій, архандель, архандельскій“), сохранился среди этихъ педагоговъ въ неприкосновенной чистотѣ. Научить читать по-славянски псалтирь, да писать кой-какими каракулями—вотъ вѣнецъ проповѣдуемыхъ ими знаній.

Въ Томиловской пригородной волости въ $18^{92}/_{93}$ году частнымъ обученіемъ занималось 5 человѣкъ: трое пришлыхъ изъ другихъ селъ и двое отставныхъ солдатъ. Въ д. Сѣдинкиной, Пяттовской волости, преподаваніемъ занимается ссыльный; занимается онъ первый годъ, а до него было нѣсколько учителей. Въ дд. Плетневой и Окуневкѣ, Омутинской волости, обученіемъ занимаются: въ первой—мѣстный житель, отставной унтеръ-офицеръ, во вто-

рой—ссыльный мѣщанинъ изъ Ишима, высланный административнымъ порядкомъ. До него въ Окуневкѣ никто не училъ. Оба занимаются обученіемъ первый годъ. Въ разныхъ селеніяхъ Коркинской волости обученіемъ занимается отставной унтеръ-офицеръ. Въ Верхсуерской волости, въ д. Ошурковой, учитъ ребятъ крестьянинъ изъ ссыльныхъ; до него училъ тоже ссыльный, плохой нравственности и пьяница. Въ с. Красномъ (Бобылевской волости) обучаетъ ребятъ бывшій ученикъ Бѣлгородской духовной семинаріи. Въ с. Денисовскомъ, несмотря на то, что существуетъ двѣ школы, въ домахъ старообрядцевъ обучаетъ дѣтей 70-лѣтній старикъ, крестьянинъ К., раскольникъ, выходецъ изъ д. Рѣшетниковой, Бобылевской волости, гнѣзда раскола.

Въ связи съ этимъ среди старообрядцевъ распространено и домашнее образованіе другого рода, когда глава семьи или кто-либо изъ семейныхъ обучаетъ дѣтей, по букво-слагательному способу, псалтири: такое обученіе въ особенности распространено въ волостяхъ, Мостовской (въ с. Турушевскомъ, дер. Ключевской и Мысовской) Бобылевской (въ с. Красномъ), Шатровской, отчасти Суерской, Исетской (с. Рафайловскомъ), Архангельской (въ с. Денисовскомъ) и Пятковской.

Глава V. Учащіеся.

Всѣ народныя школы Ялуторовскаго округа состоятъ изъ трехъ отдѣленій и потому имѣютъ трехгодичный курсъ; но большинство учащихся, научившись читать и писать, обыкновенно покидаетъ школу, не получивъ свидѣтельства на льготу по воинской повинности. Встрѣчаются и такіе, которые, проучившись три года и будучи вполнѣ подготовленными къ полученію свидѣтельства, не держатъ однако же экзамена на льготу и также покидаютъ школу. Причиною этого является, во-первыхъ, то, что въ настоящее время почти всѣ солдаты освобождаются отъ службы по истеченіи четырехъ лѣтъ и, слѣдовательно, окончившіе курсъ въ сельской школѣ фактически не пользуются никакой льготой передъ неграмотными, а, во-вторыхъ, и то обстоятельство, что испытанія на льготу всегда производятся въ маѣ мѣсяцѣ—въ самый разгаръ полевыхъ работъ, когда каждый мальчикъ составляетъ необходимую рабочую силу.

Учебныя занятія въ народныхъ училищахъ начинаются между 1 и 15 сентября и продолжаются до 1—20 мая, но фактически школа вполнѣ формируется около 1 октября и начинаетъ пустѣть съ половины апрѣля (въ силу экономическихъ условій крестьянской семьи) и, такимъ образомъ, ученіе продолжается отъ

7 до 8 мѣсяцевъ, если же отбросить отсюда пасхальные и рождественскіе каникулы, то и того менѣе.

Такого періода учебнаго времени было бы вполнѣ достаточно для прохожденія курса начальнаго училища, если бы со стороны учащихся не встрѣчалось пропусковъ уроковъ; къ сожалѣнію, манкировки эти—явленіе постоянное и почти неустранимое, причины же этому лежатъ также въ экономическомъ положеніи „крестьянства“: полевыя и домашнія работы, бѣдность, неимѣніе обуви и достаточно теплой одежды и т. п. задерживаютъ учащихся дома—иногда на цѣлыя недѣли. Въ устраненіе нѣкоторыхъ изъ этихъ препятствій кое-что дѣлается школой: такъ, при нѣкоторыхъ училищахъ въ зимнее время, особенно во время сильныхъ вьюгъ и заносовъ, учащіеся, особенно изъ деревень, остаются ночевать при училищѣ: но подобная мѣра далеко не уничтожаетъ всего зла въ корнѣ. Насколько значительны пропуски уроковъ, можно заключить по слѣдующимъ цифрамъ. Въ каждой средней школѣ въ $18^{93}/_{94}$ г. пропущено было 664 урока 42 учениками, при чемъ на пропуски по болѣзни на каждую школу падаетъ 304 урока (46%), по домашнимъ обстоятельствамъ—270 уроковъ (40,7%) и по неимѣнію обуви и теплой одежды—90 уроковъ (1,3%); по домашнимъ обстоятельствамъ пропустили уроки 21 ученикъ (16 м. и 5 д.) на каждую школу, по болѣзни—15 учениковъ (11 м. и 4 д.) и по недостатку соотвѣтствующей одежды и обуви—6 учениковъ (4 м. и 2 д.).

Въ 34 училищахъ мин. гос. имуществъ въ $189^{2}/_{3}$ году состояло 1486 учащихся, изъ нихъ 1159 мальчиковъ и 327 дѣвочекъ, т. е. мальчики составляли 78%, и дѣвочки 22% общаго числа учащихся. По годамъ количество учащихся возрастало такъ:

Въ какомъ году.	Количество:				На одну школу приходилось учащихся:
	Школъ:	Учащихся:			
		мальч.	дѣвоч.	об. пол.	
Въ 1862 году	19*	147	13	160	8,4
— 1867 —	9	„	„	197	22
— 1872 —	12	271	30	301	25
— 1877 —	26	„	„	632	24
— 1883 —	30	632	139	771	26
— 1887 —	33	„	„	1053	32
— 1892 —	34	1159	327	1486	44

*) Школы епархіальнаго вѣдомства.

Изъ этихъ цифръ можно видѣть, что въ теченіе 30 лѣтъ общее число учащихся увеличилось въ 9 разъ, а при разсчетѣ на одну школу въ 5 разъ. Процентъ учащихся дѣвочекъ за это время возросъ отъ 8% первоначально до 28% въ 1892 году, т. е. болѣе, чѣмъ втрое.

Какія колебанія въ этомъ отношеніи происходили по отдѣльнымъ школамъ, можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

Названіе учебныхъ заведеній.	КОЛИЧЕСТВО УЧАЩИХСЯ.				Увеличилось разъ въ
	Въ 1862 г.	Въ 1872 г.	Въ 1883 г.	Въ 1892 г.	
Архангельское . . .	3	13	30	44	15
Боровинское . . .	3	„	15	47	16
Заводоуковское . .	4	33	42	50	12
Ингалинское . . .	5	„	36	50	10
Кизакское	9	14	12	41	5
Кодское	13	„	34	72	6
Исетское	15	27	32	40	3
Красногорское . . .	8	„	13	33	4
Мокроусовское . . .	14	20	43	58	4
Мостовское	3	21	16	36	12
Новозаимское . . .	3	„	38	52	17
Омутинское	18	22	36	64	3½
Рафайловское . . .	4	15	25	60	15
Суерское	30	45	38	44	1½
Терсюкское	7	26	30	56	8
Шороховское . . .	3	„	25	39	13
Юргинское	7	24	40	30	4
Камышевское . . .	10	„	„	„	„
Зимовье-Вагайское .	1	„	„	„	„
Верхсуерское . . .	„	41	8	32	„
Бобылевское . . .	„	„	5	28	6
Денисовское . . .	„	„	30	38	1¼
Емуртлинское . . .	„	„	52	64	1¼
Коркинское	„	„	21	45	2
Лыбаевское	„	„	15	39	2½
Онуфріевское . . .	„	„	15	34	2¼
Плетневское . . .	„	„	16	35	2
Пятковское	„	„	42	50	1¼
Слободобешкильское .	„	„	19	45	2½
Спасское	„	„	11	18	1½
Шатровское . . .	„	„	22	49	2¼
Томиловское . . .	„	„	10	„	„
Бердюгинское . . .	„	„	„	25	„
Бигилинское . . .	„	„	„	44	„
Верхнебешкильское .	„	„	„	51	„
Романовское . . .	„	„	„	35	„
Скородумско-Созонов.	„	„	„	38	„
	160	301	771	1486	

Такимъ образомъ, оказывается, что въ школахъ, существованіе которыхъ мы застаемъ 30 лѣтъ тому назадъ, а именно въ 1862 году, количество учащихся увеличилось: въ 17 разъ—въ одной школѣ, въ 16 разъ—въ одной же школѣ, въ 15 разъ—въ двухъ школахъ, въ 13 разъ—въ одной школѣ, въ 12 разъ—въ двухъ школахъ, въ 10 разъ—въ одной школѣ, въ 8 разъ—въ одной школѣ, въ 6 разъ—въ одной школѣ, въ 5 разъ—тоже въ одной школѣ, въ 4 раза—въ трехъ школахъ, въ 3½ раза—въ одной школѣ, въ 3 раза—въ одной школѣ и, наконецъ, въ 1½ раза—въ одной же школѣ; въ школахъ же, существованіе которыхъ мы застаемъ въ 1883 году, количество учащихся увеличилось: въ 6 разъ—въ одной школѣ, въ 2½ раза—въ двухъ школахъ, въ 2¼ раза—въ двухъ же школахъ, въ 2 раза—тоже въ двухъ школахъ, въ 1½ раза—въ одной школѣ и, наконецъ, въ 1¼ раза—въ трехъ школахъ.

Главный контингентъ учащихся составляютъ дѣти крестьянъ. Въ 18, напримѣръ, школахъ, обучаются исключительно дѣти крестьянъ; въ остальныхъ школахъ количество иносословныхъ дѣтей колеблется по отношенію къ общему числу учащихся такимъ образомъ: между 1% и 5%—въ восьми школахъ, между 5% до 10%—въ шести школахъ и свыше 10%—въ двухъ школахъ; общее число иносословныхъ дѣтей составляетъ, такимъ образомъ, 3,3% общаго числа учащихся во всѣхъ школахъ. Абсолютныя цифры иносословныхъ колеблются отъ 1 до 8. Цифры эти настолько ничтожны, что училища Ялуторовскаго округа вполнѣ можно назвать крестьянскими.

По вѣроисповѣданію учащіеся распредѣляются такимъ обра-

зомъ, что главнымъ контингентомъ учащихся являются православные, которые составляютъ 96,8%, на иновѣрцевъ же падаетъ всего 3,2%. Иновѣрцы распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 93,5% общаго числа иновѣрцевъ составляютъ раскольники, далѣе слѣдуютъ католики (4,3%) и, наконецъ, евреи (2,2%).

По возрастамъ учащіеся распредѣлялись въ такихъ %-хъ:

7-ми лѣтъ .	2,7%	12-ти лѣтъ .	11%
8 „ .	14,2%	13 „ .	5,2%
9 „ .	18,1%	14 „ .	1,6%
10 „ .	12,5%	15 „ .	0,4%
11 „ .	15,5%	Неизвѣстныхъ л.	12,1%

По колич. лѣтъ пребыванія въ школѣ дѣленіе было таково:*)

Наименованіе училищъ.	посѣщало училище въ теченіе:						
	1 г.	2 гг.	3 гг.	4 гг.	5 гг.	6 гг.	7 гг.
Архангельское . .	21	9	10	3	1	„	„
Бердюгинское . . .	13	6	5	1	„	„	„
Бигилинское . . .	15	15	7	2	1	„	„
Бобылевское . . .	9	6	6	7	„	„	„
Боровинское . . .	24	10	8	3	„	„	„
Верхсуерское . . .	1	12	5	8	3	1	„
Верхнебешкильское .	19	16	7	3	„	„	„
Денисовское . . .	20	8	2	3	3	„	„
Емуртлинское . . .	33	16	9	3	4	„	„
Заводоуковское . .	24	12	8	„	„	„	„
Ингалинское . . .	20	15	8	6	1	„	„
Исетское	18	8	6	3	1	„	„
Кизакское	24	10	4	2	1	„	„
Кодское-Александров.	26	16	15	9	7	„	„
Коркинское . . .	20	12	10	2	1	„	„
Красногорское . .	9	14	6	„	„	„	„
Лыбаевское	11	13	5	6	4	„	„
Мокроусовское . .	32	16	9	1	„	„	„
Мостовское	14	10	6	3	2	„	„
Новозаимское . . .	16	12	13	8	„	„	„
Омутинское	24	16	13	7	5	„	„

*) По свѣдѣніямъ за мартъ—апрѣль 1893 года.

Наименованіе училищъ.	посѣщало училище въ теченіе:						
	1 г.	2 гг.	3 гг.	4 гг.	5 гг.	6 гг.	7 гг.
Онуфріевское . . .	10	6	6	3	„	„	„
Плетневское . . .	17	10	7	1	2	„	„
Пятковское	32	12	10	3	„	„	„
Рафайловское . . .	29	14	10	5	„	2	„
Романовское . . .	18	11	2	7	„	„	„
Скородумско-Созонов.	11	8	9	3	„	„	„
Слободобешкильское .	14	10	13	6	1	„	„
Спасское	11	3	2	„	„	„	„
Суерское	15	10	6	7	„	„	2
Терсюкское	20	24	6	2	„	„	„
Шатровское . . .	15	12	8	10	1	„	„
Шороховское . . .	9	8	5	2	2	„	„
Юргинское	10	10	3	4	1	„	„
Всего	604	390	249	133	41	3	2
Въ среднемъ	17,6	11,5	7,3	3,9	1,2	0,09	0,06

Такимъ образомъ, оказывается, что въ среднемъ въ министерской школѣ обучается одинъ годъ 18 человѣкъ, два года—12 человѣкъ, три года—7 человѣкъ, четыре—4 человѣка и 1—пять лѣтъ. Вообще

учащіеся	первый годъ	составляютъ	42,5%
„	второй „	„	27,4%
„	третій „	„	17,5%
„	четвертый	„	9,4%
„	пятый „	„	2,9%
„	шестой „	„	0,21%
„	седьмой „	„	0,14%

Судить о результатахъ школьнаго обученія мы можемъ, сравнивая по пятилѣтіямъ (начиная, положимъ, съ 1872 года) число оканчивающихъ курсъ и процентныя отношенія ихъ.

Оказывается, что число оканчивающихъ курсъ въ министерскихъ школахъ постепенно годъ отъ году увеличивается и абсолютно и относительно, и только въ послѣдній годъ (1892), въ сравненіи съ 1887 годомъ, оно уменьшилось. Это явленіе всецѣло объясняется увеличеніемъ общаго числа учащихся.

Въ 13 церковно-приходскихъ школахъ въ $18^{92}/_{93}$ году состояло 448 учащихся, изъ нихъ мальчиковъ 292 и дѣвочекъ 156, т. е. мальчики составляли 65% и дѣвочки 35% общаго числа

учащихся. (Въ $18^{93}/_{94}$ году было 284 мал. и 119 дѣв., всего 403).

Въ 22 школахъ грамоты учащихся было 304 м. и 46 д., всего 350. (Въ $18^{93}/_{94}$ г. было 19 шк.; учащ. 300 м. и 106 д., всего 406).

По годамъ количество учащихся возрастало такъ:

Въ какомъ году.	КОЛИЧЕСТВО				НА ОДНУ ШКОЛУ ПРИХОДИТСЯ УЧАЩИХСЯ:	
	Церковно-приходскихъ школъ.	Школъ грамотности.	УЧАЩИХСЯ: Въ церковно-приходскихъ школахъ.	УЧАЩИХСЯ: Въ школахъ грамотности.	Въ церковно-приходской школѣ.	Въ школѣ грамотности.
Въ 1885 г.	5	1	44	9	9	9
„ $18^{88}/_{89}$ „	17	17	403	167	24	10
„ $18^{90}/_{91}$ „	19	10	477	112	25	11
„ $18^{92}/_{93}$ „	13	22	448	350	34	16
„ $18^{93}/_{94}$ „	13	19	403	406	31	21

Изъ этой таблицы видно, что число учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ съ каждымъ годомъ увеличивалось; такъ, въ среднемъ въ церковно-приходской школѣ въ $18^{88}/_{89}$ г. противъ 1885 года число учащихся увеличилось въ $2^2/_3$ раза, а въ $18^{92}/_{93}$ году оно уже увеличилось въ 4 раза. Точно также число учащихся увеличилось въ среднемъ и въ школѣ грамотности, гдѣ оно въ $18^{92}/_{93}$ году было болѣе противъ 1885 года въ 2 раза.

По поламъ и числу кончившихъ курсъ въ церковно-приходскихъ школахъ учащіеся въ $18^{93}/_{94}$ году распредѣлялись такъ:

Наименованіе школъ.	Всѣхъ учащихся.			Число кончившихъ курсъ.			% кончившихъ курсъ.		
	м.	д.	об. п.	м.	д.	об. п.	м.	д.	об. п.
Агаракская . .	21	1	22	„	„	„	„	„	„
Горюновская . .	25	2	27	2	„	2	8	„	7,4
Манайская . . .	25	1	26	4	„	4	16	„	15,4
Денисовская . .	3	27	30	1	3	4	33,3	11,1	13,3
Битюковская . .	29	10	39	3	3	6	10,3	30	15,4
Мининская . . .	25	1	26	„	„	„	„	„	„
Камышевская . .	50	4	54	3	„	3	6	„	5,6
Курская . . .	32	3	35	5	„	5	15,6	„	14,3
Кутькинская . .	15	5	20	2	1	3	13,3	20	15
Падунская . . .	41	20	61	6	2	8	14,6	10	13,1
Суерская (мужская)	18	„	18	„	„	„	„	„	„
Суерская (женская)	„	28	28	„	2	2	„	7,1	7,1
Юргинская (жен.)	„	17	17	„	„	„	„	„	„
Всего	284	119	403	26	11	37	9,2	9,2	9,2
Въ среднемъ	22	9	31	2	1	3	9,5	11,1	9,7

Такимъ образомъ, оказывается, что въ среднемъ въ церковно-приходской школѣ, при 31 учащемся, кончившихъ курсъ приходится 9,7%; разсматривая же эти числа по отдѣльнымъ школамъ, мы находимъ, что самыя успѣшныя по числу выпускныхъ учениковъ школы (Манайская и Битюковская) дали 15,4%; школы же Юргинская, Суерская (мужская), Мининская и Агаракская, т. е. $^1/_3$ часть всѣхъ церковно-приходскихъ школъ, не выпустили ни одного ученика.

Учащіеся въ школахъ грамотности по поламъ и числу кончившихъ курсъ въ $18^{93}/_{94}$ году распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Наименованіе школъ.	Всѣхъ учащихся.			Число кончившихъ курсъ.			% кончившихъ курсъ.		
	м.	д.	об. п.	м.	д.	об. п.	м.	д.	об. п.
Архангельск. (жен.)	„	12	12	„	„	„	„	„	„
Криволуцкая . .	15	4	19	2	„	2	13,3	„	10,5
Памятинская. .	20	1	21	„	„	„	„	„	„
Уковская . . .	5	3	8	„	„	„	„	„	„
Носковская . .	15	5	20	„	„	„	„	„	„
Портнягинская .	36	11	47	9	„	9	25	„	19,1
Духовская . . .	21	5	26	4	„	4	19	„	15,4
Полковская . .	11	2	13	2	„	2	18,2	„	15,4
Уноровская . .	16	12	28	„	1	1	„	8,3	3,6
Носпѣловская . .	10	10	20	„	„	„	„	„	„
Губинская . . .	12	7	19	„	„	„	„	„	„
Коклягинская . .	11	2	13	„	„	„	„	„	„
Буньковская . .	14	6	20	1	„	1	7,1	„	5
Шадринская . .	16	2	18	3	„	3	18,7	„	16,7
Колунинская . .	10	1	11	1	„	1	10	„	9,1
Коротковская . .	16	2	18	„	„	„	„	„	„
Зимовье-Вагайская	35	10	45	„	„	„	„	„	„
Уваровская . .	19	6	25	„	„	„	„	„	„
Крутихинская. .	18	5	23	„	„	„	„	„	„
Всего	300	106	406	22	1	23	7,3	1	5,7
Въ среднемъ	16	6	21	1,2	0,05	1,2	7,5	0,01	5,7

Изъ этой таблицы видно, что въ среднемъ въ школѣ грамоты при 21 учащемся окончилъ курсъ одинъ учащійся, т. е. 5%; разсматривая же эти числа по отдѣльнымъ школамъ, мы находимъ, что самой успѣшной по числу выпущенныхъ учениковъ является Портнягинская школа, выпустившая 9 учениковъ; не сдѣлавшихъ

выпуска школъ насчитывается 12, т. е. 3/4 общаго числа школъ, а именно: Архангельская (женская), Памятнинская, Уковская, Носковская, Поспѣловская, Губинская, Коклягинская, Коротковская, Зимовье-Вагайская, Уваровская и Крутихинская.

Въ 7 татарскихъ школахъ Сингульской волости, по донесенію сингульскаго волостного правленія, обучается 325 человѣкъ, изъ нихъ мальчиковъ 176, дѣвочекъ 149, т. е. мальчики составляютъ 54%, а дѣвочки—46%.

По лѣтамъ учащіеся распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Названіе школъ.	Лѣта учащихся.							
	8	9	10	11	12	13	14	15
Лѣтне-Сингульская . .	12	11	10	„	8	„	12	7
Зимне-Сингульская . .	7	7	10	6	10	8	8	11
Кошелевская	11	8	8	3	1	„	„	„
Сунгуровская . . .	4	5	5	„	5	1	1	„
Корсаковская . . .	8	6	9	6	6	1	„	„
Верхне-Ингальская . .	9	10	8	11	6	6	6	4
Нижне-Ингальская . .	15	7	7	2	8	11	„	„
Всего	66	54	57	28	44	27	27	22
Въ среднемъ	9	8	8	4	6	4	4	3

Относительно школъ Авазбакеевской волости мѣстное волостное правленіе донесло, что „число учащихся въ той или другой школѣ опредѣлить невозможно, такъ какъ таковое частовременно измѣняется въ виду необязательнаго курса ученія; возрастъ учащихся бываетъ отъ 8-ми до 16-ти лѣтъ (и немногихъ до 20-ти лѣтъ). Число лѣтъ пребыванія въ школѣ также неопредѣленно".

Съ окончаніемъ курса дальнѣйшее образованіе крестьянскаго ребенка обыкновенно прекращается, и только незначительный процентъ кончившихъ курсъ продолжаетъ свое образованіе въ уѣздныхъ училищахъ, въ фельдшерскихъ школахъ; дѣти же состоятельныхъ родителей поступаютъ въ гимназіи, реальныя и духовныя училища. Приводимъ здѣсь все, что намъ удалось добыть по этому вопросу. Изъ Шороховскаго училища продолжаютъ свое образованіе два мальчика: одинъ въ реальномъ, а другой въ уѣздномъ училищѣ въ Тюмени; изъ Боровинскаго (?) нѣкоторыхъ отдаютъ въ Ялуторовское уѣздное училище; изъ Верхнебешкильскаго училища одинъ мальчикъ учится въ духовномъ училищѣ; изъ Емуртлинскаго, по словамъ учительницы, нѣкоторые ученики продолжаютъ свое образованіе (?); изъ Кизакскаго—три мальчика продолжаютъ свое образованіе; изъ Кодскаго поступаютъ въ уѣздное училище; изъ Мокроусовскаго продолжаютъ образов. 3 мальчика; изъ Новозаимскаго училища нѣсколько дѣвочекъ учатся въ женской прогимназіи; изъ Пятковскаго училища въ 1885 году одинъ поступилъ въ фельдшерскую школу, гдѣ и кончилъ курсъ, а въ настоящее время двое учатся въ Ялуторовскомъ уѣздномъ училищѣ: изъ Терсюкскаго одинъ мальчикъ поступилъ въ духовное училище и одна дѣвочка въ женскую прогимназію; изъ Юргинскаго училища одна дѣвочка обучается въ женской прогимназіи; изъ Заводоуковской школы два мальчика учатся въ уѣздномъ училищѣ и двѣ дѣвочки въ прогимназіи.

Большинство изъ кончившихъ курсъ въ начальныхъ школахъ продолжаетъ занятія своихъ отцовъ: дѣти крестьянъ большею частью занимаются хлѣбопашествомъ, дѣти торговцевъ—торговлей, ремесленниковъ—ремесломъ, и только немногіе, какъ исключеніе, поступаютъ на службу: кто въ сельскіе писаря, кто въ учителя школъ грамоты, кто въ приказчики.

Заключеніе.

Въ заключеніе нашей работы мы позволимъ себѣ высказать нѣкоторыя замѣчанія относительно условій существованія школъ и указать на тѣ мѣры, которыя, по нашему мнѣнію, могли-бы двинуть школы по пути улучшеній и дальнѣйшаго ихъ развитія, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи.

Условія. 1. Школьное дѣло началось, какъ мы видѣли, благодаря заботливости епархіальнаго начальства о распространеніи образованія, но вслѣдствіе неподготовленности священниковъ и причтовъ оно пало и снова возникло и развилось уже подъ вліяніемъ администраціи и на средства губернскихъ земскихъ сборовъ; впослѣдствіи возникъ рядъ новыхъ церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты, обязанныхъ своимъ возникновеніемъ иниціативѣ святѣйшаго синода и мѣстной епархіальной власти, но школы эти еще недостаточно опредѣлились: вслѣдствіе неподготовленности учительскаго персонала, а главнымъ образомъ за недостаткомъ средствъ, ихъ нельзя считать вполнѣ достигающими цѣли, но во всякомъ случаѣ онѣ стоятъ по своей организаціи гораздо выше, чѣмъ тѣ, которыми пользовались крестьяне раньше благодаря вольнымъ учителямъ.

2. Число школъ министерскихъ вмѣстѣ съ церковно-приходскими нельзя признать достаточнымъ для мѣстнаго населенія; достаточно сказать, что такія села, какъ Колесниковское, Шипаковское, Красное и т. п., остаются совсѣмъ безъ школъ.

3. По внутреннему своему устройству очень многія министерскія и почти всѣ церковно-приходскія школы (за исключеніемъ Надуйской и Мининской) неудовлетворительны въ санитарномъ отношеніи: недостатокъ или чистаго воздуха, или тепла, или свѣта, отсутствіе отдѣльныхъ прихожихъ и т. п.—вотъ тѣ недостатки, въ устраненіи которыхъ настоятельно нуждается школа.

4. Классная мебель во всѣхъ училищахъ министерскихъ и церковно-приходскихъ негодна къ употребленію; устроенная помимо всякихъ гигіеническихъ соображеній, она должна быть признана неудовлетворительной и въ педагогическомъ отношеніи; въ церковно-приходскихъ школахъ и въ такой мебели чувствуется недостатокъ, такъ что учащимся приходится заниматься на простыхъ столахъ.

5. Наглядныхъ учебныхъ пособій въ министерскихъ школахъ, можно сказать, достаточно, но въ церковно-приходскихъ ихъ почти совсѣмъ нѣтъ. Библіотеки при многихъ министерскихъ школахъ довольно сносны, но желательно, чтобы они доросли до названія хорошихъ. Въ церковно-приходскихъ школахъ библіотечки совсѣмъ плохи, а въ школахъ грамотности ихъ совсѣмъ нѣтъ.

6. Учительскій персоналъ министерскихъ сельскихъ училищъ можно признать удовлетворительнымъ, большинство учителей церковно-приходскихъ школъ также удовлетворяютъ требованіямъ, но составъ учителей школъ грамоты признать удовлетворительнымъ было бы болѣе, чѣмъ смѣло: необходимо увеличить учителямъ содержаніе и улучшить матеріальныя условія учительской жизни, а также необходимо дать возможность къ дальнѣйшему ихъ развитію, какъ въ смыслѣ спеціально-педагогическомъ, такъ и въ общемъ.

7. Условія приходской жизни мѣшаютъ мѣстнымъ священникамъ относиться съ должнымъ вниманіемъ къ дѣлу законоучительства.

8. Дѣятельность попечителей, за весьма немногими исключеніями, во всѣхъ школахъ не можетъ быть признана удовлетворительной и въ большинствѣ случаевъ сводится на ничто.

9. Кромѣ этихъ причинъ, и экономическія условія жизни крестьянина вредно дѣйствуютъ на школу: поступаютъ учащіеся въ разное время, пропускаютъ уроки и оставляютъ школу, не пройдя полнаго курса.

10. Но, несмотря на все это, число учащихся и кончающихъ курсъ увеличивается во всѣхъ школахъ, увеличивается ючисло министерскихъ школъ, число же церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты колеблется.

Мѣры. I. Въ большихъ селахъ, особенно въ Колесниковскомъ, Красномъ и Шипаковскомъ, необходимо открыть школы, тѣмъ болѣе, что и сами крестьяне чувствуютъ необходимость открыть таковыя: въ Колесниковскомъ селѣ крестьяне выстроили очень хорошій домъ для школы и ждутъ только разрѣшенія.

II. Ремонтъ помѣщеній и устройство новыхъ, устраненіе антисанитарныхъ условій возложено въ настоящее время на крестьянское общество, и нельзя лучше ничего придумать, ибо кому же ближе всего позаботиться о здоровьѣ подростающаго поколѣнія, какъ не самимъ отцамъ, составляющимъ общество. Горькая дѣйствительность однакожъ показываетъ другое: есть общества небогатыя, заботящіяся объ устройствѣ своихъ училищъ, есть и богатыя, довольствующіяся училищемъ-конурой; достаточно указать на шатровцевъ, которые только въ послѣдній годъ надумались устроить школу. Въ этомъ случаѣ первымъ попечителемъ является крестьянскій чиновникъ: его энергіей и участіемъ къ школѣ можетъ быть устроено многое; не могу здѣсь, какъ на живой примѣръ, не указать на 4-й участокъ: благодаря энергіи мѣстнаго чиновника, г. Струве, въ одинъ годъ выстроены училища въ селахъ Рафайловскомъ, Мостовскомъ и Шатровскомъ, а Терсюкское ремонтируется. Энергія чиновника, конечно, не панацея отъ всѣхъ золъ, но пока, за неимѣніемъ лучшаго, нужно остановиться и на этомъ. Кромѣ того, по моему мнѣнію, весьма полезно было бы, еслибы сельскій врачъ, при объѣздѣ округа, посѣщалъ училища и указывалъ администраціи на тѣ недостатки, которые онъ замѣтитъ.

III. Классную мебель необходимо перемѣнить почти во всѣхъ училищахъ, и въ этомъ отношеніи многое бы могли сдѣлать крестьянскіе чиновники; но при устройствѣ новой мебели необходимо руководствоваться типами столовъ, выработанными уже спеціалистами-врачами.

IV. На пополненіе библіотекъ, особенно церковно-приходскихъ школъ, слѣдуетъ обратить особенное вниманіе.

V. Положеніе учительскаго состава требуетъ двоякаго рода мѣропріятій: по отношенію къ ихъ матеріальному положенію и по отношенію къ ихъ дальнѣйшему умственному развитію. Съ матеріальнымъ положеніемъ учителей министерскихъ школъ еще можно мириться, но положеніе церковно-приходскихъ школьныхъ учителей никоимъ образомъ нельзя признать нормальнымъ. Не менѣе, конечно, важенъ вопросъ и объ обезпеченіи учителя на случай болѣзни и старости и семьи его—на случай его смерти. Выдача пенсій за прослуженіе извѣстныхъ сроковъ является необходимой; если же почему-либо нельзя этого сдѣлать, то важно

бы, по крайней мѣрѣ, устроить мѣстную эмеритальную кассу для пособія бѣднымъ семьямъ, на случай смерти ихъ кормильца. Если все-таки мы не въ состояніи будемъ улучшить матеріальный бытъ учителя, то крайне необходимо принять мѣры для удовлетворенія его умственнаго развитія. Помочь этому, по нашему мнѣнію, можно двояко: устройствомъ хорошихъ учительскихъ библіотекъ (хотя трехъ, а въ крайнемъ случаѣ и одной на округъ) и устройствомъ учительскихъ съѣздовъ. Учительская библіотека должна состоять изъ двухъ отдѣловъ: спеціально-педагогическаго и общаго. Въ первомъ отдѣлѣ должны занять первое мѣсто лучшія педагогическія сочиненія, какъ русскія, такъ и иностранныя, а также всѣ русскія педагогическія изданія. Странно слышать и видѣть, что есть учителя, незнакомые съ твореніями Локка, Песталоцци и Коменскаго! Въ этотъ же отдѣлъ должны войти и всѣ лучшія пособія и вновь выходящіе учебники. Второй отдѣлъ могъ бы быть занятъ классиками нашей литературы и лучшими современными писателями, сочиненіями по сельскому хозяйству, естествовѣдѣнію и лучшими русскими журналами, которыхъ сельскій учитель, благодаря недостатку средствъ, не видитъ по цѣлымъ годамъ*). Едва ли кто признаетъ это умственною роскошью. Но откуда же взять деньги на устройство такихъ библіотекъ? Мнѣ кажется, что если нельзя сдѣлать для устройства такихъ библіотекъ отдѣльнаго ассигнованія, то можно было бы изъ средствъ, ассигнуемыхъ на библіотеки и учебныя пособія по отдѣльнымъ школамъ (до 30 руб.), удѣлять съ каждой школы десять руб. на устройство такихъ библіотекъ, что ежегодно составило бы 360 руб. Не менѣе важное значеніе имѣли бы учительскіе съѣзды, которые, по нашему

*) Насколько сельская жизнь засасываетъ молодыхъ людей, можно видѣть изъ слѣдующаго факта, который мнѣ показался бы анекдотомъ, если-бы мнѣ не разсказывалъ его самъ виновникъ. Г. А—пинъ, учитель сельской школы, вздумалъ въ 1890 году проситься въ городскіе учителя. Но кому же подать прошеніе? И г. А—нъ подаетъ прошеніе на имя главнаго инспектора училищъ, должность котораго была упразднена еще въ 1885 г., т. е. пять лѣтъ назадъ. Г. А—на я знаю за труженика-учителя, готоваго читать и развиваться, но чѣмъ же онъ виноватъ, если школа, въ которой онъ служилъ, не имѣла возможности выписывать ни „Циркуляровъ по учебному округу“, ни одного педагогическаго журнала

Другой не менѣе разительный примѣръ. По разсказу другого учителя, заброшеннаго въ глушь, онъ до того допился съ мѣстнымъ священникомъ, что стали водку выливать въ чашку, „крошили“ туда хлѣбъ и ѣли ложками эту водку съ хлѣбомъ. Нынѣ учитель этотъ, выбравшись изъ глуши въ городъ, не пьетъ не только водки, но даже и пива, и пользуется общимъ уваженіемъ. Чѣмъ объяснить такіе факты, какъ не тѣмъ, что въ человѣкѣ глохнутъ умственные интересы за отсутствіемъ стимуловъ къ умственной жизни?

мнѣнію, должны преслѣдовать двѣ задачи: практическую и теоретическую. Для достиженія первой должны быть представлены образцовые пріемы начальнаго преподаванія: съ этой цѣлью однимъ изъ лучшихъ учителей должно быть дано нѣсколько уроковъ, далѣе нужно предоставить право давать уроки всѣмъ желающимъ или по выбору съѣзда, а затѣмъ уроки эти нужно подвергать самому тщательному разбору. Для достиженія второй задачи необходимо обсудить всѣ существующіе методы преподаванія чтенія-письма и ариѳметики, выгодность или невыгодность того или другаго метода. Кромѣ того, весьма важно было бы разобраться въ библіотечномъ дѣлѣ народной школы: составить образцовые каталоги библіотекъ учительской и ученической—трудъ, который можетъ быть успѣшно выполненъ лишь при коллективномъ участіи всѣхъ учителей. Для этой цѣли къ первому предстоящему съѣзду можно бы собрать всѣ педаг. сочиненія и журналы изъ библіотекъ уѣзднаго и приходскаго училищъ и прогимназіи, а также и изъ сельскихъ училищъ. Не менѣе полезно было бы показать учителямъ и учительницамъ идеальную школьную обстановку: ученическую мебель (которая потомъ могла бы быть сдана въ какое-либо сельское училище), наглядныя учебныя пособія, волшебный фонарь, вентиляцію, помѣщенія (для этой цѣли можно бы составить таблицы), освѣщеніе и т. п. Все это можно бы было освѣтить лекціями (краткими) по школьной гигіенѣ и діететикѣ, которыя не отказались бы прочесть каждый изъ врачей, и затѣмъ обсудить, что возможно, по мѣстнымъ условіямъ, примѣнить къ школамъ Ялуторовскаго округа. Вотъ въ краткихъ словахъ задачи съѣздовъ. Въ этомъ дѣлѣ вполнѣ можно разсчитывать на содѣйствіе учителей уѣзднаго и приходскаго училищъ. Польза этого предпріятія не подлежитъ сомнѣнію. Расходы же по нему весьма незначительны, если не считать заведенія мебели, которая пригодилась бы для училищъ, и разъѣздовъ учителей и учительницъ, которые также ничего не будутъ стоить, если разрѣшенъ будетъ имъ проѣздъ по безплатнымъ бланкамъ. Вполнѣ можно разсчитывать, что большинство учителей, въ интересахъ дѣла, согласятся прожить вакаціонное время въ Ялуторовскѣ, за исключеніемъ людей семейныхъ, которымъ, въ видахъ проживанія на два дома, необходимо выдавать суточныя; но семейныхъ учителей не много. Единственный расходъ, и то только въ томъ случаѣ, если будетъ признано полезнымъ, это—отпечатаніе работъ и протоколовъ съѣздовъ; но, если принять во вниманіе, что таковые могутъ быть печатаемы въ губернской типографіи и разсылаемы по школамъ всей губерніи, и, въ виду одинаковости

по отношенію къ учебному дѣлу мѣстныхъ условій, могутъ быть полезны, какъ педагогическія руководства во всѣхъ школахъ губерніи, то этотъ расходъ можетъ быть отнесенъ къ числу уже существующихъ, а именно—на библіотеки училищъ изъ земскихъ сборовъ. За исключеніемъ же этихъ расходовъ, осуществленіе перваго съѣзда будетъ стоить не болѣе ста рублей.

VI. Порядокъ выбора попечителей школъ долженъ быть измѣненъ, а самый выборъ долженъ быть предоставленъ мѣстному смотрителю училищъ, по соглашенію съ крестьянскимъ чиновникомъ, или наоборотъ; пока же право выбора попечителей останется за обществомъ, лучшіе люди будутъ выбираться въ старшины, старосты, засѣдатели, а люди, которые негодны для этихъ должностей, будутъ вибираться въ попечители. Кромѣ того, замѣщеніе должности попечителя для школы не должно быть обязательно: это избавитъ общество отъ обязанности выбирать людей негодныхъ лишь для того, чтобы замѣстить должность.

Нѣтъ сомнѣнія, что все то, что мы старались обрисовать слабымъ перомъ, при помощи сухихъ, но выразительныхъ цифръ, все это крошечное зданіе народнаго образованія въ Ялуторовскомъ округѣ, устроенное заботливой рукой администраціи и епархіальной власти, — лишь маленькій и жалкій зародышъ будущаго величественнаго храма знанія. Въ этомъ маленькомъ зданіи въ будущемъ предстоитъ еще много передѣлокъ, улучшеній, и потому этотъ величественный храмъ знанія—болѣе или менѣе отдаленный идеалъ. Ближайшій идеалъ нашъ—всеобщая грамотность. Вопросъ этотъ самый животрепещущій. Газетныя извѣстія уже сообщили намъ, что однимъ изъ директоровъ училищъ (курскимъ—Раевымъ) возбужденъ вопросъ объ этомъ офиціальнымъ путемъ, и министерство народнаго просвѣщенія отнеслось къ нему сочувственно. Первой преградой къ благопріятному его рѣшенію, разумѣется, явятся средства. Г. Дубровскій*), работавшій надъ матеріалами статистическаго комитета, вычислилъ, что намъ потребно было въ 1886 году, чтобы вмѣстить всѣхъ дѣтей школьнаго возраста, не 18 т. школъ, бывшихъ налицо, а не менѣе 245 т. школъ и потребовалось бы на ихъ содержаніе не $5\frac{1}{2}$ милліоновъ, а не менѣе $77\frac{1}{4}$ мил. Г. Странолюбскій въ докладѣ своемъ петербургскому комитету грамотности*) вычислилъ, что для достиженія всеобщей грамотности число существующихъ школъ пришлось бы увеличить въ 13, а бюджетъ въ 14 разъ, т. е. нужно до 250 т. школъ при 125 мил.

*) Недѣля 1893 года, № 3, статья: „Пятно невѣжества“.

ежегоднаго расхода. Г. Песковскій въ „Русской Школѣ“*) вычислилъ, что для этой цѣли потребовалось бы не 250 т., а по крайней мѣрѣ 300 т. школъ съ ежегоднымъ расходомъ въ 150 мил.

Мы съ своей стороны постараемся освѣтить этотъ вопросъ по Ялуторовскому округу.

Мы уже видѣли, что во всемъ округѣ въ 1-й половинѣ 1893 года считалось 34 министерскихъ, 13 церковно-приходскихъ и 22 школы грамоты, т. е. всего школъ имѣлось 69 на 360 населенныхъ русскими мѣстъ и на 171,766 чел. русскаго населенія, т. е. одна школа приходилась на 5,2 селенія, на 2489 чел. и на 392 чел. дѣтей школьнаго возраста. Такимъ образомъ, для того, чтобы предоставить возможность научиться грамотѣ дѣтямъ всѣхъ селеній, нужно школъ открыть въ 4 раза болѣе; при томъ же разсчетѣ, что въ нѣкоторыхъ районахъ селеній придется строить одну школу на цѣлый районъ, а для селеній, находящихся вблизи селъ до 3 верстъ, совсѣмъ ихъ не строить, необходимымъ явится открыть школъ въ 3 раза болѣе, чѣмъ ихъ имѣется въ настоящее время, т. е. 200 школъ. Принимая во вниманіе, что школы дорогія придется устроить лишь въ нѣкоторыхъ большихъ селахъ, а въ малыхъ селеніяхъ дешевыя, подходящія подъ типъ школъ грамоты и церковно-приходскихъ, мы находимъ, что дорогихъ школъ придется открыть не менѣе тридцати, среднихъ—не менѣе пятидесяти и дешевыхъ—сто двадцать; полагая стоимость дорогой школы 310 руб., средней въ 180 руб. и дешевой въ 100 руб., мы находимъ, что для того, чтобы доставить возможность всеобщаго обученія грамотѣ, бюджетъ школъ нужно увеличить на 30,000 руб., т. е. въ $2\frac{1}{2}$ раза. Если въ высшихъ сферахъ вопросъ о народномъ образованіи является однимъ изъ важнѣйшихъ, то и мужикъ въ настоящее время также измѣнилъ свое мнѣніе о школѣ: она для него уже не пугало, а полезное и важное дѣло. Годъ отъ году увеличивающееся число учащихся, стремленіе получить дальнѣйшее образованіе, не ограничивась сельской школой, все это—доказательства сознанія пользы ученія.

Пожелаемъ же, въ заключеніе нашей работы, чтобы сознаніе это росло, крѣпло и привело, наконецъ, въ исполненіе завѣтныя мечты лучшихъ людей страны о всеобщей грамотности русскаго народа.

Николай Палопеженцевъ.

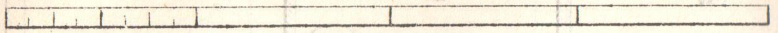
*) „Русская Школа“, кн. II-я, 1894 г. Статья Песковскаго „Какъ достигнуть „образовательнаго минимума“ населенія“, стр. 98—99.

Бигилинскій .	30 —	8	2539	116	10	94	77	7	118
Бобылевскій .	18 —	8	6488	„	„	„	103	14	119
Боровинскій .	45 —	5	3809	„	„	„	„	„	„
Верхсуерскій .	20 —	9	8060	„	„	„	144	15	256
Верхнебешк. .	1 —	2	1747	51	10	30	34	2	44
Денисовскій .	6 —	3	1383	103	18	73	82	10	103
Емуртлинскій .	37 —	11	5860	280	58	249	226	43	316
Заводоуковскій	17 —	10	1839	225	42	213	147	21	337
Ингалинскій .	32 —	7	4169	143	21	165	132	22	129
Исетскій . .	30 —	11	4379		110		103	19	217
Кизакскій . .	32 —	15	9747	359	58	268	190	33	301
Кодскій . . .	22 —	7	9089	170	15	112	103	15	209
Коркинскій . .	15 —	12	6666	230	38	202	198	31	355
Красногорскій .	14 —	8	2889	„	„	„	77	7	95
Лыбаевскій . .	24 —	8	5139	168	36	117	81	12	173
Мокроусовскій .	65 —	18	7209	632	98	440	407	66	681
Мостовскій . .	48 —	10	5480	114	8	106	89	15	139
Новозаимскій .	70 —	9	4536	270	62	261	236	34	412
Омутинскій . .	50 —	10	11568	270	57	250	413	54	586
Онуфріевскій .	11 —	3	910	66	19	96	59	10	76
Плетневскій .	30 —	15	8110	194	19	172	143	10	139
Пятковскій . .	7 —	2	9499	203	35	197	151	11	158
Рафайловскій .	12 —	2	2446	„	„	„	50	1	100
Романовскій .	18 —	4	453	„	„	„	„	„	„
Скородумско-Соз. Слободобешк. .	30 —	6	4312	164	35	130	149	34	248
Спасскій . . .	21 —	8	6124	„	„	„	„	„	„
Суерскій . .	89 —	23	6601	310	40	238	274	43	414
Терсюкскій . .	22 —	6	9089	259	51	267	256	31	296
Шатровскій . .	25 —	7	8243	255	42	225	129	32	245
Шороховскій .	15 —	3	3941	80	20	90	74	14	157
Юргинскій . .	80 —	11	10379	510	72	415	374	40	427
Всего	985 в.	274	171766	5509	920	4704	4755	677	7119
Въ среднемъ	30 в.	8	5356	220	37	188	159	23	238
					445			420	

ПЛАНЫ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ

ЯЛУТОРОВСКАГО ОКРУГА ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Общій масштабъ въ 1:168 натур. вел.

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ:

А — Классъ.

Б — Учительская комната.

В — Кухня.

Г — Комната сторожа.

Д — Прихожая.

Е — Корридоръ.

Ж — Сѣни.

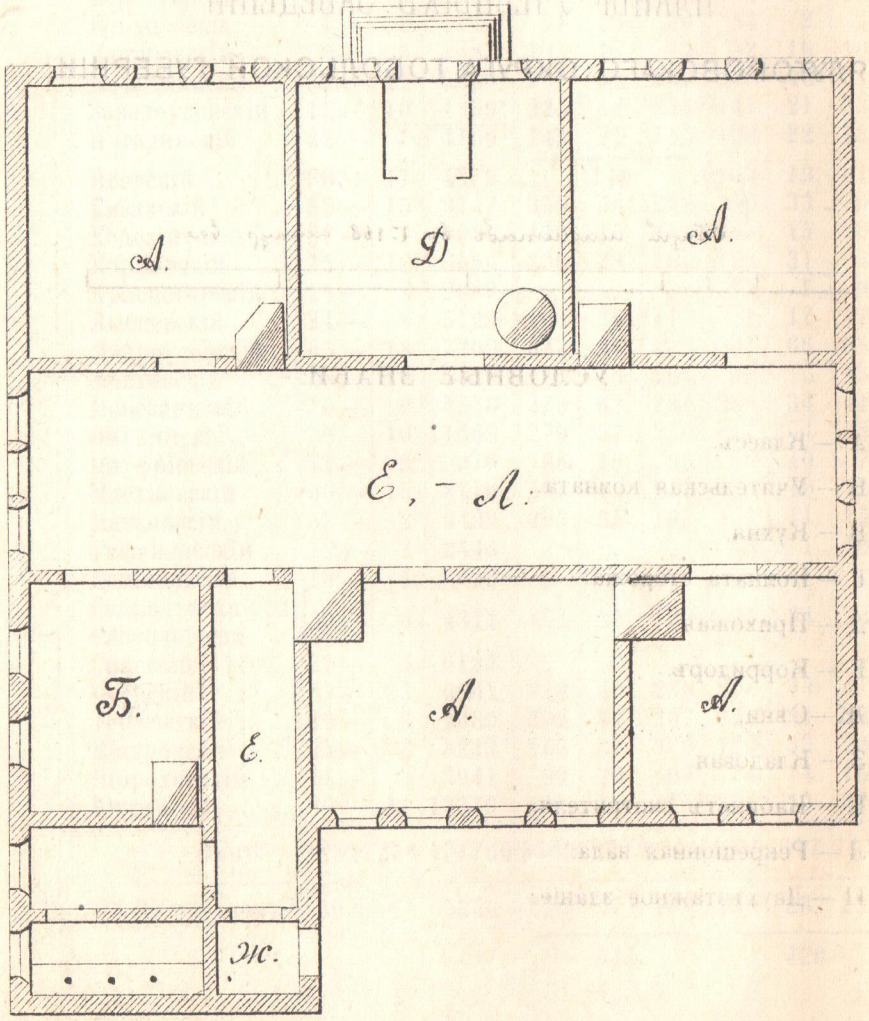
З — Кладовая.

К — Кабинетъ смотрителя.

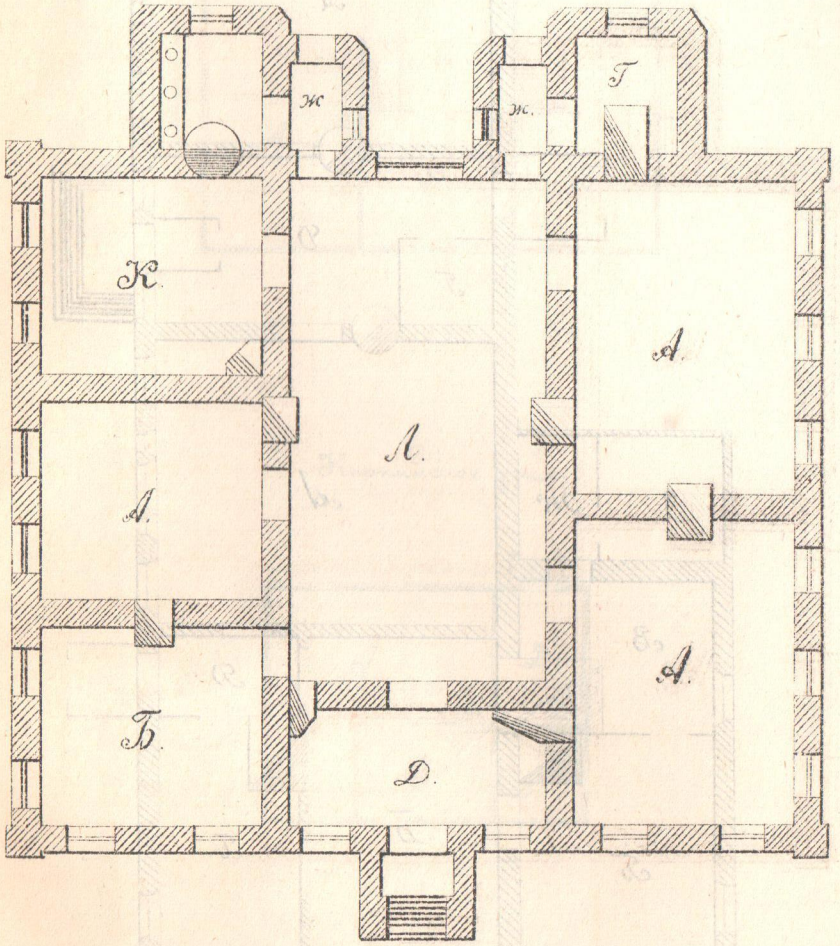
Л — Рекреціонная зала.

П — Двухъэтажное зданіе.

Женская прогимназія.

Уѣздное училище.

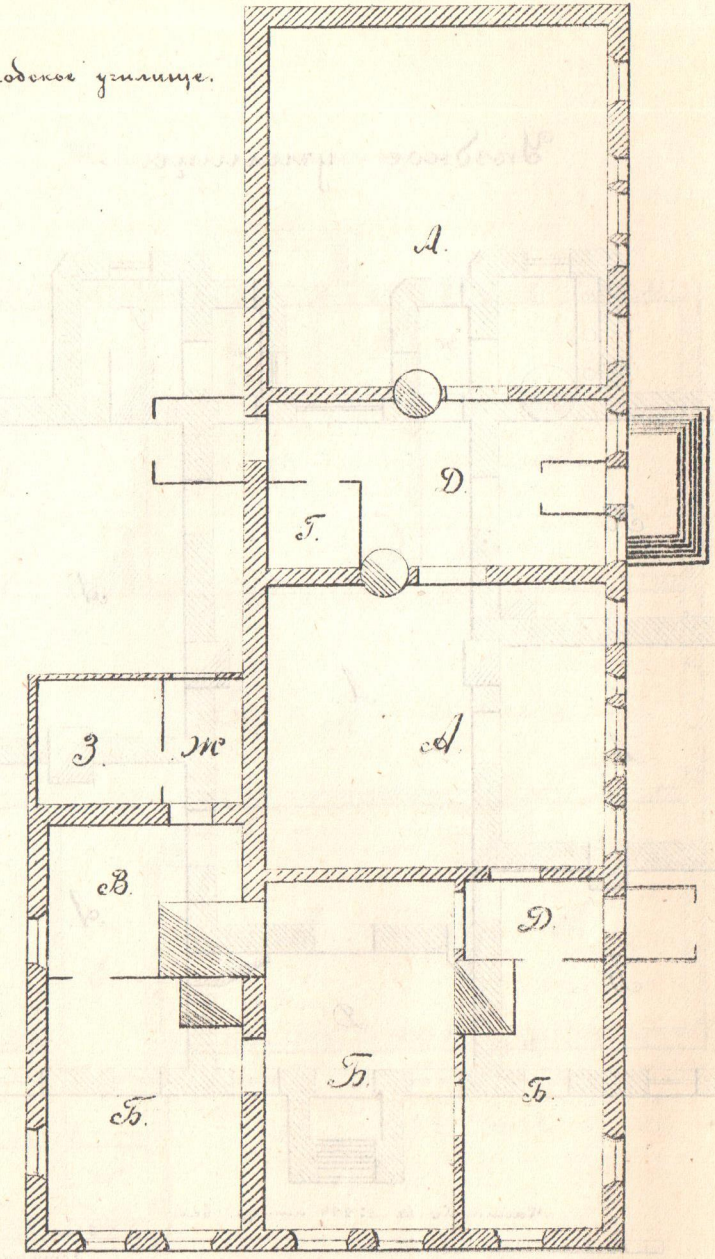

Масштабъ въ 1:224 натур. вел.

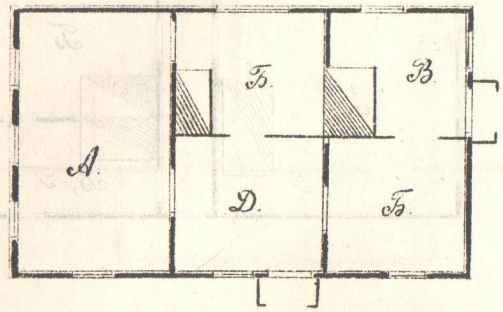
8 сажен.

3 дюйма.

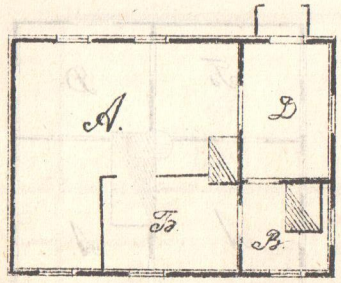
Приходское училище.

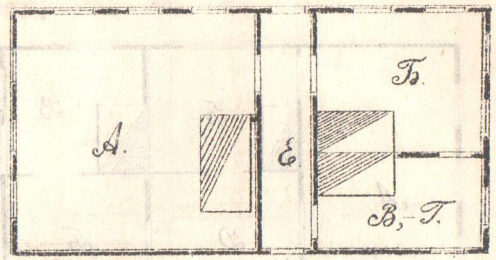
Заводцковское учил.

Каркинское учил.

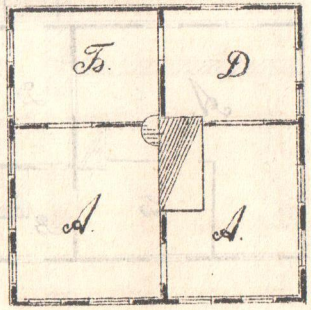

Архангельское училище.

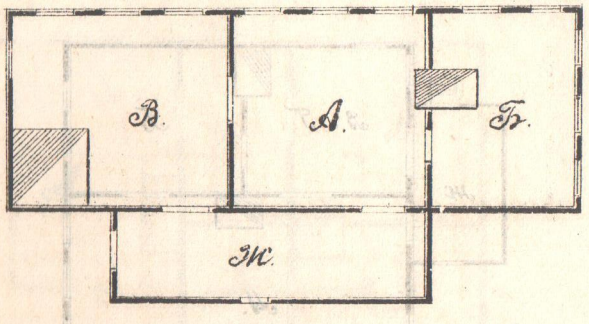

II.

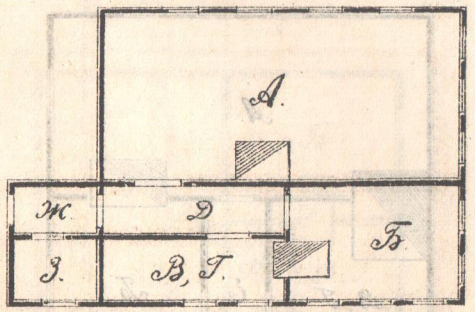
Бердюгинское учил.

Бобылевское училище.

Билимбаевское училище.

4805/32.
Г-ксф 98
См. о участии в устройстве школ декабриста Ив. Дм. Якушкина. Тюменская обл. Сибирь

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ

ВЪ Г. ЯЛУТОРОВСКѢ

И

ЯЛУТОРОВСКОМЪ ОКРУГѢ, ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

ЧАСТЬ I.

ИСТОРІЯ ЯЛУТОРОВСКИХЪ ШКОЛЪ.

Паки не малая пакость крестьянамъ чинится и оттого, что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ... Я чаю, не худо бы такъ учинить, чтобы не было и въ малой деревнѣ неграмотнаго человѣка, и положить крѣпкое опредѣленіе, чтобы безотложно дѣтей своихъ отдавали учить грамотѣ.

Посошковъ.

Мы удостовѣрены, что всѣ вѣрноподданные примутъ дѣятельное участіе въ сихъ заведеніяхъ, для пользы общей и каждаго учреждаемыхъ, и тѣмъ самымъ будутъ споспѣшествовать Нашимъ попеченіямъ о семъ предметѣ, толико важномъ и толико сердцу Нашему любезномъ.

(Высочайшій Указъ, данный 24 января 1803 года).

34463

Глава I. До-школьное время.

Лѣта 7167, а по нашему счисленію въ 1659 году, тюменскій воевода Ѳедоръ Веригинъ послалъ тюменскихъ пашенныхъ крестьянъ Петрушку Ульянова и Елеску Гилева разыскивать удобныя мѣста для новыхъ поселеній*). Ниже устья Исети нашли они татарскій городокъ Явлутуръ.

Городокъ этотъ вполнѣ удовлетворялъ тогдашнимъ требованіямъ колонизаціи и представлялъ, по описанію воеводы, вотъ какія удобства. Для поселянина тутъ было все необходимое: подъ скотскій выгонъ ниже городка, подлѣ Тобола—лугъ болѣе, чѣмъ

ПР
ПР 1945 г.

*) Основаніе Ялуторовска прекрасно описано воеводой Веригинымъ въ донесеніи царю, которое напечатано въ Дополненіяхъ къ Актамъ Историч. Спб, 1851, т. IV, № 58. Авторъ.

Из Ежегодника Тобольского Губ. Музея Вып. I
Тобольск. 1893 г.

въ двѣ версты; для пашни и покосовъ мѣста—по направленію къ Тюмени болѣе, чѣмъ на тридцать верстъ; для рыбныхъ ловель—большіе озера и истоки; кругомъ пашенныхъ мѣстъ тянулись темные лѣса и мѣста крѣпкія и болотныя, и зыби непроходимыя. Земля для пашни была хорошая, луга для покосовъ и скотскихъ выпусковъ великіе и травные. Какъ было тогдашнему пахарю не позариться на такое мѣсто? И дѣйствительно, охотниковъ поселиться здѣсь нашлось много: пашенные и оброчные крестьяне и служилые и бѣломѣстные казаки.

Кромѣ этихъ удобствъ для жителей, Веригинъ обратилъ еще вниманіе и на то, что черезъ эти мѣста пролегаютъ дороги изъ Уфы и Казани въ Тобольскъ, что по этимъ дорогамъ ѣздятъ всякіе русскіе люди и татары въ сибирскіе города для торговли всякими товарами, а также и изъ Тобольска съ товарами и промысломъ съ озеръ и хмѣлевыхъ угодій.

Еще большія выгоды представлялъ Явлутуръ въ стратегическомъ отношеніи: съ двухъ сторонъ облегла рѣка Тоболъ, съ третьей лежитъ большое озеро Чать, отъ озера съ четвертой стороны идутъ два рва, глубиною въ три сажени, между рвами земляной валъ до рѣки Тобола; слѣдовательно и въѣздовъ въ городъ имѣлось два: одинъ—черезъ рвы и валъ, а другой, взвозъ отъ Тобола, шелъ черезъ ровъ же.

Итакъ, Явлутуръ являлся завиднымъ мѣстомъ для поселенія: было чѣмъ кормиться піонеру, легко было сбывать произведенія природы и, наконецъ—что было очень и очень нелишне въ тогдашнее неспокойное время—его зарождающееся матеріальное благосостояніе и гражданскій бытъ въ значительной степени ограждены были отъ нападенія неспокойныхъ степняковъ-сосѣдей.

Все устроилось. Царь разрѣшилъ селиться, и казаки служилые и бѣломѣстные и крестьяне пашенные и оброчные, въ томъ числѣ, вѣроятно, и ялуторовскіе колумбы, Елеска Гилевъ*) и Петрушка Ульяновъ, прибыли въ татарскій городокъ Явлутуръ и поселились тутъ, основавъ ялуторовскую слободу.

Ялуторовская слобода не была однакожъ первымъ русскимъ поселеніемъ въ Исетско-Тобольской низменности, занимаемой тогдашнимъ Ялуторовскимъ округомъ. Еще въ 1645 году въ живописной мѣстности на Исети благочестивымъ старцемъ Рафаиломъ былъ основанъ монастырь, названный именемъ основателя, а черезъ пять лѣтъ былъ основанъ Исетскій острогъ, съ которымъ монастырь, въ случаѣ осады, могъ переговариваться знаками, выставляемыми на колокольняхъ. Въ 1668 г. основаны были слободы: Суерская, Терсюкская и Бешкильская (на случай нападенія—съ надолбами и рогатинами), позднѣе—Красногорскій острогъ (1671 г.) и слобода Ингалинская (1676 г.). Военное устройство, приданное мирнымъ крестьянскимъ поселеніямъ, ясно свидѣтельствуетъ, что селиться здѣсь было не совсѣмъ безопасно. Несмотря на это, русскіе выходцы осѣдали здѣсь. „Надобно взглянуть“—говоритъ историкъ Сибири*),—„на пространство, между Турой и Исетью заключающееся, на эту живую трапецію съ плодородною почвою, съ текучими водами, съ красивыми берегами, съ веселыми мѣстоположеніями, которыя смѣняются увалами или наклоненными равнинами; надобно видѣть, чтобы понять, сколь много было побужденій для водвореній (здѣсь русскихъ), которые сперва, какъ говорится, кликъ кликали, а послѣ доброю волею съ запада сбѣгались и приселялись тихомолкомъ. Это пространство, само собой послѣ насаждавшееся людьми, было разсадникомъ для распространенія русской населенности за Енисеемъ“. Но на развалинахъ татарской культуры, даже при самыхъ благопріятствующихъ условіяхъ, эти два элемента, казаки и крестьяне, представляли ли хотя какой-нибудь залогъ умственнаго развитія и гражданскаго преуспѣянія? Казачество, вольное, какъ птица, нравственно разнузданное, не связанное никакими традиціями, обладающее всѣми пороками завоевателя, можно смѣло сказать, не имѣло никакого развивающаго значенія въ зарождающемся ялуторовскомъ обществѣ. Въ немъ было много удали и предпріимчивости (руководимой, впрочемъ, жадностью къ матеріальной наживѣ), которыя сослужили великую службу, какъ новой странѣ, такъ и старой ихъ родинѣ. Своими смѣлыми путешествіями внутрь еще неизвѣданной страны, своими важными открытіями и постепеннымъ завоеваніемъ Сибири записало удалое казачество свое имя на страницы исторіи, но для умственнаго и нравственнаго просвѣщенія завоеванной страны оно ничего не могло дать, ибо, кромѣ безшабашной удали и молодечества, и само ничего не имѣло.

Крестьянство же, слагаясь изъ бѣглецовъ отъ тягостей русской крѣпостной неволи, а впослѣдствіи и рекрутскихъ наборовъ, изъ сосланныхъ за разныя преступленія, а также изъ пересылаемыхъ правительствомъ для заселенія вновь покоренной страны,—всѣхъ, одинаково забитыхъ нуждой и трудомъ,—также не имѣло задатковъ для умственнаго просвѣщенія, ибо сѣмена грамотности,

*) Верстахъ въ пяти-шести находится цѣлая деревня Гилева, фамилію же Ульяновыхъ мы встрѣчаемъ и теперь среди коренныхъ ялуторовцевъ.

Авторъ.

*) П. А. Словцовъ. Историческое обозрѣніе Сибири. Изд. 1886 г. Книга I-я, стр. 23.

щедрой рукой бросаемыя Владиміромъ, Святославомъ (? ред.) и другими князьями древней Руси, были уже заглушены и съ корнемъ вырваны на Руси татарскимъ нашествіемъ. Съ 1685 г. ряды сибирскаго крестьянства сильно пополнились старообрядцами, осужденными православными іерархами въ лицѣ попа Никиты Пустосвята. Большими толпами двинулись они за Уралъ въ надеждѣ подъ сѣнью дремучихъ сибирскихъ лѣсовъ укрыться отъ преслѣдованія властей и найти здѣсь всѣ условія для мирнаго преуспѣянія; впрочемъ, поселились они и въ городахъ, особенно въ Тюмени и Томскѣ, разселились также и по Ялуторовскому округу. Этотъ новый элементъ, полный энергіи, стойкій въ своихъ убѣжденіяхъ, представлялъ наиболѣе данныхъ для умственнаго развитія: у нихъ уже образовалась своя богословская литература, и старообрядческая книга въ тысячахъ экземпляровъ путешествовала, читалась и переписывалась, начиная отъ Рогожскаго кладбища и кончая захудалой сибирской деревней. Къ сожалѣнію, узость ихъ умственныхъ и религіозныхъ воззрѣній, граничащихъ съ самыми грубыми предразсудками и буквоѣдствомъ, а также ихъ замкнутость и нетерпимость явились тормозомъ на этомъ пути, хотя грамотность между ними была значительно распространена.

Единственное сословіе въ тогдашней Сибири, для котораго грамотность была доступна и необходима, было духовенство, но когда оно появилось въ Ялуторовскѣ? Нравственная распущенность нашихъ предковъ, о которой единогласно свидѣтельствуютъ всѣ историки и путешественники, мирно уживалась съ наружнымъ благочестіемъ, и основаніе церквей и часовенъ являлось первою обязанностью сибиряка-христіанина въ сей земной жизни: гдѣ устраивалось зимовье для сбора ясака, тамъ ставился крестъ, а со временемъ и часовня; въ слободѣ обязательно была часовня, а въ поселеніи крѣпостномъ—церковь, въ городахъ же, кромѣ церквей, устраивался часто еще и монастырь. Слобода Ялуторовская вскорѣ, вслѣдствіе опасности, угрожавшей отъ набѣга сосѣдей-степняковъ, превратилась въ острогъ, вскорѣ же появилась здѣсь и церковь христіанская, а съ нею и священнослужитель съ церковникомъ. Имѣло ли вліяніе на развитіе образованія или даже простой грамотности духовенство на первыхъ порахъ своего появленія, мы не знаемъ. Тогдашнее духовенство наше (не только сибирское, но и россійское), за полнымъ почти отсутствіемъ училищъ, не только не обладало образованіемъ, но зачастую было совершенно безграмотно, и церковная служба въ такихъ случаяхъ совершалась наизусть. Въ актахъ даже XVIII вѣка часто вмѣсто подписи священника писалось многозначительное: „онъ, попъ, грамотѣ не умѣетъ“, болѣе же стыдливые просили писать грамотныхъ церковниковъ и приказныхъ: „онъ, попъ, очами скорбенъ“. Но какъ бы ни было малообразованно сибирское духовенство, оно все-таки вносило лучъ свѣта въ темную трудовую жизнь сибирскаго крестьянина. Свѣтъ этотъ заключался въ знаніи церковныхъ идей и въ проведеніи ихъ по мѣрѣ возможности въ жизнь христіанскаго населенія, а также въ уничтоженіи грубыхъ предразсудковъ, остатковъ язычества.

Было, правда, и еще сословіе, отъ котораго мы вправѣ бы ожидать грамотности и возможности распространенія ея черезъ посредство этого сословія: это—сословіе служилое, но, во первыхъ, въ Ялуторовской слободѣ представителей этого сословія не могло быть много, во вторыхъ, сословіе это не отличалось въ Сибири ни образованіемъ, ни особенной грамотностью. „Сословіе статское“, —говоритъ Словцовъ въ своемъ Историческомъ обозрѣніи Сибири*),—„составляло свои длинныя бумаги, какъ безъ порядка логическаго, такъ и грамматическаго склада, особенно при начальникахъ изъ иноземцевъ“, а Шашковъ заявляетъ, что между офиціальными сибирскими документами XVIII вѣка попадаются такіе, что никакъ нельзя добраться до смысла. Само собой разумѣется, что сословіе, сидѣвшее надъ бумагами „безъ смысла логическаго“ и „порядка грамматическаго“, не могло явиться органомъ образованности, и Ялуторовской слободѣ, какъ и другимъ сибирскимъ поселеніямъ, суждено было отстать въ отношеніи умственнаго просвѣщенія не только отъ Европы, но и отъ Россіи.

Около пятидесяти лѣтъ протекло съ основанія Ялуторовской слободы, какъ прибылъ управлять сибирской митрополіей святитель Филофей Лещинскій, ревнитель духовнаго просвѣщенія. При немъ, въ 1703 или 1704 году, возникло при архіерейскомъ домѣ новое для сибирскаго населенія учрежденіе—школа, встрѣченная, впрочемъ, со стороны духовенства съ полнымъ равнодушіемъ, такъ что митрополиту пришлось набирать въ нее учениковъ, „поповскихъ, дьяконскихъ и церковническихъ дѣтей“, „съ понужденіемъ“. Очень можетъ быть, что бывшіе впослѣдствіи священно- и церковно-служители въ Ялуторовскомъ острогѣ выходили изъ этой школы. До этого же времени, при полномъ отсутствіи училищъ, грамотность распространялась среди духовенства семейнымъ образомъ: отцы передавали своимъ дѣтямъ, вѣрнѣе сыновьямъ, умѣнье читать и писать посредствомъ церковной азбуки, уставомъ или полу-уставомъ переписываемой и представляющей собой камень преткновенія для многихъ дѣтскихъ головъ, мо-

*) Томъ I-й, стр. 288, Изд. 1886 г.

жетъ быть, и очень неглупыхъ. Какъ только осиливалась эта первая и самая трудная для дѣтскаго мозга работа, приступали къ чтенію псалтири и другихъ церковныхъ книгъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и къ пѣнію, а нѣкоторые и иконописи. Такимъ же путемъ грамотность переходила, можетъ быть, и въ другія сословія, но въ самыхъ жалкихъ размѣрахъ.

Заботы Петра и его сподвижниковъ не ограничивались введеніемъ духовныхъ школъ. Для обновленной Россіи требовалась теперь масса спеціалистовъ. Съ этою цѣлью Петръ въ 1714 и 1716 годахъ издаетъ строжайшіе указы о необходимости обученія дѣтей подъяческихъ и секретарскихъ ариѳметикѣ и геометріи, въ противномъ случаѣ не позволяетъ имъ жениться и, наконецъ, разсылаетъ по два учителя на губернію изъ математической школы графа Апраксина; но, во первыхъ, новость дѣла, малочисленность учениковъ, а также отсутствіе губернатора и хлопотливое для сибиряковъ гагаринское слѣдствіе и, наконецъ, двойственность обязанностей учителей (кромѣ учительства они должны были составлять ландкарту губерніи),—все это привело къ тому, что посланные учителя не имѣли никакого вліянія на развитіе учебнаго дѣла въ Тобольской губерніи. Геодезическое образованіе вводится лишь между 1758 и 1763 годами: въ это время въ Тобольскѣ открывается геодезическая школа, въ которой преподается ариѳметика, черченіе, геометрія, геодезія и архитектура. Въ царствованіе Петра много полезнаго сдѣлали и плѣнные шведскіе офицеры: они явились здѣсь первыми піонерами европейскаго образованія, обучая дѣтей тоболяковъ живописи, музыкѣ, черченію, танцамъ и нѣмецкому языку, а одинъ изъ нихъ, фонъ-Врехъ, въ 1714 году основалъ въ Тобольскѣ школу религіознаго характера, въ которой, по свидѣтельству г. Астафьева*), въ послѣдній годъ ея существованія (1720 г.) обучалось 139 человѣкъ, въ числѣ которыхъ было много и русскихъ и даже изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ, но были ли ялуторовцы въ числѣ учениковъ какъ этой, такъ и геодезической школы, намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно; во всякомъ случаѣ вліяніе этихъ школъ отрицать нельзя.

*) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1888 г. Октябрь. Стр. 266. Свѣдѣнія объ этой школѣ встрѣчаемъ мы и въ трудѣ Пекарскаго „Наука и жизнь при Петрѣ Великомъ“ (Т. II, стр. 12, 15, 30).

Глава JJ. Заказная духовная школа въ Рафаиловскомъ монастырѣ.

Основанная митрополитомъ Филоѳеемъ школа при Тобольскомъ архіерейскомъ домѣ мало-по-малу, несмотря на недостатокъ средствъ, развивалась и при митрополитѣ Антоніи Нарожницкомъ къ 1742 году превратилась въ духовную семинарію, состоящую изъ слѣдующихъ классовъ: фары, инфимы, грамматики, синтагмы, риторики и философіи. Для полнаго семинарскаго курса не хватало только изученія богословія. Введеніе этого предмета въ курсъ семинарскихъ наукъ выпало на долю митрополита Павла Конюскевича, впослѣдствіи неудачнаго защитника вотчинныхъ церковныхъ и монастырскихъ правъ. Онъ благословилъ ученаго архимандрита Михаила преподавать богословіе и назначилъ его ректоромъ семинаріи. Это былъ первый тобольскій ректоръ. Впослѣдствіи митрополитъ для преподаванія въ семинаріи выписалъ изъ Малороссіи еще двухъ ученыхъ іеромонаховъ.

Одной семинаріи на такую громадную по пространству епархію, какъ сибирская, разумѣется, было мало,—и вотъ, питомецъ кіевской академіи и учитель, митрополитъ задался цѣлію облегчить духовенству путь къ образованію. Прибывъ въ Тобольскъ въ ноябрѣ 1758 года, онъ уже въ слѣдующемъ году основываетъ въ отдаленныхъ заказахъ духовныя латинскія школы, а года черезъ два распространяетъ свое распоряженіе и на другіе заказы епархіи. Для духовенства ялуторовскаго и рафаиловскаго заказовъ основана была въ апрѣлѣ 1761 года латинская школа при Рафаиловскомъ монастырѣ, верстахъ въ 80 отъ Ялуторовска,—первая школа въ Ялуторовскомъ округѣ. Можно, впрочемъ, думать, что до учрежденія этой школы въ монастырѣ Рафаиловскомъ, какъ и во всѣхъ другихъ, жило много послушниковъ, которые здѣсь, приготовляясь къ церковнымъ должностямъ, обучались чтенію церковныхъ книгъ, нотному пѣнію и иконописи, хотя и безъ всякаго оттѣнка школьнаго характера жизни. Протоіерей Сулоцкій за достовѣрное выдаетъ, что въ Тобольскомъ Знаменскомъ и Рафаиловскомъ монастыряхъ иконописи обучались еще въ XVII столѣтіи, можетъ быть, отъ тѣхъ живописцевъ или ихъ потомковъ, которыхъ прислалъ въ распоряженіе тобольскаго архіерея еще царь Михаилъ Ѳеодоровичъ изъ Великаго Устюга и Соли Вычегодской. Иконописи учились многіе и —охотно, какъ ремеслу, которое приносило матеріальныя выгоды, но на грамотность ялуторовское духовенство смотрѣло иначе. Митрополитъ и консисторія неоднократно посылали указы въ за-

казныя правленія о побужденіи священно- и церковно-служителей отдавать дѣтей въ ученіе, но указовъ не слушались; приходилось налагать на виновныхъ денежные штрафы, но и это мало дѣйствовало, и духовныя правленія принуждены были прибѣгать къ болѣе серьезнымъ мѣрамъ: такъ, по приказанію рафаиловскаго духовнаго правленія за упорное непредставленіе дѣтей и родственниковъ въ школу были закованы въ цѣпи попъ Бѣлозерской слободы Митрофанъ Набережныхъ и дьяконъ Утяцкой слободы Петръ Буровъ—на сутки, а пономарь Савва Хнюнинъ—на день. Прекрасно охарактеризовалъ ту среду, для которой трудился изо всѣхъ силъ митрополитъ Павелъ, его преемникъ по каѳедрѣ архіепископъ Варлаамъ I въ донесеніи своемъ Святѣйшему Сѵноду о домашнемъ воспитаніи духовенства. Не говоря уже о томъ, что при тогдашнемъ пространствѣ приходовъ и путяхъ и средствахъ сообщенія, особенно на дальнемъ сѣверѣ и среди инородцевъ, пастырскія обязанности священниковъ отнимали очень много времени и почти всякую возможность заниматься обученіемъ дѣтей, онъ представляетъ и другія причины этого по истинѣ печальнаго явленія. Церкви были бѣдны книгами. „Тѣхъ книгъ“,—пишетъ онъ,—„и въ самомъ Тобольскѣ въ привозѣ мало бываетъ и доставать ихъ неминуемо потребно отъ московской типографской конторы“. Недостатокъ, почти полное отсутствіе, сносныхъ частныхъ учителей, нерасположеніе къ ученію и низкій образовательный уровень духовенства онъ выставляетъ важнѣйшими тормозами въ просвѣтительной работѣ тобольскихъ архипастырей. Достаточно сказать, что даже въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія изъ 188 священно- и церковно-служителей ялуторовскаго заказа только 41 умѣли хорошо читать, писать и пѣть по нотамъ, 121 умѣли только хорошо читать и изъ всѣхъ 188 человѣкъ только 3 знали первую часть ариѳметики! Что могли дать такіе отцы своимъ дѣтямъ? Учитель Рафаиловской школы справедливо жаловался на плохую домашнюю подготовку своихъ питомцевъ. Онъ писалъ, что „священно- и церковно-служители, немалое время въ домахъ своихъ обучая дѣтей, ничего не научили, кромѣ какъ только выростили и испортили, и въ поправленіи домашняго ихъ на память (безъ знанія словъ и рѣченій) неправильнаго затверживанія излишнее сдѣлали здѣсь затрудненіе... Дѣти переучиваемы были съ великимъ трудомъ“.

Въ декабрѣ 1760 г. учителемъ Рафаиловской школы былъ назначенъ дьяконъ Исетскяго острога Ал. Жемчужниковъ, съ производствомъ во священника, но онъ ѣхать въ Рафаилово отказался, такъ какъ въ Исетскомъ острогѣ имѣлъ свой домъ. Благодаря его отказу, открытіе школы затянулось до апрѣля 1761 г.,

когда учителемъ былъ назначенъ дьячекъ Леушинской волости Ив. Перевитскій, который въ то время былъ въ Тобольскѣ „на усмотрѣніи“ консисторіи. Архимандриту Нектарію предписывалось слѣдить за его поведеніемъ, доносить о немъ каждую треть и предоставлено было право дѣлать ему увѣщанія, впрочемъ, „съ пристойнымъ воздержаніемъ“: вѣрно, не очень-то хорошаго поведенія былъ этотъ почтенный педагогъ, первый начинатель великаго дѣла воспитанія юношества въ Рафаиловѣ. Школу помѣстили въ одной изъ монастырскихъ келій. Жалованья учителю было положено 10 р. въ годъ и готовое, вмѣстѣ съ учениками, содержаніе на счетъ священно- и церковно-служителей заказа, исключая одежды. Кромѣ этого, онъ получалъ доходы по должности причетника. Въ школу принимались дѣти духовенства ялуторовскаго и рафаиловскаго заказовъ, да кромѣ того прислано было, вѣроятно, за скудоуміе и великовозрастіе, 7 семинаристовъ изъ низшихъ классовъ. Школа эта, какъ и всѣ латинскія заказныя, состояла изъ 4-хъ классовъ: фары, инфимы, грамматики и синтаксимы. Преподаваніе было, повидимому, концентрическое: въ фарѣ учили читать и писать по-латини, въ инфимѣ преподавались главныя правила латинской грамматики, въ грамматикѣ—всѣ этимологическія правила и главныя синтаксиса, въ синтаксимѣ проходился синтаксисъ. Обучались въ фарѣ по „элементарю“, а въ остальныхъ классахъ по „великому альвару“, латинской грамматикѣ Эммануила Альвара, чрезвычайно трудной для пониманія. Дѣти должны были поступать подготовленными дома въ чтеніи и письмѣ по-русски, неумѣющихъ доучивали въ школѣ. Съ 1763 года митрополитомъ Павломъ введено было обученіе школьниковъ нотному пѣнію. Для насъ кажется непонятнымъ, какимъ образомъ Перевитскій, котораго нельзя было безъ „усмотрѣнія“ оставить, могъ достичь какихъ-либо успѣховъ въ школѣ, раздробленной на 4, а считая подготовлявшихся по русской грамотѣ въ школу, и на 5 классовъ, школѣ, состоящей изъ необузданныхъ, недисциплинированныхъ школьниковъ и буяновъ-семинаристовъ, испытавшихъ всѣ прелести тогдашняго семинарскаго быта! А успѣховъ онъ добился: въ 1767 году изъ его школы въ семинарію поступило 7 мальчиковъ, и рафаиловская школа послѣ далматовской (поступило 20 мальч.) и барнаульской (11 мальч.), наравнѣ съ екатеринбургской заняла третье мѣсто.

Но не прошло еще и десяти лѣтъ, какъ митрополитъ замѣтилъ на зданіи просвѣщенія, имъ воздвигаемомъ, весьма и весьма крупныя прорѣхи*).

*) Оказалось, что многіе учителя сами не знали латинскаго языка или знали плохо, да и такіе не вездѣ отыскивались—такъ мало было мало-мальски образованныхъ людей среди сибирскаго

Это заставило митрополита въ 1767 году сдѣлать распоряженіе о закрытіи латинскихъ школъ и замѣнѣ ихъ славяно-русскими, въ которыя велѣно было принимать дѣтей духовнаго званія отъ 5 до 10 лѣтъ и обучать ихъ славянской и русской грамотѣ, пѣнію по нотамъ, письму и катихизису, „въ твердость“ (т. е. наизусть) непремѣнно, а обучившихся этимъ предметамъ отсылать для поступленія въ семинарію. За ходомъ преподаванія и за своевременностью отдачи дѣтей въ школы поручено было слѣдить заказчикамъ. Это благодѣтельное распоряженіе, сбросившее заказныя шко́лы съ схоластической альварной высоты на почву дѣйствительныхъ потребностей, не вездѣ однако-жъ было примѣнено, и рафайловскій учитель Ив. Перевитскій еще въ теченіе двухъ лѣтъ, до 16 мая 1769 года, продолжалъ упитывать своихъ питомцевъ сѣменами Альваровой мудрости, пока вновь прибывшій архіепископъ Варлаамъ не приказалъ закрыть эти школы, а учителей, не имѣвшихъ церковныхъ мѣстъ, съ учениками и латинскими книгами представить ему на усмотрѣніе. Sic transit gloria mundi!

Архіепископъ Варлаамъ закрылъ школы въ полной увѣренности, что духовенство, какъ передовое сословіе въ тогдашней Сибири, само будетъ заботиться о первоначальномъ обученіи своихъ дѣтей. Ошибка его скоро обнаружилась: дѣти оказывались мало обученными грамотѣ, а иногда и совсѣмъ не умѣли ни читать, ни писать. Въ семинарію поступало мало, священно- и церковно-служительскія мѣста пустовали (въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія вакантныхъ мѣстъ по всей епархіи оказалось 425), и вотъ архіепископъ Варлаамъ прибѣгаетъ вновь къ той мѣрѣ, къ которой приступалъ митрополитъ Павелъ: въ 1779 году онъ приказываетъ открыть школы въ монастыряхъ и заказахъ. Духовенство Ялуторовскаго округа еще въ 1776 году хлопотало объ открытіи такой школы. Въ школахъ этихъ должны были обучать азбукѣ, часослову, псалтири, катихизису, первой части ариѳметики, церковному пѣнію, а съ 1786 года и составленію церковныхъ росписей и извлеченію изъ нихъ краткихъ табелей. Такая школа въ Рафаиловомъ монастырѣ открыта была въ 1779 году.

духовенства. Еще труднѣе было отыскать людей, подходящихъ по нравственнымъ качествамъ. Пьянство было обычнымъ явленіемъ. Тагильскій учитель Никитинъ, напримѣръ, несмотря на часто повторяющіеся выговоры и даже тѣлесное наказаніе, не только самъ безобразничалъ, но и „другихъ на худые, христіанству неприличные поступки вкоренившимся въ немъ безстрашіемъ на соблазнъ всему свѣту поощрялъ и паки фуртыжества частовременныя употреблялъ“. Самаровскій учитель „отъ невоздержанія хмѣльнаго питія въ ученіи учениковъ имѣлъ нераченіе, и ученики, по большей части, находились въ праздности“. Такихъ примѣровъ можно бы привести множество, но зачѣмъ перечислять ихъ? Кромѣ этого, многіе учители-священники не имѣли времени заниматься въ школѣ по своимъ прямымъ обязанностямъ. Недостатокъ учебниковъ и незнаніе латинскаго языка самими заказчиками, обязанными слѣдить за преподаваніемъ, также дурно отзывались на школьномъ дѣлѣ.

Принимались въ эту школу дѣти отъ 7 и болѣе лѣтъ, сюда же присылались и неуспѣвающіе семинаристы. На квартиру, отопленіе, освѣщеніе школы и на покупку письменныхъ принадлежностей для учениковъ собирались деньги со всего заказа. Плата учителю за обученіе азбукѣ полагалась по 30 коп. съ ученика, за обученіе часослову—50 коп., псалтири, письму и первой части ариѳметики—1 руб., нотному пѣнію—2 руб. Первымъ учителемъ этой школы былъ дьяконъ Кальвиновскій, который самъ ѣздилъ по округу собирать дѣтей въ школу.

Учебный день начиная въ 6 ч. утра. Прочитывали всѣ утреннія молитвы, и школьники садились по мѣстамъ; сначала повторяли пройденное, а затѣмъ каждому задавался новый урокъ, который каждый ученикъ тутъ же и училъ. Къ 11 часамъ учитель успѣвалъ спросить всѣхъ учениковъ и до 12 ч. отпускалъ ихъ обѣдать. Послѣ обѣда дѣти вновь являлись въ школу и до 6 часовъ учили заданные „урки“, послѣ чего отпускались ужинать. Послѣ ужина дѣти снова являлись въ школу и занимались до 8 часовъ и затѣмъ только освобождались отъ занятій. По окончаніи недѣли учитель спрашивалъ все пройденное за недѣлю. Современный педагогъ, просматривоя эту таблицу занятій, безъ сомнѣнія, будетъ пораженъ тѣмъ количествомъ труда, какимъ обременены были дѣти и учитель; но если мы примемъ во вниманіе, что, при отсутствіи педагогическихъ методовъ, выработанныхъ путемъ опыта и изученія физической и психической природы человѣка, учитель выбиралъ самый простѣйшій, „отсюда-досюда“, то трудъ учителя упадаетъ до простого спрашиванія учениковъ, а трудъ учащихся—до степени простой долбяжки, которая, хотя и утомительнѣе была благотворной работы мозга, но скорѣе притупляла, чѣмъ развивала умъ учащихся. Гуманность въ прежнемъ воспитаніи тоже не играла особенно выдающейся роли: оскорбительныя прозвища и ругачки, щелчки и щипки, благодѣтельная линейка и пр. считались необходимыми аттрибутами школьной обстановки, и надъ ними возвышалось самое благодѣтельное средство, которое до сихъ поръ еще остается въ памяти стариковъ подъ гастрономическимъ именемъ „березовой каши“. Неизвѣстно, злоупотреблялъ ли дьяконъ Кальвиновскій этимъ всемогущимъ воспитательнымъ средствомъ, но преемникъ его Дм. Капустинъ, повидимому, на розгѣ построилъ всю свою педагогическую систему. Этотъ почтенный педагогъ довелъ одного изъ учениковъ своихъ Як. Жельницкаго, двадцатилѣтняго юношу, до того, что тотъ утопился: онъ сѣкъ Желницкаго въ теченіе 3-хъ дней по 8 разъ въ день. Обвиненный въ кражѣ 6 р. 80 к. Желницкій, подъ вліяніемъ порки, сознался въ своемъ пре-

ступленіи и въ одномъ бѣльѣ, въ сопровожденіи двухъ товарищей-караульныхъ, отправился отыскивать будто бы спрятанныя въ снѣжномъ сугробѣ деньги, но дорогой бѣжалъ: 4 версты гнались за нимъ его преслѣдователи, пока Желницкій, добѣжавъ до рѣки, не бросился въ прорубь. Бѣгство учениковъ изъ школы было, кажется, явленіемъ обыкновеннымъ; одинъ изъ учениковъ убѣжалъ даже къ архіерею и здѣсь жаловался на учителя. Въ 1790 году, наконецъ, Капустина убрали, назначивъ на его мѣсто дьякона Як. Шмотина, а въ помощь ему іеромонаха Іоасафа и дьячка Ив. Кузнецова.

Кромѣ этой школы, съ разрѣшенія архіепископа, съ 1782 года въ виду дальности разстоянія округа отъ Тобольска и трудности доставленія дѣтямъ съѣстныхъ припасовъ, существовала еще и другая школа, латинская, съ ея фарой, инфимой etc. элементаремъ и великимъ альваромъ. Учителемъ этой школы состоялъ казначей монастыря іеромонахъ Троадій. Духовенство за фару платило ему 30 р. въ годъ, за слѣдующіе же классы обѣщало прибавить. Черезъ полгода послѣ открытія школы учениковъ въ ней было уже 25 чел. Ученики обѣихъ школъ жили отчасти въ самомъ монастырѣ, а больше—въ селѣ по квартирамъ. Квартировали и по одному, и группами отъ двухъ до семнадцати человѣкъ, съ платою въ мѣсяцъ отъ 55 до 70 коп.; но не всѣ жили со столомъ: отцы нѣкоторыхъ сами доставляли своимъ дѣтямъ съѣстные припасы и, такимъ образомъ, платили только за квартиру, стирку бѣлья и приготовленіе кушаній по 10—15 коп. въ мѣсяцъ.

Школы эти существовали до 1803 года, когда при Тобольской семинаріи и при монастыряхъ стали устраиваться русскія училища, реформированныя по проекту Арсенія, митрополита Новгородскаго. Онѣ состояли изъ 3-хъ классовъ, съ пятигодичнымъ курсомъ. Въ нихъ преподавалось церковное и гражданское чтеніе, пѣніе обиходное, краткая русская грамматика (1-й одногодичный классъ); краткая священная исторія, краткая всеобщая и русская исторія и географія (2-й двухгодичный классъ); краткая логика и риторика, о должностяхъ человѣка и гражданина, пространный катихизисъ, о должностяхъ пресвитеровъ церковныхъ, руководство къ чтенію священнаго писанія и уставъ духовный съ практикой церковной (3-й двухгодичный классъ). Въ Рафаиловскомъ монастырѣ, однако-жъ, такого училища не открыли, и ялуторовское духовенство обязалось посылать дѣтей своихъ въ семинарское училище, лучшее и многолюднѣйшее во всей епархіи.

(Продолженіе будетъ).

См. об участи и устройстве школ в г. Ялуторовске Декабристки и. Ф. Якушкина. (стр. 15 и далее)

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ
ВЪ Г. ЯЛУТОРОВСКѢ
И
ЯЛУТОРОВСКОМЪ ОКРУГѢ, ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

ЧАСТЬ I.
ИСТОРІЯ ЯЛУТОРОВСКИХЪ ШКОЛЪ.

Паки не малая пакость крестьянамъ чинится и оттого, что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ... Я чаю, не худо бы такъ учинить, чтобы не было и въ малой деревнѣ неграмотнаго человѣка, и положить крѣпкое опредѣленіе, чтобы безотложно дѣтей своихъ отдавали учить грамотѣ.

Посошковъ.

Мы удостовѣрены, что всѣ вѣрноподданные примутъ дѣятельное участіе въ сихъ заведеніяхъ, для пользы общей и каждаго учреждаемыхъ, и тѣмъ самымъ будутъ споспѣшествовать Нашимъ попеченіямъ о семъ предметѣ, толико важномъ и толико сердцу Нашему любезномъ.

(Высочайшій Указъ, данный 24 января 1803 года).

(Продолженіе).

Глава ІІІ. Ялуторовское уѣздное двухклассное училище.

Въ 1782 году Ялуторовскій острогъ былъ преобразованъ въ городъ и поставленъ во главѣ управленія округомъ. Къ этому же времени относится и учрежденіе народныхъ училищъ.

Екатерина Великая глубже своихъ предшественниковъ взглянула на дѣло народнаго образованія, отлично понимая, что образованіе необходимо такъ же и простому народу, какъ и высшимъ классамъ и духовенству. Она видѣла также, что недостаточно цифирныхъ, навигацкихъ и геодезическихъ школъ, осно-

(Из Епархиальн. Тобольского Губ. Музея 1894 г. Вып. II.) Тобольск.

ванныхъ Великимъ Преобразователемъ и уже успѣвшихъ пасть за время управленія императрицъ и герцога-регента. Точно также и въ духовныхъ школахъ того времени съ ихъ схоластической мудростью не могла она видѣть залога для преуспѣянія великаго дѣла просвѣщенія націи, потопающей въ невѣжествѣ: обновить духъ народа она находила возможнымъ лишь образованіемъ общимъ, возвышающимъ душу и очищающимъ нравственныя понятія. Справедливо вполнѣ восклицали поэты ея времени:

Петръ Россамъ далъ тѣла,
Екатерина—душу.

Система задуманныхъ ею училищъ была такова. Въ уѣздныхъ городахъ и большихъ селеніяхъ должны были открыться малыя народныя училища, имѣющія два класса. Въ первомъ классѣ преподавалось чтеніе, письмо, изученіе цифръ арабскихъ, славянскихъ и римскихъ, первоначальныя правила русской грамматики, сокращенный катихизисъ и священная исторія; во второмъ классѣ—пространный катихизисъ, но безъ доказательствъ изъ священнаго писанія, чтеніе „Книги о должностяхъ человѣка и гражданина“, вся ариѳметика, первоначальныя правила русской грамматики, и повторялась священная исторія. Въ губернскихъ и большихъ уѣздныхъ городахъ открывались главныя народныя училища. Въ первыхъ двухъ классахъ этихъ училищъ проходилось то же, что и въ малыхъ, только вмѣсто всей ариѳметики проходилась первая ея часть, а взамѣнъ второй части преподавались языки: латинскій и „сосѣдственный“; въ третьемъ классѣ—пространный катихизисъ съ доказательствами, изъясненіе евангелій, вторая часть ариѳметики, русская грамматика, всеобщая исторія и географія и каллиграфія; въ четвертомъ классѣ предметы эти пополнялись основаніемъ геометріи, механики, физики, естественной исторіи, архитектурой и рисованіемъ. При преподаваніи введена была новая метода, которая вносила живость и наглядность и возбуждала самодѣятельность учащихся. О содержаніи этихъ училищъ должны были заботиться приказы общественнаго призрѣнія и сами города, которымъ Екатериною дарованы были значительныя льготы.

Въ 1789 г. послѣдовало въ Тобольскѣ открытіе главнаго, а въ Тюмени, Туринскѣ и Тарѣ—малыхъ училищъ. Средства Ялуторовска въ это время были крайне скудны: съ 1785-го по 1790 годъ въ приходѣ Ялуторовска не значится ни копейки, и только въ 1790-мъ г. поступило 130 р. 91 к., да въ 1792 г.—93 р. 41 к., но эти деньги въ тѣ же годы и расходовались на общественныя нужды. На такія средства не представлялось никакой возможности содержать училище, и Ялуторовскъ безъ него и остался.

Нельзя однакоже сказать, чтобы дѣти ялуторовцевъ оставались безграмотными: частныхъ учителей было много: дьячекъ, отставной солдатъ, выгнанный со службы приказный, а иногда и женщины,—всѣ находили себѣ кусокъ хлѣба въ этомъ занятіи. Мы имѣемъ много архивныхъ данныхъ о существованіи такихъ учителей, и впослѣдствіи съ ними немало пришлось бороться училищному начальству, яро приверженному къ новымъ методамъ, съ которыми частные учителя не были знакомы*). Въ 1804 году въ Ялуторовскъ прибылъ „ссылочный“ малороссійскій шляхтичъ Игнатій Осиповичъ Ольшевскій, уроженецъ Родомысльскаго уѣзда Кіевской губерніи, и занялся обученіемъ дѣтей чтенію, письму, грамматикѣ, ариѳметикѣ и Закону Божію. Дѣло у него шло прекрасно, такъ какъ по образованію своему онъ былъ головою выше своихъ коллегъ-самоучекъ. Учениковъ было много, и онъ былъ любимъ какъ учениками, такъ и ихъ родителями, и получилъ отъ нихъ много одобрительныхъ свидѣтельствъ. Учебное начальство также съ уваженіемъ относилось къ почтенной дѣятельности пришельца-педагога: директоръ училищъ баронъ Эйбенъ, а впослѣдствіи, уже въ Курганѣ, и его преемникъ Набережнинъ—выдали ему лестные аттестаты; имѣлъ онъ также аттестаты и отъ курганскихъ смотрителя и учителей. Кромѣ похвальныхъ аттестатовъ, данныхъ Ольшевскому за дѣятельность въ Ялуторовскѣ барономъ Эйбеномъ и мѣстнымъ обществомъ горожанъ и чиновничествомъ, мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ другихъ данныхъ о занятіяхъ Ольшевскаго, но зато о курганской его дѣятельности мы нашли кое-какія данныя въ курганскомъ училищномъ архивѣ. Когда открылось курганское уѣздное училище (въ 1817 г.), то, благодаря дѣятельности Ольшевскаго, явилась возможность открыть оба класса, и во второй классъ поступили ученики Ольшевскаго, съ довольно хорошимъ успѣхомъ подготовленные по Закону Божію, грамматикѣ, ариѳметикѣ и правописанію(?). Въ первый же годъ существованія уѣзднаго училища смотритель Сосуновъ пожелалъ удостовѣриться въ справедливости мѣстныхъ объ Ольшевскомъ отзывовъ. Онъ отправился въ квартиру Ольшевскаго и нашелъ его занимающимся съ дѣтьми „высокоблагородными, благородными и прочихъ сословій“, въ томъ числѣ и съ двумя своими дочерьми. Сосуновъ замѣтилъ „исправный методъ“ учителя и примѣрные успѣхи учащихся и, пригласивъ городничаго, чиновниковъ, гражданъ и родителей учениковъ, произвелъ испытаніе, и къ общему удовольствію присутствующихъ дѣти оказали „изрядные“ успѣхи. „Труды Ольшевскаго и нашелъ его занимающимся съ дѣтьми „высокоблагородными, благородными и прочихъ сословій“, въ томъ числѣ и съ двумя своими дочерьми. Сосуновъ замѣтилъ „исправный методъ“ учителя и примѣрные успѣхи учащихся и, пригласивъ городничаго, чиновниковъ, гражданъ и родителей учениковъ, произвелъ испытаніе, и къ общему удовольствію присутствующихъ дѣти оказали „изрядные“ успѣхи. „Труды Ольшевскаго и нашелъ его занимающимся съ дѣтьми „высокоблагородными, благородными и прочихъ сословій“, въ томъ числѣ и съ двумя своими дочерьми. Сосуновъ замѣтилъ „исправный методъ“ учителя и примѣрные успѣхи учащихся и, пригласивъ городничаго, чиновниковъ, гражданъ и родителей учениковъ, произвелъ испытаніе, и къ общему удовольствію присутствующихъ дѣти оказали „изрядные“ успѣхи. „Труды Оль-

*) Подробнѣе о нихъ будетъ сказано въ другомъ моемъ сочиненіи. Авт.

весьма значительныя суммы и, наконецъ, много разъ избирался депутатомъ отъ города по разнымъ дѣламъ,—всѣ эти обязанности онъ исполнялъ съ пользой для города и общества. По образованію своему онъ, безъ сомнѣнія, стоялъ выше купцовъ и мѣщанъ того времени. Въ архивѣ тобольской гимназіи мы нашли бумагу, собственноручно писанную Быковымъ: почеркъ, орѳографія, правильность и отчетливая ясность въ изложеніи мыслей свидѣтельствуютъ объ его начитанности и значительномъ образованіи, котораго онъ достигъ, можетъ-быть, собственными тяжелыми усиліями. За свои пожертвованія онъ награжденъ былъ серебряной медалью на Владимірской лентѣ для ношенія на шеѣ, съ надписью: „за полезное.“

21 октября 1817 года, черезъ полтораста лѣтъ послѣ основанія города, происходило торжественное открытіе уѣзднаго училища. Послѣ обѣдни все городское духовенство, въ сопровожденіи учениковъ съ директоромъ и смотрителемъ во главѣ, дворянъ, чиновниковъ и гражданъ, крестнымъ ходомъ отправилось во вновь устроенное мѣщаниномъ Быковымъ училищное зданіе, и здѣсь былъ отслуженъ молебенъ. При провозглашеніи многолѣтія царствовавшему Императору было сдѣлано 11 пушечныхъ выстрѣловъ. Послѣ молебна смотритель прочелъ данное директору училищъ отъ казанскаго университетскаго совѣта предписаніе объ открытіи училищъ, а директоръ—статьи устава, относящіяся къ уѣзднымъ училищамъ. Затѣмъ говорились привѣтственныя и благодарственныя рѣчи самимъ смотрителемъ и учениками. Между рѣчами производилось ученикамъ, которыхъ собралось 26 чел., преподаваніе разныхъ предметовъ. Торжество закончилось пѣніемъ пѣсни: „Тебе, Бога, хвалимъ“, и всѣ были приглашены на завтракъ къ благотворителю училища Быкову. Между присутствующими открыта была подписка въ пользу приходскаго училища, которая и дала 105 р. Нѣкоторые жертвовали книги, географическія карты, портреты Государя Императора, а смотритель Лепехинъ пожертвовалъ электрическую машину. На первый разъ открылся одинъ первый классъ съ 30 учениками. (Когда открылся приходскій классъ, мы не могли найти въ архивѣ гимназіи. Надо думать,—въ этомъ же году, или въ слѣдующемъ, или ужъ въ крайнемъ случаѣ—въ 1819, такъ какъ при посѣщеніи училища Словцовымъ въ 1820 г. онъ уже существовалъ). Вечеромъ весь училищный домъ былъ иллюминованъ, и передъ окнами были выставлены 3 прозрачныхъ щита изъ разноцвѣтныхъ стеколъ съ вензелевыми иниціалами Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Ялуторовское уѣздное училище открыто было по уставу 1804 года. Измѣненія, совершившіяся въ курсѣ екатерининскихъ

училищъ, были весьма значительны. По уставу 1804 года становилось обязательнымъ имѣть въ каждомъ городѣ хотя одно уѣздное училище, предназначавшееся, какъ видно изъ самаго названія, для цѣлаго уѣзда, въ меньшихъ же единицахъ-приходахъ должны были открываться приготовительныя училища: приходскія (по тому же уставу), церковно-приходскія (съ 1805 г.), волостныя (съ 1830 г.) и удѣльнаго вѣдомства (съ 1832 г.). Всѣ эти училища сливались въ одну довольно стройную систему: приходскія училища, давая болѣе или менѣе законченныя знанія, въ то же время служили и первою ступенью для поступленія въ уѣздныя училища, а окончившіе курсъ въ уѣздномъ могли поступать въ гимназію. Уѣздныя училища попрежнему состояли изъ двухъ классовъ, и преподаваніе было классное, но курсъ былъ значительно увеличенъ, введены были новые предметы, какъ-то: географія и исторія всеобщая и русская, начальныя правила геометріи, физики, естественной исторіи и технологіи, имѣющей отношеніе къ мѣстной промышленности. Преподавателей было два, и одинъ изъ нихъ былъ и смотрителемъ училища. Жалованья смотрителю положено было 400 руб., учителямъ по 300 руб. и, кромѣ того, имъ добавочныхъ за преподаваніе Закона Божія и рисованія по 100 р. Первымъ смотрителемъ училища былъ Лепехинъ, окончившій курсъ въ Тобольской семинаріи и бывшій до того учителемъ тюменскаго малаго народнаго училища, а первымъ учителемъ 1-го класса—Васильевъ, семнадцатилѣтній юноша, только что окончившій тобольскую гимназію. Преподавать Законъ Божій поручено было Васильеву, а рисованіе—Лепехину. Учиться рисованію пожелало 15 человѣкъ.

Преподаваніе по описываемой программѣ происходило лишь до 1819 года. Въ этомъ году изъ курса училищъ были исключены начальныя правила естественной исторіи и технологіи, а также и изученіе „Книги о должностяхъ человѣка и гражданина“ замѣнено чтеніемъ св. писанія. Со вступленіемъ въ должность попечителя казанскаго университетскаго округа, къ которому относилась тогда Сибирь, знаменитаго Магницкаго, послѣдовало множество мѣръ, измѣняющихъ характеръ низшаго образованія. Въ 1819 году предписано за полчаса до начала уроковъ, а въ праздники до обѣдни, прочитывать главу изъ св. Евангелія. Съ 1820 года при чтеніи св. писанія обязывались присутствовать дежурные учителя, а также посѣщать обѣдни; нерадивыхъ въ этомъ отношеніи предписано было заносить въ дежурную книгу и доносить о нихъ директору университета, а при составленіи формулярныхъ списковъ обращать особенное вниманіе на религіозность учителей. При чтеніи св. писанія учителя обязывались ограничи-

ваться прочтеніемъ текста, безъ всякаго объясненія прочитаннаго, а съ 1826 года учителя, при прохожденіи исторіи, обязывались дѣянія и характеры лицъ историческихъ сравнивать съ примѣрами изъ библіи, миней и твореній св. отцевъ. Въ 1823 году предписано передъ началомъ и концомъ ученія служить молебны въ храмахъ съ водоосвященіемъ. Въ 1820 году велѣно дарить ученикамъ въ хорошемъ переплетѣ экземпляръ св. Евангелія и „О подражаніи Христу.“ Въ дѣлѣ преподаванія другихъ предметовъ произошли слѣдующія перемѣны: въ 1821 году предписано усилить преподаваніе математики и физики, а въ 1827 году—обращать особенное вниманіе на преподаваніе славянскаго языка (и въ Ялуторовскомъ уѣздномъ училищѣ въ 1-мъ классѣ введено было преподаваніе славянскаго языка, а во 2-мъ—чтеніе и письмо на латинскомъ языкѣ, всеобщая исторія[?] и геометрія[?]). Старые учебники были замѣнены новыми: вмѣсто катихизиса Платона введенъ катихизисъ Филарета и начатки христіанскаго ученія, введена грамматика Востокова (въ 1831 г.), ариѳметика и геометрія Буссе и курсъ линейнаго рисованія Франкера, исторія же преподавалась, вѣроятно, по Кайданову, а географія—по Арсеньеву.

Для сужденія о результатахъ ученія за этотъ періодъ мы не имѣемъ другихъ данныхъ, кромѣ отзывовъ ревизоровъ и оцѣнки ученическихъ познаній на публичныхъ испытаніяхъ, производившихся всѣмъ ялуторовскимъ обществомъ. Первыя пять лѣтъ дѣло обученія шло, повидимому, довольно плохо. Учитель 1-го класса Васильевъ, какъ уже выше было сказано, семнадцатилѣтній юноша, только что сошедшій съ гимназической скамьи, не могъ, по своей молодости, имѣть воспитательнаго авторитета среди учениковъ, изъ которыхъ нѣкоторые были, можетъ-быть, и старше его. Кромѣ этого препятствія, было и другое: въ первый годъ существованія училища ему пришлось обучать нѣкоторыхъ учениковъ первоначальной грамотѣ (съ хорошей подготовкой тогда могли поступить немногіе), и такимъ образомъ проходилось два курса: приготовительный и 1-го класса. Немало способствовало плохой постановкѣ дѣла и слабое здоровье учителя,—Васильевъ 6 сентября 1821 года умеръ. Подъ руководствомъ его плохо шло также и преподаваніе Закона Божія. Ученики, плохо подготовленные за 1-й классъ, не могли, разумѣется, успѣвать и во второмъ, хотя бы и при столь опытномъ учителѣ, какимъ былъ Лепехинъ. Директоръ гимназіи Протопоповъ, посѣтившій училище въ 1820 году, нашелъ успѣхи учениковъ 1-го класса, а также и все училище, въ Законѣ Божіемъ слабыми, а успѣхи учениковъ 2-го класса—посредственными. П. А. Словцовъ, визитаторъ сибирскихъ училищъ, извѣстный сибирскій

историкъ, болѣе подробно говоритъ о состояніи училищъ: ученики приходскаго класса, по его свидѣтельству, не выговариваютъ должнымъ образомъ буквъ, ученики 1-го класса дурно читаютъ и не могутъ выговаривать большихъ чиселъ, во 2-мъ же классѣ совсѣмъ не проходятъ грамматику. Въ слѣдующіе годы замѣтно повышеніе успѣшности, и отзывы публики на экзаменахъ: „успѣхи довольно удовлетворительны“ смѣняются болѣе теплыми, въ родѣ слѣдующаго: „успѣхи учениковъ вызвали горячее одобреніе публики.“ Словцовъ въ 1822 году снова ревизовалъ училище и нашелъ во 2-мъ классѣ успѣхи въ русской грамматикѣ, ариѳметикѣ, математической и всеобщей географіи—полные; въ русской исторіи и географіи, а также и физикѣ—совершенные; рисунки и прописи не у всѣхъ хорошіе, но зато въ 1-мъ классѣ (а въ Законѣ Божіемъ и во 2-мъ кл.),—попрежнему малые. Причиною этого, какъ намъ кажется, могла служить и постоянная смѣна учителей 1-го класса: по смерти Васильева свящ. Емельяновъ пробылъ учителемъ лишь годъ, послѣ него Тихоновъ прослужилъ тоже годъ, далѣе Дьяконовъ, старшій ученикъ 2-го класса того же училища,—2 года, и лишь Тюменцовъ и Лукинъ служили болѣе продолжительное время. Отдѣльные законоучители стали назначаться съ 1820 года и также служили по 2—3 года. Къ концу своего двадцатилѣтняго почти существованія училище стало, повидимому, на болѣе прочную почву, и успѣшность учениковъ достигла, кажется, болѣе приличныхъ размѣровъ,—по крайней мѣрѣ отзывы ревизоровъ измѣнились къ лучшему. Въ 1832 году директоръ высказалъ свое одобреніе училищу, въ 1834 году посѣтилъ училище Мусинъ-Пушкинъ и училищемъ остался доволенъ. Генералъ-губернаторы Сулима (въ 1835 г.) и князь Горчаковъ (въ 1836 г.) разсматривали опыты учениковъ въ рисованіи и письмѣ и благодарили какъ учителей, такъ и учениковъ за успѣхи. Приготовительный классъ за все свое существованіе не отличался особенной успѣшностью, скажемъ болѣе: учебное дѣло шло въ немъ плохо. Причина этого заключалась въ самой организаціи класса. Учителю по штату не полагалось никакого жалованья, и классъ содержался на доброхотныя жертвы гражданъ, а жертвы эти—на перечетъ: 800 рублей, пожертвованные Быковымъ, и 105 руб., собранные при открытіи училища, больше пожертвованій на приходскій классъ не было. Отпускалъ ли городъ хотя бы ничтожную, но постоянную сумму, мы не знаемъ, извѣстно только, что Аргольду онъ отказалъ въ пособіи. Очень можетъ быть, что въ тогдашнее неприхотливое время учитель жилъ исключительно на подарки учениковъ, да смотритель училищъ могъ давать на пособіе изъ училищныхъ сбереженій. Неизвѣстно даже,

*

кто до 30-го года состоялъ учителемъ этого класса: были ли то мѣстные церковники или учителя 1-го класса. Къ послѣднему предположенію приводитъ насъ то обстоятельство, что послѣдній учитель 1-го класса П. А. Лукинъ былъ въ то же время и учителемъ приготовительнаго класса. Если это такъ, то преподаваніе въ приходскомъ и 1-мъ классѣ и не могло итти хорошо: при постоянныхъ перемѣнахъ учителей заниматься съ двумя классами было почти невозможно.

О внутренней жизни училища за этотъ періодъ мы нашли у К. М. Голодникова*), бывшаго съ 1839 г. учителемъ Ялуторовскаго уѣзднаго училища, нѣсколько строкъ въ его рукописи „Сорокъ лѣтъ назадъ.“ „Въ училищѣ не было опредѣленнаго для занятій времени: смотритель и учителя приходили въ училище, когда имъ вздумается, и иногда въ столь нетрезвомъ видѣ, что едва держались на ногахъ. Отъ такихъ менторовъ ученикамъ, разумѣется, порядочно доставалось: розги и оплеухи раздавались ими щедрой рукой. Примѣръ такой неурядицы свыше отражался и на училищной прислугѣ: классный сторожъ нерѣдко, втершись въ толпу учениковъ съ намѣреніемъ будто бы остановить ихъ отъ шалостей, давалъ кому щелчекъ, кому подзатыльникъ. Бѣдные и скромные ученики, конечно, молчали, но дѣти богатыхъ и вліятельныхъ личностей толпой въ свою очередь нападали на него, щипали, кусали, а одинъ разъ, говорятъ, даже высѣкли его свѣжей крапивой. Разумѣется, у сторожа достало бы силы разбросать десятокъ-другой ребятишекъ, но онъ имѣлъ свои разсчеты позволить имъ иногда потѣшаться надъ собою. Какъ скоро оканчивалась подобная операція, онъ приказывалъ бѣднѣйшему и непринимавшему участія въ схваткѣ ученику записать фамиліи буяновъ. Мальчики, боясь за ослушаніе сторожа учительскаго наказанія, составляли списокъ. Когда приходилъ учитель, списокъ этотъ подавался ему, и начиналась порка. Впрочемъ, иногда перепуганные ребята съ мольбой просили у сторожа мира, и тотъ иногда милостиво соглашался, разумѣется, на выгодныхъ для себя условіяхъ.“ Таковы были условія жизни училища, при дореформенномъ его существованіи.

Но если о чемъ слѣдуетъ съ любовью вспомянуть изъ этихъ тяжелыхъ временъ, такъ это о публичныхъ испытаніяхъ и актахъ,—прекрасномъ обычаѣ того времени. На этихъ актахъ собиралось городское общество и родители учащихся, интересующіеся

*) Онъ разсказываетъ со словъ своихъ сослуживцевъ, въ 1836 году пріѣхавшихъ на службу и заставшихъ свѣжіе слѣды прежнихъ дореформенныхъ порядковъ.

успѣхами своихъ дѣтей. Посредствомъ публичныхъ испытаній общество имѣло возможность слѣдить за успѣхами школы, и здѣсь завязывалась та благодѣтельная связь между обществомъ и школой, безъ которой едва ли возможно ея прочное вліяніе. Эти акты сослужили еще и другую службу: собравшіеся граждане устраивали въ пользу школы подписку, которая являлась хорошей поддержкой при скудныхъ средствахъ училища, и эти частныя пожертвованія достигали иногда почтенныхъ размѣровъ. При открытіи училища было пожертвовано на приходское училище 105 р., на нужды уѣзднаго училища въ слѣдующемъ году — 46 р., въ 1820 году—102 р. Въ 1822 году принесено въ даръ училищу почетнымъ смотрителемъ Васильевымъ 150 р. и имъ же пожертвовано на 115 рублей книгъ для раздачи учащимся; въ 1824 году собрано при испытаніяхъ 85 р., въ 1825—50 р., въ 1827 г.—27 р., въ 1828 г.—102 р., въ 1829 г.—66 руб., въ 1830 г.—89 р. и въ 1832 г.—46 рублей. Кромѣ денегъ, на публичныхъ испытаніяхъ жертвовались книги, географическія карты, глобусы, картины, портреты, и такимъ образомъ созидались библіотека и отдѣлъ учебныхъ пособій. Въ день открытія училища генералъ-лейтенантъ Богдановъ пожертвовалъ портретъ Государя Императора, коллежскій совѣтникъ Боровскій—3 книги, смотритель училища Лепехинъ—карту Россійской Имперіи и электрическую машину; въ 1818 году книгами было пожертвовано 30 экземпляровъ, въ 1822 году почетный смотритель Васильевъ пожертвовалъ картину, изображающую всѣхъ государей Россіи; въ 1823 году было пожертвовано 24 книги, а въ 1824 г.—3. Въ 1829 году мѣщанинъ Теленниковъ пожертвовалъ коллекцію камней, заключающую въ себѣ 55 экземпляровъ горныхъ породъ. Съ этого же года начинается выписка книгъ и на средства училища. Вотъ каковъ былъ первый выборъ книгъ: „Курсъ теоретико-практическій языка французскаго, соч. Краузе“, „Торжество открытія общества любителей отечественной словесности въ Казани“ и „Казанскій Вѣстникъ“. Слѣдующія за этимъ пріобрѣтенія заключались въ выпискѣ книгъ отъ 2 до 7 экз. Столь слабое развитіе библіотеки, помимо недостатка средствъ, зависѣло и отъ самаго способа выписки. Распространеніемъ книгъ былъ занятъ магазинъ при департаментѣ министерства народнаго просвѣщенія; онъ имѣлъ свои отдѣленія въ университетскихъ городахъ, а эти въ свою очередь въ нѣкоторыхъ губернскихъ:—такое отдѣленіе было и при тобольской гимназіи. Благодаря такому порядку, департаментскія и университетскія изданія, по рекомендаціи начальства, продавались быстрѣе въ ущербъ умственнымъ интересамъ училища, и такимъ образомъ сочиненія Ломоносова, Державина, Фон-

визина, Крылова, Хемницера, Хераскова, Богдановича и др. трудно было отыскать въ училищныхъ библіотекахъ, но зато на ихъ полкахъ красовался „Казанскій Вѣстникъ“. Кромѣ того, выписываемыя книги, путешествуя по этимъ торговымъ инстанціямъ, значительно повышались и въ цѣнѣ. Этотъ порядокъ продолжался, впрочемъ, лишь до 1832 года. Съ этого времени на каждое училище на выписку книгъ стали отпускать по 200 руб. въ годъ, и книги, выписывались уже самостоятельно. Ко дню преобразованія училища въ фундаментальной библіотекѣ училища состояло книгъ въ 306 переплетахъ на сумму 882 руб. Продажная библіотека временами достигала значительныхъ оборотовъ, такъ въ 1828 году, напримѣръ, она состояла изъ 284 экзем., присланныхъ для распродажи тобольской гимназіей.

Въ первый годъ своего существованія училище насчитывало 30 учениковъ, и это обѣщало, повидимому, въ будущемъ значительную численность, но, къ сожалѣнію, это не оправдалось, и число учениковъ до 1822 года осталось почти то же или если и повышалось, то незначительно. Наиболѣе людным училище было между 1822 (89 уч.) и 1826 годами, когда, по приказанію губернатора, въ училищѣ обучалось много крестьянскихъ дѣтей на счетъ своихъ сельскихъ обществъ, съ цѣлію приготовить ихъ къ писарскимъ должностямъ; при этомъ достаточно будетъ упомянуть, что однихъ поступившихъ въ 1822 году было 77 человѣкъ. Съ отмѣною этого распоряженія въ 1829 г. и число учащихся упало сначала до 50 уч., а затѣмъ и меньше, хотя къ концу существованія училища, въ 1833 и 1834 годахъ, число учащихся снова достигло до 50, а въ 1835 году ихъ было 43. Но, несмотря на это обиліе учащихся, число окончившихъ курсъ было ничтожно и не превышало семи, и только въ 1825 г. ихъ было 17 челов. Во всѣ эти вычисленія входятъ, вѣроятно, и учащіеся приготовительнаго класса, такъ какъ отдѣльныхъ свѣдѣній о нихъ мы не могли отыскать въ архивѣ.

Глава IV. Училища съ 1836 по 1862 годъ.

16-го августа 1836 года ялуторовское уѣздное училище было преобразовано по уставу 1828 года. Этимъ уставомъ уѣздныя училища снова подверглись весьма значительнымъ преобразованіямъ. Вмѣсто 2-хъ классовъ было открыто 3, и классная система преподаванія была замѣнена предметной. Вмѣсто двухъ учителей было назначено пять: одинъ преподавалъ русскій языкъ, другой—ариѳметику и геометрію, третій—исторію и географію, четвертый—чистописаніе, черченіе и рисованіе; кромѣ того, полагался отдѣльный законоучитель-священникъ и штатный смотритель, обыкновенно назначаемый изъ лучшихъ и опытныхъ учителей. Кромѣ предметовъ, поименованныхъ выше, дозволено было преподавать по вечерамъ окончившимъ курсъ формы дѣлопроизводства, относящіяся къ торговлѣ, основанія коммерческихъ наукъ, механики, технологіи, важнѣйшія правила архитектуры и, наконецъ, сельское хозяйство, но въ ялуторовскомъ уѣздномъ училищѣ ни одинъ изъ этихъ дополнительныхъ предметовъ не преподавался. Уроки, попрежнему, остались полутора-часовые, и потому занятія были утреннія и вечернія. Публичныя испытанія замѣняются съ этого времени торжественными актами, испытанія же производятся самими учителями. Хозяйственное управленіе сосредоточено въ рукахъ смотрителя, но подъ контролемъ учителей, до введенія въ 1865 г. единства кассы; въ его же рукахъ хранились и училищныя суммы. Учителямъ увеличено жалованье. Всѣ эти измѣненія въ Россіи послѣдовали сейчасъ же послѣ изданія Высочайше утвержденнаго устава 8 декабря 1828 года, но ялуторовское училище, какъ и всѣ другія сибирскія, преобразовано было лишь въ 1836 году. Причиною тому было, какъ объяснялъ министръ народнаго просвѣщенія, состояніе государственныхъ доходовъ.

Учителями были назначены только что окончившіе курсъ воспитанники тобольской гимназіи: Михалевъ—русскаго языка, А. Л. Жилинъ—ариѳметики и геометріи, Ф. Е. Кирьяновъ—исторіи, географіи и искусствъ. Законоучителемъ въ это время состоялъ молодой протоіерей Ст. Богородицкій, окончившій московскую духовную академію; вскорѣ, черезъ годъ, его замѣнилъ тоже молодой протоіерей Ст. Знаменскій, глубоко сочувствующій дѣлу народнаго образованія. Всѣ эти молодыя силы не по-казенному, безъ сомнѣнія, взглянули на свое высокое призваніе и хотя, плохо обезпеченные матеріально, часто нуждались въ самомъ необходимомъ, но тѣмъ не менѣе не только дѣлали свое дѣло съ тѣмъ рвеніемъ, какого оно заслуживало, но много сдѣлали для своего самообразованія, а нѣкоторые занимались и литературой. Въ 1839-мъ году въ Ялуторовскъ присланы были декабристы: Муравьевъ-Апостолъ, Оболенскій, Якушкинъ, Ентальцевы, Пущинъ, Басаргинъ и Тизенгаузенъ. Учителя уѣзднаго училища посѣщали ихъ и, безъ сомнѣнія, многимъ были имъ обязаны: такъ Жилинъ изучилъ здѣсь высшую математику, Голодниковъ—новые языки, а въ 1843 году, подъ руководствомъ Муравьева-Апостола, составилъ историко-статистич. обозрѣніе Ялуторовскаго округа.

Приготовительный классъ, какъ мы видѣли изъ предыдущей главы, влачилъ жалкое существованіе, съ преобразованіемъ же

уѣзднаго училища въ трехклассное его постигла новая бѣда: оно должно было искать себѣ отдѣльное помѣщеніе. Вотъ какъ описываетъ это помѣщеніе Голодниковъ: „Училище поселилось въ деревянномъ амбарѣ мѣщанина Кунгурцева. Для необходимаго храму наукъ свѣта въ амбарѣ этомъ было прорублено два окна, въ которыхъ вставлено было нѣчто въ родѣ стеколъ, принявшихъ отъ времени всевозможные цвѣта, поэтому въ единственной камерѣ училища безъ сѣней и передней свѣта было очень мало. Полы, состоящіе изъ деревянныхъ барочныхъ плахъ были хоть и не больно красивы, зато, по крайней мѣрѣ, безопасны, чего никакъ нельзя было сказать о потолкѣ, середина котораго обнаруживала сильнѣйшее тяготѣніе къ земной поверхности. Губернаторъ Ладыженскій осматривалъ въ 1840 году это училище и поспѣшилъ удалиться тотчасъ же по прибытіи, замѣтивъ смотрителю, что для безопасности не мѣшало бы подставить стойки. Смотритель принужденъ былъ спросить: а изъ какихъ суммъ прикажите, ваше превосходительство?“ Дѣйствительно, отъ правительства на содержаніе училища не отпускалось ничего, отъ городского же общества ассигновался лишь дневной свѣтъ, да и то въ самомъ скудномъ размѣрѣ. Несчастное училище существовало одними частными пожертвованіями, едва удовлетворявшими самыя насущныя потребности: наемъ квартиры, ея отопленіе etc. „Губернскія полицейскія будки,—говоритъ Голодниковъ,—были не въ примѣръ счастливѣе училища въ этомъ отношеніи“.

Съ переходомъ училища въ новое помѣщеніе, былъ назначенъ и отдѣльный учитель. Первымъ приходскимъ учителемъ былъ Маршаловъ. Учителю не полагалось жалованья. „Нынѣ невѣроятнымъ кажется,“—пишетъ Голодниковъ,—„какъ этотъ молодой человѣкъ, не имѣвшій ни родителей, ни родственниковъ, словомъ никакой поддержки, могъ существовать безъ жалованья, безъ наградъ, при томъ еще прилично держаться въ обществѣ. Добрый сослуживецъ нашъ самъ выучился шить себѣ бѣлье, платье; деньги же, необходимыя для удовлетворенія главнѣйшихъ потребностей, онъ пріобрѣталъ такимъ образомъ: купитъ карандашей на полтинникъ да бумаги на рубль и продаетъ ихъ ученикамъ по нѣсколько повышенной цѣнѣ и такимъ образомъ пріобрѣтетъ себѣ около четвертака на рубль; не гнушался онъ также частными уроками въ 3—4 руб. въ мѣсяцъ (ассигнаціями, разумѣется)“. Учитель дѣлалъ все, что было въ его силахъ, но что же мы можемъ отъ него требовать? Вѣдь послѣ своихъ тяжелыхъ занятій онъ долженъ былъ шить себѣ бѣлье, платье, бѣгать по грошевымъ урокамъ! Въ такомъ безотрадномъ положеніи училище находилось до 1842 года.

Какъ бы ни былъ хорошъ учитель, отсутствіе заботливости со стороны мѣстнаго городского общества, неопредѣленность существованія училища на частныя пожертвованія, безъ сомнѣнія, должны были зародить въ лучшихъ людяхъ того времени мысль поставить дѣло начальнаго образованія на болѣе прочную почву. Дѣйствительно, былъ человѣкъ, который очень много думалъ объ этомъ. Это былъ Ив. Дм. Якушкинъ, человѣкъ большого серьезнаго ума и учености, но безъ правъ на преподаваніе,—декабристъ. Якушкинъ жилъ въ Ялуторовскѣ одиноко. Его маленькая квартира, служившая ему научной лабораторіей, всегда видѣла своего хозяина въ своихъ стѣнахъ, за исключеніемъ только его ботаническихъ экскурсій. Въ Ялуторовскѣ онъ первый занялся метеорологическими наблюденіями, и изобрѣтенный имъ вѣтромѣръ, помѣщавшійся на высокомъ столбѣ, немало смущалъ простыя души ялуторовскихъ обывателей, но еще болѣе смущали ихъ его лѣтнія экскурсіи. „Травы собираетъ! колдунъ!“ Во время этихъ прогулокъ онъ часто встрѣчалъ деревенскихъ и городскихъ мальчиковъ и бесѣдовалъ съ ними. Вѣроятно, здѣсь онъ познакомился съ душевными качествами сибирскаго ребенка: его смышленностью, бойкостью и... грубѣйшимъ невѣжествомъ. Эти встрѣчи, безъ сомнѣнія, были однимъ изъ главнѣйшихъ импульсовъ къ практическому осуществленію его воспитательныхъ теорій и той душевной привязанности къ дѣтямъ, о которой они, теперь уже старики, вспоминаютъ съ такой теплой любовью. Начни онъ самъ ходатайствовать объ открытіи училища, дѣло могло бы быть проиграннымъ, но и среди сибиряковъ были уже люди, понимавшіе пользу ученія, готовые оказать какъ матеріальныя жертвы, такъ и нравственную поддержку, и между ними выдающимся лицомъ былъ протоіерей Ст. Як. Знаменскій. Какъ священникъ, онъ взялся устроить при соборѣ церковно-приходскую школу. Нашелся и благотворитель, купецъ Мясниковъ, который пожертвовалъ домъ и взялся поставить его на мѣсто въ соборную ограду, гдѣ онъ и находился до 1861 года. Домъ этотъ, имѣвшій въ длину 9 саж. и въ ширину 4 саж., состоялъ изъ трехъ комнатъ: прихожей, „сборной“ и „учебной“. Самая большая и удобная комната была „учебная“. Въ длину она имѣла 4 сажени, а въ ширину около 3-хъ. Остальную половину занимали „сборная“ (по-теперешнему рекреаціонная) и прихожая. Всѣ три комнаты освѣщались 14-ю окнами и, слѣдовательно, въ свѣтовомъ отношеніи были удовлетворительны. Школа эта, послѣ многихъ препятствій со стороны городничаго и смотрителя, была, наконецъ, 6-го августа 1842 г. открыта. Преподаваніе началось, подъ непосредственнымъ руководствомъ Якушкина, по ланкастерскому способу и очень удач-

но. Новая метода съ ея занимательностью и отсутствіемъ тѣлесныхъ наказаній, теплое отношеніе учащихъ къ своимъ питомцамъ, а также и удобство помѣщенія,—все это привлекало учащихся, и число ихъ росло быстрыми шагами: въ первое время поступило 44 человѣка, но къ концу 1843 года ихъ было уже 93, къ концу 1844 г.—135, къ концу 1845 г.—184, а къ маю 1846 года число это выросло до 200. Поступали не только городскіе мальчики, но пріѣзжали и изъ округа и изъ другихъ городовъ. Можно думать, что многіе мальчики содержались на счетъ декабристовъ. Школой заинтересовалась и губернская администрація, въ томъ числѣ и директоръ училищъ Кочуринъ, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ директоровъ. Онъ посѣтилъ школу въ 1842 году и нашелъ ее образцовой не только въ своей дирекціи, но и во всей Сибири, и при дальнѣйшей своей поѣздкѣ просилъ смотрителей устраивать по ея образцу приготовительные классы. Нѣкоторые смотрителя сами посѣтили ялуторовскую школу и, убѣдившись въ успѣшности ея, посылали своихъ приходскихъ учителей для изученія, какъ теоріи ланкастерской методы, такъ и приложенія ея на практикѣ. Пріѣзжіе учителя встрѣтили со стороны благородныхъ иниціаторовъ самый радушный пріемъ, и время, проведенное ими въ Ялуторовскѣ, не пропало даромъ: они возвращались домой хорошими учителями. Такимъ образомъ Якушкинская школа явилась и первой учительской семинаріей въ Сибири. До конца 1843 г. въ школѣ преподавалось чтеніе церковной и гражданской печати, письмо на аспидныхъ доскахъ и на бумагѣ и 1-я часть ариѳметики, а съ этого времени прибавилась 2-я часть ариѳметики, 1 и 2-я часть русской грамматики, 1-я часть латинской и греческой грамматики, краткая священная исторія, 1-я часть пространнаго катихизиса, черченіе и географія, и школа стала именоваться Срѣтенскимъ *духовнымъ* училищемъ, хотя доступъ былъ попрежнему открытъ для дѣтей всѣхъ сословій. Изъ Срѣтенскаго духовнаго училища дѣти поступали въ Тобольское духовное и Ялуторовское уѣздное училище, съ которымъ по программѣ своей оно могло свободно конкуррировать.

Быстрыми шагами двигаясь по пути своего развитія, училище не имѣло однакожъ никакихъ матеріальныхъ средствъ. Въ 1846 г. протоіерей Знаменскій ходатайствовалъ, чтобы разрѣшено было отпускать на содержаніе училища по денежкѣ съ рубля отъ сборовъ съ оцѣночной суммы, и С. М. Семеновъ, совѣтникъ губернскаго правленія, тоже изъ декабристовъ, много способствовалъ этому дѣлу. Ходатайство было отправлено министру внутреннихъ дѣлъ, который благодаря особенному ходатайству губернатора,

въ 1848 году опредѣлилъ производить на содержаніе училища изъ городскихъ суммъ ежегодный расходъ въ 200 рублей, „такъ какъ оно вполнѣ замѣняетъ приходское училище и обучаться въ немъ могутъ дѣти всѣхъ сословій“. Къ этому же времени присоединилось пожертвованіе ишимскаго купца Черняковскаго въ 300 руб. Такимъ образомъ существованіе училища на будущее время было матеріально обезпечено.

Въ 1846 году Якушкинъ потерялъ жену. Тяжела была эта потеря для изгнанника, но онъ и ее ознаменовалъ добрымъ дѣломъ, основавъ школу для дѣвочекъ. Это была первая женская народная школа въ Сибири! Руководителями этой школы явились тѣ же Якушкинъ и протоіерей Знаменскій. Училище было открыто 1-го іюля 1846 года въ наемномъ домѣ. Предстояли значительныя затраты: необходима была мебель, всѣ принадлежности рукодѣльнаго класса, кромѣ того, самую квартиру требовалось приспособить для классныхъ занятій и нанять кружевницу. Всѣ эти затраты на первый разъ простирались до 300 руб., и устроители школы вынуждены были назначить за ученіе плату, но плату эту вносили только дѣти зажиточныхъ родителей, а за остальныхъ вносили декабристы и ихъ родственники; учитель школы, дьячекъ Евг. Сѣдачевъ, также отказался въ пользу ученицъ отъ своего жалованья. Найти удобную квартиру было очень трудно, а число ученицъ между тѣмъ росло да росло и достигло слишкомъ 50 человѣкъ; кромѣ того, заниматься рукодѣліемъ въ нижнемъ этажѣ оказалось невозможнымъ. Купецъ Балакшинъ, наиболѣе сочувствовавшій просвѣтительнымъ стремленіямъ декабристовъ, пустилъ училище безплатно въ болѣе удобный домъ Снигиревыхъ. Здѣсь школа оставалась до 2-го декабря 1850 г., пока на средства Ан. Вас. Мясниковой, жены строителя мужского приходскаго училища, не былъ выстроенъ домъ очень удобный и помѣстительный.

34463

Постройка этого училища также сопряжена была съ большими препятствіями. Во время отсутствія протоіерея, который въ это время находился въ Тобольскѣ, о. Ал. Пудовиковъ не только не позволилъ строить домъ въ церковной оградѣ, какъ это предполагалось, но запретилъ даже складывать туда лѣсъ, и, хотя преосвященный разрѣшилъ эту постройку, но Балакшинъ и Якушкинъ не осмѣлились безпокоить почтеннаго старца, и строить домъ пришлось въ Вознесенскомъ приходѣ, во 2-мъ кварталѣ, гдѣ теперь помѣщается общественное собраніе.

Зданіе женскаго училища было гораздо лучше и помѣстительнѣе мужского. Снаружи оно было обито тесомъ, выкрашеннымъ черною(?) краскою, и покрыто красною тесовою крышею.

На улицу оно выходило пятью своими окнами и парадным крыльцомъ. Оно состояло изъ трехъ большихъ комнатъ: „грамотнаго“ и рукодѣльнаго классовъ и такъ называемой „сборной“ комнаты. „Сборная“ комната отъ „грамотнаго“ класса отдѣлялась коридоромъ, который съ одной стороны велъ въ квартиру надзирательницы, а съ другой—въ другой холодный коридоръ, ведущій въ ретирадъ. Рядомъ съ комнатой надзирательницы находилась сторожка. Всѣ комнаты, занятыя училищемъ, были очень высоки и удобны и давали достаточно воздуха. Въ свѣтовомъ отношеніи лучшимъ классомъ былъ рукодѣльный: пять большихъ оконъ должны были давать очень много свѣта, по величинѣ онъ былъ также больше другихъ комнатъ, въ томъ числѣ и „грамотнаго“ класса,—доказательство, что въ женскомъ образованіи въ прежнее время обращалось больше всего вниманіе на рукодѣліе. Полы и двери вездѣ были крашены; стѣны оклеены бумагой, а потолокъ холстомъ и выкрашенъ клеевою краской. Отоплялось зданіе 4 голландскими печами и освѣщалось 29-ю окнами.

Обстановка училища была такова. Вы входите въ „сборную.“ Около стѣнъ ея тянется четыре лавки. Въ углу помѣщается крашеная лѣстница, ведущая на вышку. Въ этой комнатѣ ученицы раздѣвались и проводили рекреаціонное время. Изъ сборной комнаты черезъ коридоръ вы проходите въ „грамотный“ классъ. Въ переднемъ углу виситъ образъ Божіей Матери. По срединѣ комнаты возвышается каѳедра и на ней конторка (запираемая на замокъ) и стулъ для учителя, а далѣе тянутся ученическія скамейки и столы „съ телеграфами“. По стѣнамъ развѣшены разныя картины, по которымъ велось преподаваніе всѣхъ предметовъ: краткаго катихизиса, 50 таблицъ 1-й части и 42—2-й части русской грамматики, 47 таблицъ географическихъ, 57—историческихъ, карты Европы, Россіи и Сибири, письменныя таблицы всѣхъ русскихъ князей, тутъ же, на полочкѣ, пріютился и глобусъ въ черномъ коленкоровомъ чехлѣ. Передъ таблицами около стѣнъ находилось 8 желѣзныхъ „полукружіевъ“. Въ рукодѣльной комнатѣ находилось нѣсколько пялецъ, а также два большихъ стола со шкафами и ящиками, въ которыхъ хранились ученическія рукодѣльныя работы.

Когда училище переходило въ новое зданіе, ученицъ было 60. Преподаваніе велось по ланкастерскому методу. Училище было раздѣлено на 8 отдѣленій: въ первыхъ 7 отдѣленіяхъ обучались чтенію русскому и церковно-славянскому, начаткамъ христіанскаго ученія, 1-й части ариѳметики и письму—сначала на пескѣ, а затѣмъ уже на аспидныхъ доскахъ и на бумагѣ, а въ

8-мъ отдѣленіи оканчивали катихизисъ и священную исторію, 1-ю часть ариѳметики и о дробяхъ, всю русскую грамматику, русскую исторію и географію, учили стихи, писали подъ диктовку, занимались разборомъ словъ и предложеній и рисовали цвѣты. Кромѣ того, преподавалось и рукодѣліе, которому обучали А. П. Созоновичъ, воспитанница Муравьева-Апостола и Ан. Н. Балакшина. Въ такомъ видѣ училище существовало до преобразованія его въ училище 2-го разряда. Въ 1853 году протоіерей Знаменскій былъ переведенъ въ городъ Омскъ, гдѣ съ женою коменданта крѣпости А. А. де-Граве открылъ первую въ городѣ женскую школу. Въ 1854 году и Якушкинъ покинулъ Ялуторовскъ, переселившись въ Иркутскъ. На чьемъ попеченіи остались основанныя ими школы, намъ неизвѣстно, но сѣмя, брошенное ими, не заглохло. Якушкинъ, посѣтившій Ялуторовскъ въ 1856 году, нашелъ, что все въ училищахъ идетъ довольно порядочно и считается около 50 учениковъ. „Семенъ Петровичъ (учитель мужской школы) заходилъ ко мнѣ“,—пишетъ Якушкинъ,—„и сказывалъ, что все идетъ попрежнему; онъ, несмотря на свое плохое здоровье, трудится усердно“. 4-го февраля 1858 года оба приходскія училища съ домами и со всѣмъ имуществомъ перешли въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія; около этого же времени въ Москвѣ скончался и ихъ основатель И. Д. Якушкинъ. Вотъ какъ разсказываетъ о его жизни на родинѣ и кончинѣ Н. Д. Фонвизина въ своемъ письмѣ къ протоіерею Знаменскому*). „Онъ скончался очень тихо и долго былъ боленъ, долго страдалъ и тѣломъ, и душею, когда его выслали изъ Московской губерніи и онъ, возвращенный въ семейство свое, принужденъ былъ жить у чужихъ, именно у графа Толстого въ деревнѣ одинъ-одинехонекъ, въ сыромъ болотистомъ мѣстѣ, гдѣ здоровье его окончательно разстроилось. Его тамъ иногда навѣщали знакомые, часто ѣздили къ нему и сыновья; но этимъ самымъ онъ сильно тревожился, зная, что сыновьямъ при ихъ ограниченныхъ средствахъ частыя еженедѣльныя поѣздки къ нему по желѣзной дорогѣ были убыточны. Онъ желалъ ихъ видѣть и сердился, когда они пріѣзжали къ нему, и особенно, когда что-нибудь привозили ему. Вы знаете, какъ онъ умѣлъ почти во всѣхъ удобствахъ жизни себѣ отказывать. Наконецъ, выхлопотали ему позволеніе жить въ Москвѣ, но привезли его въ ужасномъ состояніи—желудокъ почти уже ничего не переваривалъ. Но душею онъ оживился: бывало, по цѣлымъ днямъ лежитъ въ постели, ничего ни ѣстъ, вдругъ

*) Сибирскій Сборникъ, кн. III, 1886 г. Стр. 105. Ст. Знаменскаго „И. Д. Якушкинъ“.

какъ будто пріободрится и куда-нибудь выѣдетъ. Я навѣщала его, лежащаго въ постели, до того ослабѣвшаго, что онъ съ трудомъ подымалъ голову, но видѣла его въ то же время спокойнаго, даже подчасъ веселаго и говорливаго, а въ послѣдній разъ встрѣтила его у Бибиковыхъ за картами. Это былъ послѣдній его выѣздъ. Онъ обѣщалъ посѣтить насъ въ Марьинѣ, но ужъ не вставалъ. Странно, что онъ какъ бы не чувствовалъ своей опасности, сбирался къ намъ въ Покровское и даже въ Орелъ и говорилъ, что поѣздки принесутъ ему пользу. Иногда говорилъ о своей смерти, но какъ о событіи довольно отдаленномъ. Сказалъ однажды, что, когда умретъ, не желаетъ, чтобы ставили на его могилѣ памятникъ, а проситъ посадить на ней два вяза и ясень. Онъ всегда любилъ деревья и любовался красивыми. Нѣсколько дней тому назадъ... я проѣхала на Пятницкое кладбище на могилку Ивана Дмитріевича. Съ грустью помолилась о немъ и поклонилась его праху. Деревца посажены у могилки, но худо принялись...“ Но зато, прибавимъ мы отъ себя, росли и крѣпли другія, высшія деревца, это—дѣтскія души, для которыхъ онъ открылъ свѣтъ и тепло мысли и нравственнаго долга. Эти маленькія существа не забыли своего благодѣтеля: узнавъ о его смерти, они въ зданіи училища молились объ упокоеніи его души.

Но возвратимся къ уѣздному училищу.

Уроки въ училищѣ были утренніе и вечерніе. Утренніе начинались въ 8 часовъ и продолжались до 11, а вечерніе—съ 2 до 5 часовъ. По средамъ и субботамъ не было вечернихъ уроковъ, и учителя занимались съ оканчивающими курсъ нѣмецкимъ и французскимъ языками, чтобы облегчить имъ доступъ въ гимназію. Занятія эти однакожъ не были особенно сложны, научали учениковъ только читать и писать. Розга, несмотря на дозволеніе ея уставомъ 1828 года, въ первый десятокъ лѣтъ послѣ преобразованія училища имѣла мало примѣненія: молодые учителя прибѣгали къ ней въ рѣдкихъ случаяхъ.

Наибольшее число учениковъ было между 1836 и 1842 годами, до основанія Якушкинымъ своей школы, отъ 64 до 69 человѣкъ. Съ этого же времени число учениковъ падаетъ: въ 1843 году было всего 33 ученика, въ 1844 году—29 чел., а въ слѣдующіе за этимъ года до 1857, т. е. до принятія Якушкинскаго училища въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, оно не превышало 50 человѣкъ. Мы видѣли, что программа духовнаго училища была такова, что ученикамъ, прошедшимъ тамъ курсъ, нечего было дѣлать въ уѣздномъ училищѣ не только въ первомъ, но и во второмъ классѣ. Смотрителя, видя, что благодаря этому ихъ училище пустѣетъ, косо смотрѣли на новую школу, но дѣло

часто улаживалось дружелюбно. Намекъ на это мы встрѣчаемъ въ письмѣ Якушкина, отъ 8 іюля 1850 г.*): „при переводѣ мальчиковъ въ уѣздное училище, онъ (смотритель Абрамовъ) довольствовался такимъ числомъ, какое мы назначимъ, но просилъ, если можно, переписать ему *для счета* человѣкъ 20, на что я охотно согласился. Часть переведенныхъ учениковъ останется у насъ еще на годъ, и они будутъ только считаться въ уѣздномъ училищѣ, въ томъ числѣ и Балакшинъ, и Загибаловъ, и мой крестникъ“. Такимъ образомъ, можно смѣло сказать, что первый классъ между 1842 и 1858 гг. пустовалъ и нѣкоторые ученики лишь считались. Истинное же число учениковъ во всемъ училищѣ никогда не превышало 35—40 чел. Въ 1858 году число учениковъ сразу возросло до 68 человѣкъ, а въ 1863 году снова упало до 38.

Объ успѣшности или неуспѣшности школьнаго дѣла мы можемъ судить лишь по отзывамъ ревизоровъ, такъ какъ другихъ свѣдѣній въ архивѣ нѣтъ. Въ 1837 г. директоръ училищъ Кочуринъ отозвался объ училищѣ „не весьма лестно“, во второй же разъ, въ 1840 году, нашелъ успѣхи учениковъ достаточными. Кромѣ директора, посѣщали училище генералъ-губернаторы, губернаторы, какъ попечители училища, архіереи, а также и заѣзжіе высшіе чины, какъ напримѣръ находившійся въ свитѣ ген.-адъют. Анненкова камеръ-юнкеръ, вскорѣ тобольскій губернаторъ, Арцимовичъ. Въ 1841 году губернаторъ Ладыженскій остался училищными порядками доволенъ, обративъ лишь вниманіе на тѣсноту помѣщенія. Въ 1843 году онъ, при своемъ посѣщеніи училища, предоставилъ учителямъ давать въ его присутствіи уроки и остался какъ преподаваніемъ, такъ и понятливостью мальчиковъ, доволенъ, помѣщеніе же училища снова нашелъ тѣснымъ. Въ 1845 и 1849 гг. училище посѣтилъ губернаторъ Энгельке и, осматривая работы по чистописанію, черченію и рисованію и спрашивая учениковъ по предметамъ, остался доволенъ. Архіепископъ Георгій остался въ 1848 году доволенъ познаніями учениковъ въ священной исторіи и катихизисѣ. Его преемникъ, архіепископъ Евлампій, въ 1853 году испытывалъ учениковъ въ Законѣ Божіемъ, разсматривалъ ученическія работы по чистописанію, черченію и рисованію и объявилъ: „у васъ все прекрасно“; въ 1855 году онъ заставилъ учениковъ декламировать стихотворенія и басни, разсматривалъ опыты учениковъ въ чистописаніи и рисованіи и остался доволенъ. Генералъ-губернаторъ Гасфортъ предлагалъ ученикамъ различные вопросы и за отличное рѣшеніе

*) Сибир. Сбор. книга III, 1886 г. Стр. 98. Статья М. С. Знаменскаго: „И. Д. Якушкинъ“.

ариѳметической задачи подарилъ ученикамъ 50 копеекъ, а въ 1859 г. онъ посѣтилъ женское училище, осматривалъ рукодѣльныя работы и остался постановкою этого дѣла весьма доволенъ. Въ 1851 году камеръ-юнкеръ Арцимовичъ отозвался объ успѣхахъ учениковъ весьма благосклонно. Нѣсколько разъ посѣщалъ училище и директоръ Чигиринцевъ и также успѣхами учениковъ оставался доволенъ.

Разсматривая эти отзывы ревизоровъ, мы въ правѣ притти къ тому заключенію, что училище достигало довольно порядочныхъ результатовъ. Но можно ли сказать, что дѣло преподаванія и воспитанія стояло на надлежащей почвѣ? Едва ли. Отъ старожиловъ, бывшихъ учениковъ, объ одномъ учителѣ мы слышали, что онъ часто не являлся на уроки, оставляя за себя авдиторовъ, предпочитая училищу рюмочку и часто даже совсѣмъ уѣзжая изъ города въ округъ, гдѣ и проводилъ время въ кутежахъ, игрѣ въ карты и тому подобныхъ удовольствіяхъ. Пріѣзжая съ попоекъ, онъ принимался за учениковъ, придирался, спрашивалъ и авдиторовъ, и бѣда была имъ, особенно послѣднимъ, если въ отвѣтахъ учениковъ замѣчались пробѣлы: розга переходила съ одного на другого. Впрочемъ, на фонѣ школьной жизни встрѣчаются и свѣтлыя личности. Съ особенной любовью вспоминаютъ ученики Карла Карловича Шмита, учителя искусствъ, пріѣхавшаго въ Ялуторовскъ изъ Архангельска и здѣсь умершаго, который выдавался и знаніемъ своего дѣла, и любовью, и теплымъ отношеніемъ къ своимъ питомцамъ, а также смотрителя Н. А. Абрамова (извѣстнаго писателя)*), который пробылъ здѣсь недолго, но также оста-

*) Здѣсь нелишнимъ будетъ упомянуть о литературной дѣятельности Абрамова, этого неутомимаго труженика на поприщѣ изслѣдованія Сибири: исторія церковная и общественная, географія, археологія, этнографія,—все интересовало этого замѣчательнаго человѣка, и онъ, въ продолженіе своей многолѣтней дѣятельности, путешествуя по городамъ и весямъ Сибири—отъ Березова до Семипалатинска—по своимъ служебнымъ дѣламъ, вездѣ извлекалъ матеріалы для своихъ работъ, начиная съ провинціальныхъ архивовъ и какой-нибудь покрытой пылью церковной библіотеки и кончая памятникомъ доисторической жизни—курганомъ. Въ Березовѣ онъ пишетъ „Описаніе Березовскаго края“, въ Тюмени, Курганѣ, Ялуторовскѣ, Усть-Каменогорскѣ, Копалѣ, Семипалатинскѣ и Вѣрномъ —описываетъ эти города, а также рѣки: Тоболъ, Чу, Или, Лепсу, Аягузъ, Шилку и Аргунь; на ряду съ этимъ описываетъ курганы и городища въ Тюменскомъ, Ялуторовскомъ и Курганскомъ округахъ, намогильные памятники киргизовъ, а также старинные желѣзные и оружейные заводы. Но всего болѣе потрудился Абрамовъ въ области сибирской исторіи, особенно церковной: его біографіи сибирскихъ и тобольскихъ владыкъ, начиная съ перваго сибирскаго архіепископа Кипріана и кончая преосвященнымъ Евлампіемъ, захватившія два слишкомъ вѣка церковно-іерархической исторіи, его „Христіанство въ Сибири до учрежденія тамъ епархіи въ 1621 г.“, „Матеріалы для исторіи христіанскаго просвѣщенія Сибири“, „О введеніи христіанства у березовскихъ остяковъ“, „Проповѣдь евангелія сибирскимъ вогуламъ“, а также историческія описанія монастырей Абалакскаго, Тюменскаго и Кондинскаго и жизнеописанія сибирскихъ святыхъ: Симеона Верхотурскаго, Василія Мангазейскаго и Тихона Туруханскаго—составляютъ богатый историческій матеріалъ. По исторіи строительства Сибири и общественной имъ написаны статьи объ Ермакѣ, кн. Гагаринѣ, Чичеринѣ, Соимоновѣ, ген. Кутькинѣ, Словцовѣ и знаменитыхъ сибирскихъ ссыльныхъ: Меншиковѣ, Долгорукихъ и Остерманѣ, изслѣдованія о пожарахъ тобольскихъ и о сибирскихъ боярскихъ дѣтяхъ и дворянахъ. Нельзя не пожалѣть, что всѣ эти труды, разбросанные по разнымъ журналамъ, теперь уже мало доступнымъ, теряются для интересующагося исторіей родины сибиряка, также впрочемъ какъ и труды другихъ сибиряковъ: прот. Сулоцкаго, Гр. Варлакова, В. Гурьева и другихъ, современному поколѣнію почти неизвѣстныхъ, но весьма почтенныхъ вкладчиковъ въ историческую литературу Сибири.

Кромѣ того, Абрамовъ велъ метеорологическія (и барометрическія) наблюденія. Ученыя экспедиціи въ Сибирь всегда пользовались услугами Абрамова: такъ онъ помогалъ Гофману, Кастрену и Кавальскому.—Интересующіеся біографіей Абрамова могутъ найти ее въ №№ 39–45 и 50 „Тоб. Губ. Вѣд.“ 70 г., въ №№ 8—20 „Ирк. Еп. Вѣд.“ 1874 г., въ „Странникѣ“ 1870 г. за августъ и „Народной школѣ“ 1870 г. за декабрь. Авт.

вилъ по себѣ хорошую память, отчасти—потому, что никогда не прибѣгалъ въ дѣлѣ воспитанія къ насильственнымъ мѣрамъ, отчасти—потому, что сдерживалъ учителей въ ихъ воинственныхъ подвигахъ. Все сказанное выше относится лишь ко второй половинѣ описываемаго періода.

Перейдемъ теперь къ обзору развитія фундаментальной библіотеки. Собственно говоря, болѣе или менѣе прочное основаніе фундаментальной библіотекѣ было положено въ 1832 году, когда съ этою цѣлью стала отпускаться ежегодно особая, хотя и небольшая, сумма. Съ этого времени выписка книгъ стала совершаться ежегодно. Ко дню преобразованія училища книгъ состояло 306 переплетовъ. Выборъ книгъ, какъ мы уже видѣли, отличался случайнымъ характеромъ, и большинство книгъ было пожертвовано. Въ описываемый нами періодъ самая большая сумма употреблена была на выписку книгъ въ 1859 году, а именно 88 руб., самая меньшая—въ 1844 году въ 7 руб. 27 коп., обыкновенно же выписывалось книгъ рублей на 40 слишкомъ. Изъ пожертвованій наиболѣе замѣчательны, сдѣланныя декабристами въ 1859 году на 96 руб. и въ 1861 г. на 120 руб. Къ 1862 г.

въ библіотекѣ состояло 470 названій въ 1633 томахъ. Учебныхъ пособій было всего 55 экземпляровъ. Съ 1836 по 1859 годъ на училище отпускалось изъ казны 5400 р. ассигнаціями, въ томъ числѣ на пополненіе библіотеки, награды ученикамъ, содержаніе дома и разъѣзды смотрителю 1400 р. ас. (на серебро 400 руб.), но училище нуждалось въ самомъ необходимомъ, потому что только часть этихъ денегъ шла на предназначенныя нужды, часть же обращалась въ билеты сохранной казны, лежала неприкосновенной и предназначалась для постройки со временемъ новаго зданія для училища, которое въ 1850 году и было выстроено, но просуществовало недолго: въ 1862 году его уничтожилъ пожаръ вмѣстѣ съ библіотекой, архивомъ и всѣмъ училищнымъ имуществомъ. Отъ библіотеки осталось лишь 17 книгъ, а изъ пособій 19 экземпл. Причиною пожара, по словамъ офиціальнаго сообщенія, была неисправность печей, обыватели же объясняютъ пожаръ неосторожнымъ обращеніемъ съ куреніемъ со стороны сторожа архива, который помѣщался въ подвальномъ этажѣ училища.

Въ одинъ годъ съ пожаромъ училище постигла и другая бѣда. Смотритель училища Голицинскій, не пробывшій въ должности и одного года, растратилъ изъ училищныхъ и безъ того скудныхъ суммъ 614 р., за что и былъ уволенъ отъ должности.

Изъ мѣръ, предпринятыхъ для улучшенія дѣла народнаго образованія, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія. 21 марта 1849 г. сдѣлано распоряженіе о замѣнѣ полутора-часовыхъ уроковъ уроками въ 1¼ часъ. Этотъ порядокъ продолжался до 1866 г., когда установлены часовые уроки, четверть же часа употреблялась на перемѣну. Въ 1855 году предписано считать днями свободными отъ занятій: 9-е мая, 29-е іюня, 29-е августа, 14 и 26-е сентября, 1 и 22-е октября, 21-е ноября. 21-го декабря 1861 г. Высочайше повелѣно учредить въ Сибири, за неимѣніемъ дворянства, должности почетныхъ блюстителей вмѣсто почетныхъ смотрителей. Въ 1857 году рекомендуется взимать, гдѣ то найдутъ возможнымъ, за ученіе небольшую плату. Въ 1841 году предписано приглашать на экзаменъ Закона Божія депутата отъ духовенства, а 16-го іюня того же года училищное начальство обязывалось доносить епархіальному о пропускахъ законоучителями уроковъ.

Касательно преподаванія также были сдѣланы нѣкоторыя распоряженія.

Въ 1857 году предписано сообщать ученикамъ 1-го класса кромѣ священной исторіи ветхаго завѣта и свѣдѣнія о новозавѣтныхъ праздникахъ. Въ 1861 году учителямъ русскаго языка предписано, чтобы они въ 1-мъ классѣ занимались объяснительнымъ чтеніемъ статей, доступныхъ дѣтскому пониманію, разъясняя содержаніе, малопонятныя слова и ихъ производство, знакомя съ грамматическими формами, а также занимались бы письмомъ подъ диктовку. Въ 3-мъ классѣ предписано заниматься чтеніемъ образцовыхъ писателей (въ отрывкахъ) съ объясненіемъ синтаксическихъ правилъ и упражнять дѣтей въ собственныхъ сочиненіяхъ, которыя должны быть выправляемы учителемъ. Въ 1854 году преподаваніе рисованія признано безполезнымъ и исключено изъ программы; преподаваніе чистописанія поручено учителю русскаго языка, а черченіе—учителю математики.

Въ это же время совершились двѣ важныя реформы: введена была новая должность главнаго инспектора училищъ Западной Сибири и утверждены новые штаты (въ 1859 г.), по которымъ смотрителю училищъ положено было 450 р. жалованья и 60 руб. разъѣздныхъ, учителямъ наукъ по 350 р. жалованья, а законоучителю и учителю искусствъ по 200 р., на награды учениковъ 15 р., на содержаніе библіотеки 80 руб. и на содержаніе дома и канцеляріи 400 руб.

Къ описываемому періоду относится возникновеніе школъ и въ селахъ Ялуторовскаго округа. Еще въ 1832 году состоялось распоряженіе объ открытіи церковно-приходскихъ школъ, но духовенство ялуторовскаго округа отнеслось къ этому дѣлу совершенно безучастно, и первая школа открылась лишь въ 1855 г. въ селѣ Терсюкскомъ, до 1857 года была единственной школой во всемъ округѣ и находилась притомъ въ самомъ плачевномъ положеніи. Съ 1857 года мало-по-малу и въ другихъ селахъ начали появляться школы, и къ концу описываемаго періода, къ 1862 году, ихъ прибавилось три: Суерская (1857 г.), Новоуковская (1858 г.) и Мокроусовская (1859 г.). Но что это были за школы? Всѣ онѣ помѣщались или въ квартирахъ священниковъ, или въ церковныхъ сторожкахъ, или въ частныхъ квартирахъ, очень мало удобныхъ. Преподаваніемъ занимался или безграмотный дьячекъ, или выгнанный со службы, спившійся съ круга чиновникъ, или еще хуже—поселенецъ, хотя офиціально учителями и числились священники. Преподаваніе велось самыми рутинными пріемами: такъ читать учили посредствомъ буки-азъ—ба, вѣди-азъ—ва и т. д., преподаваніе ариѳметики заключалось въ механическомъ переписываніи съ доски задачъ, дѣлаемыхъ самимъ учителемъ. Письму учились черезъ переписываніе прописей, написанныхъ учителемъ. Молитвы заучивались въ долбежку безъ всякаго разъясненія не только внутренняго смысла молитвы, но даже безъ объясенія непонятныхъ словъ и выраженій. Псалтирь и часословъ были почти единственными пособіями этихъ учи-

лищъ. Понятно, какихъ результатовъ достигала такая школа. Читали ученики чуть не по складамъ, не понимая прочитаннаго, ариѳметическія познанія были равны нулю: ученики часто не въ состояніи были произнесть трехзначное число; что же касается правописанія, то о немъ не было и рѣчи, потому что сами учителя не отличались грамотностью. Умственнаго развитія школа совсѣмъ не давала. Въ 1862 году число этихъ школъ сразу возросло до 19, но большинство ихъ было такъ малолюдно, что едва ли правильно называть ихъ школами. Вотъ, напримѣръ, таблица школъ, существовавшихъ въ 1862 году.

НАЗВАНІЯ ШКОЛЪ.	Число учащихъ.	Число учащихся.		
		Всего.	Мальч.	Дѣвоч.
Духовныя: Зимовье-Вагайская	1	1	—	1
Архангельская	3	3	3	—
Мостовская	1	3	3	—
Новоуковская (или Новозаимская)	2	3	2	1
Боровинская	1	3	3	—
Шороховская	1	3	3	—
Заводоуковская	2	4	3	1
Рафаиловская	2	4	4	—
Ингалинская	1	5	5	—
Терсюкская	1	7	6	1
Юргинская	1	7	7	—
Красногорская	1	8	8	—
Кизакская	1	9	9	—
Камышевская	4	10	10	—
Кодская	3	13	13	—
Мокроусовская	1	14	12	2
Исетская	1	15	15	—
Омутинская	2	18	11	7
М. Г. И.: Суерская	1	30	30	—
	30	160	147	13

Всѣ эти школы существовали не долго: черезъ годъ, по отчету смотрителя, ихъ было уже всего 11 съ 116 учащимися. Въ 1864 году духовныхъ школъ въ смотрительскомъ отчетѣ отмѣчено уже всего 3. Причиною столь быстраго паденія этихъ школъ, намъ кажется, является отчасти педагогическая неподготовленность сельскаго духовенства, сложность священническихъ обязанностей, а также недостатокъ средствъ на содержаніе школъ. Какъ бы то ни было въ 1868 году была закрыта послѣдняя духовная школа, и на развалинахъ этой неосуществившейся попытки возникало уже новое сельское учрежденіе—сельская свѣтская школа.

Глава У. Положеніе народнаго образованія въ шестидесятыхъ годахъ.

О шестидесятыхъ годахъ было писано много, и они оцѣнены по достоинству. Всеобщій подъемъ общественнаго духа, призваніе общества къ рѣшенію коренныхъ государственныхъ вопросовъ, послѣдовавшія затѣмъ реформы: крестьянская, земская, судебная; всеобщее увлеченіе, рядъ умственныхъ запросовъ,—все это, безъ сомнѣнія, не могло не отразиться на столь важной сторонѣ народной жизни, какъ образованіе; духъ времени отразился и на постановкѣ низшихъ учебныхъ заведеній.

Мы уже видѣли, что наканунѣ шестидесятыхъ годовъ въ уѣздныхъ училищахъ введены были новые штаты. Во истину безотрадна была до этого времени доля уѣзднаго учителя. Получая 214 руб. въ годъ, а учитель искусствъ 71 руб., они обречены были бороться почти съ нищетой. А что ожидалось впереди? Смотрительство съ 280 рублями годоваго жалованья, которымъ и заканчивалось обыкновенно ихъ „тяжелое учебное поприще“. Такъ обрисовалъ положеніе учителя тогдашній министръ народнаго просвѣщенія. А умственныя занятія, необходимость слѣдить за педагогической литературой, требующія и книгъ (а слѣдовательно и денегъ) и времени? Справедливо находилъ министръ, что, при такой матеріальной обстановкѣ учителя, въ учебныхъ заведеніяхъ невозможны ни учебныя, ни нравственныя улучшенія. Новые штаты дѣйствительно улучшили положеніе учителя, но далеко не подняли его до той желательной степени благосостоянія, когда свободный умственный трудъ становится возможнымъ и легкимъ и, слѣдовательно, наиболѣе плодотворнымъ. Несмотря на то, что во всѣхъ вѣдомствахъ идетъ увеличеніе жалованья, учитель уѣзднаго училища до сихъ поръ остается въ этомъ отношеніи отверженцемъ, поэтому нѣтъ ничего страннаго въ томъ печальномъ явленіи, что лучшіе учителя, несмотря на свою привязанность къ дѣлу, бросаютъ учебное поприще и ищутъ мѣстъ въ другихъ вѣдомствахъ.

Другой въ высшей степени важною мѣрою было учрежденіе новой должности главнаго инспектора училищъ Западной Сибири. Съ 1828 года главнымъ начальникомъ сибирскихъ учебныхъ заведеній былъ генералъ-губернаторъ, а за нимъ мѣстный губернаторъ. Въ рукахъ генералъ-губернатора и губернаторовъ находилась весьма сложная судебная и административная машина, которая и поглощала у этихъ начальниковъ все время и всѣ труды; начальникъ же края, кромѣ этого, былъ еще и командую-

щимъ войсками округа. Слѣдить за ходомъ учебнаго дѣла имъ было некогда, да и дѣло это требовало спеціальныхъ познаній и подготовки и сопряжено съ необходимостью слѣдить за ходомъ педагогической литературы. Единственнымъ лицомъ, спеціально посвященнымъ этому дѣлу, являлся директоръ училищъ, который въ то же время былъ и директоромъ гимназіи и потому не могъ всецѣло предаться надзору за низшими учебными заведеніями губерніи и, главное, не имѣлъ возможности обозрѣвать училища въ самое интересное время—во время экзаменовъ, когда результаты преподавательскихъ трудовъ выступаютъ съ наибольшей рельефностью. Къ этому нужно прибавить, что директорами училищъ не всегда назначались лица, прошедшія учительскую службу; я говорю здѣсь не о тѣхъ отддаленныхъ временахъ начала учебнаго дѣла въ Россіи, когда директорами назначались лица, постороннія школьному дѣлу, занимающія должности гражданской службы, а уже о позднѣйшихъ, наканунѣ введенія новой должности главнаго инспектора училищъ. Вотъ, напримѣръ, какую карьеру прошелъ П. М. Чигиринцевъ, служившій директоромъ училищъ тобольской губерніи съ 1849 по 1856 годъ. По окончаніи въ 1829 году университетскаго курса, онъ въ 1833 году поступилъ въ Екатеринославскую контору иностранныхъ поселенцевъ, затѣмъ было протоколистомъ въ Екатеринославскомъ депутатскомъ собраніи, затѣмъ тутъ же столоначальникомъ и членомъ комиссіи о раздробительной продажѣ горячихъ напитковъ, послѣ—письмоводителемъ канцеляріи Екатеринославскаго губернскаго предводителя дворянства и неоднократно исполнялъ „съ самою удовлетворительною отчетливостью“ должность секретаря депутатскаго собранія; съ 1846 года служилъ въ Сибири сначала совѣтникомъ пограничнаго управленія сибирскими киргизами, а съ 1849 года директоромъ тобольской гимназіи и училищъ. Итакъ, въ теченіе 20 лѣтъ иностранные поселенцы, киргизы, горячіе напитки, столоначальничество, письмоводительство, писаніе протоколовъ, а затѣмъ руководительство учебнымъ дѣломъ одной изъ громаднѣйшихъ губерній Россіи, наиболѣе нуждающейся въ свѣтѣ истиннаго образованія! При полномъ отсутствіи спеціальной инспекціи, при слабомъ надзорѣ ближайшихъ и невозможности надзора со стороны высшихъ начальниковъ, мѣстныя училища были предоставлены сами себѣ. Уѣздная жизнь съ ея грубымъ, неразвитымъ обществомъ и грубыми удовольствіями сразу налагала свою тяжелую руку на педагоговъ, еще неоперившихся обыкновенно юнцевъ, только что сошедшихъ съ гимназической скамьи, безпощадно стирая лоскъ образованія и увлекая въ омутъ уѣздныхъ дрязгъ, пьянства и

сплетенъ. Учебное дѣло не было уже для нихъ благородной задачею жизни и назойливо становилось чѣмъ-то побочнымъ, дающимъ лишь скудныя средства къ незатѣйливому существованію. При такомъ положеніи дѣла учрежденіе должности главнаго инспектора было истиннымъ благодѣяніемъ для сибирскихъ училищъ.

Насколько духъ новаго времени отразился на ялуторовскихъ педагогахъ, мы скажемъ впереди, теперь же не можемъ не отмѣтить одного замѣчательнаго факта, характернаго для того времени,—это обращенія министра народнаго просвѣщенія ко всѣмъ педагогамъ страны—начиная съ приходскаго учителя съ грошевымъ жалованьемъ и образованіемъ не выше уѣзднаго училища и кончая многоученымъ профессоромъ—съ просьбою высказать свое мнѣніе по поводу новаго положенія объ училищахъ Имперіи, „о системѣ образованія, о степени пользы, какую могутъ принести высшія училища, и если система, выработанная проэктомъ, не удовлетворяетъ *обсужденнымъ* потребностямъ, то изъяснить, какая лучшая система могла бы быть введена вмѣсто нея, ... можно ли ожидать благотворныхъ результатовъ отъ дополнительныхъ курсовъ и публичныхъ лекцій, какіе именно курсы и гдѣ полезно бы учредить“ и пр. „Разборъ проекта“,—говорится въ этомъ приглашеніи,—„долженъ происходить совершенно свободно, безъ всякаго стѣсненія съ чьей бы то ни было стороны и касаться не однѣхъ только частностей, но и цѣлой системы народнаго образованія, изложенной въ проэктѣ, съ принятіемъ при этомъ въ соображеніе и мнѣній, высказанныхъ въ печати... Отъ благонамѣреннаго и просвѣщеннаго ихъ содѣйствія (учителей) зависитъ успѣхъ всякаго дѣла общественнаго образованія въ Россіи и трудъ ихъ будетъ принятъ съ особеннымъ вниманіемъ и благодарностью“. Это былъ, конечно, самый свѣтлый день въ жизни начальнаго учителя, когда высшій руководитель отечественнаго образованія протянулъ руку ему, забитому нуждой и борьбой за каждый жизненный свой шагъ, и сказалъ: „помоги мнѣ, товарищъ, устроить наше общее дѣло“. Въ этотъ день, можетъ быть, въ первый и единственный разъ въ своей жизни бѣднякъ-учитель гордо поднялъ голову и сказалъ: „да, бѣденъ я, но полезенъ“. Къ сожалѣнію, мы не нашли въ архивѣ училища, что сказали ялуторовскіе учителя по этому важному запросу.

Шестидесятые годы, кромѣ главнаго инспектора училищъ, дали тобольской губерніи новаго директора въ лицѣ Ф. В. Рудакова, съ замѣчательной горячностью относившагося къ порученному ему дѣлу*).

*) Мы не приводимъ здѣсь біографическихъ свѣдѣній объ этомъ замѣча-

Хотя столичные административные органы и принимали рядъ мѣръ къ упорядоченію дѣла народнаго образованія, мѣстные дѣятели въ провинціи, непосредственные люди дѣла, оставались тѣ же, а съ ними оставались и старые порядки. Мы уже видѣли, что начало шестидесятыхъ годовъ ознаменовалось пожаромъ и растратой училищной суммы и потерей такихъ дѣятелей, какъ протоіерей Знаменскій и Якушкинъ, съ отъѣздомъ которыхъ основанныя ими школы потеряли, если можно такъ выразиться, свою душу. Преподаваніе шло по прежнему: ученики поступали въ изрядномъ количествѣ, учителя аккуратно ходили на уроки, но уже не было того духа, который воодушевлялъ ихъ. Уѣздному училищу съ потерей дома, библіотеки, пособій, классныхъ принадлежностей, предстояло много заботъ, и первою ихъ нихъ, конечно, была забота о пріобрѣтеніи мебели, пособій, затѣмъ объ устройствѣ библіотеки и, наконецъ, о заведеніи новаго зданія, такъ какъ домъ, выстроенный Быковымъ, теперь уже не удовлетворялъ школьно-гигіеническимъ требованіямъ. Потеря училищныхъ суммъ значительно отдаляла выполненіе этихъ задачъ, особенно послѣдней.

Внутренняя жизнь училища за это время не отличалась особенной порядочностью. Многіе учителя того времени, къ сожалѣнію, вели себя, крайне плохо: дѣлали долги, которые приходилось взыскивать съ нихъ не иначе, какъ посредствомъ вычетовъ, зачастую отказывались отъ нихъ, подрывая къ себѣ всякое довѣріе; пьянствовали такъ, что превосходили въ этомъ отношеніи даже мѣстныхъ обывателей. Пьянство это выражалось иногда въ столь непривлекательныхъ формахъ, что нарушало даже общественное спокойствіе. Учитель приходскаго училища Л—новъ въ пьяномъ видѣ такъ истязалъ свою жену, что бѣдная женщина голосила на весь городъ и убѣжала, наконецъ, къ своей подругѣ, надѣясь найти здѣсь защиту, но герой не унывалъ: онъ прибѣжалъ и сюда и бушевалъ не меньше, чѣмъ дома, пока прибывшій сюда городничій К—евъ не засадилъ его въ кутузку. Той же участи подвергался и учитель русскаго языка А—мовъ. Подобные личности среди ялуторовскаго учительскаго персонала появлялись и позднѣе: въ 1876 году, напримѣръ, учитель Ч—говъ былъ уволенъ отъ должности за пьянство и нанесеніе побоевъ своему сослуживцу, но въ шестидесятыхъ годахъ такое поведеніе педагоговъ представляло мало исключеній. Само собой, что все это отражалось и на учебно-воспитательномъ дѣлѣ. Тѣлесныя наказанія хотя и были отмѣнены, но на практикѣ существовали, правда, не въ формѣ узаконенныхъ розогъ, но въ едва ли не худшей формѣ оплеухъ, зуботычинъ и волосянокъ. Ставленіе на колѣни, иногда и на горохъ, пользовалось полнымъ правомъ гражданства. Бывали даже случаи серьезнаго членовредительства, и ученики въ такихъ случаяхъ лежали сутокъ по трое въ постели, какъ напр. Гельманъ, Устиновъ.

Ф. В. Рудаковъ, посѣтившій въ 1866 году училище, нашелъ, что „состояніе училища *во многихъ частяхъ* не можетъ быть признано удовлетворительнымъ, и требуется усиленная работа со стороны г. смотрителя и преподавателей для поднятія (училища) *въ общественномъ мнѣніи и вообще*“. Это было 20 марта, а 10, 11 и 12 сентября того же года директоръ вновь пріѣзжаетъ на ревизію, вѣроятно, удостовѣриться, сдѣлано ли что-нибудь для улучшенія дѣла, или, можетъ быть, вызвали его новые безпорядки. Главный инспекторъ училищъ Западной Сибири на первыхъ порахъ своей службы такъ изобразилъ состояніе учебнаго дѣла въ краѣ: „вообще педагогическая часть въ учебныхъ заведеніяхъ Западной Сибири находится въ очень неудовлетворительномъ состояніи: вездѣ придерживаются старой рутины преподаванія, всюду господствуетъ одна мертвая буква и почти нигдѣ не слышится живого слова, понятнаго учащимся“. Главный инспекторъ видитъ въ этомъ „слѣдствіе устарѣлости ихъ (учителей) взглядовъ на педагогическія требованія“. Это было высказано въ 1860 г. Въ 1861 году главный инспекторъ обращаетъ вниманіе на плохую постановку преподаванія русскаго языка и предлагаетъ рядъ мѣръ (о нихъ мы говорили въ предыдущей главѣ) къ улучшенію преподаванія. Причина плохого состоянія преподаванія русскаго языка заключалась отчасти въ самой трудности преподаванія этого предмета и неопредѣленности программы уѣзднаго училища, отчасти же въ частой смѣнѣ учителей этого предмета: въ теченіе семи лѣтъ (1863—1870) перемѣнилось 4 учителя, т. е. каждый среднимъ числомъ служилъ $1^3/_4$ года. Архіепископъ сибирскій и тобольскій Варлаамъ въ 1871 году объявляетъ законоучителю, что „хотя онъ и рекомендуется по жизни, но жаль, что въ образованіи недалекъ, хотя и перворазрядный“ и внушаетъ ему, „яко законоучителю, преспѣяніе и немалое“. Въ томъ же году академія художествъ пригласила училище принять участіе въ конкурсѣ ученическихъ рисовальныхъ работъ, учителя же—изложить методъ преподаванія, и училище не нашло ни одной работы, достойной представленія въ академію, учитель опи-

---

тельномъ дѣятелѣ, потому что онѣ уже отчасти появились въ Исторической запискѣ Тобольской гимназіи, составленной гг. Замахаевымъ и Цвѣтаевымъ (стр. 215—219) и, кромѣ того, появилась отдѣльная біографія его, сост. г. Гашинскимъ. Авторъ.

санія своего метода тоже не представилъ. Тѣмъ же училище отвѣтило и обществу естествознанія, антропологіи и этнографіи, приглашавшему училище участвовать въ московской политехнической выставкѣ. Въ 1872 г. главный инспекторъ замѣтилъ, что ученики пишутъ кудреватымъ почеркомъ, по чертенію же рекомендовалъ обратить большее вниманіе на изученіе перспективы и давать на весь классъ одинъ чертежъ, предварительно вычерченный на доскѣ самимъ преподавателемъ,—вообще вести урокъ въ бесѣдахъ и разъясненіяхъ, а *не въ простомъ механическомъ счерчиваніи съ доски*. Въ томъ же году главный инспекторъ училищъ рекомендуетъ осторожнѣе относиться къ освобожденію учениковъ отъ платы за право ученія: онъ предписываетъ освобождать только исправныхъ учениковъ, имѣющихъ по всѣмъ предметамъ не менѣе 3, при этомъ констатируетъ фактъ, что училища, освобождающія наибольшее число учениковъ, отличаются наименьшею успѣшностью: въ одномъ изъ такихъ училищъ въ 1-мъ классѣ ученики съ трудомъ умѣли читать. Какое мѣсто занимало ялуторовское училище во мнѣніи руководителя учебнаго дѣла въ Западной Сибири, неизвѣстно, только изъ числа 67 учениковъ освобожденныхъ въ немъ было болѣе половины, а именно 37. „Слѣдуетъ заботиться“, продолжаетъ онъ: „не о числѣ учениковъ, а о достоинствѣ училища: такое училище, которое ведетъ своихъ воспитанниковъ и выпускаетъ ихъ съ дѣйствительными знаніями, всегда заслужитъ свою репутацію и всегда будетъ имѣть учениковъ. Къ сожалѣнію, этого нельзя сказать о большей части нашихъ уѣздныхъ училищъ“. Случайность выбора книгъ въ училищныя фундаментальныя библіотеки также обратила на себя вниманіе главнаго инспектора, и онъ въ 1870 году, вмѣсто газетъ и журналовъ, имѣющихъ лишь временный интересъ, рекомендуетъ выписывать книги научнаго содержанія, а изъ журналовъ лишь педагогическіе. Въ томъ же году смотритель училищъ П. П. Фоняковъ проситъ преподавателей аккуратнѣе относиться къ своимъ дежурствамъ: слѣдить за поведеніемъ учениковъ во время перемѣнъ и заниматься съ оставшимися за малоуспѣшность. Изъ этого ряда распоряженій ясно видно, въ какомъ положеніи находилось учебное дѣло вообще въ уѣздныхъ училищахъ и въ ялуторовскомъ въ частности. Но вотъ еще фактъ, характеризующій отношеніе учителей къ вопросамъ науки и къ дѣлу изученія своей родины: когда въ Омскѣ открылось въ 1870 году общество изслѣдователей Сибири и пригласило участвовать въ своихъ трудахъ учителей, то желающихъ вступить въ число членовъ этого общества изъ ялуторовскихъ педагоговъ не нашлось.

На сѣренькомъ фонѣ училищной жизни прорывались однакожъ

иногда и свѣтлыя явленія. Къ такимъ отраднымъ фактамъ принадлежатъ нѣкоторыя распоряженія педагогическаго совѣта. 17-го ноября 1865 года училищный врачъ Надежинскій открылъ при училищѣ курсъ гигіены: въ своихъ лекціяхъ онъ объяснялъ ученикамъ пользу прививанія оспы, причины заразныхъ болѣзней, значеніе жилищъ, одежды и воздуха и необходимость ихъ чистоты для здоровья человѣка. Въ 1865 году было прочтено двѣ лекціи: 17-го ноября и 8-го декабря. Ф. В. Рудаковъ, посѣтившій эти лекціи, нашелъ ихъ очень полезными. Въ ноябрѣ 1867 года учителя уѣзднаго училища ввели по средамъ и субботамъ преподаваніе французскаго, нѣмецкаго и латинскаго языковъ и естественной исторіи, раздѣливъ этотъ трудъ между собою. Преподаваніе это продолжалось до 1870 года. Но самыя существенныя услуги, которыя оказали учителя уѣзднаго училища, заключаются въ устройствѣ при училищѣ публичной библіотеки и въ помощи, которую они принесли женскому образованію въ Ялуторовскѣ.

Вопросъ объ устройствѣ библіотеки былъ возбужденъ директоромъ еще въ 1860 г., и проэктъ устава библіотеки былъ составленъ тогда же, но, путешествуя по разнымъ инстанціямъ (онъ доходилъ до генералъ-губернатора), онъ возвратился уже послѣ училищнаго пожара, когда отъ училищной библіотеки имѣлись лишь жалкіе остатки; вѣроятно, это-то обстоятельство и затормозило дѣло, и открытіе библіотеки послѣдовало лишь 1-го іюля 1864 года. Для мѣстнаго общества, однако же, книга, какъ видно, не составляла тогда потребности, ибо подписчиковъ набралось всего 8 чел., отъ которыхъ (да еще отъ одного жертвователя) въ пользу библіотеки и поступило 50 р.; изъ этихъ денегъ 35 р. употреблено было на выписку журналовъ. Въ слѣдующемъ году подписчиковъ прибыло 12 чел., и они внесли па выписку книгъ 35 р. Въ этомъ же году въ пользу библіотеки данъ былъ „благородный“ спектакль, который и далъ 42 р. Въ 1866 году подписчиковъ увеличилось еще на 4 чел., и собранные съ нихъ 44 р. также пошли на выписку журналовъ. Въ 1867 году подписчиковъ сразу уменьшилось вдвое, вдвое же уменьшился и доходъ, а книгъ въ этотъ годъ было выписано лишь на 6 руб. 5 коп.! Въ 1868 году библіотечныя пріобрѣтенія равнялись 39 руб.,—слѣдовательно подписчиковъ было человѣкъ 15. 16-го августа 1868 года это дѣтище шестидесятыхъ годовъ было закрыто, не оставивши ни малѣйшихъ слѣдовъ своего существованія. Въ чемъ заключалась причина неуспѣха этого благороднаго предпріятія, при всемъ сочувствіи къ нему начальства? Въ грубости ли тогдашняго общества и отсутствіи въ немъ умственныхъ за-

просовъ? Въ неаккуратномъ ли отношеніи къ этому дѣлу библіотечныхъ управителей? Въ неумѣлости ли выбора книгъ?*) Какъ бы то ни было, книжное дѣло на ялуторовской почвѣ не принялось и заглохло до 1885 года, когда, благодаря иниціативѣ исправника В. Ѳ. Филимонова (а ранѣе того благодаря любви къ этому дѣлу молодого учителя П., устроившаго въ 1885 году спектакль съ этою цѣлію), было положено основаніе библіотекѣ при собраніи, имѣвшей съ самаго начала своего существованія значительный успѣхъ.

Самымъ важнымъ явленіемъ въ области народнаго образованія, имѣвшимъ безспорно сильное вліяніе на улучшеніе дѣла, былъ съѣздъ учителей въ Тобольскѣ и при немъ педагогическая выставка, устроенные благодаря стараніямъ Ф. В. Рудакова.

Съ переходомъ въ 1858 г. училищъ, основанныхъ Якушкинымъ и протоіереемъ Знаменскимъ, въ вѣдѣніе министерства они значительно измѣнили свою программу: латинскій и греческій языки, 2-я часть ариѳметики, грамматика и географія, а также и катихизисъ, были исключены, и училища приблизились къ типу нынѣ существующихъ приходскихъ училищъ. Въ 1860 году женское училище должно было преобразоваться въ женское училище 2-го разряда, но преобразованіе это совершилось лишь въ ноябрѣ 1861 года. Вновь избранный попечительный совѣтъ, вслѣдствіе личной непріязни смотрителя къ бывшимъ надзирательницамъ Ярцевой и Балакшиной, замѣнилъ ихъ вдовой учителя Бреховой. Это было очень тяжело для не оцѣненныхъ труженицъ, и Ярцева много лѣтъ добивалась удовлетворенія; губернаторъ обратилъ вниманіе на ея жалобы, но отмѣнить постановленія совѣта не могъ. При сдачѣ училища оказалось 131 р. 75 к. наличной рукодѣльной и пожертвованной суммы, нѣсколько начатыхъ работъ, матерія, нитки, бумага и др. рукодѣльныя принадлежности, 37 платьевъ, 42 фартука и 41 пелеринка. (Не указываетъ ли это на то, что дѣвочекъ одѣвало само училище?) Книжныя богатства заключались въ 36 книгахъ журналовъ: Ласточка, Звѣздочка и Лучъ. Подъ сдаточной вѣдомостью объ руководительницы въ Ялуторовскѣ женскаго образованія приложили свои руки**): „посей ведомости принела начальница училище Л. Брехова“, „посей Вѣдомости сдала Алекса Ярцева“. Новооткрытое училище, какъ болѣе обширное по своимъ задачамъ, требовало и больше средствъ, но мы уже видѣли, сколько ихъ было.

*) Въ 1868 году выписывались Всемірный Трудъ, Русскій Вѣстникъ, Собраніе иностранныхъ романовъ, Воскресный Досугъ и Развлеченіе. Авт.

**) Подписи приводятся съ соблюденіемъ орѳографіи авторовъ. Авт

Вотъ какъ описываетъ матеріальное положеніе новаго училища смотритель училищъ. „Матеріальное обезпеченіе училища“,—пишетъ онъ,—„находится въ настоящее время въ довольно плохомъ состояніи, такъ что дальнѣйшее его существованіе становится почти невозможнымъ, непремѣнные же члены совѣта, хотя и обязаны изыскивать средства къ улучшенію училища, но ихъ служебныя обязанности не позволяютъ имъ имѣть исключительнаго и постояннаго занятія въ этомъ дѣлѣ, но какъ училище почти исключительно содержится пожертвованіями, для пріобрѣтенія которыхъ, по малочисленности и бѣдности здѣшняго общества, необходимы постоянныя и даже усиленныя занятія, которыя для нихъ затруднительны“. Здѣсь есть доля неправды. Дѣло пріобрѣтенія пожертвованій не требуетъ ни постоянныхъ, ни усиленныхъ занятій, и служебное положеніе членовъ совѣта не только не могло служить препятствіемъ, но скорѣе способствовало пріобрѣтенію пожертвованій. Корень зла заключался въ дурномъ началѣ: общество раздвоилось, и часть его, можетъ быть, большая, несочувственно отнеслась къ столь безцеремонному попранію трудовъ прежнихъ дѣятелей. Этотъ расколъ общества въ зародышѣ уничтожилъ бы училище, если бы на выручку не явились учителя уѣзднаго училища, изъявивъ желаніе заниматься въ училищѣ безплатно, благодаря чему открытъ былъ 1-й классъ. Это большая заслуга тогдашнихъ педагоговъ: смѣло можно сказать, что безъ нихъ дѣло женскаго образованія въ Ялуторовскѣ захирѣло бы, если бы совсѣмъ не заглохло. Первое время они, насколько позволяли ихъ прямыя обязанности, относились къ дѣлу народнаго образованія вполнѣ добросовѣстно, даже съ нѣкоторымъ рвеніемъ, но вскорѣ охладѣли. Причинъ этому было много: высокомѣрное отношеніе членовъ совѣта, которые считали себя начальниками заведенія, неумѣстное и неделикатное вмѣшательство ихъ въ педагогическое дѣло и, наконецъ, бѣдность, почти полное отсутствіе пособій—были главнѣйшими изъ нихъ. „Преподаваніе въ здѣшней школѣ“,—пишетъ откровенно учитель Лукіановъ въ 1866 году,—„едва ли можетъ итти сколько-нибудь успѣшнѣе, несмотря на все усердіе и стараніе со стороны учителя, во-первыхъ, потому, что школа не имѣетъ не только историческихъ и географическихъ картъ, но даже и глобуса, и во-вторыхъ, потому, что, занимаясь съ начала основанія школы, преподаватели не были удостоены со стороны совѣта никакого поощренія, что имѣетъ, конечно, не малое вліяніе на усиленіе дѣятельности“. Въ заключеніе онъ проситъ выписать къ началу года глобусъ, 10 или 15 экз. „Уроковъ географіи“ Семенова и 5 экз. „Исторіи Россіи“ Иловайскаго. Вознагражденіе учителямъ стали

давать лишь съ 1868 года: учителямъ наукъ по 50 к. за урокъ (за день)*), а учителямъ искусствъ по 35 к.

Здѣсь кстати привести расписаніе доходовъ и расходовъ школы на 1869 годъ.

Приходъ.

1) Изъ доходовъ городового хозяйственнаго управленія	100 р.
2) Пожертвованія купцовъ и торгующихъ при пріобрѣтеніи свидѣтельствъ	102 р.
3) Пожертвованія разныхъ лицъ	533 р.
4) Сборъ со спектакля	42 р.
5) %% съ 3-хъ пятипроцентныхъ билетовъ	15 р.
6) %% съ 4-хъ пятипроцентныхъ билетовъ	20 р.
Итого . .	812 р.

Расходъ.

1) Жалованье учительницѣ приготовительнаго класса	150 р.
2) Жалованье надзирательницѣ	120 р.
3) „ „ 4-мъ учителямъ	150 р.
4) „ „ служителю	48 р.
5) „ „ учителю пѣнія	20 р.
6) „ „ учит. башмачнаго ремесла	20 р.
7) Хозяйственные расходы и покупка билетовъ . .	355 р.
8) Ремонтъ, отопленіе, освѣщеніе зданія и др. расходы	272 р.
Итого . .	1035 р.

Постоянными источниками содержанія училища, какъ мы видимъ, были пособіе изъ городского хозяйственнаго управленія, пожертвованія со стороны торгующихъ, такъ какъ, при взятіи ими свидѣтельствъ на право торговли, съ нихъ обязательно взыскивалась извѣстная сумма, и, наконецъ, %% съ билетовъ. Случайными источниками были пожертвованія частныхъ лицъ, сборы со спектаклей и, кромѣ того, лотерейные розыгрыши вещей, сдѣланныхъ дѣвочками и пожертвованныхъ частными лицами, которые приносили иногда далеко за 100 р. Матеріальное положеніе училища къ концу шестидесятыхъ годовъ значительно, какъ мы видимъ, улучшилось; къ сожалѣнію, этого сказать нельзя по отношенію къ нравственной и учебной сторонѣ дѣла. Раздоры членовъ совѣта между собою и по отношенію къ учительскому персоналу разъѣдали все дѣло. Въ 1865 году послѣ спектакля, бывшаго въ училищѣ, члены пожелали играть въ карты. Начальница убѣждала членовъ не играть, такъ какъ находила это неудобнымъ для учебнаго заведенія, но попечительница разрѣшила игру, и противъ начальницы начались козни. Дѣло дошло до губернатора. „Какъ этотъ случай“,—писалъ начальникъ губерніи,— „такъ и бывшій въ засѣданіи попечительнаго совѣта показываетъ, что между членами не существуетъ того взаимнаго согласія, которое такъ необходимо для управленія заведеніемъ и безъ котораго никакія правительственныя мѣры не могутъ имѣть успѣха“. Въ 1867 году въ совѣтѣ вновь возникаютъ интриги, на этотъ разъ направленныя противъ смотрителя Аристова. Аристовъ, вернувшись изъ округа и узнавъ, что многія изъ ученицъ не были на молебнѣ по случаю избавленія драгоцѣнной жизни покойнаго Царя-Освободителя отъ вторичнаго покушенія, рѣшился отслужить молебенъ въ зданіи училища. Молебенъ былъ отслуженъ. Члены попечительнаго совѣта до глубины души возмутились этимъ поступкомъ. „Какъ отслужить молебенъ и безъ нашего позволенія и безъ нашего присутствія!“ И въ совѣтъ посыпались заявленія, при чемъ первой подала примѣръ попечительница Шишко. Совѣтъ, разбирая эти заявленія, дошелъ до того, что сталъ обсуждать служебную дѣятельность смотрителя и какую-то прощальную смотрительскую рѣчь, произнесенную на торжественномъ актѣ, и нашелъ, что она не была представлена на цензуру городничаго, и весь этотъ ворохъ домашнихъ нечистоплотностей рѣшили представить на разсмотрѣніе губернатору. Управлявшій губерніей предсѣдатель губернскаго правленія Курбановскій со скорбію могъ только отвѣтить, что все это дѣло носитъ характеръ личныхъ раздоровъ, что никакое порядочное дѣло не можетъ итти съ тѣмъ успѣхомъ, какого заслуживаетъ, при такихъ взаимныхъ отношеніяхъ и, наконецъ, что очень сожалѣетъ, что они къ своимъ отношеніямъ и препирательствамъ примѣшали даже священную Особу Монарха, драгоцѣнная жизнь котораго находилась въ такой опасности“. Въ томъ же 1867 году, не успѣла улечься грустная исторія со смотрителемъ, какъ возникла новая: начальница или надзирательница училища Л. Брехова не угодила чѣмъ-то попечительницѣ Шишко, и она подаетъ въ совѣтъ заявленіе, что надзирательницу необходимо уволить отъ должности. Члены отъ дворянъ Игумновъ и Шалобановъ согласились съ попечительницей, а смотритель училищъ Фоняковъ и городовой староста Мясниковъ нашли ходатайство объ увольненіи не выдерживающимъ критики, такъ какъ Брехова ежегодно

*) При разсмотрѣніи дѣлъ я убѣдился, что выраженіе „за урокъ“ равносильно было выраженію „за день“. Авт.

была представляема къ наградамъ, слѣдовательно служба ея считалась полезной; кромѣ того, увольненіе отъ должности практикуется лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, и обыкновенно ему предшествуютъ замѣчанія, выговоры и т. п. Лишь благодаря этому заступничеству Брехова осталась при своей должности. Къ 1870-мъ годамъ учебное дѣло въ женской школѣ пало на самую низкую ступень. „Училище“,—пишетъ попечительница школы Губанова,—„состоитъ изъ одного класса, тогда какъ оно должно состоять изъ трехъ, да и этотъ единственный классъ весьма слабъ по успѣхамъ... учителя уѣзднаго училища приняли на себя трудъ занятій въ женскомъ училищѣ каждый по своей спеціальности, но посѣщаютъ училище нерадиво, хотя и получаютъ за учебный день по 50 копеекъ, а даютъ 2—3 урока въ мѣсяцъ“*). Въ устраненіе этого порядка она предложила совѣтъ имѣть двухъ учительницъ: одну для приготовительнаго и рукодѣльнаго класса, а другую—для перваго, а затѣмъ по мѣрѣ открытія классовъ прибавлять число учительницъ. Въ учительницы приготовительнаго класса она рекомендовала пригласить Брехову. Въ іюлѣ 1870 года проектъ ея осуществился, и учительницами были назначены двѣ молодыя дѣвушки, только что окончившія курсъ въ Тобольской Маріинской женской школѣ: Ѳедорова и Зданевичъ, Брехова же была совсѣмъ уволена, какъ не имѣвшая правъ на преподаваніе. Мы уже видѣли, въ какомъ печальномъ положеніи находилось училище до этого времени, съ 1870-го же года учебная часть значительно улучшилась: молодыя учительницы работали старательно и успѣшно и заслужили общественное уваженіе, особенно Ѳедорова. Классная система преподаванія практиковалась до 1874 г., т. е. до преобразованія училища въ прогимназію. Въ заключеніе отмѣтимъ тотъ отрадный фактъ, что декабристы не забывали наши школы и на родинѣ: такъ, въ 1861 г. въ пользу приходскаго училища отъ неизвѣстнаго лица изъ Москвы поступило 142 р., а жена коллежскаго регистратора Ол. Ив. Басаргина послѣ своей смерти отказала въ пользу училища 500 руб.

Число учащихся въ уѣздномъ училищѣ за это время не поднималось выше 70 и не падало ниже 26 человѣкъ. Самый богатый учащимися годъ былъ 1872 (70 ч.), а самый бѣдный 1873 (26 ч.). Обычнымъ числомъ въ шестидесятые годы было 43, 44, 45 человѣкъ, а въ семидесятыхъ годахъ 60 ч. (исключая 1871 года, когда было 50 учениковъ).

*) Это едва ли не преувеличеніе: смотритель училищъ, по крайней мѣрѣ, доносилъ, что учителя даютъ по 2—3 урока (т. е. дня) въ недѣлю, а не въ мѣсяцъ. Авторъ.

Въ женскомъ училищѣ наибольшаго предѣла число учащихся достигло въ 1873 году, т. е. въ годъ закрытія училища (54 ч.). Въ теченіе 1864, 1865, 1866 гг. обучалось всего 15—16 дѣвочекъ. Обычнымъ числомъ учащихся можно считать 37—38 ч.

Въ приходскомъ училищѣ въ 1861, 1862, 1863 годахъ обучалось всего по 42—43 ч., въ 1865 и 1867 гг. число это увеличилось до 47; самымъ богатымъ учащимися годомъ былъ 1869, въ продолженіе котораго обучалось 70 челов., и 1871 г. съ 62 учащимися.

Послѣ пожара уѣздному училищу пришлось устраивать свою библіотеку съ основанія. На первыхъ порахъ много помогъ тит. сов. П. С. Наутовъ, пожертвовавшій, въ благодарность за полученное имъ въ этомъ училищѣ образованіе, свою библіотеку въ 95 книгъ, а затѣмъ библіотека пополнялась уже исключительно выпиской. Въ 1863 году было выписано 36 назв. въ 120 томахъ, на сумму 67 руб., въ 1864 г.—16 назв. въ 29 томахъ, на сумму 63 рублей. Въ 1865, 1868, 1870, 1872 и 1873 гг. было выписано книгъ болѣе, чѣмъ на 100 рублей; обыкновенно же расходовалось на выписку книгъ ежегодно слишкомъ 60 рублей. 1866 годъ былъ въ этомъ отношеніи выдающимся: въ теченіе его было пріобрѣтено книгъ на 238 р. (108 назв. 258 т.). Къ концу описываемаго періода библіотека достигла 377 назв. въ 1050 томахъ. На ряду съ фундаментальной библіотекой созидалась и ученическая, и пополнялся отдѣлъ учебныхъ пособій. Когда была основана ученическая библіотека, мы не могли найти въ архивѣ,—во всякомъ случаѣ не ранѣе 1867 г., пополняться же болѣе или менѣе регулярно стала съ 1870 г. (было израсходовано на нее 15 руб.), но пополнялась очень слабо, ибо расходовалось на нее ежегодно не болѣе 3 руб. Содержалась она, повидимому, очень неряшливо: книги были ветхи, и до 1871 года она не имѣла даже инвентаря. Съ 1876 года ее стали приводить въ порядокъ. Къ 1874 году ея богатства заключались въ 36 назв. въ 109 томахъ.

Въ женскомъ училищѣ до 1872 года библіотеки, можно сказать, не существовало. Наслѣдство, оставленное приходскимъ училищемъ въ видѣ трехъ почтенныхъ журналовъ: Луча, Ласточки и Звѣздочки, временами пополнялось пожертвованіями частныхъ лицъ, состоявшими изъ разрозненныхъ и разбитыхъ книжекъ тогдашнихъ журналовъ, въ томъ числѣ и Revue de deux mondes, который до послѣдняго времени обрѣтался неприкосновеннымъ. Въ 1872 г. была единственная выписка книгъ на 18 р. (22 назв. 31 т.). Учебныя пособія также мало пополнялись: въ 1869 году было выписано 17 пособій, въ томъ числѣ два атласа, которые до 1872 года и числились неизмѣнно.

Библіотека приходскаго училища основалась въ 1864 году, когда въ нее поступило книгъ 5 названій въ 8 томахъ. Въ 1866 году въ ней числилось 33 названія въ 35 томахъ. Въ 1867 году, несмотря на то, что было прибавлено книгъ на 3 руб., число это уменьшилось до 24 назв. въ 34 т. Кромѣ этихъ, было еще три выписки: въ 1869 году на 22 р., въ 1870 г. на 1 руб. и въ 1872 г. на 22 р. Къ 1874 году въ библіотекѣ состояло 85 назв. въ 151 томѣ. Также слабо развивался и отдѣлъ учебныхъ пособій.

Вотъ въ какомъ положеніи находились городскія школы.

Мы уже разсмотрѣли рядъ мѣръ, направленныхъ къ подъему учебнаго дѣла въ городскихъ училищахъ, но не менѣе ихъ было предпринято и по отношенію къ сельскимъ школамъ округа. Мы уже видѣли, что вліяніе этихъ школъ какъ въ количественномъ такъ и въ качественномъ отношеніи было ничтожно. Необходимо было поднять уровень этихъ школъ, и директоръ училищъ Ф. В. Рудаковъ въ 1864-мъ году обратился къ смотрителямъ съ просьбой обозрѣть всѣ училища округа и откровенно описать ихъ во всѣхъ отношеніяхъ, дабы вѣрнѣе можно было судить о нихъ и знать, что въ нихъ требуетъ поправокъ. Смотритель училищъ Аристовъ вотъ какъ описалъ ихъ.

Всѣхъ школъ въ ялуторовскомъ округѣ оказалось шесть, и изъ никъ половина находилась въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ, а другая подчинена была епархіальному начальству. Въ общественномъ домѣ помѣщалась всего лишь одна школа, а всѣ остальныя въ церковныхъ сторожкахъ (3) и въ частныхъ наемныхъ квартирахъ (2). Преподавателями вездѣ считались священники, которые получали въ школахъ минист. государственныхъ имуществъ 85 р. годового жалованья изъ волостныхъ суммъ, а въ церковныхъ школахъ занимались безплатно. Занимались сами лишь немногіе, большинство же поручали дѣло обученія наемнымъ людямъ, которымъ давали и часть жалованья: такъ, въ с. Новозаимскомъ занимался поселенецъ Кочетовъ, человѣкъ по свидѣтельству смотрителя достаточно гратотный; въ с. Омутинскомъ губ. сек. Черновскій, окончившій курсъ въ Камышловскомъ уѣздномъ училищѣ, но не имѣвшій учительскаго званія и отказавшійся держать экзаменъ по „слабости познанія“; въ с. Исетскомъ занимался поселенецъ Бурлинъ. Постоянные разъѣзды по приходу для исполненія церковныхъ требъ страшно тормозили учебное дѣло, и священникъ volens-nolens долженъ былъ поручать это дѣло дьячку, человѣку въ большинствѣ случаевъ малограмотному, или за неимѣніемъ годнаго дьячка какому-нибудь другому деревенскому грамотею; грамотеевъ же изъ мѣстныхъ крестьянъ было мало: да и что за охота человѣку мѣнять свое хозяйство на заработокъ—въ лучшемъ случаѣ 5 руб. въ мѣсяцъ? Поневолѣ приходилось поручать дѣло ссыльнымъ, которые въ сущности и при существованіи школы занимались обученіемъ крестьянскихъ ребятишекъ; даже впослѣдствіи, когда школа была взята въ вѣдѣніе министерства государственныхъ имуществъ, ссыльные являлись важными конкурентами зарождающейся школы тѣмъ болѣе, что волостныя власти и общества сочувственно относились къ такимъ домашнимъ учителямъ.

Учитель Архангельскаго училища Нестеровъ въ 1875 году просилъ смотрителя „объ уничтоженіи частныхъ учителей“, особенно поселенца Бобкова, который „сдѣлалъ развращеніе между родителями учащихся“. Въ с. Агаракскомъ, Плетневской волости, занимался частнымъ обученіемъ изгнанный изъ духовнаго званія дьячекъ Мизерантовъ; въ поношеніе учителя онъ распространилъ слухъ, что онъ, Мизерантовъ, лучше можетъ учить, чѣмъ въ училищѣ, и притомъ по церковнымъ книгамъ. У него обучалось 9 человѣкъ. Когда смотритель училищъ запретилъ ему преподаваніе, то агаракское общество выступило за него съ горячей защитой. Сами священники занимались лишь въ селахъ Суерскомъ, Терсюкскомъ и Юргинскомъ, т. е. въ министерскихъ школахъ, но они вели дѣло не лучше наемныхъ учителей, а одинъ изъ нихъ негоденъ былъ даже физически: по своей дряхлости, онъ плохо и слышалъ и говорилъ. Другіе священники, хотя были моложе и бодрѣе, но не болѣе удовлетворяли педагогическимъ требованіямъ: безъ всякой педагогической подготовки, они не могли поставить школу на ту высоту, какая была необходима для ея успѣховъ. Учителя-наемщики получали за каждаго ученика по 50 коп. и по 1 руб. въ мѣсяцъ и жили поочередно по недѣлѣ у родителей учениковъ. Въ прошлой главѣ мы уже описывали преподаваніе въ дореформенныхъ школахъ и результаты этого преподаванія. Здѣсь же мы коснемся нѣкоторыхъ частностей. Въ Суерскомъ училищѣ 6 мальчиковъ, спрошенные изъ священной исторіи, не разсказывали о событіяхъ, а безостановочно читали съ закрытыми глазами, не измѣняя голоса, и совершенно не понимали вызубреннаго. Нѣкоторые читали хорошо, но ни одинъ не былъ въ состояніи разсказать прочитаннаго и объяснить непонятныя слова. Изъ ариѳметики 4 ученика могли сдѣлать первыя три дѣйствія съ простыми числами. Писали 10 человѣкъ сносно. Дѣвочки обучались пока только чтенію. Во всѣхъ остальныхъ школахъ успѣхи были еще ниже. Въ Новозаимской школѣ читать порядочно могли 4 мальчика и 1 дѣвочка, но разсказать прочитаннаго не могъ никто. Изъ краткаго катихизиса, оказалось, зазубривался текстъ, и ученики не могли объяснить ни одного

слова Символа вѣры и молитвы Господней. Что касается ариѳметики, то результаты ея преподаванія оказались болѣе чѣмъ ничтожны: ученики не въ состояніи были отличить 15 отъ 105. Въ Юргинскомъ училищѣ могли писать числа до 1000. Вотъ въ какихъ микроскопическихъ размѣрахъ распространялось образованіе въ округѣ, но оно покажется намъ еще болѣе мизернымъ, если мы примемъ во вниманіе, что описываемыя нами школы имѣли самое ничтожное количество учащихся: такъ, въ Терсюкской было всего 5 учениковъ, въ Омутинской 9, въ Новозаимской 10 (7 мал. и 3 дѣв.), въ Юргинской 14, и только въ Исетской и Суерской достигало 25 уч. Такимъ образомъ, весь итогъ просвѣтительной дѣятельности сельскихъ школъ Ялуторовскаго округа заключался въ томъ, что 80 мальчиковъ научались читать и писать, но ни понимать мысли и чувства, выраженныя на бумагѣ, ни выражать ихъ—они, увы! не научались.

Первыми, неотложными потребностями школы были признаны замѣна учителей-священниковъ свѣтскими учителями и ихъ обезпеченіе. Съ этою цѣлію всѣ церковно-приходскія школы постепенно переведены были въ вѣдѣніе министерства государственныхъ имуществъ. Переходъ этотъ совершился довольно скоро. Мы ранѣе видѣли, что въ 1864 г. было уже 4 школы: Суерская, Терсюкская, Юргинская и Исетская, въ 1865 году къ нимъ прибавились Верхсуерская, Соловьевская и Кизакская. Завѣдываніе школами возложено было на казенную палату, отъ которой зависѣло открытіе новыхъ школъ въ округѣ*), назначеніе и увольненіе учителей, а также, совмѣстно съ директоромъ училищъ, и высшее руководительство учебнымъ дѣломъ въ этихъ школахъ. За приготовленіе учителей взялись уѣздныя и женскія училища, и до основанія учительской семинаріи въ Омскѣ контингентъ учителей пополнялся главнымъ образомъ окончившими курсъ въ уѣздныхъ и женскихъ училищахъ, изъ священниковъ же остались лишь очень немногіе: такъ, въ 1869 году изъ 10 учителей священниковъ было всего два. Жалованья учителямъ было 85 р. въ годъ, и расходъ этотъ былъ отнесенъ къ числу земскихъ волостныхъ повинностей. Снабжать училища учебниками и учебными пособіями также взялось уѣздное училище: оно выписывало книги и пособія изъ столицъ и затѣмъ за умѣренную плату разсылало по училищамъ. Заведеніе школьныхъ зданій, наемъ, отопленіе и освѣщеніе училищныхъ помѣщеній возложены были на волостныя общества. Общества однакожъ неохотно брались за это дѣло, и

*) Первое время, впрочемъ, школы открывались съ разрѣшенія главнаго управленія Западной Сибири. Авторъ.

въ этомъ отношеніи еще многаго приходится желать и въ наше время, тогда же школьныя помѣщенія были ниже всякой критики. Вотъ каково было помѣщеніе Заводоуковской школы, въ 22 верстахъ отъ города. Въ стѣнахъ и на потолкѣ классной комнаты были щели, сквозь которыя вѣтеръ, проникая съ улицы, поселялъ такой холодъ въ комнатѣ, что, по разсказамъ учителей и бывшихъ учениковъ, заниматься приходилось въ шубахъ, шапкахъ и рукавицахъ, и при этомъ необходимо было постоянно грѣться у печи, а иногда, въ особенно сильные морозы, заниматься вмѣстѣ съ учительницей на печи. Не лучше была и учительская комната, въ которой сквозь крышу и потолокъ проникалъ дождь, и, безъ сомнѣнія, скоплялся бы въ большія лужи, если бы на полу, сверхъ обыкновенныхъ, положенныхъ по штату щелей, не было вершковыхъ и двухвершковыхъ дыръ, въ которыя вода и стекала подъ полъ. Эти дыры, представляя столь значительное удобство, служили и другую службу, уже не такъ пріятную для учительскаго организма, а именно: безпрепятственно пропускали вѣтеръ, который и дулъ въ нихъ, какъ въ трубу, щедро надѣляя учителей ревматизмомъ и другими подобными прелестями. Этому, впрочемъ, много способствовали и окна, въ которыхъ цѣлыхъ стеколъ имѣлось очень мало, такъ какъ поломанныя никогда не вставлялись, а заклеивались просто-на-просто бумагой. Отапливать приходилось комнаты сырыми дровами и валежникомъ, доставляемыми по подряду крестьяниномъ Лушниковымъ, который по своимъ дѣламъ часто уѣзжалъ изъ завода и училище оставалось безъ дровъ, такъ что: „мнѣ самому“,—пишетъ учитель Карпинскій,—„за неимѣніемъ дровъ, приходилось топить печь щепами“. Трудно вѣрить въ возможность подобной обстановки, но пусть невѣрующіе Ѳомы обратятся къ дѣламъ училища за 1875 годъ за №№ 237, 259, 305, 343 и за 1876 годъ за №№ 110 и 250-мъ. Въ селѣ Шороховскомъ училище помѣщалось въ общественномъ домѣ, крайне тѣсномъ, имѣющемъ мало свѣта и угарномъ. Помѣщенія для учительской квартиры въ этомъ зданіи совсѣмъ не было. На неудобство училищнаго помѣщенія жаловались и шатровскіе законоучитель и учительница и просили припудить волостное начальство озаботиться устройствомъ лучшаго помѣщенія.

При устройствѣ училищной обстановки въ народной бѣдности и невѣжествѣ были встрѣчены еще большія препятствія. Такъ, при Терсюкскомъ училищѣ библіотека была очень бѣдна, и всѣ почти учебники пришли отъ времени въ ветхость. Не было при училищѣ также и часовъ. Спасская учительница Звѣздина пишетъ, что ей недостаетъ самыхъ необходимыхъ учебныхъ

принадлежностей: перьевъ, ручекъ, линеекъ, аспидныхъ досокъ, карандашей, грифелей и даже мѣлу. Но народное невѣжество было сильнѣе бѣдности, и школьное дѣло тормозилось имъ еще чувствительнѣе. „При всемъ желаніи наставниковъ,“—пишетъ учитель Карпинскій—„развить грамотность, къ сожалѣнію, въ родителяхъ учениковъ упорно коренится пренебреженіе и полное равнодушіе къ грамотѣ, тогда какъ во всѣхъ почти дѣтяхъ-ученикахъ жажда грамотности и къ чтенію книгъ очевидна, что доказывается желаніемъ многихъ пріобрѣсти собственныя книги, которыя ими покупаются на ярмаркахъ или у бродящихъ по селамъ такъ называемыхъ коробейниковъ. Родители же безпрестанно отвлекаютъ учениковъ отъ занятій, отпрашивая ихъ на день на два и задерживая дома недѣлю и болѣе, такъ что иногда въ теченіе мѣсяца не ходитъ болѣе 1/3 числа учениковъ. Изъ числа 5 старшихъ учениковъ были приготовлены еще въ прошломъ году къ окончанію курса 3, но по волѣ родителей они взяты изъ училища“.

Но не среди крестьянъ только не встрѣтила сочувствія новая школа,—мѣстные священники также относились къ ней индиферентно. Почти ни одинъ священникъ не являлся преподавать Законъ Божій въ этихъ школахъ. Въ с. Суерскомъ оба священника отказались заниматься за неимѣніемъ времени. Въ с. Омутинскомъ оба священника также отказались отъ преподаванія: одинъ—по должности благочиннаго, другой—за старостью. Учитель Ингалинскаго училища писалъ, что мѣстный священникъ отказался заниматься въ школѣ, такъ какъ ему нѣтъ объ этомъ предписанія отъ консисторіи. Юргинскій священникъ соглашался заниматься съ тѣмъ, чтобы учитель отдалъ ему треть своего жалованья. Тѣ же священники, которые взялись за преподаваніе, относились къ этому дѣлу крайне небрежно. Терсюкскій священникъ посылалъ иногда за себя заниматься оспенника, который у него проживалъ. Когда явился новый учитель Черноговъ, то священникъ прогналъ его изъ училища, и хотя тотъ предъявилъ ему бланкъ, выданный губернаторомъ, но тотъ не вѣрилъ ему и называлъ учителя бродягой. Ингалинскій священникъ, по случаю обрядовъ вѣнчанія и гостей въ его домѣ, не сталъ ходить въ школу, а потому не было и выпуска. Въ февралѣ 1876 года такое отношеніе священниковъ къ школѣ было остановлено указомъ консисторіи, которая предписала священникамъ со всѣмъ усердіемъ заниматься Закономъ Божіимъ въ сельскихъ школахъ, отнюдь не допуская при этомъ какой-нибудь небрежности, ибо учить народъ правиламъ вѣры и нравственности—прямая обязанность священниковъ. „Небрежно относящіеся къ этому дѣлу“,—въ

заключеніе прибавляетъ консисторія,—„будутъ переводиться въ худшіе приходы“.

Въ самомъ выборѣ селеній для училищъ иногда дѣлались ошибки, и оттого успѣшность школы шла слишкомъ медленнымъ шагомъ, и нѣкоторыя школы приходилось закрывать или переводить въ другія мѣста. Закрыты были школы Поляковская, Соловьевская, Мининская и Томиловская. Вотъ, что писалъ, напримѣръ, кизакскій священникъ о. К. Беллюсовъ о своей школѣ послѣ двадцатилѣтняго ея существованія. Слобода Кизакская, по его мнѣнію, на дѣлѣ вовсе не оправдывала заботъ и стараній начальства по устройству въ ней школы, такъ какъ учащихся въ школѣ всегда было мало, а въ 1884 г., когда онъ писалъ, было всего семь человѣкъ. Населеніе Кизака малочисленно, крестьянскихъ домовъ православнаго вѣроисповѣданія было не болѣе пятнадцати, а остальное населеніе составляли раскольники, вообще косо смотрящіе на школы. Жители деревень, принадлежащихъ къ Кизакскому приходу, не отдавали дѣтей своихъ въ школу частію по ея отдаленности, а главное потому, что крестьянинъ, отдавъ своего ребенка въ школу, долженъ былъ платить за квартиру и столъ. О. Беллюсовъ проситъ училищное начальство перевести школу изъ Кизака въ деревню Журавлеву (Курскій выселокъ), съ которой рядомъ находятся выселки Щигровскій и и Фатежскій и деревня Погодаева, составляющіе одно общество. „Если училище будетъ перемѣщено въ выселокъ Курскій“,—пишетъ онъ,—„то учащихся будетъ не семь, а семьдесятъ. Для учителя, нечего говорить, найдется приличная квартира, а законоучителю не будетъ обременительно два-три раза въ недѣлю съѣздить въ училище за 6 верстъ, лишь была бы польза“.

Несмотря на всѣ неудобства, новая школа пришлась населенію болѣе по вкусу, чѣмъ прежняя духовная. Среднее число учащихся въ церковной школѣ простиралось въ разные годы до 9 чел. (только въ 1861—18 чел.), новая же школа на первыхъ порахъ, въ 1864 и 65 годахъ, имѣла уже 13—14 уч., въ слѣдующіе же годы число учащихся на каждую школу среднимъ числомъ приходилось 28. Общее число учащихся въ духовныхъ школахъ никогда не превышало 160 чел. (это было въ 1862 г., когда школъ было 19), между тѣмъ какъ въ 1873 году въ новыхъ 17 школахъ учащихся было болѣе, чѣмъ въ два раза, а именно 386 чел. Когда въ 1871 году исправникъ предложилъ заводоуковскимъ крестьянамъ пригласить въ учителя мѣстнаго священника, то они заявили, что предпочитаютъ свѣтскаго учителя.

Обученіе грамотѣ въ сельскихъ училищахъ производилось по Золотову, ариѳметика преподавалась по Грубе. Это былъ уже

значительный шагъ впередъ въ сравненіи съ преподаваніемъ въ церковныхъ школахъ. Мало доступныя формулы „буки-азъ—ба, вѣди-азъ—ва“ были уже выброшены изъ обращенія, и время, растрачиваемое на изученіе „складовъ“, было употребляемо съ большею пользою на объяснительное чтеніе.

Число окончившихъ курсъ было однакожъ не велико. Въ 1871 году оно превышало 20, но уже въ слѣдующемъ 1872 г. во всѣхъ училищахъ округа ихъ было всего 2 ученика! Причиною печальнаго явленія была, безъ сомнѣнія, безправность окончившихъ курсъ. Съ введеніемъ всеобщей воинской повинности, когда окончившимъ курсъ въ начальныхъ училищахъ были предоставлены нѣкоторыя права, увеличилось и число оканчивающихъ курсъ.

Фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ до 1871 г. при сельскихъ училищахъ не существовало, пособій, кромѣ учебниковъ, не имѣлось,—въ одномъ только Омутинскомъ училищѣ смотритель училищъ встрѣтилъ 54 картины изъ священной исторіи. Были такіе училища, въ которыхъ изъ учебниковъ имѣлись лишь буквари да азбуки, какъ въ Архангельскомъ, а нѣкоторые не имѣли и этого, напр., Исетское женское, которое всѣмъ заимствовалось изъ мужского. Выписка книгъ и пособій для училищъ началась съ 1871 г., когда для всѣхъ 11 училищъ выписано было книгъ на 155 р. (151 назв. въ 700 том.). Въ слѣдующіе за тѣмъ года выписка продолжалась, но въ самыхъ микроскопическихъ размѣрахъ: въ 1872 г.—на 27 р., а въ 1873 г.—на 18 р. Выписывались, какъ видно, какія-то маленькія книжонки: на 27 руб. выписано 100 назв. въ 412 т., а на 18 руб.—116 назв. въ 316 томахъ!

То состояніе, котораго достигла сельская школа къ концу описываемаго періода, нельзя назвать блестящимъ: училищныя помѣщенія были бѣдны, библіотеки только что начали основываться и развивались слабо, учебныхъ пособій не было, оканчивающихъ курсъ было мало, учителя не имѣли достаточной педагогической подготовки и всего добивались опытомъ. Но, какъ ни печальна была обстановка этой школы, важно было уже то, что первый шагъ столь важнаго дѣла, какъ сельское образованіе, былъ сдѣланъ.

Глава VI. Народное образованіе съ 1873 по 1890 годъ.

Начало семидесятыхъ годовъ займетъ не одну страницу въ исторіи народнаго образованія въ Россіи. Преобразованіе гимназій,

реальныхъ и уѣздныхъ училищъ, измѣненіе программъ начальныхъ народныхъ училищъ, учрежденіе учительскихъ институтовъ и семинарій,—все это совершено было въ первую половину семидесятыхъ годовъ. Въ Западной Сибири это реформаціонное движеніе выразилось въ открытіи женскихъ гимназій и прогимназій и учрежденіемъ въ г. Омскѣ учительской семинаріи, которая до настоящаго времени остается единственнымъ разсадникомъ начальныхъ учителей, а въ Ялуторовскѣ, въ частности,—преобразованіемъ женской школы, рядъ неустройствъ который мы описали, въ трехклассную прогимназію съ приготовительнымъ классомъ; уѣздное же училище осталось въ своемъ прежнемъ видѣ.

Пріобрѣтеніе новаго дома для уѣзднаго училища было съ шестидесятыхъ годовъ одной изъ первыхъ заботъ училищаго начальства, но оно осуществилось лишь въ 1873 году, когда главный инспекторъ училищъ разрѣшилъ пріобрѣсть для училища домъ протоіерея Як. Кор. Словцова. Осенью 1873 г. домъ этотъ былъ пріобрѣтенъ, а къ началу 1874 года училище уже помѣщалось въ немъ. Домъ находится почти въ центрѣ города и состоялъ ранѣе изъ 5 комнатъ: трехъ большихъ—для классовъ, и двухъ поменьше: одной для учительской комнаты и другой для ремесленнаго класса. Всѣ эти комнаты были расположены по обѣ стороны коридора и имѣли изъ него каждая отдѣльный входъ. Для рекреацій отдѣльной залы не было. Классныя комнаты при достаточной высотѣ давали достаточно воздуха и были для классовъ удобны, чувствовался развѣ только недостатокъ свѣта. Съ пріобрѣтеніемъ зданія, войдя въ свою обычную колею, училище предпринимаетъ рядъ мѣръ для улучшенія своего внутренняго быта. Съ 1874 года вводится преподаваніе пѣнія, для церковнаго же пѣнія составляется изъ учениковъ хоръ. Въ 1877 году главный инспекторъ, вслѣдствіе проекта кол. сов. Павлова-Сильванскаго, командированнаго министромъ финансовъ для изученія сибирской промышленности и торговли, рекомендуетъ ввести въ уѣздныхъ училищахъ преподаваніе бухгалтеріи и коммерческихъ наукъ, а также устраивать ремесленные классы. Не имѣя своихъ средствъ, училище обратилось въ городскую управу, не согласится ли она оказать въ этомъ дѣлѣ матеріальное пособіе. Ялуторовская городская дума сочувственно отнеслась къ этому и ассигновала на устройство при училищѣ курсовъ бухгалтеріи и коммерческихъ наукъ и ремесленнаго класса на первый годъ 300 рублей, а затѣмъ ежегодно по 220 руб. Съ начала $187^{7}/_{8}$ года началось преподаваніе сапожнаго ремесла, а съ октября 1879 г. это ремесло замѣнено было столярнымъ и переплетнымъ. Кто преподавалъ бухгалтерію и коммерческія науки и какъ велось

преподаваніе этихъ предметовъ, мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ данныхъ. Можно только предполагать, что кто-нибудь изъ преподавателей, вѣрнѣе учитель ариѳметики, взялъ на себя преподаваніе этихъ предметовъ, и преподаваніе это велось не совсѣмъ успѣшно. Это обстоятельство, вѣроятно, и заставило думу въ январѣ 1883 года прекратить субсидію отъ города, но того же 25 января дума ассигновала 120 руб. въ пособіе училищу на содержаніе ремесленнаго (сапожнаго и башмачнаго) класса, который и существовалъ до января 1890 года, когда пособіе это было прекращено. Интересно было бы опредѣлить причину неудачи столь прекраснаго начинанія. Намъ кажется, что причина эта отчасти заключалась въ отсутствіи хорошихъ ремесленниковъ, способныхъ къ преподаванію. Безъ сомнѣнія, хорошіе ремесленники въ Ялуторовскѣ были, но они или запивали и слѣдовательно въ воспитательномъ отношеніи дѣйствовали бы вредно, или были негодны, какъ ссыльные; приходилось выбирать такихъ, которые, „хоть и дерутъ, зато ужъ въ ротъ хмѣльного не берутъ“. Съ другой стороны и само училищное начальство недостаточно опредѣлило роль ремесла въ общей системѣ преподаваемыхъ предметовъ. Неизвѣстно, было ли цѣлію создать хорошихъ сапожниковъ, или ремесло, какъ физическій трудъ, должно было носить воспитательный характеръ. Первая цѣль никоимъ образомъ не могла быть достигнута. Всѣ ученики раздѣлены были на три группы, но не по возрасту и степени ихъ познаній въ ремеслѣ, а такъ—просто бралось по нѣсколько человѣкъ изъ каждаго класса. Преподаваніе происходило по средамъ и субботамъ, т. е. два раза въ недѣлю. Если считать въ году сорокъ учебныхъ недѣль, то, принимая во вниманіе, что по средамъ и субботамъ приходились и праздники, каждому ученику (или вѣрнѣе каждой группѣ) въ теченіе трехлѣтняго курса приходилось взять не болѣе 80 уроковъ. Едва ли можно изучить ремесло въ 80 часовъ въ сообществѣ 15-ти товарищей! Не достигалась и вторая цѣль: простой ремесленникъ, незнакомый съ педагогическими взглядами, не могъ хорошо служить воспитательному дѣлу и почему-то лишь являлся мишенью для разныхъ ученическихъ выходокъ и насмѣшекъ, такъ что занятія эти въ воспитательномъ отношеніи были по меньшей мѣрѣ безполезны. Была и еще причина охлажденія города къ покровительствуемому имъ классу. Городская дума давала деньги на содержаніе, но ей не только не было предоставлено права слѣдить за преподаваніемъ, но даже не посылалось отчетовъ по расходованію денегъ. Такимъ образомъ, ремесленный классъ, испытавъ различныя преобразованія, послѣ своего шестнадцатилѣтняго существованія, былъ закрытъ. Классъ пѣнія существуетъ и до сихъ поръ, какъ существуетъ и ученическій хоръ.

Съ 1881 года введено преподаваніе гимнастики, а съ 1889 года введено преподаваніе военной гимнастики подъ руководствомъ унтеръ-офицера мѣстной команды. Изъ постановленій совѣта обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія. 12-го марта 1877 г. совѣтъ ввелъ въ приходскомъ училищѣ преподаваніе чистописанія по тактамъ. 16-го октября 1881 года совѣтъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи учителю исторіи и географіи знакомить учениковъ 1-го класса съ важнѣйшими физическими явленіями природы, а учениковъ 2-го и 3-го класса съ элементарной физикой, тогда же совѣтъ ходатайствовалъ и о введеніи гимнастики, а въ 1885 году—о раздѣленіи приходскаго училища на три отдѣленія вмѣсто двухъ. Тѣлесныя наказанія только съ семидесятыхъ годовъ потеряли свою силу. Съ этого времени и до послѣдняго они встрѣчались развѣ только въ видѣ самаго рѣдкаго исключенія.

Въ остальномъ жизнь училища измѣнилась очень мало. Вотъ какъ описываетъ жизнь уѣздныхъ училищъ П. И. Пановъ, директоръ училищъ, въ своемъ циркулярѣ, изданномъ по поводу обозрѣнія училищъ въ 1879 году. Главнымъ образомъ П. И. Пановъ обратилъ вниманіе на плохую постановку письменныхъ упражненій, а по нѣкоторымъ предметамъ и на полное отсутствіе ихъ. „Не всѣ преподаватели своевременно и аккуратно просматриваютъ ученическія упражненія по русскому языку и ариѳметикѣ, да и въ прочитанныхъ и оцѣненныхъ извѣстнымъ балломъ, сколько я лично могъ убѣдиться, встрѣчается очень много грубыхъ ошибокъ, что, само собой разумѣется, говоритъ о бѣгломъ и мало внимательномъ чтеніи преподавателей... Преподаватели не придаютъ этимъ работамъ фактическаго значенія, доказательствомъ чему можетъ служить то, что они отмѣтокъ за эти работы не заносятъ въ классный журналъ. При самой оцѣнкѣ такихъ работъ нѣкоторые преподаватели ограничиваются постановкой какихъ-то іероглифическихъ знаковъ, смыслъ употребленія которыхъ понятенъ только имъ одиимъ; иные, напротивъ, позволяютъ себѣ дѣлать слишкомъ грубыя рецензіи, оскорбительныя для самолюбія мальчиковъ. Большая часть преподавателей географіи не обращаетъ должнаго вниманія на черченіе картъ: изъ тѣхъ ‚ученическихъ работъ, какія мнѣ привелось видѣть, очень мало удовлетворительныхъ, большею же частію черченіе невѣрно и неряшливо“. П. И. Пановъ обратилъ также виманіе и на неправильныя отношенія штатныхъ смотрителей къ членамъ педагогическихъ совѣтовъ и на веденіе этихъ совѣтовъ. „Не предрѣшая того или другого вопроса и только руководя дѣломъ совѣщанія“,—пишетъ онъ въ томъ же циркулярѣ,—„смотритель не-

премѣнно долженъ принимать во вниманіе мнѣніе каждаго члена и вообще съ уваженіемъ относиться къ мнѣнію другого, хотя бы оно и было противоположно мнѣнію другихъ или предсѣдателя".

Не въ лучшемъ состояніи нашелъ П. И. Пановъ учебное дѣло и въ свою ревизію въ 1885 году. „Члены педагогическихъ совѣтовъ, какъ видно изъ протоколовъ педагогическихъ засѣданій,—пишетъ онъ,*)—ограничиваются въ своихъ собраніяхъ предметами чисто формальнаго свойства, напр., въ большинствѣ случаевъ разсуждаютъ о выдачѣ свидѣтельствъ на званіе сельскихъ учительницъ окончившимъ курсъ въ женскихъ прогимназіяхъ и пробывшимъ помощницами учительницъ приготовительнаго класса и приходскихъ учителей болѣе 6 мѣсяцевъ, о выпискѣ періодическихъ изданій и книгъ для библіотекъ училищъ, объ освобожденіи отъ платы за право ученія бѣдныхъ, но достойныхъ учениковъ, о выдачѣ свидѣтельствъ окончившимъ курсъ въ приходскихъ сельскихъ училищахъ и т. п.; вопросовъ же, касающихся внутренняго строя того или другого училища, болѣе лучшей постановки учебнаго дѣла въ заведеніи и другихъ сторонъ чисто воспитательнаго и учебнаго характера, я не встрѣтилъ ни въ одномъ училищѣ, тогда какъ немало подобныхъ вопросовъ и разныхъ мѣръ могло быть возбуждаемо и принимаемо по обстоятельствамъ, хотя бы, напр., о подъемѣ того или другого класса, сравнительно худшаго по сознанію всѣхъ преподавателей училища. Гг. преподаватели русскаго языка и ариѳметики, насколько я могъ убѣдиться изъ представленнаго по моему требованію матеріала, сравнительно даютъ мало письменныхъ работъ, какъ напримѣръ, въ одномъ училищѣ ученики II-го класса сначала учебнаго года до марта мѣсяца по ариѳметикѣ написали maximum 8 домашнихъ работъ; ученикамъ же III-го класса на домъ почти не давалось работъ. Представляемыя ученическія работы просматриваются преподавателями бѣгло и поверхностно, отчего является множество грубыхъ грамматическихъ ошибокъ, оставленныхъ неисправленными, не разъ повторяющимися въ послѣдующихъ работахъ. Оставляя ошибки неисправленными, нѣкоторые изъ гг. преподавателей не обращаютъ вниманія и на внѣшнюю сторону ученическихъ работъ, отчего послѣднія представляются въ формѣ несшитой, испачканной, а иногда и изорванной тетради, что служитъ доказательствомъ неряшливаго и небрежнаго отношенія ученика къ своей работѣ. Нисколько не обращается вниманія на то, что ученики часто пропускаютъ уроки безъ уважительныхъ причинъ, какъ напр., въ одномъ училищѣ за 1½ года я не встрѣтилъ ни одного учебнаго дня, чтобы всѣ ученики были въ классѣ при своихъ занятіяхъ, и число отсутствующихъ достигаетъ иногда очень почтенной цифры, отъ 25 до 30 человѣкъ, и это прискорбное явленіе не есть единичное въ ряду ученическихъ манкировокъ, какъ можно видѣть изъ дневнаго журнала дежурныхъ преподавателей по училищу. Смотря слишкомъ слабо и, какъ говорится, сквозь пальцы на подобныя манкировки учениковъ, и сами гг. преподаватели не всегда свободны отъ того, чтобы не выразить и имъ замѣчанія относительно исправнаго и аккуратнаго посѣщенія лекцій. Въ одномъ училищѣ, напр., двое преподавателей не считаютъ своею нравственною обязанностью извѣщать смотрителя о причинѣ неявки въ классъ, а иногда уходятъ изъ класса послѣ 2-го или 3-го урока, не сказавши ни слова смотрителю о томъ, что по болѣзни или по особо уважительнымъ причинамъ они не могутъ продолжать уроки". Ялуторовское училище, какъ въ первую, такъ и во вторую ревизію не могло явиться исключеніемъ, особенно незавидно шло преподаваніе русскаго языка. Въ декабрѣ 1879 года П. И. Пановъ нашелъ преподаваніе русскаго языка неудовлетворительнымъ и поставилъ это на видъ преподавателю. Въ октябрѣ 1880 года назначенъ былъ новый преподаватель (в. и. д.) ученикъ VIII-го класса Тобольской гимназіи С. М. Аркановъ, но онъ пробылъ лишь до мая, когда уѣхалъ въ Тобольскъ для выдержанія экзамена на аттестатъ зрѣлости. Въ августѣ 1881 г. в. и. д. учителя русскаго языка былъ назначенъ М. Ѳ. Удольскій, не прослужившій и года, а въ 1882 году былъ присланъ для дослуженія до пенсіи бывшій каинскій смотритель Н. В. Поповъ, который, по прослуженіи трехъ лѣтъ, также былъ уволенъ отъ службы. Плохо было поставлено и преподаваніе исторіи и географіи и искусствъ. Въ предпослѣднюю свою ревизію П. И. Пановъ замѣтилъ, что пособія по исторіи, географіи и рисованію никуда негодны и приказалъ выписать новыя.

*) См. Циркуляръ по Западно-Сибирскому учебному округу 1886 г., № 4, стр. 155—160.

Нельзя при этомъ не отмѣтить пріятнаго факта, замѣчаемаго въ послѣднее десятилѣтіе—это стремленія къ дальнѣйшему образованію. Большинство изъ окончившихъ курсъ поступаетъ въ Омскую учительскую семинарію и оттуда выходятъ сельскими и городскими приходскими учителями, другіе ѣдутъ въ техническое училище, откуда поступаютъ на фабрики, заводы и пароходы механиками и машинистами, и меньшинство, болѣе обезпеченное, —въ Тюменское реальное и въ Ишимское и Тобольское духовныя училища.

Въ послѣднее пятилѣтіе возникла мысль выстроить для училища новое зданіе. Тобольскій губернаторъ т. с. Лысогорскій,

посѣтивъ училище въ мартѣ 1884 года, выразилъ желаніе, чтобы улучшена была гигіеническая обстановка училища и обѣщалъ переговорить объ этомъ съ почетнымъ блюстителемъ Иг. Ив. Колосовымъ, который и выразилъ желаніе построить для училища новое каменное зданіе. Въ апрѣлѣ 1887 года строительная комиссія утвердила планъ новаго зданія, 10-го октября того же года происходила закладка, а 22-го октября 1890 года открытіе этого зданія*). Прекрасное зданіе, выстроенное Иг. Ив. Колосовымъ, состоитъ изъ 5 большихъ комнатъ, вполнѣ удовлетворительныхъ въ гигіеническомъ отношеніи. Всѣ эти комнаты расположены по сторонамъ большой рекреаціонной залы, устроенной въ видѣ коридора. Зданіе это стоило около 25,000 руб., но эта столь важная жертва на пользу народнаго образованія въ Ялуторовскомъ округѣ не была первой: еще въ 1880 году онъ на мѣстѣ своей родины въ с. Кодскомъ пріобрѣлъ для мѣстнаго училища прекрасное зданіе, а теперь, какъ мы слышали, озабоченъ устройствомъ въ с. Кодскомъ ремесленнаго класса. При открытіи зданія уѣзднаго училища онъ пожертвовалъ 150 р. на улучшеніе училищной обстановки.

Изъ другихъ пожертвованій замѣчательны слѣдующія два. Въ 1887 году бывшій ученикъ Ялуторовскаго уѣзднаго училища купецъ В. Беклемишевъ прислалъ 200 р. на пополненіе ученическихъ библіотекъ городскихъ училищъ. Въ 1887 году мѣстный купецъ М. М. Ильныхъ, также, кажется, бывшій ученикъ Ялуторовскаго училища, отказалъ по своему духовному завѣщанію два билета въ 200 р. приходскому и уѣздному училищамъ. Проценты съ этихъ билетовъ должны поступать въ пособіе бѣднѣйшимъ ученикамъ православнаго вѣроисповѣданія.

Число учащихся въ Ялуторовскомъ уѣздномъ училищѣ до 1886 года ежегодно достигало слишкомъ 50-ти человѣкъ. Самое большее количество учениковъ было въ 1873, 1874 и 1875 гг., достигавшее до 60 чел., а самое меньшее въ 1887 году (39) и въ 1889 г. (36 ч.).

Фундаментальная библіотека къ концу 1889 года достигла 503 назв. въ 1898 томахъ и въ описываемый періодъ пополнялась ежегодно. До 1886 года на фундаментальную и ученическую библіотеки издерживалось ежегодно 70—80 рублей, и только въ 1877 году было затрачено 110 р. да въ 1878 и 1885 годахъ 87 рублей. Съ 1887 года библіотека пополняется слабѣе: въ 1887 году было выписано на 62 р., а въ 1888 г.—лишь на 36 р., а

*) Открытіе это описано св. Машановымъ въ № 34-мъ „Тобольск. Губерн. Вѣдом.“ 1890 г.

въ 1889 г.—на 38 р. Наибольшее число томовъ было выписано въ 1876 г. (37 назв. 93 т.), наименьшее въ 1887 г. (1 назв. 1 т.). Ученическая библіотека росла также медленно, только въ 1887 году въ нее поступило, благодаря крупному пожертвованію Беклемишева, 63 назв. въ 76 томахъ. Ежегодныя затраты на пополненіе ученической библіотеки не превышали 20 руб., исключая 1887 г. (60 р.). Въ 1875 году было выписано всего на 17 руб.; были годы, когда въ ученическую библіотеку не выписывалось ни одной книги; эти печальные годы слѣдующіе: 1880, 1884, 1885 и 1888!! Въ 1883 г. выписано было книгъ лишь на 86 коп. Отдѣлъ учебныхъ пособій пополнялся также медленно. Капитальныя пополненія сдѣланы были лишь въ 1878 году, когда были выписаны новыя географическія карты на 76 р., и въ 1890 году, когда по приказанію г. директора училищъ старые рисунки и карты были замѣнены новыми.

Мы уже видѣли, какъ печально было существованіе женскаго училища. 1-го января 1874 года училище было преобразовано въ трехклассную прогимназію съ приготовительнымъ и рукодѣльнымъ классами. Къ сожалѣнію, появленіе новаго учебнаго заведенія ознаменовалось большими затрудненіями. Совѣтъ бывшаго женскаго училища тормозилъ сдачу суммъ и дѣлъ, пока объ этомъ не дошло до генералъ-губернатора Западной Сибири, который и предписалъ немедленно сдать дѣла и суммы. Сдача происходила лишь 12-го іюля 1874 года, при чемъ членъ-казначей бывшаго совѣта позволилъ себѣ по адресу новаго совѣта и въ особенности смотрителя училищъ „дерзкія выраженія“. Въ матеріальномъ отношеніи прогимназія возникла при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ: женское училище оставило ей въ наслѣдство домъ и 1062 р. наличными деньгами, процентными бумагами и пр., кромѣ того, отъ казны было отпущено 740 руб. на первое обзаведеніе и при взятіи торговыхъ свидѣтельствъ собрано 174 рубля. Первымъ шагомъ попечительнаго совѣта прогимназіи было пріобрѣтеніе новаго болѣе удобнаго дома для заведенія, имѣющаго 4 класса. За 460 рублей былъ купленъ двухъэтажный деревянный домъ у наслѣдниковъ генерала Богданова, а старый былъ разыгранъ въ лотерею. Была создана и новая обстановка: столы, классныя доски, чертежные (для доски) приборы, чернильницы, библіотечные шкафы. Выписаны были глобусы, рельефныя и плоскія карты, типы народовъ, картины по священной исторіи, рисунки и чертежи и пр. Библіотека, благодаря пособію отъ казны, создана была, можно сказать, въ одинъ день. Богословскихъ книгъ было выписано 16 названій. Отдѣлъ словесности пополнился полными собраніями сочиненій Хемницера, Фонвизина, Державина,

Крылова, Карамзина, Жуковскаго, Гоголя, Пушкина, Лермонтова, князя Одоевскаго, Марлинскаго, Кольцова, Островскаго, Тургенева, Писемскаго, Ершова („Конекъ Горбунокъ“). Изъ иностранныхъ писателей выписаны были сочиненія Шекспира, Майнъ-Рида. По отдѣлу исторіи и географіи выписано 26 названій, въ томъ числѣ исторія Соловьева, Вебера, „Космосъ“ Гумбольдта, всѣ переведенныя на русскій языкъ сочиненія Гартвига и много путешествій. Математическій отдѣлъ пополнился 12-ю названіями, педагогическій—13 назв. Ученическая библіотека въ основаніе свое получила 27 названій. Пришли на помощь и частныя лица, напр., Ю. Ф. Штейнманъ пожертвовала 42 книги на сумму 32 рубля.

Но если такъ хорошо на первыхъ порахъ была обставлена прогимназія матеріально, то этого отнюдь нельзя сказать относительно дѣятельности одного изъ членовъ по учебной части. Положеніе о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Высочайше было утверждено 24 мая 1870 года, открытіе ихъ въ Сибири началось съ этого же времени, въ Ялуторовскѣ же прогимназія открыта была лишь въ январѣ 1874 года, хотя бумаги уже въ декабрѣ 1873 года писались на имя прогимназіи. Такъ какъ смотритель не озаботился пріисканіемъ учительницъ, то преподаваніе попрежнему шло лишь въ приготовительномъ и первомъ классахъ, а во 2-мъ преподавался лишь одинъ Законъ Божій. Учительницы исторіи и географіи не было до 1876 года. За крайнюю бездѣятельность по должности предсѣдателя педагогическаго совѣта прогимназіи генералъ-губернаторъ объявилъ смотрителю Пѣшехонову строгій выговоръ и перевелъ его въ Туринскъ. Ѳ. М. Ѳедорова, довольно опытная въ педагогическомъ дѣлѣ, назначенная первой начальницей прогимназіи, сумѣла сразу хорошо поставить прогимназію и управляла ею до 1880 года. Хорошо поставленная первою начальницею, прогимназія во все время своего существованія, можно смѣло сказать, съ честью служила великому дѣлу женскаго образованія и стояла выше всѣхъ другихъ учебныхъ заведеній Ялуторовска и его округа. Примѣрное во всѣхъ отношеніяхъ поведеніе преподавательницъ, добросовѣстное исполненіе ими своихъ высокихъ обязанностей,—вотъ характеристика учебнаго персонала прогимназіи. Здѣсь нельзя пропустить и того пріятнаго явленія, что преподавательницы, принимая всегда горячее участіе въ судьбахъ учебныхъ заведеній, много способствовали улучшенію матеріальныхъ ихъ средствъ своимъ участіемъ въ любительскихъ спектакляхъ; смѣло можно сказать, что безъ ихъ участія не обошелся ни одинъ любительскій благотворительный спектакль. Впрочемъ, относительно участія въ спектакляхъ

то же можно сказать и объ учительскомъ персоналѣ другихъ городскихъ училищъ.

Въ 1881 году среди членовъ попечительнаго совѣта возникла мысль устроить для прогимназіи новое зданіе, болѣе помѣстительное и удобное въ гигіеническомъ отношеніи, и съ этой цѣлію совѣтъ открылъ подписку. Главными жертвователями явились д. с. с. А. Ѳ. Поклевскій-Козеллъ (изъ Талицы), подписавшій 300 руб., н. с. Н. И. Давыдовскій (изъ Тюмени)—100 руб., купецъ Д. И. Смолинъ (изъ Кургана)—100 руб. и ялуторовскіе купцы бр. Колмаковы—100 руб., остальныя пожертвованія были не такъ значительны, но тѣмъ не менѣе на эти пожертвованія было выстроено прекрасное, вполнѣ приспособленное для школы, деревянное на каменномъ фундаментѣ зданіе, и съ 1-го октября 1882 года прогимназія уже помѣщалась въ немъ.

Число учащихся до 1888 года было весьма значительно и доходило отъ 60 до 78 ученицъ. Самое меньшее число ученицъ за эти годы было въ 1880 году, а именно 60 ученицъ. Съ 1888 года число ихъ значительно уменьшилось: въ 1888 году ихъ было всего 49, а въ 1889—56 ч.

Мы уже видѣли, сколь значительныя затраты сдѣланы были на устройство фундаментальной библіотеки прогимназіи при ея основаніи. Въ слѣдующемъ 1875 году эта затрата также была весьма значительна, а именно: на фундаментальную библіотеку было употреблено 75 р. и на ученическую 122 р. Затѣмъ до 1885 года выписка книгъ была весьма незначительна и не превышала 20 руб.; въ этомъ же году на фундаментальную библіотеку было употреблено 110 р. и на ученическую—6 руб. Въ 1887 году поступили въ библіотеку пожертвованныя Беклемишевымъ книги: въ фундаментальную—на 19 руб. и въ ученическую—на 20 руб. Въ 1888 году было выписано на 50 р. Отдѣлъ учебныхъ пособій, послѣ капитальныхъ затратъ при открытіи прогимназіи, пополнялся довольно слабо.

Приходское училище до восьмидесятыхъ годовъ находилось въ томъ же печальномъ положеніи, въ какомъ мы застали его въ предшествующемъ періодѣ, несмотря на то, что съ 1882 г. оно было раздѣлено на 2 отдѣленія, изъ которыхъ въ каждое былъ назначенъ особый учитель. Учителями первое время назначались окончившіе курсъ въ уѣздныхъ училищахъ,—люди, можетъ быть, кое-что и знающіе, но безъ всякой педагогической подготовки. Немудрено, что они слѣпо слѣдовали примѣру своихъ предшественниковъ и учителей, также не особенно искусныхъ въ педагогическомъ дѣлѣ. Съ 1875 года стали назначаться окончившіе курсъ въ военной прогимназіи. Время учительства этихъ господъ

было самымъ печальнымъ въ существованіи училища. Преподаваніе шло плохо и основано было главнымъ образомъ на линейкѣ, которая быстро путешествовала по рукамъ нерадивыхъ учениковъ. Учителя же вели себя крайне нехорошо, и иногда дѣло доходило до рукопашныхъ схватокъ ихъ между собою, такъ: одинъ изъ нихъ былъ уволенъ за оскорбленіе словами и дѣйствіемъ своего сослуживца, а иные просто за пьянство. Училище начинаетъ улучшаться лишь съ восьмидесятыхъ годовъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Омская учительская семинарія стала давать своихъ питомцевъ. Учителя-семинаристы поставили училище на лучшую ногу: стали вводиться новые пріемы обученія, болѣе гуманное обращеніе съ учениками, появились заботы и объ улучшеніи гигіеническихъ условій и съ этою цѣлію—объ устройствѣ новаго зданія. Городская дума приняла во вниманіе заявленіе объ этомъ училища и въ 1887 году выстроила прекрасное деревянное зданіе, въ которомъ оно теперь и помѣщается. Число учениковъ простиралось ежегодно отъ 55 до 68 человѣкъ, и только въ 1873 году оно пало до 49 чел. Самое большее число учениковъ было въ 1878 и 1879 годахъ, а именно 68 ч.

Библіотека училища за это время значительно пополнилась: въ 1874 г. въ ней имѣлось книгъ всего 85 назв. въ 151 томѣ, а въ 1889 году книгъ, исключая учебниковъ, уже числилось до 750 томовъ, хотя значительныхъ пополненій за это время и не было, только въ 1889 году было выписано на 81 руб., въ остальные же годы выписка рѣдко превышала 25 руб., въ большинствѣ случаевъ достигая лишь 15 руб.

Въ восьмидесятыхъ годахъ въ Ялуторовскѣ возникло еще двѣ школы: церковно-приходская, при Вознесенской церкви, и тюремная. Церковная школа была основана по иниціативѣ священника о. Ал. Тихова. Первое время преподавалъ самъ священникъ и псаломщикъ Добронравовъ, а съ 1889 года, за отказомъ священника, преподаютъ о. дьяконъ Низковскій и тотъ же псаломщикъ. Число учащихся достигаетъ 12 ч. Какъ идетъ дѣло обученія въ этой школѣ, мы, къ сожалѣнію, не знаемъ.

Тюремная школа обязана своимъ возрожденіемъ въ 1883 году иниціативѣ бывшаго исправника В. Ѳ. Филимонова. Собственно говоря, она существовала и раньше, но была въ большомъ упадкѣ, такъ что о существованіи ея едва ли кто зналъ изъ лицъ, даже близко стоявшихъ къ тюремному управленію. Обученіемъ занимался мѣстный псаломщикъ. Исправникъ Филимоновъ, выхлопотавъ учителю жалованье, въ 1883 году пригласилъ учителя приходскаго училища Е. Н. Маджи заниматься съ арестантами. Школа была раздѣлена на два отдѣленія: мужское и женское.

Въ обоихъ отдѣленіяхъ обучались, какъ взрослые арестанты, такъ и дѣти. При открытіи школы къ 1-му марта 1883 года поступило 13 человѣкъ, къ 10-му мая ихъ было уже 20. Въ $188^{6}/_{7}$ учебномъ году число учащихся достигло весьма крупной цифры: 78 мужчинъ и 17 женщинъ, въ томъ числѣ 8 дѣтей. Въ теченіе этого года поступило 47 человѣкъ вовсе или почти безграмотныхъ и 37 малограмотныхъ. Въ концѣ года школа выпустила 49 ч. достаточно грамотныхъ и 37 малограмотныхъ. Изъ 17 женщинъ, поступившихъ почти совсѣмъ неграмотными, 11 достигли полной грамотности, а 6 вышли малограмотными. Число учившихся составляло 18% всего тюремнаго населенія. Въ такомъ же ли состояніи и теперь находится эта школа, мы, къ сожалѣнію, ничего не можемъ сказать, за неимѣніемъ свѣдѣній.

Восьмидесятые годы дали Ялуторовску еще одно образовательное учрежденіе—безплатную библіотеку при мѣстномъ клубѣ. До 1883 года клубъ не выписывалъ ни одного журнала и газеты и не имѣлъ ни одной книги. Въ этомъ году имъ были выписаны „Отечественныя Записки“, „Природа и Охота“ и, если не измѣняетъ память, „Новое Время“. Нельзя сказать, чтобъ подобныя книжныя богатства могли удовлетворить публику, даже и неизбалованную чтеніемъ. Въ 1884 г. учитель П., задаваясь мыслью объ устройствѣ библіотеки въ г. Ялуторовскѣ, поставилъ спектакль въ надеждѣ устроить ихъ въ будущемъ нѣсколько и такимъ образомъ положить основаніе библіотекѣ. Спектакль далъ чистаго дохода 60 р., на которые и были выписаны сочиненія Гоголя и Достоевскаго. Начало не было блестяще, но интересъ къ библіотекѣ былъ уже возбужденъ, и въ нее стали поступать пожертвованія; кромѣ того, и клубъ сталъ ежегодно отпускать около 100 р. на выписку журналовъ. Въ 1886 г. В. Ѳ. Филимоновымъ былъ возбужденъ вопросъ объ устройствѣ библіотеки на болѣе прочныхъ основаніяхъ и съ этою цѣлію была открыта подписка, которая и дала слишкомъ 400 руб. Откликнулись А. Ѳ. Поклевскій-Козеллъ, Н. И. Давыдовскій, а также, кажется, и Д. И. Смолинъ, а извѣстный покровитель всѣхъ возникающихъ библіотекъ Ин. М. Сибиряковъ прислалъ цѣлый ящикъ книгъ. Учителю П. поручено было составить примѣрный каталогъ основывающейся библіотеки и на него же возложена выписка книгъ. На первый разъ были выписаны сочиненія Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова, Бѣлинскаго, Жуковскаго, Тургенева, Гончарова, Щедрина, Писемскаго, Печерскаго („Въ лѣсахъ“ и „На горахъ“), Потѣхина, Некрасова, Островскаго, гр. Толстыхъ, Льва и Ал., Гл. Успенскаго, Рѣшетникова, Помяловскаго, Добролюбова, Омулевскаго, Ершова („Конекъ Горбунокъ“), Ядринцева, Словцова и др. Изъ иностранныхъ писате-

лей пріобрѣтены были Шекспиръ, Байронъ, Шиллеръ, Гете, Гейне, Гюго, Диккенсъ и Теккерей. Другіе отдѣлы не были такъ полны, но все болѣе или менѣе выдающееся было выписано. Счастливое начало—половина дѣла. Интересъ къ библіотекѣ не ослабѣвалъ съ этого времени. Вошло въ обыкновеніе, что клубъ ежегодно сталъ отпускать свыше 100 руб. на выписку журналовъ и газетъ, а для пополненія библіотеки книгами почти ежегодно стали устраиваться спектакли. Въ 1888 г. устроенъ былъ спектакль врачемъ И. Л. Биржишко, въ 1889 г. врачемъ Т. Я. Погребецкимъ, а въ 1890 году врачемъ А. П. Глѣбовскимъ-Гулькевичемъ. На эти деньги выписаны были сочиненія новѣйшихъ писателей и менѣе замѣчательныхъ старыхъ, а также были пополнены и другіе отдѣлы, хотя далеко еще нельзя сказать, чтобы библіотека удовлетворяла вкусы всѣхъ читающихъ, коихъ ежегодно бываетъ человѣкъ 50.

1886 годъ въ школьномъ дѣлѣ ознаменовался и другимъ важнымъ фактомъ. Ялуторовское городское общество, а также мѣстное духовенство и чиновники, отнесясь сочувственно какъ къ матеріальнымъ нуждамъ учащихся, такъ и къ умственнымъ запросамъ вообще грамотнаго городского люда, вошло съ ходатайствомъ объ учрежденіи въ г. Ялуторовскѣ „Общества попеченія объ учащихся въ ялуторовскихъ училищахъ“. Задачею этого общества была поставлена матеріальная помощь учащимся черезъ заведеніе обуви, одежды, учебниковъ, а также, въ случаѣ остатка суммъ, въ устройствѣ библіотеки для грамотнаго люда, состоящаго главнымъ образомъ изъ учившихся въ училищахъ. Въ маѣ 1886 года уставъ и петиція общества были представлены высшему начальству, а въ ноябрѣ 1892 года получено было разрѣшеніе открыть это общество.Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1892 года по приглашенію смотрителя училищъ состоялось первое засѣданіе для организаціи общества и выбора предсѣдателя и совѣта*). Въ настоящее время въ обществѣ состоитъ около 140 членовъ, изъ нихъ 13 почетныхъ, пожертвовавшихъ по 25 руб. Изъ поступившихъ до сего времени суммъ, согласно устава, отчислено въ запасный капиталъ 325 руб., а остальные въ расходный. Главнѣйшее вниманіе общества на первыхъ порахъ обращено было на теплую одежду и бѣлье учащихся. Кто знаетъ хотя поверхностно бытъ учащихся, въ особенности въ приходскихъ училищахъ, тотъ

*) Въ настоящее время совѣтъ состоитъ изъ слѣдующихъ членовъ: Палопеженцева (предсѣдатель), о. К. Машанова (товарищъ), К. Д. Потемкина (казначей), С. В. Дмитріевой, Т. Я. Погребецкаго, П. П. Зубовскаго и др. лицъ (согласно устава, по должности).

знаетъ, что большинство изъ нихъ въ зимній холодъ принуждено бѣгать въ дырявыхъ сапогахъ и зипунахъ и въ грязномъ оборванномъ бѣльѣ, вслѣдствіе чего простудныя болѣзни, а также болѣзни отъ нечистоплотности, являются самыми обыкновенными среди такихъ учащихся; другой не менѣе важной нуждой является почти полная невозможность бѣднѣйшихъ учащихся завести себѣ учебники и учебныя принадлежности, и многіе, благодаря этому, не имѣютъ возможности учиться, переходя же въ уѣздное училище, не въ состояніи вносить плату за ученіе; при всѣхъ этихъ условіяхъ ученики городскихъ училищъ все же имѣютъ возможность учиться, но этого нельзя сказать объ окончившихъ курсъ въ сельскихъ училищахъ, такъ какъ, они, часто при блестящихъ способностяхъ, должны ограничиваться тѣми знаніями, которыя получили въ сельской школѣ. Устраненіе этихъ нуждъ и взяло на себя обще ство: оно заводило ученикамъ теплую обувь, бѣлье (по 1-е сентября 1893 года израсходовано 43 рубля 49 копеекъ), вносило плату за ученіе (12 рублей), выдавало учебники (25 рублей) и, наконецъ, взяло одного способнаго ученика изъ Верхотурскаго училища для обученія въ уѣздное училище на свой счетъ. Кромѣ этого прямого способа вспомоществованія учащимся, общество задалось цѣлію облегчить учащимся, а также и постороннимъ лицамъ, пріобрѣтеніе учебниковъ, книгъ для чтенія, учебныхъ пособій и принадлежностей, посредствомъ удешевленія ихъ, и съ этою цѣлію, съ разрѣшенія господина начальника губерніи, открываетъ складъ книжный и учебныхъ и письменныхъ принадлежностей. Дѣятельность общества пока въ зародышѣ, а дальнѣйшее развитіе будетъ зависѣть отъ сочувствія общества.

Въ прошлой главѣ мы описали, въ какомъ положеніи находилось образованіе сельскаго населенія округа. Отмѣтивъ рядъ заботъ высшей администраціи о постановкѣ этого дѣла, мы изобразили и тѣ препятствія, которыя на первыхъ порахъ выставило народное невѣжество и бѣдность, а также и неразвитость сельскаго духовенства. Съ 1874 года правительственныя заботы выразились весьма существенно въ улучшеніи матеріальнаго положенія сельскаго учителя. Въ 1875 году жалованье сельскимъ учителямъ было увеличено съ 85 р. до 120 р., но уже въ 1877 году для поощренія лицъ, окончившихъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и учительскихъ семинаріяхъ, жалованье этимъ лицамъ увеличено до 200 р., а въ 1881 году въ этомъ отношеніи сравнены были и учителя съ низшимъ образованіемъ. Едва ли нужно говорить о благодѣтельности этихъ мѣръ. Мы уже видѣли, въ какомъ положеніи находился матеріальный бытъ учи-

теля: часто въ самыхъ существенныхъ потребностяхъ онъ не находилъ себѣ удовлетворенія. Одинокому человѣку еще можно было существовать, но, если мы примемъ во вниманіе, что въ учителя шли всегда люди небогатые, часто обремененные семьей, то положеніе учителя представится намъ во всей его тяжелой неприглядности. Вотъ, напримѣръ, какъ описываетъ свое положеніе одна сельская учительница: „У насъ 30-го іюля умеръ отецъ, и остались его мать старушка, моя мать и, кромѣ меня, 6 человѣкъ маленькихъ дѣтей: самому старшему 13 лѣтъ, а за нимъ все меньше и меньше лѣтами и самому младшему 2 мѣсяца. Остались безъ всякаго состоянія и видовъ на будущее, кромѣ моихъ трудовъ, т. е. должности, но у меня теперь жалованья не хватаетъ“. Это лишь одна печальная страничка изъ жизни учительницы. Почти каждая учительница и учитель имѣютъ на рукахъ семью: престарѣлаго отца, мать, дѣтей, а иногда воспитываютъ и своихъ младшихъ братьевъ и сестеръ. А сколько нравственныхъ страданій выпадаетъ на долю этихъ труженицъ и тружениковъ! Не имѣя возможности стать съ мѣстной quasi-интеллигенціей въ равныя отношенія, эти люди принуждены испытывать всѣ невзгоды матеріальной необезпеченности, и бѣдная учительница является или предметомъ озлобленія дикой, неотесанной натуры мѣстныхъ воротилъ, или предметомъ плотскихъ вожделѣній ихъ. Тяжело читать іереміады этихъ несчастныхъ дѣвушекъ, посвятившихъ себя служенію общественному благу. Многія, подъ вліяніемъ этой тяжелой обстановки, не будучи въ состояніи выдержать нравственную борьбу, сворачиваютъ съ прямого пути, и тогда опять бѣда: находятся благопріятели, которые забрасываютъ начальство доносами, анонимными письмами, безцеремонно величая бѣдную дѣвушку безнравственной, распутной и тому подобными эпитетами.

Такое положеніе учительскаго персонала, бѣдность училищной обстановки, а также отсутствіе педагогическихъ съѣздовъ и библіотекъ, были причиною того, что сельскія училища не сдѣлали еще въ своемъ развитіи большихъ шаговъ. Жалобы на законоучителей не прекращаются до послѣдняго времени, и казенная палата въ 1882 году вынуждена была сдѣлать распоряженіе о взысканіи съ неисправныхъ законоучителей штрафовъ, въ формѣ вычетовъ изъ жалованья. Манкировки законоучителей и ихъ, зачастую, враждебное отношеніе къ учительскому персоналу также тормозили развитіе школьнаго дѣла. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти отношенія доходили до nec plus ultra и сдѣлались извѣстными губернской администраціи. Въ февралѣ 1887 года г. директоръ училищъ пишетъ: „будучи въ пьяномъ видѣ и прійдя въ училище, священникъ Зв. бранилъ заочно учительницу нехорошими словами, въ другое время конфузилъ ее въ церковной сторожкѣ, въ церкви во время службы кричалъ на учениковъ и приказывалъ имъ стоять у порога“. Оскорбленная учительница такъ изображаетъ свое положеніе: „въ церкви, дома, въ обществѣ крестьянъ, передъ высшимъ начальствомъ,—вездѣ старается онъ очернить меня и моихъ учениковъ, и потому старанія возвысить насколько возможно училище остаются, благодаря св. Зв., совершенно безполезными“. Священникъ Зв. нынѣ уволенъ отъ должности законоучителя. Лыбаевская учительница также жалуется на законоучителя, который распускалъ о ней дурные слухи и подговаривалъ крестьянъ составить приговоръ о ея непригодности. Законоучитель Верхсуерскаго училища Ел. П., нынѣ уволенный за штатъ, дошелъ даже до того, что сказалъ за литургіей проповѣдь противъ учительницы Щ., при чемъ не пощадилъ чести и ея родителей, а когда пріѣхалъ на мѣсто Щ—ой учитель, то постоянно ссорился и съ нимъ. Но если таково было отношеніе законоучителей къ школѣ, то справедливость требуетъ сказать, что и другіе учителя и учительницы не всегда относились къ своимъ обязанностямъ съ подобающею честностью и умѣньемъ. Мокроусовская учительница Шахова, напримѣръ, мало занималась своимъ дѣломъ и своимъ сварливымъ характеромъ вооружила противъ себя все общество, съ учениками обращалась жестоко: била ихъ, передразнивала и т. п. Боровинская учительница Б. довела свою школу до такого состоянія, что крестьяне стали нанимать домашнихъ учителей, а также посылать своихъ дѣтей въ Юргинское училище. Плетневскій учитель Я. также халатно относился къ школѣ и лишилъ ее учениковъ. Къ счастью, эти печальныя явленія единичны.

Но если личное поведеніе учащихъ отражалось такъ на школьномъ дѣлѣ, то едва ли не больше имѣло вліянія на устройство школъ отсутствіе хорошихъ школьныхъ попечителей. До послѣдняго времени въ школьные попечители избирались люди мало пригодные, наравнѣ съ десятскими, пастухами, церковными сторожами и пр., безъ всякихъ умственныхъ и нравственныхъ достоинствъ. Люди эти совершенно индифферентно относились къ школѣ, а иногда вмѣшивались и приносили только вредъ. Во многихъ же училищахъ попечителей и совсѣмъ не было. Въ 1883 году казенная палата циркулярно предписала избирать школьныхъ попечителей изъ лицъ матеріально обезпеченныхъ и пользующихся среди своего общества уваженіемъ, при чемъ разъяснила, что мѣстные попечители могутъ сноситься о нуждахъ школы не только съ мѣстными волостными правленіями, но мо-

гутъ докладывать о нуждахъ школы и прямо губернскому учрежденію. Не знаемъ, какъ привилась эта мѣра и къ какимъ привела результатамъ, но о дѣятельности нѣкоторыхъ попечителей мы не можемъ здѣсь не упомянуть. Попечитель Кодской школы Иг. Ив. Колосовъ пріобрѣлъ для училища прекрасный удобный домъ и принесъ въ даръ училищу капиталъ, проценты съ котораго должны итти на пополненіе средствъ училища. Попечитель Шатровскаго училища Ядрышниковъ подарилъ училищу землю, устроилъ садъ, огородъ и вообще заботится объ удовлетвореніи нуждъ учащихся. Два эти примѣра, кажется, пока единичны, но нѣтъ сомнѣнія, что если на ихъ дѣятельность обращено будетъ вниманіе, то найдутся и подражатели.

Нельзя также не упомянуть, что и педагогическія качества учащихъ сравнительно повысились. Большинство сельскихъ учителей теперь состоитъ изъ семинаристовъ и питомицъ Тобольской Маріинской школы. Учителя же изъ военной прогимназіи и уѣздныхъ училищъ становятся рѣдкостью.

Въ количественномъ отношеніи въ школьномъ дѣлѣ за это время замѣтенъ значительный прогрессъ. Въ 1874 г. было всего 18 школъ, въ 1880 году число ихъ достигло 29, а въ настоящее время ихъ уже 34 (не считая церковно-приходскихъ школъ, грамотности, а также и школъ при мечетяхъ), т. е. число ихъ удвоилось. Возросло также и число учащихся и окончившихъ курсъ. Въ 1874 году число учащихся было 315 ч., а окончившихъ курсъ 8 ч. Къ 1880 году число учащихся достигло 648 ч., т. е. удвоилось, а окончившихъ курсъ—увеличилось въ $5\frac{1}{2}$ разъ, достигнувъ 43 человѣкъ. Въ 1889 году число учащихся достигло тысячи человѣкъ, т. е. противъ 1879 г. почти удвоилось, а число окончившихъ курсъ почти достигло 100 человѣкъ, т. е. увеличилось въ $2\frac{1}{2}$ раза.

Тотъ же прогрессъ замѣчаемъ мы во введеніи новыхъ пріемовъ преподаванія и учебныхъ руководствъ, въ увеличеніи числа учебныхъ пособій и въ ростѣ училищныхъ библіотекъ. При 18 школахъ въ 1874 году состояло 721 названіе книгъ въ 2405 томахъ, т. е. на каждую школу приходилось 40 названій (134 тома). Въ 1879 г. въ 28 школахъ имѣлось книгъ 2080 назв. въ 6953 т., т. е. на каждую проходилось 74 назв. въ 249 т. Въ настоящее же время однихъ учебныхъ пособій считается болѣе 8500, книгъ для чтенія болѣе 3000, моделей, глобусовъ и картъ болѣе 1500 и руководствъ болѣе 1100, т. е. на каждую школу приходится болѣ 250 пособій, 90 книгъ для чтенія, 45 моделей, глобусовъ и картъ и 40 руководствъ.

Въ 1891 году состоялось постановленіе губернскаго совѣта

объ упорядоченіи сельскихъ школьныхъ библіотекъ, коимъ выборъ и выписка книгъ возложена на смотрителей училищъ. Для того, чтобы оцѣнить значеніе этой мѣры, мы должны сдѣлать краткій обзоръ прежнихъ порядковъ. Во время завѣдыванія училищами казенной палатой деньги, ассигнованныя на этотъ предметъ, разсылались по волостнымъ правленіямъ, которыя и выписывали книги. Само собой разумѣется, что выборъ не могъ быть удачнымъ. Впослѣдствіи выписка книгъ возложена была на исправниковъ, которые, по сложности своихъ обязанностей и незнакомству съ этимъ дѣломъ, также не могли выполнять эту обязанность, какъ слѣдуетъ. Въ результатѣ получался неудачный выборъ книгъ и еще болѣе неудачное распредѣленіе ихъ по училищамъ. Съ передачей этого дѣла смотрителямъ училищъ можно ожидать, что, при любви ихъ къ дѣлу, оно подвинется впередъ и школьныя библіотеки года черезъ два-три въ состояніи будутъ удовлетворять спросу деревенскихъ читателей.

Въ какомъ положеніи находится грамотность въ округѣ и въ какой мѣрѣ развивалась въ послѣднее время, мы не имѣемъ возможности судить и приведемъ лишь данныя, добытыя нами въ архивѣ присутствія по воинской повинности и свидѣтельствующія о прогрессѣ среди молодыхъ людей, призываемыхъ къ воинской службѣ. Въ 1874 году во всѣхъ участкахъ округа призывалось въ военную службу 1397 молодыхъ людей, и изъ нихъ грамотныхъ оказалось 127 человѣкъ, т. е. $9{,}09$ % всей призываемой молодежи. Въ 1879 году призывалось 1668 челов., и изъ нихъ было 141 грамотныхъ, т. е. $8{,}49$ %. Въ 1884 году призывалось 1686 челов. и изъ нихъ было 233 грамотныхъ ($16{,}11$ %), т. е. процентное отношеніе грамотныхъ къ общему числу призываемыхъ почти удвоилось.

Какъ бы ни былъ малъ ростъ грамотности, онъ все-таки замѣтенъ. Вмѣстѣ съ грамотностью ростетъ и уваженіе къ знанію, и все болѣе и болѣе сознается народомъ его полезность. Благодаря же устройству школьныхъ библіотекъ, надо надѣяться, число рецидивовъ безграмотности уменьшится, и грамотность водворится болѣе прочно.

Конецъ 1-й части.

Историческая часть нашей работы кончена, но, приступая (во 2-й части) къ обозрѣнію современнаго состоянія школьнаго дѣла въ Ялуторовскѣ и его округѣ, мы не можемъ не бросить ретроспективнаго взгляда на прошлое нашихъ школъ.

Возникая впервые по иниціативѣ тобольскаго владыки, на

почвѣ интересовъ мѣстнаго духовенства, школа была далека отъ жизненныхъ требованій и страдала схоластикой.

Недостатокъ *народныхъ* школъ восполнялся трудами частныхъ учителей, зачастую малограмотныхъ, но, при отсутствіи школъ, приносящихъ большую пользу уже и своими небольшими познаніями. Впрочемъ, среди этихъ учителей встрѣчались и люди образованные, какъ „несчастный“ малороссійскій шляхтичъ Иг. Ос. Ольшевскій.

Только съ 1817 года школу можно считать вполнѣ народной и удовлетворяющей требованіямъ жизни, поэтому, можетъ быть, она и встрѣтила сочувствіе мѣстнаго общества и въ частности А. Д. Быкова, который и выстроилъ для уѣзднаго училища каменный домъ.

Въ послѣдующій періодъ школа приносила свою долю пользы, хотя педагогическіе пріемы и требовали самыхъ серьезныхъ улучшеній.

Нельзя пройти молчаніемъ сороковые и пятидесятые годы, лучшіе въ Ялуторовскѣ, когда заботливость объ образованіи дѣтей, уже не однихъ мальчиковъ, но и дѣвочекъ, была поставлена небольшой группой лицъ на первый планъ. Имена протоіерея Знаменскаго, декабриста Якушкина, супруговъ Мясниковыхъ, купца Балакшина, а также имена первыхъ учителей-дьячковъ Сѣдачева, Иваницкаго и Кожевникова и надзирательницъ Балакшиныхъ и Созоновичъ должны быть долго памятны ялуторовцамъ, дорожащимъ просвѣщеніемъ населенія.

Въ шестидесятыхъ годахъ школа проникаетъ и въ село, сначала несмѣлыми шагами попытки, а затѣмъ, къ нашему времени, въ видѣ широкаго дѣла, обѣщающаго дальнѣйшее развитіе.

Но что всего отраднѣе, это—завоеваніе школою симпатій со стороны общества, въ которомъ пробудилась серьезная и искренняя заботливость о нуждахъ этого великаго дѣла, заботливость, выражающаяся не въ единичныхъ подачкахъ, а въ устройствѣ учрежденій, обезпечивающихъ въ будущемъ плоды школьнаго обученія,—мы говоримъ объ устройствѣ общества попеченія о начальномъ образованіи и устройствѣ библіотекъ. Заботливость объ улучшеніи школьныхъ зданій мы также должны отмѣтить, какъ выдающуюся черту восьмидесятыхъ годовъ, и при этомъ съ особенной благодарностью должны вспомянуть имена Иг. Ив. Колосова, А. Ѳ. Поклевскаго-Козеллъ, Н. И. Давыдовскаго, Д. И. Смолина и бр. Колмаковыхъ.

Николай Палопеженцевъ.

Іюнь 1894 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. СОСТАВЪ АДМИНИСТРАЦІИ И УЧИТЕЛЬСКАГО ПЕРСОНАЛА.

Уѣздное училище.

A. Двухклассное (съ 1817—1836 годъ).

Почетный смотритель училища.

Васильевъ, Ил. Вас. (1822 г. † 1826 г.)—отставной подпоручикъ.

Штатные смотрителя училища (они же учителя 2-го класса).

Лепехинъ, К. Г. (1817—1827)
Поповъ, Ив. (1827—1828)
Куртуковъ Ст., (1828—1836)
} —всѣ трое окончили курсъ въ Тобольской дух. семинаріи.

Учителя 1-го класса.

Васильевъ, П. Ос. (1817 † 1821)—окончилъ курсъ въ Тоб. гим.
Емельяновъ, Ив., св. (1821—1822)—окончилъ курсъ въ Тобольск. духовной семинаріи.
Тихоновъ, Ал. Ив. (1822—1823)—домашняго образованія (свидѣтельство имѣлъ отъ гимназіи).
Дьяконовъ, М. В. (1823—1825)—старшій ученикъ 2-го класса Ялуторовскаго училища.
Тюменцовъ, Ил. Ив. (1825—1830)—студентъ Моск. дух. академіи.
Лукинъ, Пет. Ал. (1830—1836)—окончилъ курсъ въ Тоб. гим.

B. Трехклассное (съ 1836 года).

Почетный смотритель и блюститель училища.

Поповъ, Н. П., надв. совѣтникъ (1862—1870)—изъ Казан. горнаго кадетскаго корпуса.
Колосовъ, Иг. Ив., купецъ (съ 1882 года)—домашн. образованія.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ

ВЪ Г. ЯЛУТОРОВСКѢ

И

ЯЛУТОРОВСКОМЪ ОКРУГѢ, ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

ЧАСТЬ II.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

Господь! твори добро народу!
. . . . . .
Чтобы благія начинанья
Могли свободно возрасти,
Разлей въ народѣ жажду знанья
И къ знанью укажи пути!
НЕКРАСОВЪ.

Во многихъ губерніяхъ Европейской Россіи земствами предпринятъ былъ рядъ статистическихъ работъ, въ который, между прочимъ, вошли и работы по народному образованію. Что касается Сибири, то такихъ работъ по народному образованію, на сколько мнѣ извѣстно, предпринимаемо не было, не смотря на всю ихъ несомнѣнную пользу.

Предлагаемая мною работа, къ сожалѣнію, не могла быть исполнена путемъ личнаго опроса, какъ это дѣлалось во многихъ губерніяхъ Европейской Россіи, а потому пришлось обратиться къ учителямъ сельскихъ школъ, которые и доставили мнѣ болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія, каждый по своей школѣ. Къ сожалѣнію, отъ учителей церковно-приходскихъ школъ получились свѣдѣнія лишь отъ немногихъ, а именно: Зимовье-Вагайской, Денисовской, Курской, Мининской, Манайской, Камышевской, Кутькинской, отъ школъ же грамотности этихъ свѣдѣній мы не получили совсѣмъ, за исключеніемъ Чуваринской и Портнягинской. Въ силу этого, по необходимости, пришлось ограничиться лишь

официальными отчетами мѣстнаго отдѣленія епархіальнаго училищнаго совѣта за $18^{93}/_{94}$ г.

Долгомъ считаю принести мою искреннюю признательность о. протоіерею Лапину, который былъ такъ обязателенъ, что доставилъ мнѣ возможность пользоваться отчетомъ епархіальнаго отдѣленія, а также учителямъ уѣзднаго училища Маджи и приходскаго Мишурину, и всѣмъ учителямъ и учительницамъ сельскихъ министерскихъ, церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты: первымъ двумъ—за черченіе нѣкоторыхъ плановъ училищъ, а послѣднимъ—за доставку болѣе или менѣе подробныхъ свѣдѣній о своихъ школахъ.

Глава I. Народное образованіе и школьное дѣло въ городѣ Ялуторовскѣ.

По однодневной переписи 7 февраля 1888 года*) всего населенія въ Ялуторовскѣ числилось 3169 ч., изъ нихъ—1484 мужчины и 1685 женщинъ. Изъ этого населенія грамотныхъ, включая сюда и умѣющихъ только читать (32 м. и 54 ж., всего 86), оказалось 1058 человѣкъ (33,02%), при чемъ мужчинъ 688 и женщинъ 370, т. е. населеніе мужское выдѣлило изъ себя грамотныхъ 46,2%, а женское 22%; если же исключить дѣтей до-школьнаго возраста, то оказывается, что взрослое грамотное мужское населеніе составляетъ 54,55%, а женское 25,73%, иначе говоря: почти половина мужского и $^3/_4$ женскаго населенія не умѣютъ читать и писать!

Разсматривая развитіе грамотности въ г. Ялуторовскѣ по сословіямъ, мы замѣчаемъ, что грамотность болѣе всего развита въ сословіяхъ привилегированныхъ: духовенство, представителей котораго насчиталось 59 ч., выдѣлило изъ своей среды грамотныхъ 50 ч., т. е. 85 ч. на сто; почетные граждане**) изъ 98 ч. выдѣлили 74 грамотныхъ, т. е. 76 ч. на сто; дворянство изъ 149 ч. выдѣлило грамотныхъ 111 ч., т. е. 73%, и купечество изъ 65 ч. выдѣлило 47 грам., т. е. 72%; въ общемъ привилегированныя сословія, имѣющія 371 представителей обоего пола, имѣютъ въ своей средѣ 282 грамотныхъ, т. е. 76% или немного болѣе $^3/_4$.

Среди податныхъ сословій процентъ грамотныхъ падаетъ до $^1/_3$, и только среди разночинцевъ (куда включены телеграфисты, почтальоны, штатные писцы и т. п., т. е. лица, по профессіи своей и жизненной обстановкѣ стоящія между привилегированными и податными сословіями), насчиталось изъ 13 ч. 5 грамотныхъ, т. е. 38%; далѣе, процентъ грамотныхъ среди городскихъ сословій больше, чѣмъ среди сельскихъ: такъ, мѣщанъ всего было насчитано 798, изъ нихъ 262 грамотныхъ, т. е. 33% или $^1/_3$ всего мѣщанскаго сословія; за ними слѣдуютъ отставные нижніе чины, общее число которыхъ было 532, изъ нихъ грамотныхъ—149, или 28%; изъ 818 же лицъ крестьянскаго сословія грамотныхъ оказалось 183 ч., т. е. 26% или $^1/_4$; ссыльныхъ всего въ Ялуторовскѣ насчитано 622 ч., изъ нихъ грамотныхъ 165, т. е. 25%.

По вѣроисповѣднымъ группамъ степень грамотности распредѣляется такъ: еврейское населеніе выдѣлило 46,15% (изъ 130 ч. 60 грамотныхъ), католики—36,45% (изъ 107 ч. 39 грамотныхъ), и, наконецъ, православные—32,12% (изъ 2859 ч. 922 грамотныхъ).

Разсматривая далѣе вопросъ о развитіи грамотности среди ялуторовскаго населенія по возрастнымъ группамъ, мы приходимъ къ убѣжденію, что, чѣмъ младше возрастъ, тѣмъ процентъ грамотности растетъ больше и больше съ замѣчательной правильностью (среди стариковъ, имѣющихъ болѣе 70 лѣтъ (всего 54, грам. 4), насчитывается лишь 7,4%) и, постепенно повышаясь, среди дѣтей отъ 10 до 15 лѣтъ онъ достигаетъ 40% (всего 167, грам.). Исключеніе въ этомъ случаѣ представляютъ лишь шестидесятилѣтніе старики, среди которыхъ грамотныхъ насчиталось болѣе, чѣмъ среди пятидесятилѣтнихъ, и лица въ возрастѣ отъ 25 до 30 лѣтъ, среди которыхъ грамотныхъ на 1% больше, чѣмъ среди лицъ въ возрастѣ отъ 20 до 25 лѣтъ. Постепенное паденіе процента грамотности съ увеличеніемъ возраста, какъ намъ кажется, исключительно объясняется развитіемъ и лучшей постановкой за послѣднее время дѣла народнаго образованія какъ въ Россіи, такъ и въ Сибири. Подробности можно видѣть изъ прилагаемой здѣсь таблицы.

Возрасты:	На 100 мужчинъ приходится грамотныхъ:	Лѣта рожденія:
Свыше 70 лѣтъ	7,41	До 1818 года.
Отъ 60 до 70 лѣтъ	16,13	Съ 1828 по 1819 годъ.

*) Эта перепись произведена подъ непосредственнымъ и ближайшимъ руководствомъ автора настоящей статьи, и данныя переписи разработаны имъ же въ особомъ трудѣ, который хотя и былъ представленъ авторомъ въ губерн. статистическій комитетъ, но остался не опубликованнымъ.

Примѣч. редакціи.

**) Въ рубрику почетныхъ гражданъ вошли всѣ чиновники до IX класса не изъ дворянъ.

Авт.

Возрасты:	На 100 мужчинъ приходится грамотныхъ:	Лѣта рожденія:
Отъ 50 до 60 лѣтъ	10,14	Съ 1838 по 1829 годъ.
— 40 — 50 —	19,3	— 1848 — 1839 —
— 35 — 40 —	22,32	— 1852 — 1849 —
— 30 — 35 —	28,23	— 1858 — 1853 —
— 25 — 30 —	32,89	— 1862 — 1859 —
— 20 — 25 —	31,93	— 1868 — 1863 —
— 15 — 20 —	37,5	— 1872 — 1869 —
— 10 — 15 —	40,12	— 1878 — 1873 —

Всего получившихъ *высшее* образованіе переписью насчитано 17 человѣкъ, или 1,61% всего грамотнаго населенія, изъ нихъ сибирскихъ уроженцевъ—3 или 17,65%. Изъ ялуторовскихъ же уроженцевъ лицъ съ высшимъ образованіемъ не оказалось ни одного.

Лицъ со *среднимъ* образованіемъ насчитано 100 человѣкъ, или 9,45% всего грамотнаго населенія, изъ нихъ уроженцевъ сибирскихъ губерній оказалось 47 человѣкъ, или 47%.

Лицъ, получившихъ *низшее* образованіе, насчитано было 420, или 39,8% всего грамотнаго населенія Ялуторовска. Наибольшій процентъ лицъ этой категоріи падаетъ на представителей сибирскихъ губерній, которыхъ насчитывается 315 ч., или 75% общаго числа грамотныхъ.

Лицъ, получившихъ *начальное* образованіе, т. е. окончившихъ въ городскихъ и сельскихъ приходскихъ училищахъ, насчитано было 100 человѣкъ, или 9,4% всего грамотнаго населенія, изъ нихъ 65 человѣкъ, т. е. 65%, сибиряковъ.

Всего лицъ, получившихъ *домашнее* образованіе, насчитано 421 чел., или 39,8% всего грамотнаго населенія, изъ нихъ большая часть, а имено 57,72% (243 ч.), сибиряки.

Для большей наглядности представляемъ слѣдующую ниже таблицу.

СТЕПЕНЬ ОБРАЗОВАНІЯ	УРОЖЕНЦЫ		Процентное отношеніе къ общему числу грамотныхъ.		
	Сибирскихъ губерній.	Остальныхъ губ.	УРОЖЕНЦЕВЪ		
			Сибири.	Остальныхъ губ.	Всѣхъ.
Лицъ, получившихъ высшее образованіе	3	14	0,28	1,33	1,61

СТЕПЕНЬ ОБРАЗОВАНІЯ	УРОЖЕНЦЫ		Процентное отношеніе къ общему числу грамотныхъ.		
	Сибирскихъ губерній.	Остальныхъ губ.	УРОЖЕНЦЕВЪ		
			Сибири.	Остальныхъ губ.	Всѣхъ.
Лицъ, получившихъ среднее образованіе	47	53	4,44	5,01	9,45
Лицъ, получившихъ низшее образованіе	315	105	29,77	10,03	39,8
Лицъ, получившихъ начальное образованіе	65	35	6,14	3,26	9,4
Лицъ, получившихъ домашнее образованіе	243	178	22,97	16,83	39,8

Въ виду важной роли, которая выпадаетъ на долю женщины въ воспитательномъ дѣлѣ (такъ какъ она является въ семьѣ и воспитательницей и первой учительницей своего ребенка), мы подробнѣе разсмотримъ, въ какой степени грамотность и образованіе развито среди ялуторовскихъ женщинъ. Мы уже видѣли, что всѣхъ грамотныхъ женщинъ въ Ялуторовскѣ было 370; по степени же образованія онѣ раздѣлялись слѣдующимъ образомъ: женщинъ съ высшимъ образованіемъ было всего 2, получившихъ среднее образованіе—32, т. е. 8,65%, низшее—166, т. е. 44,9%, начальное—12, т. е. 3,24%, и домашнее 158 чел., или 42,7%. Разсматривая далѣе степень распространенія грамотности по сословіямъ, мы снова наталкиваемся на тотъ фактъ, что среди женщинъ привилегированныхъ сословій грамотность развита сильнѣе, чѣмъ среди податныхъ. Такъ, женщинъ среди духовенства насчитано всего 39 и грамотныхъ въ числѣ ихъ 30, что составляетъ 77%; въ семьяхъ почетныхъ гражданъ насчитано 49 ж. и въ числѣ ихъ грамотныхъ 37, что составляетъ 76% общаго числа женщинъ этого сословія; въ купечествѣ грамотныхъ женщинъ 24 изъ 34, что составляетъ 71%, и, наконецъ, среди дворянъ потомственныхъ и личныхъ—88 женщинъ, и изъ нихъ грамотныхъ 60, или 68%. Изъ податныхъ сословій городское и въ этомъ отношеніи идетъ впереди передъ сельскими: мѣщанскихъ женщинъ насчитано всего 434 ч. и изъ нихъ грамотныхъ 87, что составляетъ 20%, т. е. 1/5 ч.; изъ 465 крестьянскихъ женщинъ грамотныхъ насчитывается 57, т. е. 12%; среди ссыльныхъ изъ 284 женщинъ грамотныхъ 38, или 13%; въ семействахъ нижнихъ чи-

новъ 273 жен., грамотныхъ 31, что составляетъ 11%. Среди разночинцевъ женщина по отношенію къ грамотности находится въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ податныхъ сословіяхъ, а именно: всего женщинъ 8, изъ нихъ грамотныхъ 1, что составляетъ 12,5%.

Наиболѣе грамотною изъ ялуторовскихъ женщинъ является еврейская (всего 70, изъ нихъ 29 грамотныхъ)—41%, далѣе слѣдуютъ раскольницы (всего 41, грамот. 15)—37%, далѣе католички (всего 56, грамот. 14)—25%, и, наконецъ, православныя (1518 всего, 311 грамот.)—20%.

Теперь разсмотримъ, въ какихъ размѣрахъ распространена грамотность среди другой меньшей части населенія г. Ялуторовска, *недѣятельной*, какъ мы назвали въ своей работѣ: „Матеріалы по исторіи и статистикѣ г. Ялуторовска“, т. е. поставленной въ особыя жизненныя условія: это—населеніе казармъ, тюрьмы, каталажной камеры, больницы, богадѣльни и ночлежнаго дома. Населеніе это составляли 547 человѣкъ: 517 мужчинъ и 30 женщинъ, при чемъ ни одной женщины грамотной не оказалось.

На излѣченіи въ больницѣ находилось всего 12 ч., изъ нихъ 6 мужчинъ; грамотныхъ мужчинъ было 4, что составляетъ 67%, и всѣ они получили низшее образованіе.

Въ богадѣльнѣ находилось всего 8 ч., изъ 4 нихъ мужчины; грамотный мужчина былъ всего одинъ, получившій образованіе въ среднемъ учебномъ заведніи.

Въ казармахъ проживало 329 ч., изъ нихъ 325 мужчинъ; грамотныхъ солдатъ было 30: 3—съ цензомъ уѣздныхъ училищъ, а 27 научились читать дома.

Въ каталажной камерѣ было 10 человѣкъ, всѣ—мужчины; грамотныхъ изъ нихъ оказалось 2: одинъ съ цензомъ уѣзднаго училища, и одинъ учился дома.

Въ ночлежномъ домѣ проживало 14 человѣкъ, всѣ—мужчины; грамотныхъ изъ нихъ оказалось 11 ч.: 1 съ среднимъ образованіемъ, 6 съ низшимъ и 4 съ домашнимъ.

Въ тюрьмѣ заключено было 172 ч., изъ нихъ 156 муж.; грамотныхъ мужчинъ было 38: съ низшимъ образованіемъ—18 и съ домашнимъ—20.

Переходимъ далѣе къ вопросу о томъ, какими путями и средствами распространяется грамотность среди населенія г. Ялуторовска и его округа.

По свѣдѣніямъ „Календаря“ Тобольской губерніи на 1893 г. г. Ялуторовскъ имѣетъ населенія 4695 ч.: 2709 м. и 1986 ж.

На все это населеніе имѣется два мужскихъ училища: уѣздное съ 33 учащимися и приходское съ 82, и одно женское учебное заведеніе—трехклассная прогимназія съ приготовительнымъ классомъ, имѣющая 69 учениць, изъ которыхъ 45 обучается въ приготовительномъ классѣ. Такимъ образомъ, учащихся въ г. Ялуторовскѣ насчитывается 115 м. и 69 д., всего 184 человѣка, т. е. одинъ учащійся приходится на 25 жителей: одинъ учащійся мальчикъ на 24 мужчины и одна учащаяся дѣвочка на 29 женщинъ. Приблизительное вычисленіе показываетъ, что изъ 100 мальчиковъ учится въ школахъ 25. а изъ 100 дѣвочекъ только 20.

Почти всѣ учащіеся принадлежатъ къ семьямъ, проживающимъ въ г. Ялуторовскѣ, изъ округа же обучалось въ $18^{92}/_{93}$ г. въ приходскомъ училищѣ 3 мальчика, въ уѣздномъ уч. 4 мальч. и 4 дѣвочки въ прогимназіи.

По вѣроисповѣданіямъ учащіеся распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Названіе учебныхъ заведеній.	Православныхъ.		Католиковъ.		Іудеевъ.		Всего.		
	м.	д.	м.	д.	м.	д.	м.	д.	об. п.
Уѣздное училище	30 *)	,,	2	,,	1	,,	35	,,	33
Приходское учил.	77	,,	2	,,	3	,,	82	,,	82
Женская прогимн.	,,	60	,,	,,	,,	9	,,	69	69
Всего .	107	60	4	,,	4	9	115	69	184

Такимъ образомъ, преобладаетъ среди учащихся элементъ православный, затѣмъ слѣдуютъ евреи и, наконецъ, католики; православные составляютъ 91% общаго числа учащихся, евреи—7% и католики—1%.

По сословіямъ учащіеся распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Названіе учебныхъ заведеній.	Дворянъ и чиновн.		Духовенства.		Почетныхъ гражданъ и купцовъ 1-й гильдіи.		Купцовъ 2-й гильдіи, мѣщанъ и ремесленниковъ.		Крестьянъ.		Казачьяго сословія.		Инородцевъ.	
	м.	д.	м.	д.	м.	д.	м.	д.	м.	д.	м.	д.	м.	д.
Уѣздное училище	2	,,	1	,,	,,	,,	17	,,	13	,,	,,	,,	,,	,,
Приходское учил.	3	,,	1	,,	,,	,,	46	,,	32	,,	,,	,,	,,	,,
Прогимназія . .	,,	10	,,	3	,,	,,	,,	37	,,	19	,,	,,	,,	,,
Всего .	5	10	2	3	,,	,,	63	37	45	19	,,	,,	,,	,,

*) 1 раскольникъ.

Среди учащихся г. Ялуторовска преобладаютъ дѣти мѣщанъ и купцовъ: ихъ учится 54% общаго числа учащихся, за ними слѣдуютъ дѣти крестьянъ, составляющія 35%.

По классамъ учащіеся распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Названіе учебныхъ заведеній.	Приготовительн. классъ.		I		II		III	
	м.	д.	м.	д.	м.	д.	м.	д.
Уѣздное училище . .	,,	,,	13	,,	13	,,	7	,,
Приходское училище .	82	,,	,,	,,	,,	,,	,,	,,
Женская прогимназія .	,,	45	,,	10	,,	7	,,	7
Всего .	82	45	13	10	13	7	7	7

Движеніе количества учащихся въ теченіе года можно видѣть изъ нижеслѣдующей таблицы:

Названіе учебныхъ заведеній.	Состояло къ 1 января 1892 года.		Поступило.		Выбыло до окончанія курса.		Окончило курсъ.		Состоитъ.		
	м.	д.	м.	д.	м.	д.	м.	д.	м.	д.	об. и.
Уѣздное училище . . .	44	,,	6	,,	11	,,	6	,,	33	,,	33
Приходское училище . .	72	,,	26	,,	8	,,	8	,,	82	,,	82
Женская прогимназія . .	,,	65	,,	21	,,	13	,,	4	,,	69	69
Всего . .	116	65	32	21	19	13	14	4	115	69	184

Понятіе объ успѣхахъ въ учебныхъ заведеніяхъ г. Ялуторовска можно получить изъ сравненія вышеприведенной таблицы о распредѣленіи учащихся по классамъ съ данными нижеслѣдующей таблицы:

Названіе учебныхъ заведеній.	Переведено.				Окончило курсъ.			
	изъ I кл.		изъ II кл.		Въ приход. и приготовит. кл.		Въ III кл.	
	м.	д.	м.	д.	м.	д.	м.	д.
Уѣздное училище . .	8	,,	6	,,	,,	,,	6	,,
Приходское училище .	,,	,,	,,	,,	8	,,	,,	,,
Женская прогимназія .	,,	5	,,	4	,,	8	,,	4
Всего .	8	5	6	4	8	8	6	4

Педагогическій персоналъ городскихъ учебныхъ заведеній состоялъ изъ смотрителя училищъ, законоучителя (одинъ во всѣхъ училищахъ), изъ учителей уѣзднаго училища (наукъ—3 и искусствъ —1), 2 учителей приходскаго училища и 4 учительницъ (изъ нихъ одна состоитъ начальницей прогимназіи), всего изъ 10 лицъ.

Всѣ учащіе поступили на учительскую службу по окончаніи ими курса въ учебныхъ заведеніяхъ и продолжаютъ ее:

Лѣтъ.	Смотрит. училищъ.	Законоучитель.	Учителя уѣзднаго училища.	Учителя приходск. училища.	Учительницы прогимназіи.	Всѣ служащіе при заведеніяхъ.
1	,,	,,	,,	1	,,	1
5	,,	,,	1	,,	,,	1
6	,,	,,	1	1	,,	2
8	,,	,,	,,	,,	1	1
9	,,	,,	1	,,	,,	1
10	1	,,	,,	,,	,,	1
12	,,	1	,,	,,	2	3
14	,,	,,	1	,,	,,	1
18	,,	,,	,,	,,	1	1
Среднее число лѣтъ	10	12	8,5	3	12,5	9,4

Такимъ образомъ, средняя продолжительность учительской службы даннаго персонала учащихъ равняется 9,4 года; наибольшею продолжительностью службы отличаются учительницы прогимназіи (12,5), законоучитель (12 л.) и учителя уѣзднаго училища (8,5 лѣтъ) и, наконецъ, учителя приходскаго училища (3 года). Почти въ томъ же порядкѣ идетъ и продолжительность службы учителей на послѣднихъ мѣстахъ ихъ служенія, что можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

Лѣтъ.	Смотритель училищъ.	Законоучитель.	Учителя уѣзднаго училища.	Учителя приходскаго училища.	Учительницы прогимназіи.	Всѣ служащіе при учебныхъ заведеніяхъ.
1	,,	,,	,,	2	,,	2
2	1	,,	1	,,	,,	2
4	,,	,,	2	,,	,,	2
7	,,	,,	1	,,	1	2
8	,,	,,	,,	,,	1	1
12	,,	1	,,	,,	1	2
18	,,	,,	,,	,,	1	1
Среднее число лѣтъ	2	12	4	1	11,25	6

Отсюда видно, что учительницы служатъ 11,25 лѣтъ, учителя уѣзднаго училища—1 годъ, и только законоучитель служитъ болѣе на послѣднемъ мѣстѣ, чѣмъ учительницы. Общая продолжительность службы ялуторовскихъ учителей равна 6 годамъ.

По семейному положенію учащіе распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

	Смотрит. училищъ.	Законоучитель.	Учителя уѣзднаго училища.	Учителя приходск. училища.	Учитель-ницы прогимназіи.	Всѣ служащіе при заведеніяхъ.
Холостыхъ	„	„	„	2	„	2
Дѣвицъ .	„	„	„	„	3	3
Женатыхъ	1	1	3	„	„	5
Замужнихъ	„	„	„	„	1	1
Вдовыхъ .	„	„	1	„	„	1

Такимъ образомъ, изъ 12 ч. учительскаго персонала семейныхъ оказывается половина, т. е. 7 чел. (50%), другую половину составляютъ несемейные: 2 холостяка, 3 дѣвицы и 1 вдовецъ.

По возрасту учительскій персоналъ распредѣляется такъ:

	имѣющіе лѣтъ.								
	21	26	27	28	29	33	36	50	Средній возрастъ.
Смотритель училищъ	„	„	„	1	1	„	„	„	28,5
Законоучитель	„	„	„	„	„	„	1	„	36
Учителя уѣзднаго училища . .	„	2	1	„	„	1	„	„	28,7
Учителя приходскаго училища .	1	1	„	„	„	„	„	„	23,5
Учительницы прогимназіи . . .	„	„	„	1	1	1	„	1	35
Всего служащихъ . .	1	3	1	2	2	2	1	1	30,15

Такимъ образомъ, средній возрастъ учителя городскихъ учебныхъ заведеній равняется 30,15 лѣтамъ, т. е. ялуторовскій учитель находится въ самой порѣ возмужалости.

По образовательному цензу учащіе раздѣляются слѣдующимъ образомъ: изъ 12 лицъ 10 получили среднее образованіе и 2 лица—низшее. Изъ получившихъ среднее образованіе 2 учительницы имѣютъ спеціально-педагогическое, т. е. окончили гимназію съ педагогическимъ классомъ, а 4 учителя окончили учительскую семинарію; изъ нихъ же 5 человѣкъ имѣютъ званіе уѣзднаго

учителя, 3—домашней учительницы, 2—начальнаго учителя и 1—начальной учительницы.

Разсматривая условія, въ какихъ находятся учебныя заведенія въ отношеніи библіотекъ и учебныхъ пособій, мы видимъ, что самой богатой изъ училищныхъ библіотекъ оказывается библіотека уѣзднаго училища, которая имѣетъ 500 назв. въ 1866 томахъ, т. е. болѣе прогимназической по числу названій въ 2,7 раза и приходскаго училища почти въ 3 раза. Что же касается ученическихъ библіотекъ, то библіотека уѣзднаго училища оказывается средней: она, по количеству названій, въ $1^1/_2$ раза больше библіотеки прогимназической и въ $2^1/_3$ раза меньше библіотеки приходскаго училища. Если въ дѣлѣ воспитанія и развитія душевныхъ качествъ ребенка имѣетъ важное значеніе хорошая книга, то въ дѣлѣ усвоенія преподаваемыхъ знаній не менѣе важное значеніе имѣютъ наглядныя пособія. Пособіями также оказывается богаче всѣхъ уѣздное училище: ихъ больше въ 1,2 раза, чѣмъ въ прогимназіи, и въ $2^1/_2$ раза, чѣмъ въ приходскомъ училищѣ.

Всѣ ялуторовскія учебныя заведенія помѣщаются въ собственныхъ домахъ: уѣздное училище въ каменномъ, а приходское и женская прогимназія въ деревянныхъ, при чемъ зданіе прогимназіи на каменномъ фундаментѣ.

Санитарныя условія, въ какія поставлены учащіеся въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ, таковы*), что сравнивая эти условія съ нормальными требованіями, предъявляемыми врачами и педагогами-гигіенистами, не можемъ не прійти къ заключенію, что классныя комнаты городскихъ учебныхъ заведеній довольно удовлетворительны. Разсматривая условія классныхъ комнатъ отдѣльно, мы находимъ неудовлетворительнымъ лишь приготовительный классъ прогимназіи, гдѣ площади пола приходится на 1 ученицу 1,95 кв. арш., вмѣсто 2, т. е. меньше на $^1/_2$ квадр. арш. нормальнаго minimum'а.

Для освѣженія воздуха во всѣхъ классахъ уѣзднаго училища имѣется по 2 вентилятора, а въ приходскомъ училищѣ и прогимназіи по 1, за исключеніемъ приготовительнаго класса, въ которомъ 2 вентилятора.

Для болѣе полной характеристики санитарныхъ условій городскихъ учебныхъ заведеній мы приводимъ въ приложеніяхъ, въ особой таблицѣ (таб. II), свѣдѣнія относительно свѣта и вентиляціи.

Большинствомъ гигіенистовъ отношеніе поверхности пола

*) См. Приложенія, таблицу I.

къ поверхности стеклянной требуется отъ 15 до 20%. Сравнивая нормальныя требованія съ условіями ялуторовскихъ школъ, мы находимъ, что отношеніе это вполнѣ удовлетворительно въ прогимназіи, въ приходскомъ училищѣ и въ первыхъ классахъ уѣзднаго училища, во второмъ же и третьемъ классѣ его удовлетворительнымъ признать нельзя (во II кл.—11%, въ III—10,4%).

Что касается того, въ какой мѣрѣ обезпечены учителя и учительницы въ матеріальномъ отношеніи, то оказывается, что смотритель училищъ округа получаетъ 690 руб. при казенной квартирѣ, законоучитель 404 руб., всѣ же остальные учителя и учительницы получаютъ ежегодно 2858 руб., т. е. въ среднемъ по 285 руб. 80 коп. въ годъ, или по 23 руб. 82 коп. въ мѣсяцъ. Если сравнить съ жалованіемъ служащихъ по другимъ вѣдомствамъ, то оказывается, что учитель, по получаемому жалованью, ставится наравнѣ съ хорошимъ писцомъ мѣстныхъ учрежденій и получаетъ чуть не вдвое меньше помощниковъ бухгалтера казначейства и меньше столоначальника окружнаго суда и телеграфиста. Разсматривая далѣе этотъ вопросъ по учебнымъ заведеніямъ, мы видимъ, что учитель уѣзднаго училища получаетъ 312,5 р. въ годъ, или 26,04 р. въ мѣсяцъ, учитель приходскаго училища 234 р. въ годъ, т. е. 19,5 р. въ мѣсяцъ, и учительница прогимназіи 285 р. въ годъ, т. е. 23,8 р. въ мѣсяцъ, иначе говоря, учитель приходскаго училища—лицо, обыкновенно, окончившее курсъ въ учительской семинаріи,—по получаемому содержанію поставленъ ниже хорошаго писца и даже почтальона! Если при этомъ принять во вниманіе то образованіе, которое требуется отъ учителя или учительницы, и всю тяжесть учительскаго труда, то такое вознагражденіе нельзя никоимъ образомъ признать нормальнымъ.

Содержаніе самихъ школъ и средства для этого таковы. Дороже другихъ учебныхъ заведеній обходится содержаніе уѣзднаго училища (3013 р.), далѣе слѣдуетъ прогимназія (1740 р. 29 к.), и, наконецъ, приходское училище (763 р.).

Содержаніе всѣхъ учебныхъ заведеній Ялуторовска въ теченіе 1892 года стоило 5530,29 р. Наибольшій отпускъ суммъ на этотъ предметъ сдѣланъ былъ государственнымъ казначействомъ, а именно 3695,75 р., т. е. 67%, далѣе слѣдуетъ городское общество, которое отпускало на учебныя заведенія 1213 р., т. е. 22%, далѣе слѣдуетъ сумма, даваемая платою за ученіе—320,58 р., т. е. 6%, и, наконецъ, 183,42 р., т. е. 3%, добровольныхъ приношеній. Въ частности, по уѣздному училищу наибольшій процентъ

отпущенныхъ суммъ падаетъ также на государственное казначейство, а именно 2695,75 р., т. е. 89%, остальные 11% падаютъ на спеціальныя средства училища: сумму сбора за ученіе и пожертвованія почетнаго блюстителя; прогимназія, главнымъ образомъ, содержится также на суммы, отпускаемыя государственнымъ казначействомъ (1000 р., т. е. 57%), на городскія средства (450 р., т. е. 25%) и собственныя средства: сумму сбора за ученіе и проценты съ пожертвованныхъ капиталовъ (186,5 р., т. е. 11%); приходское училище содержится почти исключительно на городскія средства.

Наибольшій процентъ *расходовъ* падаетъ на содержаніе личнаго состава служащихъ (75,3%), далѣе на содержаніе домовъ (16,89%), затѣмъ на библіотеки и учебныя пособія (2,27%), стипендіи и вспоможенія учащимся (1,04%), и, наконецъ, на другія потребности (4,74%).

Для улучшенія матеріальной обстановки учащихся въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Ялуторовска въ 1892 году основано было особое общество, для характеристики дѣятельности котораго мы приведемъ здѣсь извлеченіе изъ отчета за первый годъ его существованія, напечатанное въ № 12 „Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ за 1894 годъ.

„Общество попеченія объ учащихся въ уѣздномъ и приходскомъ училищахъ г. Ялуторовска открыто въ концѣ 1892 года. Уставъ общества утвержденъ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ 18 сентября того же года.

„1 декабря 1892 года состоялось первое засѣданіе учредителей общества, на которомъ, для управленія дѣлами его, избраны были совѣтъ и ревизіонная комиссія. Въ составъ совѣта избраны: предсѣдателемъ Н. И. Палопеженцевъ, товарищемъ его священникъ К. П. Машановъ, казначеемъ К. Д. Потемкинъ, секретаремъ А. Н. Кузнецовъ и членами: Н. Н. Кыштымовъ, С. В. Дмитріева, Н. И. Москвинскій, Т. Я. Погребецкій и И. Ф. Рудаковъ; впослѣдствіи же на мѣсто выбывшихъ Н. Н. Кыштымова и И. Ф. Рудакова вступили П. П. Зубовскій и М. Ѳ. Брюховскій. Въ составъ ревизіонной комиссіи избраны были священники А. Тиховъ и А. Деминъ и провизоръ С. М. Айзенштадтъ.

„Въ началѣ дѣятельности первою задачею совѣта общества было привлеченіе лицъ, сочувствующихъ цѣли общества, въ члены его, что и достигнуто было на первыхъ же порахъ довольно успѣшно: въ число членовъ вступило всего 154 человѣка, изъ числа которыхъ 14 человѣкъ, а именно: Беклемишевъ В. Н., Бо-

товъ А. Ѳ., Давыдовскій Н. И., Каплунъ Я. Я., Колмаковъ А. С., Колмаковъ В. В., Колмакова Е. Ѳ., Колмаковъ К. С., Колосовъ И. И., Поклевскій-Козелло И. А., Семеновъ И. Е., Серебренниковъ В. Н., Смолинъ Д. И. и Ядришниковъ М. И.,—внесли по 25 руб. и были на основаніи § 4 устава зачислены въ число почетныхъ членовъ общества. Всего членскихъ взносовъ поступило 587 р.

„За отчетное время главнѣйшею задачею общества было снабженіе нуждающихся учащихся по возможности теплой одеждой и обувью (на что израсходовано 56 р. 49 к.) и необходимыми учебниками, бѣднымъ же учащимся выдавалась бумага для тетрадей (израсходовано всего 33 р. 93 к.). За то же время обществомъ внесена была плата за право ученія 12-ти чел. бѣдныхъ учениковъ (27 р.), а въ теченіе второго полугодія общество, кромѣ того, содержало въ уѣздномъ училищѣ ученика Зырянова, окончившаго ранѣе курсъ въ Верхсуерскомъ сельскомъ училищѣ (израсходовано 28 р.). Всего на нужды учащихся израсходовано 145 р. 42 к. Почтовые расходы по обществу составляютъ 12 р. 79 к., а канцелярскіе 56 р. 71 к. Послѣдніе составили значительный процентъ расходовъ (28,06%), что было неизбѣжно, такъ какъ эти расходы избавили общество отъ пріобрѣтенія бланковъ для книгъ, билетовъ на званіе членовъ, бумаги и др. принадлежностей уже на нѣсколько лѣтъ.

„Дабы облегчить по возможности учащимся покупку книгъ за возможно дешевую цѣну, а также и вообще книгъ, общество въ отчетномъ году возбудило ходатайство объ открытіи въ г. Ялуторовскѣ книжнаго склада, на что и послѣдовало 31 августа 1893 года разрѣшеніе г. тобольскаго губернатора. Для осуществленія означеннаго предпріятія, общество вошло въ переписку съ бумажными фабриками Успенской и бр. Ятесъ, съ г. Поклевскимъ-Козелло, съ курганскимъ книжнымъ складомъ, редакціей „Русскаго Начальнаго Учителя“ и нѣкоторыми книжными торговыми фирмами, такъ что скоро можно ожидать и осуществленія этого склада.

„Въ частности обороты суммъ по обществу за отчетное время сопровождались слѣдующими цифрами. Поступило: а) неприкосновеннаго капитала: взносовъ отъ почетныхъ членовъ 350 р. и б) расходнаго капитала: взносовъ отъ дѣйствительныхъ членовъ 237 р., сбора по подписнымъ листамъ 60 р. 30 к., отъ продажи уставовъ общества 2 р. 80 к. и %% съ неприкосновеннаго и расходнаго капиталовъ 11 р. 42 к., а всего 661 р. 52 к.; израсходовано: а) для бѣдныхъ учениковъ на обувь 33 р. 75 к., платье 22 р. 74 к., учебныя пособія 33 р. 93 к., плату за право ученія 27 р. и содержаніе ученика Зырянова 28 р. и б) на почт. перес. и канцеляр. нужды 56 р. 71 к., а всего 202 р. 13 к. Осталось къ 1894 году 459 р. 39 к., въ томъ числѣ капитала неприкосновеннаго 380 р. 1 к. и расходнаго 79 р. 38 к.

„Общественное сочувствіе, выразившееся въ столь значительныхъ для скромнаго Ялуторовска пожертвованіяхъ, даетъ смѣлость обществу надѣяться, что при каждой нуждѣ, оно встрѣтитъ въ жителяхъ города теплое участіе. Быть можетъ, близка и та пора, когда среди мѣстныхъ школяровъ не встрѣтится ни одного босого, нищенски одѣтаго, не имѣющаго учебника или же исключеннаго за невзносъ платы, и когда общество на свои средства будетъ воспитывать не одного, а нѣсколько своихъ стипендіатовъ изъ селъ и, такимъ образомъ, въ темную сельскую массу броситъ хотя скромный лучъ научныхъ познаній“.

Кромѣ учебныхъ заведеній, въ г. Ялуторовскѣ имѣется еще одно образовательное учрежденіе: это—общественная библіотека при мѣстномъ клубѣ.*)

Въ настоящее время въ клубной библіотекѣ насчитывается 619 №№, въ томъ числѣ на отдѣлъ изящной словесности падаетъ 423, на историческій 25, философіи и соціальныхъ наукъ 19, географіи и статистики 5 и дѣтскій 13 №№.**)

Наибольшей полнотой отличается, какъ видно, отдѣлъ изящной словесности, онъ же пользуется и наибольшими симпатіями читающей публики: можно смѣло сказать, что ни одинъ изъ отечественныхъ классическихъ писателей не остался непрочитаннымъ молодымъ поколѣніемъ интеллигентнаго круга, и это одна изъ важнѣйшихъ заслугъ клубной библіотеки. Остальные отдѣлы, какъ видимъ, очень бѣдны, причиною тому—малый спросъ на серьезную научную книгу. Будемъ надѣяться, что время возьметъ свое и изъ молодежи, которая теперь воспитывается на лучшихъ твореніяхъ нашей литературы, въ будущемъ выработается и типъ серьезнаго читателя, который возьмется за книги и научнаго содержанія.

Кромѣ этой библіотеки, обществу попеченія объ учащихся г. начальникомъ губерніи разрѣшено 5 сентября 1894 г. открыть безплатную народную библіотеку, въ основу которой войдутъ книги, пожертвованныя студентомъ-медикомъ И. М. Гордѣевымъ и

*) См. мои статьи: „Библіотечное дѣло въ Сибири“ („Вост. Об.“ 1885 г., № 46) и „Библіотеки въ селахъ и городахъ Сибири“ („Вост. Об.“ 1888 г., № 15), а также первую часть настоящей работы во 2-мъ выпускѣ „Ежегодника“, стр. 57 и 58.

**) См. „Итоги просвѣщенія въ г. Ялуторовскѣ“ П. Головачева въ „Тоб. Губ. Вѣд.“ за 1894 г., № 28.

тюменскимъ статистическимъ отрядомъ, въ количествѣ 300 экземпл.

Глава II. Хозяйственная и санитарная обстановка сельскихъ училищъ.

Ялуторовскій округъ занимаетъ пространства 19,044 кв. вер. и имѣетъ населенія 184,994 ч. (91,935 м. и 93,059 ж.), при чемъ на 1 квадратную версту приходится 9,48 ч. Населенныхъ мѣстъ въ округѣ считается 356 русскихъ и 15 татарскихъ.*)

Во всемъ округѣ имѣется 34 училища министерства государственныхъ имуществъ съ 1159 м. и 327 д., всего—1486 учащимися, 13 церковно-приходскихъ школъ съ 292 м. и 156 д., всего—448 учащимися, 22 школы грамотности съ 304 м. и 46 д., всего—350 учащимися; въ инородческихъ же волостяхъ: Авазбакеевской и Сингульской при мѣстныхъ муллахъ имѣется 15 татарскихъ школъ, изъ нихъ въ Сингульской 7 школъ съ 176 м. и 149 д., всего—326 учащимися. Кромѣ этихъ официальныхъ школъ, во многихъ деревняхъ есть еще вольные учителя, о которыхъ нами сказано будетъ дальше.

На все русское населеніе округа (85,362 м. и 86,404 ж., всего—171,766 ч.) приходится учащихся 1755 м. и 529 д. ,всего—2284 ч., т. е. одинъ учащійся мальчикъ на 49 мужч. и одна дѣвочка на 162 женщины. Приблизительное вычисленіе показываетъ, что изъ 100 мальчиковъ школьнаго возраста не учится 88, изъ 100 дѣвочекъ 97.

По волостямъ министерскія школы распредѣляются слѣдующимъ образомъ. По 2 школы имѣютъ 7 волостей: Томиловская, Заводоуковская, Слободобешкильская, Архангельская, Красногорская, Исетская и Юргинская; остальныя волости имѣютъ по одной школѣ, за исключеніемъ Ивановской, которая совсѣмъ не имѣетъ школы.**) Церковноприходскія школы имѣются въ волостяхъ: Архангельской, Емуртлинской, Заводоуковской, Исетской, Кизакской (двѣ: Нижнеманайская и Курская), Красногорской, Омутинской, Плетневской, Суерской, Терсюкской, Томиловской, Мокроусовской и Юргинской. Школъ грамотности въ Суерской волости 10, Заводоуковской 2, Плетневской 2, Мостовской 2, Исетской 1, Томиловской 1, Лыбаевской 1 и Верхсуерской 1. Вообще всѣ школы по волостямъ распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

*) См. „Статистика Россійской Имперіи. Волости и населенныя мѣста 1893 года. Вып. 10. Тобольская губернія.“ Изд. Центр. Ком. 1894 г.

**) Въ настоящее время Томиловская волость имѣетъ 3, Коркинская 2 и Ивановская 1 школу.

НАЗВАНІЕ ВОЛОСТЕЙ.	Министер. школъ.	Церковно-приходск. школъ.	Школъ грамотности.	ВСЕГО.
Суерская	1	1	10	12
Заводоуковская	2	1	2	5
Томиловская	2	1	1	4
Исетская	2	1	1	4
Плетневская	1	1	2	4
Архангельская	2	1	„	3
Красногорская	2	1	„	3
Юргинская	2	1	„	3
Мостовская	1	„	2	3
Терсюкская	1	1	1	3
Кизакская	1	2	„	3
Верхсуерская	1	„	1	2
Емуртлинская	1	1	„	2
Лыбаевская	1	„	1	2
Омутинская	1	1	„	2
Мокроусовская	1	„	1	2
Слободобешкильская	2	„	„	2
Бобылевская	1	„	„	1
Верхнебешкильская	1	„	„	1
Ингалинская	1	„	„	1
Кодская	1	„	„	1
Коркинская	1	„	„	1
Новозаимская	1	„	„	1
Пятковская	1	„	„	1
Шатровская	1	„	„	1
Шороховская	1	„	„	1
Саламатовская	1	„	„	1

Всѣ зданія, въ которыхъ помѣщаются министерскія школы, деревянныя, большею частью одноэтажныя, за исключеніемъ Кодскаго, Скородумскаго и Шатровскаго. Самое лучшее классное помѣщеніе имѣетъ Кодское училище, состоящее изъ 4 классныхъ комнатъ, соединенныхъ арками. По двѣ классныхъ комнаты имѣютъ училища: Романовское, Исетское, Бердюгинское, Мокроусовское, Новозаимское, Терсюкское, Мостовское, Ингалинское и Пятковское; остальныя имѣютъ по одной клас. комнатѣ. Романовское, Бердюгинское, Ингалинское и Пятковское училища помѣщаются въ ча-

стныхъ квартирахъ, изъ нихъ послѣднее помѣщается въ квартирѣ, для школы нисколько не приспособленной. Изъ плановъ, приложенныхъ въ концѣ настоящей работы, можно видѣть внутреннее расположеніе комнатъ и можно судить о тѣхъ удобствахъ и неудобствахъ, которыя приходится испытывать школѣ. Тамъ же въ особой таблицѣ мы группируемъ болѣе или менѣе подробныя данныя, характеризующія гигіеническія условія, въ которыя поставлена министерская школа Ялуторовскаго округа (Таб. III).

Изъ таблицы этой видно, что длина средней классной комнаты въ школахъ Ялуторовскаго округа—10,7 арш., ширина—7 арш., высота—3,5 арш., куб. вмѣстимость воздуха—262,15 куб. арш. (3324 к. ф.) и поверхность пола—74,9 кв. арш. (406,7 кв. фут.), при чемъ на одного учащагося приходится площади пола 1,8 кв. арш. (9,6 кв. ф.) и воздуха 6,24 куб. арш. (79 куб. ф.).

Для наглядности сравненія школы Ялуторовскаго округа съ типомъ нормальной школы, выработаннымъ врачами и педагогами-гигіенистами, мы приводимъ ниже таблицу, изъ которой можно видѣть, на сколько школа Ялуторовскаго округа стоитъ ниже нормальной.*)

	Докторъ Эрисманъ.	Врачъ Романовъ.	Вятская школьная комиссія.	Баронъ Корфъ.	3-й съѣздъ земскихъ врачей.	Ялуторовская минист. школа.			Ялуторовская церковно-прих. школа.		
						Лучшая	Средняя	Худшая	Лучшая	Средняя	Худшая
Площадь пола -	3	4,68	3,4	2	2	3,2	1,8	1	2,3	1,52	1
Высота - - -	6,3	7	6	3,5-4,6	4	4	3,5	2,5	4,13	3,25	2,25
Кубическая вмѣстимость -	18,5	32,2	20,3	8	8	12,6	6,24	3,5	5,6	4,3	2,6
Отношеніе свѣтовой поверхности къ площади пола - - - -	0,18	0,24	0,17	0,15—0,20	„	0,17	„	„	„	„	„

Слѣдовательно, средняя классная комната при высотѣ, меньшей

*) Не лишнимъ будетъ дополнить эту таблицу указаніемъ на кубическую вмѣстимость иностранныхъ школъ, гдѣ приходится: во Франціи—21, въ Пруссіи—35 (по Кремеру 19,4), въ Баваріи—28, въ Австріи—7 и въ Бельгіи—6,3 арш.

нормальной въ 1,14 раза, даетъ на каждаго учащагося поверхности пола меньше, чѣмъ нормальная классная комната, въ 1,11 раза и воздуха—въ 1,28 раза. Если мы сравнимъ отдѣльныя классныя комнаты съ типомъ, выработаннымъ бар. Корфомъ, самымъ скромнымъ изъ гигіенистовъ по требовательности относительно школьно-санитарныхъ условій, то неудовлетворительное состояніе школы выступитъ еще рѣзче; такъ, по высотѣ удовлетворительныхъ училищъ мы найдемъ только пять: Верхнебешкильское, Емуртлинское, Кизакское, Кодское и Суерское. Пять школъ на 34! Квадратную поверхность пола, равную или большую нормальной, мы встрѣчаемъ лишь въ восьми училищахъ: Бердюгинскомъ, Верхсуерскомъ, Кодскомъ, Лыбаевскомъ, Мостовскомъ, Рафайловскомъ, Суерскомъ и Юргинскомъ,—и кубическую вмѣстимость воздуха, нормальную или выше нормальной, лишь въ 5 училищахъ: Верхсуерскомъ, Кодскомъ, Романовскомъ, Суерскомъ и Юргинскомъ. Такимъ образомъ, если придерживаться требованій барона Корфа, то оказываются удовлетворительныхъ школъ только двѣ: Кодская и Суерская. Въ большинствѣ же школъ учащіеся принуждены довольствоваться 3,5—7 куб. арш. воздуха, т. е. 43,8—87,5% нормальной вмѣстимости. Кромѣ того, въ одной изъ школъ, а именно: въ Коркинской, въ классную комнату врѣзывается прямоугольникомъ комната учительницы, длиною арш. въ 4 и шириною арш. въ 3, т. е. отнимающая около 12 кв. арш., или $^1/_6$ квадратной поверхности пола. Но если классныя помѣщенія малы и потому даютъ въ большинствѣ случаевъ мало воздуха, то, можетъ-быть, употреблены всѣ усилія для того, чтобы воздухъ этотъ былъ чистый и здоровый, и введена болѣе или менѣе усовершенствованная система вентиляціи и отопленія? Свѣдѣнія объ этомъ мы сгруппировали въ приложеніяхъ, въ таблицѣ IV.

Изъ таблицы этой видно, что четыре училища совсѣмъ не снабжены вентиляціей. Надо замѣтить при этомъ, что въ большинствѣ школъ устроены простыя форточки и только въ нѣкоторыхъ форточки Шерингэма.

Не менѣе важенъ въ отношеніи вентиляціи и способъ отопленія. Почти всѣ училища Ялуторовскаго округа отопляются посредствомъ голландскихъ печей и нѣкоторыя посредствомъ желѣзныхъ; наиболѣе рекомендуемыхъ для школъ печей, способствующихъ вентиляціи воздуха, какъ-то: колориферныхъ, Собольщикова и Дугласъ-Гальтона, не устроено ни въ одномъ училищѣ—такъ же, какъ ни въ одномъ училищѣ не устроено правильной системы вентиляцій, напр., д-ра Дикмана, Бертье-Делагарда и др.

Въ свѣтовомъ отношеніи министерская школа Ялуторовскаго

округа поставлена въ слѣдующія условія: каждая средняя классная комната имѣетъ 7 оконъ, длиною каждое въ 1,57 (т. е. приблизительно въ 1 арш. 9 вер.) и шириною въ 1,12 арш. (около 1 арш. 2 вер.), такъ что на каждый квадратный аршинъ пола приходится 43,5 кв. вершковъ, т. е. свѣтовая поверхность составляетъ 17% поверхности пола. Докладъ съѣзда Воронежскихъ земскихъ врачей говоритъ: „желательно, чтобы стеклянной поверхности оконъ было 15—20% площади пола, а этому въ проектируемой нами классной комнатѣ будетъ соотвѣтствовать 5 оконъ въ 2 арш. вышины и 1½ арш. ширины каждое", т. е. на 1 кв. арш. пола должно приходиться отъ 38 до 51 кв. вершка свѣтовой поверхности. Въ нашей типической школѣ оконъ больше на 2, но за то самыя окна меньше, какъ въ длину (на 7 вер.), такъ и въ ширину (на 6 вер.), такъ что отношеніе стеклянной поверхности къ площади пола получается средне-нормальное, но если мы посмотримъ на отдѣльныя школы, то многія изъ нихъ окажутся далеко ниже нормы. Наименѣе удовлетворительными въ свѣтовомъ отношеніи можно считать училища: Омутинское, Бобылевское, Емуртлинское, Красногорское, Юргинское, Рафайловское, Верхсуерское, Коркинское, Слободобешкильское, Онуфріевское, Суерское и Лыбаевское.

Не менѣе неудовлетворительна въ гигіеническомъ отношеніи и классная мебель: во всѣхъ училищахъ классные столы (обыкновенно не отдѣляющіеся отъ скамеекъ)—старинной конструкціи, длинные, человѣкъ на 6, при чемъ какъ крышка стола, такъ и спинка скамейки неподвижны, вслѣдствіе чего ученикъ, спрошенный съ мѣста, не можетъ стоять свободно: сидѣнье скамейки давитъ ему подколѣнки, а крышка стола или грудную клѣтку или животъ, смотря по росту ученика. Ученикъ не можетъ сидѣть свободно и во время урока, такъ какъ его стѣсняетъ крышка стола, которая не можетъ ни отодвигаться, ни подыматься, ни спускаться. Вслѣдствіе же того, что сидитъ по 5—6 чел. на каждой скамейкѣ, при каждомъ вызовѣ ученика, въ силу необходимости, подымается вся скамья для того, чтобы пропустить вызваннаго, и нарушается постоянно необходимый для школы порядокъ.

Но едва ли не главнѣйшимъ неудобствомъ является отсутствіе при училищахъ отдѣльныхъ прихожихъ, почему учащіеся зимою принуждены бываютъ оставлять свои шубы (по большей части дубленыя, съ острымъ запахомъ) въ классной комнатѣ, чѣмъ и заражаютъ и безъ того крайне плохой воздухъ этихъ комнатъ. Отдѣльныя прихожія имѣются при 18 училищахъ: Кодскомъ, Мокроусовскомъ, Кизакскомъ, Терсюкскомъ, Суерскомъ, Заводоуковскомъ, Спасскомъ, Бигилинскомъ, Плетневскомъ, Мостовскомъ, Емуртлинскомъ, Лыбаевскомъ, Верхнебешкильскомъ, Ингалинскомъ, Созоновскомъ (холодная), Рафайловскомъ, Рамановскомъ; въ остальныхъ училищахъ (16) нѣтъ совсѣмъ прихожихъ, но въ Бердюгинскомъ, Бобылевскомъ, Верхсуерскомъ, Денисовскомъ, Исетскомъ, Новозаимскомъ, Омутинскомъ, Онуфріевскомъ и Слободобешкильскомъ училищахъ для храненія верхняго платья приспособлены кухни учительскихъ квартиръ, а остальныя семь училищъ не имѣютъ и этого ничтожнаго удобства. То же слѣдуетъ сказать и объ устройствѣ ретирадныхъ мѣстъ, къ которому, по видимому, относятся въ высшей степени небрежно и не придаютъ ему никакого значенія. Благодаря такому взгляду только при 5 училищахъ имѣются рет. мѣста, устроенныя при самомъ зданіи, а именно: при Исетскомъ, Рафайловскомъ, Кодскомъ, Терсюкскомъ и Шатровскомъ; въ большинствѣ училищъ для этой цѣли устроены отдѣльныя будки, иногда на концѣ двора. Такія будки устроены при училищахъ: Архангельскомъ, Боровинскомъ, Верхнебешкильскомъ, Емуртлинскомъ, Заводоуковскомъ, Кизакскомъ, Коркинскомъ, Мокроусовскомъ, Новозаимскомъ, Омутинскомъ, Онуфріевскомъ, Романовскомъ, Слободобешкильскомъ, Спасскомъ, Суерскомъ и Юргинскомъ; въ большинствѣ случаевъ эти будки ветхія, полуразвалившіяся, а иногда безъ дверей и крышъ, т. е. представляютъ изъ себя просто мѣсто, кругомъ огороженное досками; въ нѣкоторыхъ школахъ рет. мѣста замѣняютъ стайки, напр., въ Верхсуерскомъ, Ингалинскомъ, Красногорскомъ, Лыбаевскомъ, Пятковскомъ, Бобылевскомъ, Денисовскомъ; въ другихъ, какъ напр., въ Мостовскомъ и Онуфріевскомъ подобныя мѣста огорожены просто плетнемъ, и, наконецъ, есть такія училища, при которыхъ совсѣмъ нѣтъ этихъ мѣстъ, и учащіеся для отправленія своихъ естественныхъ надобностей, въ силу необходимости, избираютъ любое мѣсто двора, отчего почва двора засаривается и, пропитавшись испраженіями, становится вредной для здоровья. Если къ этому прибавить, что нѣкоторыя училища не имѣютъ дворовъ или просто огорожены жердями, то картина хозяйственнаго неблагоустройства будетъ полная. При такой хозяйственной обстановкѣ далека мысль объ устройствѣ училищныхъ садовъ, и, дѣйствительно, сады имѣются лишь при училищахъ: Бобылевскомъ, Боровинскомъ, Верхнебешкильскомъ, Кодскомъ, Суерскомъ и Терсюкскомъ.

Вообще нельзя не пожалѣть, что на санитарную обстановку училищъ не обращается должнаго вниманія, хотя нѣтъ, кажется, интеллигентнаго человѣка, который бы не сознавалъ вреда испорченнаго и необходимости чистаго и свѣжаго воздуха. Для крестьянскаго ребенка воздухъ этотъ необходимъ еще и по-

тому, что домашняя жизнь его проходитъ въ атмосферѣ, положительно отвратительной, и если мы желаемъ внести въ крестьянскую жизнь болѣе здравыя понятія о значеніи воздуха, то должны это дѣлать не нравоученіями или умными народными книжками, а на живомъ примѣрѣ показать крестьянину съ дѣтства (когда еще вѣковые предразсудки о „русскомъ духѣ“ не въѣлись въ его плоть и кровь) различіе между хорошимъ и дурнымъ. „Тутъ надо дѣтямъ дать дышать чистымъ воздухомъ,—говоритъ Бертье-Делагардъ,—не только для того, чтобы не вредить ихъ здоровью, но также и для того, чтобы привить имъ эту потребность, развить способность чувствовать себя нехорошо въ нечистомъ воздухѣ“. А заботимся ли мы, интеллигентные люди, объ этомъ?

Надолго памятная холерная эпидемія, кажется, достаточно доказала, сколько пало жертвъ, благодаря предразсудкамъ, невѣжеству и нашему самодовольно-насмѣшливому отношенію къ гигіеническимъ и санитарнымъ условіямъ, выработаннымъ наукой. Здѣсь я не могу воздержаться, чтобы не привести въ высшей степени яркаго примѣра, сколь безплодными являются, благодаря народному невѣжеству, самыя чистыя и высокія попытки внести въ жизнь крестьянина лучшія гигіеническія условія. „Чудакъ-помѣщикъ Всеволожскій,—разсказываетъ извѣстный писатель Н. С. Лѣсковъ,—ввелъ ересь: онъ сталъ заботиться, чтобы его крестьянамъ въ с. Райскомъ было лучше жить, чѣмъ они жили въ Орловской губ., откуда ихъ вывели. Всеволожскій приготовилъ къ ихъ приходу на новое мѣсто цѣлую „каменную деревню.“ О такихъ чистыхъ и удобныхъ помѣщеніяхъ и помышлять не могли орловскіе крестьяне, всегда живущіе въ безтрубныхъ избахъ. Всѣ дома, приготовленные для крестьянъ въ новой деревнѣ, были одинаковой величины и сложены изъ хорошаго прожженнаго кирпича, съ печами, трубами и полами, подъ высокими черепичными крышами. Выведенъ былъ этотъ порядокъ въ линію на горномъ берегу быстраго ручья, за которымъ шелъ дремучій боръ съ заповѣдными и „клейменными“ въ петровское время „мачтовыми“ деревьями изумительной чистоты, прямизны и роста. Въ этомъ бору было такое множество дичи и звѣрья и такое изобиліе всякой ягоды и бѣлыхъ грибовъ, что казалось будто всего этого вѣкъ ѣсть и не переѣсть. Но орловскіе крестьяне, пришедшіе въ это раздолье изъ своей тѣсноты, гдѣ „курицу и тае выпустить некуда“, какъ увидали каменную деревню, такъ и уперлись, чтобы не жить въ ней.

— Это, молъ, что за выдумка! И дѣды наши не жили въ камени, и мы не станемъ.

Забраковали новые дома и тотчасъ же придумали, какъ имъ устроиться въ новомъ вкусѣ.

Благодаря чрезвычайной дешевизнѣ строевого лѣса, здѣсь платили тогда за избянной срубъ отъ 5 до 10 руб. „Переведенцы“ сейчасъ же „изъ послѣднихъ силъ“ купили себѣ самые дешевенькіе срубцы, приткнули ихъ, гдѣ попало, „на задахъ“, за каменными жильями, и стали въ нихъ жить безъ трубъ, въ тѣснотѣ и конотѣ, а свои просторные каменные дома опредѣлили „ходить до вѣтру“, что и исполнили. Не прошло и одного мѣсяца, какъ всѣ домики прекрасной постройки были загажены, и новая деревня воняла такъ, что по ней нельзя было проѣхать безъ крайняго отвращенія. Во всѣхъ окнахъ стекла были повыбиты, и оттуда валилъ смрадъ.

По учрежденіи такого порядка, на всѣхъ подторжьяхъ и ярмаркахъ люди сообщали другъ другу съ радостью, что „райскіе мужики своему барину каменную деревню всю занакостили.“ Всѣ отвѣчали: „Такъ ему и надо!—Шутъ этакой, что выдумалъ!—Вали, вали ему на голову, вали!“ За что они на него злобствовали, этого, я думаю, они и сами себѣ объяснить не могли; но только они какъ ощетинились, такъ и не приняли себѣ ни одного благодѣянія. Онъ, напримѣръ, построилъ имъ въ селѣ общую баню, въ которую всѣмъ можно было ходить мыться, и завелъ школу, въ которой хотѣлъ обучать грамотѣ мальчиковъ и дѣвочекъ, но крестьяне въ баню не стали ходить, находя, что въ ней будто „ноги стынутъ“, а о школѣ шумѣли: зачѣмъ нашимъ дѣтямъ умнѣе отцовъ быть?“ („Разсказы кстати.“ Книжка „Недѣли“, ноябрь 1893 г., стр., 110, 111 и 112).

Этотъ возмущающій душу фактъ безплодности въ высшей степени добраго и полезнаго дѣла, съ одной стороны, и грубѣйшей неблагодарности и даже издѣвательства, со стороны благодѣтельствуемыхъ, имѣлъ мѣсто не въ дикихъ какихъ-либо странахъ, а въ одной изъ центральныхъ губерній Россіи, и не во времена удѣльныхъ князей и татарскаго владычества, а наканунѣ великихъ реформъ. Чѣмъ же можно объяснить такой фактъ? По моему крайнему разумѣнію его можно объяснить только глубочайшимъ невѣжествомъ и привычкой къ своему грязному и вонючему углу. Вотъ противъ этой то привычки, во имя началъ, выработанныхъ наукой, и должна вооружиться народная школа и должна создать такую обстановку въ санитарномъ отношеніи, чтобы ребенокъ, придя домой изъ школы, чувствовалъ разницу между здоровой и зараженной разными выдѣленіями атмосферой.

Церковно-приходскія школы всѣ, за исключеніемъ Агаракской, имѣютъ собственныя помѣщенія, частію устроенныя на средства епархіальнаго училищнаго совѣта, напр.: Камышевская, Нижнеманайская, Горюновская, Мининская и Курская, частію—въ церковныхъ домахъ: Юргинская, Суерская, Денисовская; Надунская же школа помѣщается въ домѣ, пожертвованномъ г. Поклевскимъ-Козелло, а Зимовье-Вагайская—въ церковной сторожкѣ.

Къ сожалѣнію, свѣдѣнія, имѣющіяся у меня подъ руками, о помѣщеніяхъ церковно-приходскихъ школъ не отличаются полнотой; такъ, напр., о размѣрахъ классныхъ комнатъ изъ 13 школъ свѣдѣнія имѣются лишь о семи.

Размѣры классныхъ комнатъ выражаются въ слѣдующемъ видѣ:

Названіе школъ.	Число классныхъ комнатъ.	Размѣры классныхъ комнатъ въ аршинахъ.			Кубическая вмѣстимость классныхъ комнатъ.	На 1 ученика приходится воздуха.	Площадь пола въ квадр. арш.	На одного ученика приходится площади пола.
		Длина.	Ширина.	Высота.				
Камышевская .	2	5,5 5,75	5,25	2,25	133	2,6	59	1,2
Нижнеманайская .	1	12	6	?	—	—	72	1,5
Зимовье-Вагайская	1	8	7	3,5	196	8	56	2,3
Кутькинская . .	1	8,5	4	4,13	140,25	4,5	34	1
Мининская . .	1	6,75	6,75	3,75	169	4,7	45,5	1,3
Курская . . .	1	7	7,5	3,5	190	5,6	54,3	1,6
Денисовская . .	1	9	7	2,5	157,5	5,2	63	2,1
Средняя .	1	9	6,2	3,25	164,3	4,3	55	1,5

Такимъ образомъ, средняя классная комната церковно-приходской школы имѣетъ въ длину 9 аршинъ, въ ширину 6,2 аршина и въ вышину 3,25 арш., съ 164 куб. арш. воздуха и съ площадью пола въ 55 кв. арш., при чемъ на каждаго ученика приходится воздуха 4,3 куб. арш. и 1,5 квадратныхъ аршинъ площади пола. Сравнивая съ типомъ нормальной школы, выработаннымъ барономъ Корфомъ, мы находимъ, что площади пола, вмѣсто 2 кв. арш., въ средней церковно-приходской школѣ приходится лишь 1,5 арш., а въ худшей всего 1 кв. арш.; воздуха на одного учащагося, вмѣсто 8 куб. арш., только 4,3 куб. арш., а въ худшей только 2,6 куб. аршина! Высота комнаты также неудовлетворяетъ санитарнымъ требованіямъ: вмѣсто 4 арш. средняя комната имѣетъ 3,25 арш., а худшая только 2,12 арш. Сравнивая гигіеническія условія церковно-приходской школы съ министерской, мы приходимъ къ тому выводу, что министерская школа въ этомъ

отношеніи стоитъ выше: такъ, кубическая вмѣстимость средней министерской школы равна 262 куб. аршинамъ, а церковно-приходской 164 куб. арш., и на одного учащагося въ министерской школѣ приходится 5,6 куб. аршинъ воздуха, а въ церковно-приходской 4,1 куб. арш.; поверхности пола средняя министерская классная комната имѣетъ 74,9 кв. арш., а церковно-приходская 55, и на одного учащагося въ министерской школѣ приходится 1,8, а въ церковноприходской 1,5 кв. аршина.

Большая часть школъ грамоты помѣщается въ частныхъ домахъ, т. е. въ простыхъ деревенскихъ избахъ, а потому всякій можетъ представить себѣ ихъ санитарныя условія. Въ домахъ, устроенныхъ епархіальнымъ училищнымъ совѣтомъ, помѣщается три школы: Упоровская, Уваровская и Волковская; Духовская помѣщается въ домѣ, пожертвованномъ обществомъ; Уковская въ квартирѣ, отведенной обществомъ, и Суерская въ домѣ священника.

Что касается татарскихъ школъ, то мы можемъ только сказать, что въ Авазбакеевской волости учебныя занятія происходятъ въ частныхъ домахъ, а въ Сингульской—въ домахъ, устроенныхъ на средства сельскихъ обществъ. Кто знаетъ устройство татарскихъ домовъ, тотъ не можетъ сказать, чтобы дома эти были удобны для школъ и обладали достаточнымъ количествомъ воздуха и свѣта. Классной мебели въ этихъ училищахъ нѣтъ, и учебныя занятія происходятъ на „нарахъ.“

Всѣ сельскія училища вѣдомства государственныхъ имуществъ содержатся на счетъ частныхъ волостныхъ повинностей, при чемъ на содержаніе каждаго училища отпускается 310 руб., изъ которыхъ 200 руб. идетъ на жалованье учителю, 60 руб.—законоучителю, 25 руб. на училищную библіотеку, отъ 5—10 р. расходуется на учебныя руководства и остальныя 15—20 руб. на учебныя принадлежности: ремонтъ же зданія и мебели, мелкія подѣлки по училищу, наемъ помѣщенія, содержаніе сторожа, отопленіе и освѣщеніе училища относятся на счетъ самихъ сельскихъ обществъ. Опредѣлить точной цифрой эти расходы невозможно, такъ какъ всѣ они производятся, въ большинствѣ случаевъ, натурой: такъ, напр., обязанность сторожа отправляется натурой въ училищахъ: Боровинскомъ, Верхсуерскомъ, Верхнебешкильскомъ, Денисовскомъ, Емуртлинскомъ, Красногорскомъ, Омутинскомъ, Онуфріевскомъ и Плетневскомъ; точно также и отопленіе и освѣщеніе отпускается волостными правленіями натурой.

На наемъ зданій въ 1892 году расходовалось Бердюгинскимъ обществомъ 38 руб., Пятковскимъ 72 р., Рафайловскимъ 61 р., Романовскимъ 32 р. и Суерскимъ 30 р., всего 233 р.; на отопленіе училища и сторожа—Заводоуковскимъ 55 р., Исетскимъ 48 р., Кизакскимъ 38 р. 70 к., Кодскимъ 57 р. 40 к., Коркинскимъ 32 р., Мокроусовскимъ 80 р., Мостовскимъ 24 р. 80 к., Слободобешкильскимъ 18 р., Спасскимъ 27 р., Шороховскимъ 40 р. и Юргинскимъ 37 р., а всего 457 р. 90 к. На ремонтъ училищъ израсходовано Боровинскимъ обществомъ 15 р., Денисовскимъ 2 р., Омутинскимъ 6 р., Пятковскимъ 15 р., Терсюкскимъ 43 р. (?), Шороховскимъ 37 р. (?), Юргинскимъ 6 р. 70 к., всего 124 р. 70 к. На освѣщеніе училища выдавалось въ Мостовскомъ обществѣ 12 р 75 к., Верхнебешкильскомъ 9 р., въ Денисовскомъ, Спасскомъ, Терсюкскомъ, Шатровскомъ и Шороховскомъ по 6 р. и въ Емуртлинскомъ 5 р. 60 к., всего 57 р. 35 к.

Кромѣ того, при нѣкоторыхъ училищахъ имѣются капиталы, пожертвованные разными частными лицами на нужды школъ (такихъ капиталовъ три): при Терсюкскомъ сельскомъ училищѣ—коллежскимъ совѣтникомъ Рѣзановымъ (800 р. въ билетахъ и процентныхъ денегъ 38 р., всего 838 р.), при Кодскомъ училищѣ—купцомъ И. И. Колосовымъ (4600 р. въ билетахъ и наличными 38 р. 71 к., всего 4638 р. 71 к.) и при Омутинскомъ училищѣ—коллежскимъ ассесоромъ Парышевымъ (1000 р. въ билетахъ). Проценты съ перваго капитала предназначаются въ пособіе учащимъ и учащимся Терсюкскаго училища, со второго—на содержаніе классовъ ручного труда при Кодскомъ училищѣ и съ третьяго—на библіотеку при Омутинскомъ училищѣ.

Такимъ образомъ, на народное образованіе въ Ялуторовскомъ округѣ расходуется въ годъ изъ волостныхъ частныхъ повинностей по 310 р. на каждое училище, т. е. 10,540 р., мѣстными сельскими обществами 866 р. 95 к. (приблизительно) и процентныхъ денегъ съ пожертвованныхъ капиталовъ 320 р., всего 11,728 р. 95 к., т. е. одна школа обходится въ 345 р. и одинъ учащійся въ 8,2 р.

Опредѣлить стоимость церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты невозможно, такъ какъ въ отчетахъ отдѣленій проставляются лишь суммы, расходуемыя на жалованье служащимъ, но не имѣется свѣдѣній ни о томъ, сколько расходуется на наемъ квартиръ, на ремонтъ школьныхъ помѣщеній и т. п., ни о стоимости учебныхъ принадлежностей. На содержаніе учителей и учительницъ церковно-приходскихъ школъ, какъ то видно изъ отчета отдѣленія за $18^{93}/_{94}$ учебный годъ, было израсходовано 1456 р.

и—школъ грамоты 831 р.: кромѣ того, выслано было учебныхъ пособій на средства святѣйшаго синода во всѣ школы округа на 208 р. Такимъ образомъ, за исключеніемъ расходовъ на наемъ и ремонтъ помѣщеній и пріобрѣтеніе учебныхъ принадлежностей, церковно-приходскія школы и школы грамоты въ $18^{93}/_{94}$ учебномъ году обошлись въ 2495 р., т. е. одна школа обошлась въ 77 р. и одинъ учащійся въ 3 рубля.

Глава III. Учебныя пособія и школьныя библіотеки.

Изъ предыдущей главы мы видѣли, насколько удовлетворительна сельская школа въ санитарномъ отношеніи. Весьма интересно бы, безъ сомнѣнія, опредѣлить, какими болѣзнями и органическими ненормальностями награждаетъ школа своихъ питомцевъ взамѣнъ тѣхъ знаній, какія она имъ даетъ, но при настоящемъ состояніи сельско-медицинскаго дѣла въ Сибири это невозможно сдѣлать. Теперь посмотримъ, какой духовной пищей питаетъ школа своихъ питомцевъ. Знанія, даваемыя сельскою школою вѣдомства государственныхъ имуществъ, строго опредѣлены программами, выработанными министерствомъ народнаго просвѣщенія и утвержденными имъ 31 мая 1869 года, и программой преподаванія Закона Божія, одобренной святѣйшимъ синодомъ 24 сентября 1869 года, а для школъ церковно-приходскихъ программами, утвержденными святѣйшимъ синодомъ въ 1886 году. Мы не будемъ здѣсь касаться этихъ, такъ сказать, официальныхъ знаній, а также преимуществъ той или другой программы, разсмотримъ лишь, какими вспомогательными средствами располагаетъ народная школа Ялуторовскаго округа для достиженія этихъ знаній и для дальнѣйшаго развитія ихъ среди учащагося поколѣнія. Съ этою цѣлью прежде всего обратимся къ учебникамъ, по которымъ преподаются предметы, положенные по программамъ сельскихъ школъ.

Законъ Божій преподается во всѣхъ училищахъ по учебникамъ протоіерея Д. Соколова: „Молитвы, заповѣди и символъ вѣры“ и „Начальное наставленіе въ православной вѣрѣ“; но въ нѣкоторыхъ изъ училищъ законоучителя стараются пополнять знанія учащихся свѣдѣніями изъ другихъ учебниковъ: такъ, законоучитель Архангельскаго училища пользуется „Священной исторіей ветхаго и новаго завѣта“ того же автора, „Краткимъ ученіемъ о богослуженіи“ и „Сокращеннымъ катихизисомъ“, Денисовскаго—„Курсомъ Закона Божія“ Свирѣлина и „Объясненіемъ литургіи“ Недемева, Верхсуерскаго, Исетскаго, Плетневскаго, Пятковскаго, Омутинскаго,

Онуфріевскаго и Суерскаго—„Священной исторіей ветхаго и новаго завѣта“ Соколова и „Начатками православнаго ученія“. Обученіе *русской грамотѣ* преимущественно ведется по „Родному Слову“ (годъ I) Ушинскаго, и только въ Терсюкскомъ, Шатровскомъ, Онуфріевскомъ, Рафайловскомъ, Исетскомъ, Бобылевскомъ и Боровинскомъ—по „Азбукѣ“ и „Книжкѣ-первинкѣ“ Бунакова, въ Романовскомъ по „Нашему Родному“ Баранова. Въ среднемъ отдѣленіи читаютъ преимущественно по „Родному Слову“ (г. II) Ушинскаго, въ старшемъ же отдѣленіи въ 22 училищахъ читаютъ по „Дѣтскому Міру“ Ушинскаго, въ училищахъ же Скородумскомъ, Красногорскомъ, Коркинскомъ, Онуфріевскомъ, Пятковскомъ и Архангельскомъ—по „Книгѣ для чтенія“ Паульсона, въ Спасскомъ—„Въ школѣ и домѣ“ Бунакова, въ Кодскомъ—по „Книгѣ для класснаго чтенія“ Баранова, въ Романовскомъ—по „Нашему Родному“ его же, въ Слободобешкильскомъ—по „Нашему Другу“ Корфа и въ Новозаимскомъ—по „Родинѣ“ Радонежскаго. Рукописное чтеніе преподается преимущественно по сборникамъ Золотова, Андреяшева и Подобы. *Церковно-славянская* грамота преподается въ Суерскомъ—по „Родному Слову“ Ушинскаго, въ Терсюкскомъ—по Бунакову, въ Шатровскомъ и Боровинскомъ—по „Обученію церковно-славянской грамотѣ“ Ильминскаго, въ Денисовскомъ—по той же книгѣ и „Первой учебной книгѣ ц.-с. языка“ Грушевскаго и въ Бобылевскомъ—по „Книгѣ для церковно-славянскаго чтенія“ Тихомирова; по достиженіи же умѣнія читать по церковно-славянски читаютъ и переводятъ на русскій языкъ св. Евангеліе, Псалтирь и Учебный Часословъ. *Ариѳметика* преподается почти во всѣхъ училищахъ по методѣ Евтушевскаго при помощи его задачника; изъ задачниковъ употребляются также Леве, Воленса, Минина и Арбузова, Житкова, Попова, Гольденберга, Лубенца и др. Въ нынѣшнемъ году по распоряженію смотрителя училищъ въ видѣ опыта введено въ нѣсколькихъ училищахъ преподаваніе по методу Вишневскаго, и опытъ этотъ подаетъ надежду, что методъ Вишневскаго привьется въ школахъ Ялуторовскаго округа. *Диктанты* ведутся по „Азбукѣ правописанія“ Тихомирова, „Урокамъ русскаго правописанія“ Пуцыковича, „Курсамъ систематическаго диктанта“ Смирновскаго, „Задачамъ русскаго правописанія“ Красногорскаго и по „Курсу русскаго правописанія“ Ислентьева, которые имѣются во всѣхъ училищахъ Ялуторовскаго округа. *Письмо* преподается во всѣхъ училищахъ по методѣ Гербача.

Кромѣ учебниковъ и руководствъ, по которымъ ведется преподаваніе, при каждомъ сельскомъ училищѣ имѣются наглядныя пособія и ученическая (для внѣкласснаго чтенія) библіотека.

Для наглядnаго преподаванія Закона Божія наиболѣе пригодными пособіями считаются 50 картинъ для наглядnаго преподаванія священной исторіи ветхаго и новаго завѣта, изд. Ракочія, Сидорскаго и К°, 35 картинъ для начальнаго курса Закона Божія, изд. А. Ильинымъ и Н. Фену и К°, дванадесятые праздники и Воскресеніе Христово (13 картинъ), изд. И. Ситинымъ, такое же изданіе А. Бахметьевой, рисунки и картины, изображающіе въ послѣдовательномъ порядкѣ богослуженіе православной церкви, на двухъ листахъ, П. Ансерова, карта палестины и стѣнныя таблицы, съ напечатанными на нихъ по-славянски молитвами; по русскому языку—10 картинъ изъ русской природы и жизни, изд. Фену и К°, и подобныя же картины Семенова; по ариѳметикѣ—шведскіе и русскіе счеты, ариѳметическій ящикъ, образцы мѣръ; для преподаванія исторіи—„Отечественная исторія въ картинахъ“ С. Рождественскаго (32 к.); при преподаваніи географіи—глобусъ, карты, атласы; при преподаваніи естествовѣдѣнія—20 стѣнныхъ естественно-историческихъ таблицъ, изд. Императорскимъ вольно-экономическимъ обществомъ; по чистописанію—прописи, преимущественно, Гербача.

Если въ дѣлѣ закрѣпленія знаній наглядныя пособія играютъ неоцѣненную роль, то въ дѣлѣ дальнѣйшаго развитія учащихся едва ли не большую роль играетъ книга. Чего не можетъ сдѣлать хорошая книга съ человѣкомъ, особенно съ впечатлительною душою ребенка? Возмемъ книги духовно-нравственнаго содержанія, напр., „Житія Святыхъ“. Слѣдя за жизненными подвигами святыхъ, за страданіями, мученіями и даже самою смертью, перенесенными ими за истину, за человѣколюбіемъ и твердостью характера однихъ, самоотверженіемъ, кротостью и безпримѣрною добротою другихъ, проявленіями высокаго ума и краснорѣчія во имя Христово третьихъ, —не запечатлѣетъ-ли юная душа ребенка эти подвиги христіанской добродѣтели? А отечественная исторія? Сколько поучительнаго, великаго, могучаго можетъ дать она уму ребенка! Колоссальныя фигуры историческихъ лицъ, строительство единой Руси съ удѣльной борьбой, наша борьба съ татарами, шведами и поляками, царствованіе Петра Великаго, Екатерины II, Александра Благословеннаго, отечественная война 1812 года, эпоха Александра Освободителя и наше вступленіе въ семью европейскихъ народовъ —все это не можетъ, конечно, остаться безъ дѣйствія на душу ребенка, и посѣетъ и возроститъ истинный патріотизмъ. Не менѣе важны и книги географическія, въ особенности по отечественной географіи: описаніе знаменитыхъ городовъ, торговли, промышленности, могучихъ рѣкъ, природы, климата и народ-

ностей внесетъ богатый вкладъ въ умъ ребенка. Ознакомленіе по отрывкамъ и отдѣльнымъ произведеніямъ съ лучшими писателями отечественными и иностранными также необходимо: они заронятъ не одну свѣтлую мысль, разбудятъ не одно доброе чувство. Книги практическаго содержанія, какъ-то: популярно-медицинскія, сельско-хозяйственныя и др., должны занимать не менѣе почетное мѣсто въ школьной библіотекѣ: въ такихъ книгахъ и взрослый крестьянинъ найдетъ много поучительнаго, что послужитъ связью между школой и семьей и будетъ способствовать разрушенію той отчужденности, которая между ними теперь существуетъ. „Трудно себѣ представить“,—говоритъ Ушинскій,—„какой переворотъ въ идеяхъ и душѣ человѣка, заключеннаго гдѣ-нибудь въ глуши уѣзднаго города, можетъ сдѣлать попавшая въ его руки хорошая книга!“ Такъ въ глуши уѣзднаго города. Но городъ, какой бы онъ ни былъ, все-таки городъ: въ немъ все-таки хоть какая-нибудь интеллигенція да есть,—хоть маленькая,—умственныя запросы существуютъ, разумныя удовольствія, хоть худенько, да устраиваютъ, хоть и не все хорошія книги, да почитываютъ... А деревня?... И при одномъ этомъ имени представляется безпросвѣтный мракъ. Пусть разовьетъ школа среди своихъ питомцевъ любовь къ чтенію, пусть дастъ она разумный, чистый матеріалъ для умственнаго развитія и наслажденія, и она сдѣлаетъ великое дѣло: избавитъ мужика отъ многихъ ошибокъ, паденія и, можетъ-быть, преступленій, а главное, что несомнѣнно, хоть на нѣсколько часовъ въ день удержитъ отъ растлѣвающаго вліянія кабака. Въ какомъ состояніи находятся ученическія библіотеки министерскихъ школъ, можно видѣть изъ таблицы V-й въ приложеніяхъ.

Нельзя сказать, чтобы ученическія библіотеки были особенно богаты, но не слѣдуетъ забывать, что болѣе или менѣе систематическая выписка книгъ стала производиться лишьсъ 1891 г., когда библіотечная часть передана была смотрителямъ училищъ. Первое мѣсто въ такихъ библіотекахъ занимаютъ книги литературнаго и религіозно-нравственнаго содержанія, за ними слѣдуютъ книги историческія, отдѣлы же географическій, естественно-историческій, популярно-медицинскій и сельско-хозяйственный мы должны признать безусловно бѣдными. Разсматривая далѣе состояніе библіотекъ отдѣльныхъ школъ, мы находимъ, что библіотеки школъ Заводоуковской, Скородумско-Созоновской и, въ особенности, Суерской*) совсѣмъ неудовлетворительны.

*) Вслѣдствіе пожара, который уничтожилъ въ 1891 году и зданіе училища и библіотеку.

Но если такъ важно значеніе библіотекъ для учениковъ и взрослыхъ крестьянъ, то не менѣе важно значеніе учительскихъ библіотекъ. Только что окончивъ курсъ, пріѣзжаетъ учительница въ деревню, несмѣлыми шагами вступаетъ она въ порученную ей школу. Начинается первый урокъ. Зорко слѣдятъ ребятишки за новой личностью, стараясь подмѣтить въ ней и слабыя и сильныя стороны, а учительницу между тѣмъ поражаетъ все: и недисциплинированные деревенскіе школьники, и ихъ неряшливость, и невѣжество, и „русскій духъ“, и бѣдность школы, и какія-то уродливыя парты, и грязь; а тутъ еще пришла какая-то баба, стала у притолоки дверей и, подпершись подбородокъ руками, зорко смотритъ на новую „учителку“; какой-то мужикъ съ запахомъ бродней и тулупа, со знакомъ на груди, ввалился въ классъ и разсѣлся на стулѣ. Какъ все это непохоже на ту „образцовую“ городскую школу, гдѣ она давала свои пробные уроки! Бѣдная „учителка“ блѣднѣетъ, краснѣетъ, ее и сердитъ все это, и стыдно ей! Все это замѣчаютъ; она еще болѣе упала въ глазахъ окружающихъ, и съ этого времени начинается разладъ. Ребятишки начинаютъ не слушаться.... Къ кому же обратиться за совѣтомъ? Къ смотрителю училищъ? Но онъ живетъ за 50—100 верстъ. Къ батюшкѣ? Но она слышала, какъ одинъ батюшка сказалъ однажды: „Какія тамъ педагогіи! Давно я учился—и безъ педагогій всякихъ выучили насъ вонъ-какъ. Въ наше время линейка да горохъ подъ колѣни—вотъ какая была педагогія!“ Не сходить-ли къ писарю? Но онъ вчера съ кѣмъ-то „гулялъ“, да и супруга у него ревнивая... И возмущается юная душа и „линейкой и горохомъ“ батюшки, и „гуляньемъ“ писаря, и ревностью его супруги, и неуспѣшностью учениковъ, и своей неумѣлостью. Какъ все это не гармонируетъ съ тѣми гуманно-воспитательными теоріями, которыми ее начиняли! Вотъ здѣсь-то и нужна библіотека: въ ней начинающая учительница должна встрѣтить опытныхъ педагоговъ, которые дадутъ ей совѣты, объяснятъ ей, почему нужно поступать такъ-то и такъ-то; здѣсь встрѣтитъ она людей съ теплой душой, которые бросятъ хоть одинъ лучъ въ удрученную молодую душу. Разумная дѣвушка, конечно, путемъ опыта дойдетъ до правильной постановки дѣла; но сколько труда должна она будетъ затратить, сколько ошибокъ сдѣлать, сколько безплоднаго, напраснаго труда взвалить на своихъ учениковъ! Учительница или учитель съ менѣе сильнымъ характеромъ можетъ пасть духомъ, махнуть рукой на свое дѣло по казенному, безъ души..... Но это еще „полъ-бѣды“, а то... и компанія веселая можетъ привлечь и вырвать съ корнемъ то, что такъ заботливо внушали въ школѣ.

Таково, по нашему мнѣнію, значеніе учительскихъ библіотекъ. Изъ таблицы V-ой въ приложеніяхъ можно видѣть, въ какомъ онѣ находятся состояніи.

Въ церковно-приходскихъ школахъ при преподаваніи Закона Божія предпочитаются „Начатки христіанскаго чтенія;“ въ нѣкоторыхъ, напр., Чуваринской они замѣняются „Наставленіемъ въ Законѣ Божіемъ“ Смирнова; кромѣ того, въ нѣсколькихъ школахъ преподается еще священная исторія по Смирнову и Крылову. Церковно-славянское чтеніе преподается во всѣхъ школахъ по Евангелію, Часослову и Псалтири, и только въ Зимовье-Вагайской сначала обученіе ведется по „Обученію церковно-славянской грамотѣ“ Ильминскаго, а потомъ уже переходятъ къ чтенію Часослова и Псалтири. Русская грамота преподается по „Азбукѣ“ Столпянскаго (Кутькинская), „Букварю“ Лубенца (Мининская, Манайская), а дальнѣйшее чтеніе по „Нашему Родному“ Баранова, „Приходской школѣ“ Ермина и Волотовскаго, „Книгѣ для чтенія“ Попова, „Солнышку“ и „Родинѣ“ Радонежскаго. Диктанты ведутся въ нѣсколькихъ школахъ по „Азбукѣ правописанія“ Тихомирова, въ другихъ—по грамматикѣ Матвѣевой (въ Портнягинской, Манайской), по грамматикѣ Тихомировой и „Урокамъ правописанія“ Пуцыковича. Ариѳметика преподается по „Повторительному курсу ариѳметики“ Арефьева и Соколова и задачнику Лубенца, по Евтушевскому же ведется только въ Камышевской школѣ, да и тамъ учебникъ Евтушевскаго имѣется лишь въ 1 экз. Письмо преподается по прописямъ Гербача и Тихомирова.

Наглядными учебными пособіями, какъ церковно-приходскія школы, такъ и школы грамотности крайне бѣдны: наиболѣе богатая въ этомъ отношеніи школа Мининская имѣетъ только семь таблицъ для обученія Закону Божію, географическія карты, русскіе счеты и прописи: за ней слѣдуютъ Зимовье-Вагайская школа, имѣющая картины по исторіи ветхаго и новаго завѣта и таблицы славянскихъ молитвъ. Кутькинская, имѣющая русскіе счеты и географическія карты, Суерская—стоячіе русскіе счеты, Курская—прописи Гербача: въ остальныхъ школахъ, доставившихъ свѣдѣнія, наглядныхъ пособій нѣтъ, въ Камышевской же школѣ нѣтъ даже часовъ.

Библіотеки, какъ учительскія, такъ и ученическія, настолько бѣдны, что можно считать ихъ совсѣмъ несуществующими: это можно видѣть изъ слѣдующихъ перечисленій книгъ, имѣющихся при различныхъ школахъ.

Въ *Вагайской* школѣ—„Училище благочестія“ (3 экз.), „Чтеніе изъ ист. ветхаго зав.“(4 экз.), „Крат. ист. жизни Іисуса Христа“(4 экз.).

Въ *Портнягинской*—„Училище благочестія“ (4 экз.), „Избранныя житія святыхъ православной церкви“ Корюкова и „Избранныя житія изъ книгъ ветхаго завѣта“.

Въ *Кутькинской*—сочиненія противъ раскола архимандрита Павла (2 т.), „Житія святыхъ“ Григорія, митрополита Новгородскаго, выписки Озерскаго, книга о холерѣ (?).

Въ *Манайской*—„Училище благочестія“ (8 экз.), „Приходская школа“, журналъ за 1888, 89, 90 и 91 гг.

Въ *Мининской*—5 книгъ религіозно-нравственныхъ.

Въ *Курской*—„Училище благочестія“ (8 экз.).

Въ *Денисовской*—для учащихъ: 6 назв. книгъ въ 7 том. (1 р. 37 к.) педагогич. содерж., для учащихся: 40 назв. въ 93 т. (на 44 р. 28 к.); изъ нихъ религ.-нравств. 80 экз., истор. 10 и географ. 3 (?).

Въ *Камышевской*—книгъ религ.-нравственныхъ 61 (?), истор. 5.

Какъ видно изъ этого перечисленія, только въ Денисовской и Камышевской имѣется порядочно книгъ, но мы думаемъ, что сюда вошли и учебники, т. е., иначе говоря, означенныя числа показываютъ, сколько всего книгъ имѣется при этихъ школахъ.

Въ остальныхъ школахъ книгъ почти совсѣмъ не имѣется.

Глава IV. Школьные дѣятели.

Главнымъ школьнымъ дѣятелемъ, такъ сказать, душою школы является учитель: отъ его умственнаго развитія, нравственныхъ качествъ, его отношенія къ дѣлу и опытности зависитъ та или иная постановка школы, а потому весьма важно опредѣлить, изъ какихъ элементовъ составляется учительскій персоналъ.

При самомъ основаніи сельскихъ школъ, весьма впрочемъ немногихъ, ряды учителей пополнялись больше лицами духовнаго званія: священниками, дьяконами и псаломщиками, но, какъ мы видѣли въ I части нашей работы, лица эти сами не вели учебныхъ занятій и поручали ихъ людямъ постороннимъ, менѣе всего пригоднымъ для этого дѣла, а именно: грамотнымъ поселенцамъ, выгнаннымъ со службы чиновникамъ, отставнымъ грамотнымъ солдатамъ и т. п. Такой порядокъ продолжался почти до половины семидесятыхъ годовъ. Съ этого времени, когда возникли жалобы на плохое исполненіе причтами учительскихъ обязанностей, казенная палата стала опредѣлять учителями окончившихъ курсъ въ уѣздныхъ училищахъ, въ женскихъ прогимназіяхъ, а также въ Маріинской женской школѣ, а нѣсколько времени спустя, съ открытіемъ учительской семинаріи въ Омскѣ, явились учителя-семинаристы, въ рядахъ же учительницъ стали появляться и окон-

чившія курсъ гимназистки. Въ настоящее время преобладающая роль въ педагогическомъ трудѣ въ сельской школѣ принадлежитъ женщинѣ: изъ 34 учащихъ насчитывается 24 женщины и только 10 мужчинъ, т. е. женщины составляютъ 70%, а мужчины 30%. Всѣ учащіе поступили на учительскую службу прямо по окончаніи курса въ учебныхъ заведеніяхъ и послѣ установленной педагогической практики при этихъ заведеніяхъ, за исключеніемъ двухъ учителей, изъ которыхъ одинъ поступилъ изъ волостныхъ писарей, а другой по окончаніи срока военной службы.

Женщина вообще привязывается къ педагогическому труду гораздо сильнѣе, чѣмъ мужчина. Такъ, изъ учителей около половины можно считать новичками, т. е. служащими не болѣе 5 л., другая половина служитъ отъ 5 до 10 лѣтъ, и только одинъ служитъ 23 года, между тѣмъ какъ женщины (немного менѣе половины наличнаго состава) служатъ отъ 10 до 20 лѣтъ, три (12%) —отъ 5—10, и только 10 учительницъ можно отнести къ новичкамъ, т. е. служащимъ не болѣе 4 лѣтъ. Средняя продолжительность службы для учителей 6 1/2 лѣтъ, а для учительницъ 9 лѣтъ.

Средняя продолжительность службы учительницъ на мѣстахъ послѣдняго ихъ служенія является также выше службы учителей, а именно: учительница служитъ 5 лѣтъ, а учитель 3 года. Тяжелый учительскій трудъ, болѣе чѣмъ скромное, матеріальное обезпеченіе, забота объ обезпеченіи семьи въ случаѣ болѣзни или другого какого-нибудь несчастія—вотъ причины, по которымъ учителя, даже съ спеціальнымъ педагогическимъ образованіемъ, спѣшатъ при первомъ удобномъ случаѣ перейти на другую службу, которая хоть сколько-нибудь обезпечила бы ихъ старость и семью. Другое дѣло—учительница: отчасти, по естественной любви къ дѣтямъ и склонности къ воспитанію ихъ, отчасти оттого, что почти всѣ области интеллигентнаго труда для женщины закрыты, она волей-неволей, въ силу соціальныхъ условій, привязывается къ школѣ и дѣтямъ.

По сословіямъ учителя и учительницы раздѣляются такъ:

НАИМЕНОВАНІЕ СОСЛОВІЙ.	Учителей.	Учительницъ.	Учащихъ об. пола.	%
Дворянъ и поч. гражданъ (чиновниковъ)	4	10	14	41,3
Мѣщанъ	2	8	10	30
Солдатскихъ дѣтей и казаковъ . . .	3	1	4	12,7
Духовныхъ	1	2	3	8,8
Крестьянъ	„	3	3	8,8

По возрастамъ учащіе распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

	До 20	Отъ 20 до 25 л.	Отъ 25 до 30 л.	Отъ 30 до 40 л.	свыше 40 л.
Учителей	„	4	4	1	1
Учительн.	2	8	6	7	1
Всего	2	12	10	8	2

По семейному положенію учащіе раздѣляются слѣдующимъ образомъ: изъ учителей—4 женатыхъ и 6 холостыхъ, изъ учительницъ—20 дѣвицъ, 2 замужнихъ женщины и 2 вдовы.

Теперь разсмотримъ условія духовнаго развитія учителей и учительницъ, заброшенныхъ въ глушь сибирской деревни.

Изъ 10 учителей ялуторовскихъ школъ семь человѣкъ кончили курсъ въ учительской семинаріи, одинъ—кончилъ военную прогимназію, одинъ—4 класса гимназіи и одинъ—уѣздное училище.

Изъ 24 учительницъ 17 кончили курсъ въ женской прогимназіи, четыре—въ маріинск. женск. школѣ, одна—въ первомъ отдѣл. этой школы, одна—въ инст. благород. дѣвицъ и одна имѣетъ домашнее образованіе. Всѣ учителя и учительницы имѣютъ званіе начальныхъ или домашнихъ учителей.

Всѣ эти учителя и учительницы получаютъ, при готовой квартирѣ, 200 руб. въ годъ, т. е. 16 р. 66 к. въ мѣсяцъ. Само собою разумѣется, что подобное вознагражденіе, въ особенности для человѣка семейнаго, не можетъ считаться удовлетворительнымъ. Правда, большинство изъ нихъ имѣетъ при училищѣ квартиру, но это нельзя считать большимъ подспорьемъ въ ихъ незатѣйливомъ хозяйствѣ, потому что квартиры въ деревнѣ цѣнятся дешево, да при томъ большинство учащихъ, по семейному положенію, принуждено имѣть столъ у кого-либо изъ мѣстныхъ жителей.

Въ силу такого матеріальнаго вознагражденія жизнь учителя съ этой стороны можно считать обезпеченной лишь въ самыхъ насущныхъ потребностяхъ: онъ не останется голоденъ, хватитъ ему, пожалуй, на платье и обувь, на чай и сахаръ, и—только. Помимо однакожъ всего этого, у учителя, какъ человѣка мало-мальски образованнаго, не можетъ не явиться духовныхъ потребностей и умственныхъ запросовъ, тѣмъ болѣе, что и самый трудъ учительства связанъ тѣсно съ умственнымъ саморазвитіемъ; однообразіе деревенской жизни, усталость отъ учебныхъ занятій требуютъ отдыха, и отдыхъ этотъ всего ближе могъ бы заключаться

въ хорошемъ журналѣ или книжкѣ. Но откуда взять ихъ? Мы уже видѣли, въ какомъ состояніи находятся почти всѣ библіотеки при школахъ: онѣ могутъ удовлетворить развѣ только спеціально-педагогическимъ отдѣломъ, и то не вездѣ, другихъ же книгъ въ деревнѣ, съ увѣренностію можно сказать, почти не достанешь, и это отсутствіе умственной пищи самымъ пагубнымъ образомъ дѣйствуетъ на умственный строй молодежи, посвятившей свои лучшіе годы на трудъ учительства. Улучшеніе матеріальнаго положенія поэтому является однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ школы.

Другой разрядъ учительскаго персонала составляютъ законоучителя.

Всего законоучителей въ $18^{93}/_{94}$ г. въ округѣ было 31, при чемъ въ училищахъ Спасскомъ и Боровинскомъ преподавали Законъ Божій отдѣльные учителя, а въ Слободобешкильскомъ и Скородумско-Созоновскомъ законоучитель былъ общій. Во всѣхъ училищахъ, за исключеніемъ Спасскаго и Боровинскаго, законоучителями состоятъ мѣстные приходскіе священники.

Законоучителя имѣютъ по 2 недѣльныхъ урока въ каждомъ отдѣленіи, т. е. даютъ въ недѣлю 4 часа (а въ теченіе всего года должны дать 120 уроковъ), и за каждый часъ получаютъ по 50 к., т. е. 60 р. въ годъ.

На сколько аккуратно относятся законоучителя къ тому высокому дѣлу, которое имъ поручено вести, можно видѣть изъ таблицы VI въ приложеніяхъ.

Изъ таблицы этой видно, что законоучителя должны были дать 3720 уроковъ, дали же 2035 уроковъ и пропустили 1691 ур., т. е. каждый законоучитель вмѣсто положенныхъ 120 ур. далъ только 67 ур. и пропустилъ 53, т. е. 45%! Если мы всмотримся въ занятія отдѣльныхъ законоучителей, то явленіе это представится въ еще болѣе яркомъ видѣ: такъ, законоучитель Романовскаго училища далъ только 14 уроковъ, Плетневскаго—18, Лыбаевскаго и Ингалинскаго—по 30, Рафайловскаго—35, Онуфріевскаго—34, и только Заводоуковскій и Верхнебешкильскій дали полное число уроковъ.

Такое въ высшей степени прискорбное явленіе на первый разъ можетъ поразить всякаго, не знающаго условій сибирскихъ приходовъ, и оно, дѣйствительно, многихъ поражало. Такъ, войсковой наказный атаманъ сибирскаго казачьяго войска въ отношеніи, отъ 29 ноября 1884 года за № 8658, между прочимъ, говоритъ: „многіе священники не только не занимаются преподаваніемъ Закона Божія въ станичныхъ и поселковыхъ школахъ, но и не наблюдаютъ за преподаваніемъ онаго учителями и учительницами“ (Е. В. № 9—10, стр. 104, 1885 г.). Тобольская казенная палата (завѣдывавшая въ то время сельскими училищами губерніи) въ отношеніи своемъ, отъ 19 февраля 1885 г. за № 2817, говоритъ: „по недостатку лицъ, могущихъ быть учителями въ такихъ школахъ (министерства государственныхъ имуществъ), палата почти до половины семидесятыхъ годовъ приглашала тѣхъ же мѣстныхъ священниковъ и причетниковъ быть учителями въ этихъ школахъ за отпускавшееся волостнымъ правленіемъ жалованье—сначала 85 р., а потомъ 120 р. въ годъ. Но впослѣдствіи, когда возникли жалобы на плохое исполненіе причтами обязанностей преподавателей въ училищахъ, а также вслѣдствіе заявленій нѣкоторыхъ волостныхъ обществъ съ преобладающимъ раскольничьимъ населеніемъ, что они не могутъ, по своимъ убѣжденіямъ, посылать своихъ дѣтей въ такія школы, которыми завѣдываютъ духовныя лица, казенная палата, съ разрѣшенія высшаго начальства, вынуждена была назначать въ сельскія школы учителей свѣтскаго званія“ (Е. В. 1885 г., № 13, стр. 139). Г. Тобольскій губернаторъ В. А. Тройницкій „безпрестанно относился къ преосвященному Іустину, замѣчая недостатки законоучителей, съ требованіемъ замѣнить законоучителей другими или учительницами“ (циркулярное распоряженіе преосвященнаго Іустина). Упреки по адресу духовенства однакожъ не всегда справедливы, потому что пастырскія обязанности священниковъ занимаютъ слишкомъ много времени, благодаря большому пространству приходовъ. Изъ таблицы VII въ приложеніяхъ можно объ этомъ составить хотя приблизительное понятіе.

Средній приходъ въ Ялуторовскомъ округѣ состоитъ изъ 8 населенныхъ пунктовъ, съ разстояніемъ ихъ отъ приходскаго села около 30 вер. и съ населеніемъ въ 5356 душъ. При болѣе подробномъ разсмотрѣніи таблицы, мы встрѣчаемъ приходы съ разстояніемъ отъ приходскаго села до деревень въ 89, 80, 70 и 65 верстъ, съ 23, 18, 15 селеніями и съ населеніемъ въ 10,379 и около 10,000 душъ! При этомъ не слѣдуетъ забывать, что разстояніе приходскаго села отъ населенныхъ мѣстъ прихода должно быть увеличено вдвое, такъ какъ священнику приходится ѣхать впередъ и обратно. Итакъ, есть приходы, въ которыхъ священнику, чтобы объѣхать одинъ разъ приходъ, нужно сдѣлать 178, 160 и 130 верстъ, а кто же не знаетъ, что священнику ѣздить по требамъ прихода приходится чуть не ежедневно въ то или другое селеніе, не разбирая ни погоды, ни состоянія дороги, и почти всегда на измученной крестьянской лошаденкѣ. Поэтому и важно опредѣлить, какъ велико число требъ въ сибирскомъ приходѣ.

Оказывается (см. таб. VII), что каждому священнику средняго прихода приходится совершить 160 крещеній, 22 брака и 236 отпѣваній, всего 418 требоисполненій.

Но не слѣдуетъ забывать, что въ данномъ перечнѣ перечислены только тѣ требоисполненія, которыя вносятся въ метрическія книги. Помимо ихъ, совершаются церковныя службы, крестные ходы, молебны, соборованіе, приведеніе къ присягѣ при слѣдственныхъ разбирательствахъ, исповѣдь и причащеніе больныхъ и въ посты и прочтеніе молитвъ роженицамъ и т. п. Предпослѣднія настолько бываютъ многочисленны, что въ великій постъ, напр., священники пріобщаютъ по два дня еженедѣльно, т. е. въ субботу и воскресенье. Кромѣ того, слѣдуетъ принять во вниманіе епархіальныя порученія, какъ-то: завѣдываніе благочиніемъ или другимъ приходомъ, производство слѣдствій по духовнымъ дѣламъ и т. п.

Но перечисляя всѣ исполненія таинствъ и требъ, мы не упомянули здѣсь объ одной изъ важнѣйшихъ обязанностей священника, особенно сибирскаго, а именно: о борьбѣ съ расколомъ. Для того, чтобы бороться болѣе или менѣе успѣшно съ расколомъ, нужно очень много читать и постоянно слѣдить не только за противо-раскольничьей, но и раскольничьей литаратурой, а на это также требуется время, не говоря уже о разъѣздахъ съ этою цѣлью по приходамъ.

Такая масса обязанностей, лежащихъ на священникѣ, понятно, лишаетъ его возможности не только вести дѣло законоучителя, какъ слѣдуетъ, но даже исполнять свои прямыя обязанности. И, дѣйствительно, преосвященный Авраамій въ первую свою ревизію нашелъ слѣдующія неисправности по приходамъ своей епархіи. „Церковное проповѣдничество—эта важнѣйшая обязанность пастыря—въ большемъ упадкѣ“ (Т. Е. В. № 2, стр. 16); требоисполненія также найдены неисправными: „неоднократно повторялись случаи несвоевременнаго отказа со стороны священниковъ въ вѣнчаніи лицъ, изъявившихъ намѣреніе вступить въ бракъ, вслѣдствіе чего“,—пишетъ преосвященный,—„бываютъ значительныя напрасныя денежныя затраты на приготовленіе къ свадебному торжеству“ (ib., стр. 16): „священники, завѣдывающіе разными приходами (явленіе слишкомъ обыкновенное въ сибирскихъ епархіяхъ), изъ-за неприсылки лошадей, вовсе не бываютъ въ этихъ приходахъ, на что неоднократно жаловался народъ во время моей ревизіи“ (ib., стр. 17). Консисторія, по запросу преосвященнаго, послѣднее явленіе объясняетъ вліяніемъ поселенцевъ, тайной пропогандой раскола, недостаткомъ школъ, разбросанностью приходовъ и отдаленностью деревень, весьма рѣдкимъ посѣщеніемъ пастырями деревень, и то только для требоисполненій, и „недостаточнымъ контингентомъ образованныхъ священниковъ, отчего въ епархіи много праздныхъ священническихъ вакансій, замѣщаемыхъ по необходимости такими лицами, кои могутъ быть лишь требоисполнителями, но никакъ учителями своихъ пасомыхъ“ (ib., стр. 17). „Значительная часть низшаго клира, какъ оказалось при обозрѣніи епархіи владыкою, весьма склонна къ нетрезвости, почему преосвященный нашелъ вынужденнымъ предупредить, что виновные будутъ отрѣшаемы отъ должностей и ссылаемы въ монастыри на черныя работы“ (Епарх. Вѣд. 1886 г. № 1, стр. 4). Въ предложеніи преосвященнаго, заслушанномъ консисторіею 11 января 1886 г., констатируется фактъ „крайняго недостатка способныхъ и хорошо подготовленныхъ кандидатовъ для замѣщенія священническихъ и псаломщическихъ мѣстъ въ инородческомъ краѣ“ (Епарх. Вѣд. № 6 за 1886 г., стр. 61). Упадокъ проповѣдничества, неисправность въ требоисполненіяхъ, недостатокъ образованныхъ священниковъ, наклонность къ нетрезвости среди псаломщиковъ, съ одной стороны, и развитіе раскола, вредное нравственное вліяніе поселенцевъ, съ другой—вотъ каково было, по словамъ владыки и консисторіи, состояніе духовенства.

Само собой разумѣется, что при такой массѣ церковныхъ службъ и требъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ, напр., исповѣдь больныхъ и крещеніе слабыхъ младенцевъ немедленно должно исполнять, правильный ходъ учебныхъ занятій постоянно нарушается во вредъ учебно-воспитательному дѣлу. Поэтому немудрено, что въ нѣкоторыхъ училищахъ округа преподаваніе Закона Божія дало слѣдующіе результаты: при смотрительской ревизіи въ февралѣ и мартѣ мѣсяцахъ въ трехъ-четырехъ училищахъ встрѣчено было такое печальное явленіе, что изъ учениковъ младшаго и средняго отдѣленій лишь одинъ, много два-три, могли сказать, что Богъ одинъ, два-три ученика отвѣтили, что бога три, остальное же большинство отвѣчало, что боговъ много, при чемъ причисляло къ богамъ „Миколу Святителя“, „Егорья Храбраго“, „Симеона Верхотурскаго“ и др. На просьбу прочесть молитву Пресвятой Троицѣ, учащіеся читаютъ молитву „Пресвятая Богородице“ и считаютъ Богоматерь богомъ; святаго угодника, имя котораго носитъ учащійся, считаютъ ангеломъ хранителемъ; молитвы знаютъ плохо и не въ состояніи не только объяснять ихъ, но и прочесть правильно; не въ состояніи объяснить значеніе крестнаго знаменія, а въ старшемъ отдѣленіи не могутъ прочесть отдѣльно заповѣдей и членовъ Символа вѣры. Въ нѣсколькихъ дру-

гихъ училищахъ учащіеся только тогда отвѣчаютъ на заданные вопросы, когда отвѣтъ начнетъ самъ законоучитель, и если ученикъ остановится въ срединѣ отвѣта, то законоучителю приходится начинать самому. Нельзя приэтомъ не отмѣтить, что нѣкоторые изъ законоучителей употребляютъ не соотвѣтствующія воспитательнымъ цѣлямъ наказанія; такъ, одинъ изъ нихъ не только ставитъ учащихся на колѣни, что строго возбраняется существующими распоряженіями, но даже заставляетъ провинившихся воспитанниковъ держать по цѣлымъ часамъ въ рукахъ парты.

Теперь разсмотримъ подробно, изъ какихъ элементовъ слагается составъ законоучителей.

По образованію законоучителя распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: окончившихъ полный курсъ семинаріи 16 ч., т. е. ½ общаго числа законоучителей, другую половину составляютъ вышедшіе изъ богословскаго отдѣленія (2, или 6,45%) и философскаго отдѣленія (4, или 12,9%), а 9 человѣкъ, т. е. болѣе четверти общаго числа законоучителей, получили образованіе лишь въ духовныхъ училищахъ, при чемъ 3 изъ нихъ не окончили этихъ учебныхъ заведеній.

Большинство законоучителей (14 ч., почти ½ общаго числа) начало службу псаломщиками, 3 (9,68%)—дьяконами, 11 (35,48%)—священниками, 2 (6,45%)—учителями и 1—пѣвчимъ и послушникомъ при архіерейскомъ домѣ.

По возрасту законоучителя распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: большинство находится въ возрастѣ отъ 40 до 50 лѣтъ (9 лицъ, или 27,1%), далѣе въ 30—40 лѣтъ (8 л. или 25,81%), за ними въ 60—70 лѣтъ (6 л., или 19,35%), далѣе въ 50—60 лѣтъ (5 л., или 16,14%) и, наконецъ, отъ 25 до 30 л. (3 л., или 9,68%).

Средняя продолжительность законоучительской службы такова: болѣе 20-ти (до 26) лѣтъ служитъ 8 человѣкъ, отъ 10 до 20 лѣтъ служитъ 9 человѣкъ, и отъ одного года до 10 лѣтъ служатъ 14 человѣкъ, т. е. въ среднемъ служба сельскаго учителя доходитъ до 13 лѣтъ, а на послѣднемъ мѣстѣ въ данной школѣ до 9-ти.

Кромѣ законоучителя и учителя, при каждой почти школѣ имѣются попечители, которые, по смыслу 14 ст. Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ 1874 года, „завѣдывая дѣлами ввѣренныхъ имъ учебныхъ заведеній, входятъ въ сношенія по онымъ съ инспекторомъ народныхъ училищъ и вполнѣ отвѣтствуютъ за порядокъ въ сихъ заведеніяхъ.“

Всѣхъ попечителей въ 1892 году считалось 31 лицо, изъ нихъ было 2 купца и 29 крестьянъ. По занятіямъ они распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: 5 торговцевъ, 1 содержатель поч-

товой станціи, 19 хлѣбопашцевъ, 1 заводчикъ и 5 лицъ неизвѣстныхъ профессій, и въ томъ числѣ нѣсколько занимающихся нищенствомъ. По образованію попечители распредѣлялись такъ: одинъ получилъ начальное образованіе, 12—домашнее, а 18 было неграмотныхъ.

Уже изъ этихъ скудныхъ свѣдѣній можно видѣть, что попечители училищъ не могутъ удовлетворять тѣмъ требованіямъ, которыя къ нимъ предъявляетъ законъ и жизнь; и дѣйствительно, оказывается, что нѣкоторые попечители не только не помогаютъ изъ своихъ средствъ, но даже и общественными деньгами предоставляютъ распоряжаться волостнымъ и сельскимъ властямъ, а сами въ школу и разу въ годъ не заглянутъ,—такихъ попечителей насчитывается 15 чел.; попечителей, которые принимаютъ хотя какое-нибудь участіе и распоряжаются общественными суммами—9 чел.; попечителей же, помогающихъ школѣ своими средствами, всего было 7 чел., и изъ нихъ наиболѣе замѣчательны: И. И. Колосовъ, попечитель Кодскаго училища, построившій новый домъ для училища и пожертвовавшій капиталъ на содержаніе ремесленнаго класса, Сутягинъ, попечитель Мокроусовскаго училища, Минаевъ—Кизакскаго, Рякишевъ—Емуртлинскаго и М. И. Ядришниковъ—Шатровскаго. Причиною столь малаго участія, какое принимаютъ попечители въ судьбѣ опекаемыхъ ими школъ, служитъ то обстоятельство, что въ попечители училищъ крестьянское общество выбираетъ обыкновенно лицъ бѣдныхъ, въ обществѣ невліятельныхъ, наравнѣ съ общественными пастухами, воротниками и трапезниками. Подобное отношеніе и породило то, что среди попечителей встрѣчаются лица, занимающіяся сборомъ милостины, что мнѣ лично пришлось убѣдиться въ двухъ-трехъ училищахъ.

Учительскій персоналъ церковно-приходскихъ школъ состоитъ изъ 2 учителей и 11 учительницъ. Изъ нихъ:

		Учителей.	Учитель-ницъ.	Всего.
Окончившихъ	II-е отд. Маріинской школы	„	3	3
„	епархіальное женское учил.	„	7	7
„	женскую прогимназію . . .	„	1	1
„	учительскую семинарію . .	1	„	1
„	духовное училище	1	„	1
	Итого . .	2	11	13

Продолжительность службы учителей и учительницъ церково-приходскихъ школъ можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

Число лѣтъ.	Всего въ учительской службѣ.		Въ послѣдней школѣ.	
	Учителей.	Учительницъ.	Учителей.	Учительницъ.
Служащихъ 4 года . . .	„	„	„	„
„ 3 — . . .	2	3	1	3
„ 2 — . . .	„	„	„	„
„ 1 — . . .	„	2	„	2
Средняя продолжительность	3	2,2	3	2,2

Такимъ образомъ, средняя продолжительность службы учителя церковно-приходской школы равняется 3 годамъ, а учительницы 2,2 года. Средняя продолжительность службы въ послѣдней школѣ равняется также 3 гг., а для учительницъ 2,2 г., т. е. учителя и учительницы церковно-приходской школы все новички.

Учительскій персоналъ школъ грамотности по образованію состоитъ изъ лицъ:

Обучавшихся	Кончившихъ полный курсъ.	Прошедшихъ неполный курсъ.	Внѣ школы.	Итого.
Въ епарх. женск. училищѣ	1	1	„	2
„ женск. прогимназіи . .	1	1	„	2
„ уѣздномъ училищѣ . .	„	1	„	1
„ сельскомъ приход. учил.	8	„	„	8
„ церковно-приход. школѣ	4	„	„	4
Дома	„	„	2	2
Неизвѣстно гдѣ	„	„	2	2
Итого .	14	3	4	21

Главный контингентъ учащаго персонала въ этихъ школахъ составляютъ лица, получившія образованіе въ нач. училищахъ мин. гос. им. и церк.-приход. школахъ (57,14%), за ними слѣдуютъ лица съ домашнимъ образованіемъ (9,52%), кончившихъ же курсъ въ епархіальномъ училищѣ и женской прогимназіи только двое.

При татарскихъ школахъ Сингульской волости учителями

состоятъ мѣстные муллы, получившіе образованіе въ мѣстныхъ школахъ и преимущественно при магометанской школѣ въ юртахъ Енбаевскихъ, содержимой на средства купца Карамшакова; среди же муллъ Авазбакеевской волости встрѣчаются и такіе, которые обучались въ Казанской и Троицкой магометанскихъ школахъ; русскую грамоту знаютъ изъ нихъ весьма немногіе и то плохо.

Кромѣ офиціальныхъ школъ, дѣломъ обученія занимаются еще и вольные учителя. Контингентъ вольныхъ учителей пополняется, главнымъ образомъ, неудачниками: ссыльный, выгнанный изъ службы чиновникъ, недоучившійся семинаристъ, отставной солдатъ—вотъ лица, которыя пополняютъ ряды вольнаго учительства. Въ большинствѣ случаевъ это люди малограмотные, выучившіеся грамотѣ или дома или въ ротной школѣ, въ рѣдкомъ случаѣ въ уѣздномъ училищѣ. Выбитые изъ жизненной колеи, они бросаются въ учительство, чтобы заработать себѣ хоть скудный кусокъ хлѣба, чтобы ночевать, хоть и подъ чужимъ, да кровомъ, а не на улицѣ подъ заборомъ. Въ большинствѣ случаевъ это люди, у которыхъ скудный заработокъ остается въ первомъ попавшемся кабакѣ. Большинство изъ нихъ не заживаются подолгу въ деревняхъ и постоянно перекочевываютъ изъ одной волости въ другую и даже изъ округа въ округъ, а на смѣну имъ являются новые. Таковы учителя у православнаго населенія. Другое дѣло у людей „древняго благочестія“: здѣсь учитель—начетчикъ или начетчица—въ большей или меньшей мѣрѣ знатоки священнаго писанія и апокрифовъ и заклятые враги православія. Гордые своими знаніями, хитрые и пронырливые, эти „наставники“ и „столпы древняго благочестія“ явно набиваютъ юные умы догматами старообрядчества и сердце враждою къ православнымъ, а тайно—свои кубышки презрѣннымъ металломъ. Тотъ методъ обученія, который практиковался у насъ десятки лѣтъ назадъ („азъ, андель, андельскій, архандель, архандельскій“), сохранился среди этихъ педагоговъ въ неприкосновенной чистотѣ. Научить читать по-славянски псалтирь, да писать кой-какими каракулями—вотъ вѣнецъ проповѣдуемыхъ ими знаній.

Въ Томиловской пригородной волости въ $18^{92}/_{93}$ году частнымъ обученіемъ занималось 5 человѣкъ: трое пришлыхъ изъ другихъ селъ и двое отставныхъ солдатъ. Въ д. Сѣдинкиной, Пяттовской волости, преподаваніемъ занимается ссыльный; занимается онъ первый годъ, а до него было нѣсколько учителей. Въ дд. Плетневой и Окуневкѣ, Омутинской волости, обученіемъ занимаются: въ первой—мѣстный житель, отставной унтеръ-офицеръ, во вто-

рой—ссыльный мѣщанинъ изъ Ишима, высланный административнымъ порядкомъ. До него въ Окуневкѣ никто не училъ. Оба занимаются обученіемъ первый годъ. Въ разныхъ селеніяхъ Коркинской волости обученіемъ занимается отставной унтеръ-офицеръ. Въ Верхсуерской волости, въ д. Ошурковой, учитъ ребятъ крестьянинъ изъ ссыльныхъ; до него училъ тоже ссыльный, плохой нравственности и пьяница. Въ с. Красномъ (Бобылевской волости) обучаетъ ребятъ бывшій ученикъ Бѣлгородской духовной семинаріи. Въ с. Денисовскомъ, несмотря на то, что существуетъ двѣ школы, въ домахъ старообрядцевъ обучаетъ дѣтей 70-лѣтній старикъ, крестьянинъ К., раскольникъ, выходецъ изъ д. Рѣшетниковой, Бобылевской волости, гнѣзда раскола.

Въ связи съ этимъ среди старообрядцевъ распространено и домашнее образованіе другого рода, когда глава семьи или кто-либо изъ семейныхъ обучаетъ дѣтей, по букво-слагательному способу, псалтири: такое обученіе въ особенности распространено въ волостяхъ, Мостовской (въ с. Турушевскомъ, дер. Ключевской и Мысовской) Бобылевской (въ с. Красномъ), Шатровской, отчасти Суерской, Исетской (с. Рафайловскомъ), Архангельской (въ с. Денисовскомъ) и Пятковской.

Глава V. Учащіеся.

Всѣ народныя школы Ялуторовскаго округа состоятъ изъ трехъ отдѣленій и потому имѣютъ трехгодичный курсъ; но большинство учащихся, научившись читать и писать, обыкновенно покидаетъ школу, не получивъ свидѣтельства на льготу по воинской повинности. Встрѣчаются и такіе, которые, проучившись три года и будучи вполнѣ подготовленными къ полученію свидѣтельства, не держатъ однако же экзамена на льготу и также покидаютъ школу. Причиною этого является, во-первыхъ, то, что въ настоящее время почти всѣ солдаты освобождаются отъ службы по истеченіи четырехъ лѣтъ и, слѣдовательно, окончившіе курсъ въ сельской школѣ фактически не пользуются никакой льготой передъ неграмотными, а, во-вторыхъ, и то обстоятельство, что испытанія на льготу всегда производятся въ маѣ мѣсяцѣ—въ самый разгаръ полевыхъ работъ, когда каждый мальчикъ составляетъ необходимую рабочую силу.

Учебныя занятія въ народныхъ училищахъ начинаются между 1 и 15 сентября и продолжаются до 1—20 мая, но фактически школа вполнѣ формируется около 1 октября и начинаетъ пустѣть съ половины апрѣля (въ силу экономическихъ условій крестьянской семьи) и, такимъ образомъ, ученіе продолжается отъ

7 до 8 мѣсяцевъ, если же отбросить отсюда пасхальные и рождественскіе каникулы, то и того менѣе.

Такого періода учебнаго времени было бы вполнѣ достаточно для прохожденія курса начальнаго училища, если бы со стороны учащихся не встрѣчалось пропусковъ уроковъ; къ сожалѣнію, манкировки эти—явленіе постоянное и почти неустранимое, причины же этому лежатъ также въ экономическомъ положеніи „крестьянства“: полевыя и домашнія работы, бѣдность, неимѣніе обуви и достаточно теплой одежды и т. п. задерживаютъ учащихся дома—иногда на цѣлыя недѣли. Въ устраненіе нѣкоторыхъ изъ этихъ препятствій кое-что дѣлается школой: такъ, при нѣкоторыхъ училищахъ въ зимнее время, особенно во время сильныхъ вьюгъ и заносовъ, учащіеся, особенно изъ деревень, остаются ночевать при училищѣ: но подобная мѣра далеко не уничтожаетъ всего зла въ корнѣ. Насколько значительны пропуски уроковъ, можно заключить по слѣдующимъ цифрамъ. Въ каждой средней школѣ въ $18^{93}/_{94}$ г. пропущено было 664 урока 42 учениками, при чемъ на пропуски по болѣзни на каждую школу падаетъ 304 урока (46%), по домашнимъ обстоятельствамъ—270 уроковъ (40,7%) и по неимѣнію обуви и теплой одежды—90 уроковъ (1,3%); по домашнимъ обстоятельствамъ пропустили уроки 21 ученикъ (16 м. и 5 д.) на каждую школу, по болѣзни—15 учениковъ (11 м. и 4 д.) и по недостатку соотвѣтствующей одежды и обуви—6 учениковъ (4 м. и 2 д.).

Въ 34 училищахъ мин. гос. имуществъ въ $189^{2}/_{3}$ году состояло 1486 учащихся, изъ нихъ 1159 мальчиковъ и 327 дѣвочекъ, т. е. мальчики составляли 78%, и дѣвочки 22% общаго числа учащихся. По годамъ количество учащихся возрастало такъ:

Въ какомъ году.	Количество:				На одну школу приходилось учащихся:
	Школъ:	Учащихся:			
		мальч.	дѣвоч.	об. пол.	
Въ 1862 году	19*	147	13	160	8,4
— 1867 —	9	„	„	197	22
— 1872 —	12	271	30	301	25
— 1877 —	26	„	„	632	24
— 1883 —	30	632	139	771	26
— 1887 —	33	„	„	1053	32
— 1892 —	34	1159	327	1486	44

*) Школы епархіальнаго вѣдомства.

Изъ этихъ цифръ можно видѣть, что въ теченіе 30 лѣтъ общее число учащихся увеличилось въ 9 разъ, а при разсчетѣ на одну школу въ 5 разъ. Процентъ учащихся дѣвочекъ за это время возросъ отъ 8% первоначально до 28% въ 1892 году, т. е. болѣе, чѣмъ втрое.

Какія колебанія въ этомъ отношеніи происходили по отдѣльнымъ школамъ, можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

Названіе учебныхъ заведеній.	КОЛИЧЕСТВО УЧАЩИХСЯ.				Увеличилось разъ въ
	Въ 1862 г.	Въ 1872 г.	Въ 1883 г.	Въ 1892 г.	
Архангельское . . .	3	13	30	44	15
Боровинское . . .	3	„	15	47	16
Заводоуковское . .	4	33	42	50	12
Ингалинское . . .	5	„	36	50	10
Кизакское	9	14	12	41	5
Кодское	13	„	34	72	6
Исетское	15	27	32	40	3
Красногорское . . .	8	„	13	33	4
Мокроусовское . . .	14	20	43	58	4
Мостовское	3	21	16	36	12
Новозаимское . . .	3	„	38	52	17
Омутинское	18	22	36	64	3½
Рафайловское . . .	4	15	25	60	15
Суерское	30	45	38	44	1½
Терсюкское	7	26	30	56	8
Шороховское . . .	3	„	25	39	13
Юргинское	7	24	40	30	4
Камышевское . . .	10	„	„	„	„
Зимовье-Вагайское .	1	„	„	„	„
Верхсуерское . . .	„	41	8	32	„
Бобылевское . . .	„	„	5	28	6
Денисовское . . .	„	„	30	38	1¼
Емуртлинское . . .	„	„	52	64	1¼
Коркинское	„	„	21	45	2
Лыбаевское	„	„	15	39	2½
Онуфріевское . . .	„	„	15	34	2¼
Плетневское . . .	„	„	16	35	2
Пятковское	„	„	42	50	1¼
Слободобешкильское .	„	„	19	45	2½
Спасское	„	„	11	18	1½
Шатровское . . .	„	„	22	49	2¼
Томиловское . . .	„	„	10	„	„
Бердюгинское . . .	„	„	„	25	„
Бигилинское . . .	„	„	„	44	„
Верхнебешкильское .	„	„	„	51	„
Романовское . . .	„	„	„	35	„
Скородумско-Созонов.	„	„	„	38	„
	160	301	771	1486	

Такимъ образомъ, оказывается, что въ школахъ, существованіе которыхъ мы застаемъ 30 лѣтъ тому назадъ, а именно въ 1862 году, количество учащихся увеличилось: въ 17 разъ—въ одной школѣ, въ 16 разъ—въ одной же школѣ, въ 15 разъ—въ двухъ школахъ, въ 13 разъ—въ одной школѣ, въ 12 разъ—въ двухъ школахъ, въ 10 разъ—въ одной школѣ, въ 8 разъ—въ одной школѣ, въ 6 разъ—въ одной школѣ, въ 5 разъ—тоже въ одной школѣ, въ 4 раза—въ трехъ школахъ, въ 3½ раза—въ одной школѣ, въ 3 раза—въ одной школѣ и, наконецъ, въ 1½ раза—въ одной же школѣ; въ школахъ же, существованіе которыхъ мы застаемъ въ 1883 году, количество учащихся увеличилось: въ 6 разъ—въ одной школѣ, въ 2½ раза—въ двухъ школахъ, въ 2¼ раза—въ двухъ же школахъ, въ 2 раза—тоже въ двухъ школахъ, въ 1½ раза—въ одной школѣ и, наконецъ, въ 1¼ раза—въ трехъ школахъ.

Главный контингентъ учащихся составляютъ дѣти крестьянъ. Въ 18, напримѣръ, школахъ, обучаются исключительно дѣти крестьянъ; въ остальныхъ школахъ количество иносословныхъ дѣтей колеблется по отношенію къ общему числу учащихся такимъ образомъ: между 1% и 5%—въ восьми школахъ, между 5% до 10%—въ шести школахъ и свыше 10%—въ двухъ школахъ; общее число иносословныхъ дѣтей составляетъ, такимъ образомъ, 3,3% общаго числа учащихся во всѣхъ школахъ. Абсолютныя цифры иносословныхъ колеблются отъ 1 до 8. Цифры эти настолько ничтожны, что училища Ялуторовскаго округа вполнѣ можно назвать крестьянскими.

По вѣроисповѣданію учащіеся распредѣляются такимъ обра-

зомъ, что главнымъ контингентомъ учащихся являются православные, которые составляютъ 96,8%, на иновѣрцевъ же падаетъ всего 3,2%. Иновѣрцы распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 93,5% общаго числа иновѣрцевъ составляютъ раскольники, далѣе слѣдуютъ католики (4,3%) и, наконецъ, евреи (2,2%).

По возрастамъ учащіеся распредѣлялись въ такихъ %-хъ:

7-ми лѣтъ .	2,7%	12-ти лѣтъ .	11%
8 „ .	14,2%	13 „ .	5,2%
9 „ .	18,1%	14 „ .	1,6%
10 „ .	12,5%	15 „ .	0,4%
11 „ .	15,5%	Неизвѣстныхъ л.	12,1%

По колич. лѣтъ пребыванія въ школѣ дѣленіе было таково:*)

Наименованіе училищъ.	посѣщало училище въ теченіе:						
	1 г.	2 гг.	3 гг.	4 гг.	5 гг.	6 гг.	7 гг.
Архангельское . .	21	9	10	3	1	„	„
Бердюгинское . . .	13	6	5	1	„	„	„
Бигилинское . . .	15	15	7	2	1	„	„
Бобылевское . . .	9	6	6	7	„	„	„
Боровинское . . .	24	10	8	3	„	„	„
Верхсуерское . . .	1	12	5	8	3	1	„
Верхнебешкильское .	19	16	7	3	„	„	„
Денисовское . . .	20	8	2	3	3	„	„
Емуртлинское . . .	33	16	9	3	4	„	„
Заводоуковское . .	24	12	8	„	„	„	„
Ингалинское . . .	20	15	8	6	1	„	„
Исетское	18	8	6	3	1	„	„
Кизакское	24	10	4	2	1	„	„
Кодское-Александров.	26	16	15	9	7	„	„
Коркинское . . .	20	12	10	2	1	„	„
Красногорское . .	9	14	6	„	„	„	„
Лыбаевское	11	13	5	6	4	„	„
Мокроусовское . .	32	16	9	1	„	„	„
Мостовское	14	10	6	3	2	„	„
Новозаимское . . .	16	12	13	8	„	„	„
Омутинское	24	16	13	7	5	„	„

*) По свѣдѣніямъ за мартъ—апрѣль 1893 года.

Наименованіе училищъ.	посѣщало училище въ теченіе:						
	1 г.	2 гг.	3 гг.	4 гг.	5 гг.	6 гг.	7 гг.
Онуфріевское . . .	10	6	6	3	„	„	„
Плетневское . . .	17	10	7	1	2	„	„
Пятковское	32	12	10	3	„	„	„
Рафайловское . . .	29	14	10	5	„	2	„
Романовское . . .	18	11	2	7	„	„	„
Скородумско-Созонов.	11	8	9	3	„	„	„
Слободобешкильское .	14	10	13	6	1	„	„
Спасское	11	3	2	„	„	„	„
Суерское	15	10	6	7	„	„	2
Терсюкское	20	24	6	2	„	„	„
Шатровское . . .	15	12	8	10	1	„	„
Шороховское . . .	9	8	5	2	2	„	„
Юргинское	10	10	3	4	1	„	„
Всего	604	390	249	133	41	3	2
Въ среднемъ	17,6	11,5	7,3	3,9	1,2	0,09	0,06

Такимъ образомъ, оказывается, что въ среднемъ въ министерской школѣ обучается одинъ годъ 18 человѣкъ, два года—12 человѣкъ, три года—7 человѣкъ, четыре—4 человѣка и 1—пять лѣтъ. Вообще

учащіеся	первый годъ	составляютъ	42,5%
„	второй „	„	27,4%
„	третій „	„	17,5%
„	четвертый	„	9,4%
„	пятый „	„	2,9%
„	шестой „	„	0,21%
„	седьмой „	„	0,14%

Судить о результатахъ школьнаго обученія мы можемъ, сравнивая по пятилѣтіямъ (начиная, положимъ, съ 1872 года) число оканчивающихъ курсъ и процентныя отношенія ихъ.

Оказывается, что число оканчивающихъ курсъ въ министерскихъ школахъ постепенно годъ отъ году увеличивается и абсолютно и относительно, и только въ послѣдній годъ (1892), въ сравненіи съ 1887 годомъ, оно уменьшилось. Это явленіе всецѣло объясняется увеличеніемъ общаго числа учащихся.

Въ 13 церковно-приходскихъ школахъ въ $18^{92}/_{93}$ году состояло 448 учащихся, изъ нихъ мальчиковъ 292 и дѣвочекъ 156, т. е. мальчики составляли 65% и дѣвочки 35% общаго числа